

Администрация Тамбовской области
Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
Дом-музей Г.В. Чичерина

ЧИЧЕРИНСКИЕ ЧТЕНИЯ.
Государственный суверенитет в системе
многосторонних мирополитических связей

*Материалы международной научной конференции,
21-23 ноября 2012 г.*

Тамбов, 2012

УДК 327
ББК 66.4
Ч 72

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Н.В. Дронова*;
доктор исторических наук, профессор *Ю.А. Мизис*.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор *В.В. Романов* (отв. ред.);
кандидат исторических наук, доцент *Н.Ю. Жуковская* (отв. секретарь);
доктор исторических наук, профессор *А.Г. Айрапетов*;
кандидат исторических наук, доцент *В.В. Миронов*;
кандидат исторических наук, доцент *С.В. Хомутилкин*.

Ч 72   **Чичеринские чтения.** Государственный суверенитет в системе многосторонних мирополитических связей: материалы международной научной конференции, 21-22 ноября 2012 г.; Администрация Тамб. области; Мин-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина»; Дом-музей Г.В. Чичерина; [отв. ред. В.В. Романов]. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2012. 221 с.

ISBN 978-5-4343-0240-1

Издание осуществлено при поддержке гранта Администрации Тамбовской области на организацию и проведение научных мероприятий 2012 г. (Номер проекта 09-21/09-НМ-12)

В сборнике, подготовленном по итогам международной научной конференции, рассматриваются теоретические аспекты понятия «государственный суверенитет», исторические традиции борьбы национальных государств за сохранение суверенитета и трансформации данного концепта, происходящие в условиях глобализации. Ряд статей посвящен внешнеполитическому наследию Г.В. Чичерина. Публикация адресована специалистам-международникам, историкам, всем интересующимся вопросами внешней политики.

**УДК 327
ББК 66.4**

ISBN 978-5-4343-0240-1

© ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2012.

Tambov Oblast Administration
Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
G.V. Chicherin House-Museum

CHICHERIN READINGS
**State Sovereignty in the System of Multilateral World
Politics Relations**

*Proceedings of the International Academic Conference,
November 21-22, 2012*

Tambov, 2012

УДК 327
ББК 66.4
Ч 72

Reviewers:

doctor of historical sciences, professor *N.V. Dronova*;
doctor of historical sciences, professor *Yu.A. Mizis*.

Editorial board:

doctor of historical sciences, professor *V.V. Romanov* (editor-in-chief);
candidate of historical sciences, assistant professor *N.Yu. Zhukovskaya*
(executive editor);
doctor of historical sciences, professor *A.G. Ayrapetov*;
candidate of historical sciences, associate professor *V.V. Mironov*;
candidate of historical sciences, assistant professor *S.V. Khomutinkin*.

Ч 72   **Chicherin readings.** State sovereignty in the system of multilateral world politics relations: Proceedings of the International academic conference, 21-22 November, 2012; Tambov oblast administration; RF Ministry of education and science, FSBEI HPE «Tambov state university named after G.R. Derzhavin»; G.V. Chicherin House-Museum; [V.V. Romanov, ed.-in-chief]. Tambov: «Business-Science-Society» publishing house, 2012. 221 pp.

ISBN 978-5-4343-0240-1

The publication was supported with the Tambov oblast administration grant for organization and running academic events in 2012 (Project number 09-21/09-HM-12)

The collection of papers, prepared following the international academic conference, addresses theoretical facets of the notion of “state sovereignty”, historical traditions of nation-states’ struggling for preserving sovereignty as well as transformation of this concept in the age of globalization. A series of articles deals with the legacy of G.V. Chicherin in foreign policy. The publication is intended for experts in international relations, historians and everyone who is interested in foreign policy issues.

**УДК 327
ББК 66.4**

ISBN 978-5-4343-0240-1

© FSBEI HPE «Tambov state university
named after G.R. Derzhavin», 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

**ПРИВЕТСТВИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ С.В. ЛАВРОВА**

**ПРИВЕТСТВИЕ ГЛАВЫ АДМИНИСТРАЦИИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ О.И.
БЕТИНА**

**ПРИВЕТСТВИЕ РЕКТОРА ТАМБОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА В.М. ЮРЬЕВА**

ПРЕДИСЛОВИЕ

**РАЗДЕЛ I. ИЗУЧЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Г.В.
ЧИЧЕРИНА: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.**

Томас Л.Я. Мир Чичериных.

Макаренко П.В. Эволюция внешнеполитических взглядов наркома Г.В. Чичерина.

Кудухов К.С. Борьба Г.В. Чичерина против авантюры Коминтерна в Иране (1920 – 1921)

Рудницкий А.Ю. Судьба первого консула: к истории российско-австралийских отношений

Романов В.В. Чичеринские чтения в контексте современных академических исследований международных отношений.

**РАЗДЕЛ II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СУВЕРЕНИТЕТ».**

Волков С.Ю. Понятие «суверенитет» в системе взглядов Гуго Гроция.

Ивонина Л.И. Вестфальский мир и государственный суверенитет

Пожилов И.Е. Антиимпериализм и вооруженная защита национального суверенитета как основы внешнеполитических воззрений генерала Цай Э.

Берендеев В.А. Особенности осмысления понятия «государственный суверенитет» в политико-философском учении Карла Шмита.

Мельников А.С. Теория государственного суверенитета с позиции экзистенциального подхода.

Джонсон Дж. Суверенитет для кого? Размышления о наших ценностях, пристрастиях и общем будущем.

Зудов Н.Е. К вопросу об изучении философско-политического обоснования идеи единства английской нации.

Трифонов Ю.Н. Основные подходы к государственному суверенитету в условиях глобализации.

Фан Линьлинь. «Мирный подъём Китая»: сравнительный анализ трактовок в современной западной и китайской политологии.

Чандра С. Вступили ли мы в особую фазу международных отношений, которую можно назвать «пост-вестфальским» миром?

Самоловов И.С. От «ответственности по защите» к «ответственности при защите»: вклад Бразилии в дискуссию о «гуманитарных интервенциях».

Хомутилкин С.В. Постсоветская внешняя политика в оценках Г. Киссинджера.

Назарчук Л.П. Баланс между продвижением демократии и вмешательством во внутренние дела в оценках М. Макфола.

РАЗДЕЛ III. СУВЕРЕНИТЕТ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ.

- Мячикова И.И.** Зарождение традиции защиты государственного суверенитета у восточных славян.
- Кончакова Е.М.** Господин Великий Новгород: истоки российского государственного суверенитета.
- Бессуднов Д.А.** Государственный суверенитет Ливонии середины XVI в. в контексте представлений Ивана Грозного о характере царской власти.
- Болдырев Р.В.** Проблема суверенности и суверенитета на примере правления в Новгороде шведского наместника Якоба Делагарди.
- Долгих А.Н.** В борьбе за национальный суверенитет: Тильзитский мир 1807 года в российском дворянском общественном мнении.
- Жалменова О.П.** Российское завоевание Средней Азии: к проблеме национального суверенитета государств региона (вторая половина XIX века).
- Кузнецова О.Н.** Проблема экономического суверенитета России в период Временного правительства в 1917 году.
- Печенкин С.В.** Московская подсистема международных отношений и генезис государственного суверенитета СССР (20 – 40-е гг. XX в.).
- Фоменков А.А.** Борьба российской объединённой оппозиции за государственный суверенитет в 1992 – 1993 гг.
- Канищев Вл.В.** Угрозы российскому суверенитету на современном этапе: миф или реальность?
- Гасымов О.А.** Противодействие экстремизму – детерминирующий фактор сохранения суверенитета и территориальной целостности РФ.

РАЗДЕЛ IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА БОРЬБЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ЗА СОХРАНЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА.

- Гамидова М.А.** Странники идеи канадской независимости о необходимых условиях для обретения Канадой суверенитета (по материалам канадских печатных изданий 1875 г.)
- Жуков Д.С.** Распад Второй Британской империи: исторический опыт развития инклюзивного суверенитета.
- Жуковская Н.Ю.** К вопросу о становлении государственного суверенитета Канады: имперское наследие и национальные интересы.
- Котенев В.А.** Компьенское перемирие 1918 г. в контексте ограничения государственного суверенитета Германии.
- Миронов В.В.** Территориальный спор между Австрией и Венгрией из-за государственной принадлежности Бургенланда как проблема национального суверенитета. 1918-1919 гг.
- Пономарев М.Н.** Принцип права наций на самоопределение и ирландский вопрос.
- Филов К.** Борьба македонского народа за национальную свободу и единство во Второй мировой войне.
- Прудников М.М.** Политические процессы в Венгрии в 1945-1946 гг.: поиски суверенного пути развития.
- Качанова А.А.** Проблема суверенитета в контексте реалий исторической судьбы Гибралтара.
- Петелин Б.В.** Была ли ГДР суверенным государством?
- Рунтев М.** Международное положение Республики Македония: геополитический аспект.
- Фоменкова Д.С.** Проблема суверенитета республики Южная Осетия.
- Мкртчян Т.Г.** Этнический лоббизм при принятии внешнеполитических решений в США (из опыта деятельности армянской диаспоры в США конца XX в.)
- Фань Сюесун.** Развитие обороноспособности Китая и его решимости к защите суверенитета.

РАЗДЕЛ V. ПРОБЛЕМА «ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.

- Кросстон М.** Победить «твиты»? Социальные сети, несогласие низов и авторитарная кооптация.
- Митревска Я.** Путь к независимости и уставному имени Республика Македония.
- Рябцев А.Л.** Глобализационные риски для суверенитета России в XXI веке.
- Шенин С.Ю.** США и Россия: «иракский раскол» и его преодоление.
- Куш В.С.** Взаимоотношения США и ООН в период второго президентского срока Дж. У. Буша.
- Рыбалко О.К.** Эволюция взглядов Дж. Буша-мл. на внешнюю политику: от изоляционизма к «доктрине Буша».
- Ряскова Е.И.** Гуманитарная помощь и аспекты государственного суверенитета (на примере гуманитарной политики США в Африке).
- Бекярова Н.** Политика «открытых дверей» НАТО на Западных Балканах – между желанием и возможностями.
- Кулькова О.С.** Проблемы суверенитета африканских стран в современном мире.
- Маслова Е.Ф.** Проблема национально-государственного суверенитета Испании в контексте общеевропейской политики безопасности.
- Бажан Е.В.** Транспарентность границ как фактор угрозы государственного суверенитета в условиях глобализации.

CONTENTS

WELCOMING ADDRESS OF S.V. LAVROV, MINISTER OF FOREIGN AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

WELCOMING ADDRESS OF O.I. BETIN, HEAD OF THE TAMBOV OBLAST ADMINISTRATION

WELCOMING ADDRESS OF V.M. YURYEV, RECTOR OF THE TAMBOV STATE UNIVERSITY NAMED AFTER G.V. DERZHAVIN

PREFACE

CHAPTER I. STUDY OF G.V. CHICHERIN'S LEGACY IN FOREIGN POLICY: FINDINGS AND PROSPECTIVES.

Thomas L.Ya. Chicherins' world.

Makarenko P.V. Evolution of the Narkom G.V. Chicherin's foreign policy views

Kudukhov K.S. G.V. Chicherin's struggle against Komintern adventurism in Iran (1920 – 1921)

Rudnitskiy A.Yu. A destiny of the first consul: to the history of Russian-Australian relations

Romanov V.V. "Chicherin readings" in the context of contemporary academic studies of international relations.

CHAPTER II. THE NOTION OF "STATE SOVEREIGNTY": THEORETICAL FACETS

Volkov S. Yu. The notion of "sovereignty" in the concept of Hugo Grotius

Ivonina L.I. The Peace of Westphalia and state sovereignty

Pozhilov I.E. Anti-imperialism and armed defense of national sovereignty as foundations of foreign policy views of General Cai E

Berendeev V.A. Specifics of understanding of the "state sovereignty" notion in the political and philosophical theory of Carl Schmitt

Melnikov A.S. Theory of state sovereignty: the existential approach

Johnson J. Sovereignty for whom? Reflections on our values, loyalties, and common future.

Zudov N.E. On studying philosophical and political grounds of the idea of Anglo-Saxon unity

Trifonov Yu.N. Basic approaches to state sovereignty under globalization

Fang Linlin. China's "peaceful rise": a comparative study of interpretations in contemporary Western and Chinese political science

Chandra S. Have we entered a definitive phase in International Relations which can be called "Post Peace of Westphalia"?

Samolovov I.S. From "responsibility to protect" to "responsibility while protecting": Brazil's contribution to the discussions on "humanitarian interventions"

Khomutinkin S.V. Post-Soviet Russia's foreign policy: Henry Kissinger's assessment

Nazarchuk L.P. Balancing between "advancing democracy" and interference in internal affairs: M. McFaul's assessment

CHAPTER III. SOVEREIGNTY AND RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS

Myachikova I.I. Origins of East Slavs' tradition to defend state sovereignty

Konchakova E.M. "Lord Novgorod the Great": origins of Russian state sovereignty

Bessudnov D.A. State sovereignty of the mid-16th century Livonia within the context of Ivan the Terrible's ideas on the character of the tsar's power

- Boldyrev R.V.** The problems of independence and sovereignty: the case of the Jacob De la Gardie's rule as a Swedish governor in Novgorod
- Dolgikh A.N.** Struggling for the national sovereignty: the 1807 Treaties of Tilsit in the Russian nobility's public opinion
- Zhalmenova O.P.** Russian conquest of the Central Asia: to the problem of national sovereignty of states in the region (2nd half of the 19th century)
- Kuznetsova O.N.** The problem of Russia's economical sovereignty under 1917 Provisional governments
- Kudukhov K.S.** The specifics of activities of NKID Tashkent mission in 1920-1921
- Pechyonkin S.V.** The Moscow subsystem of international relations and genesis of the USSR state sovereignty (1920's – 1940's)
- Fomenkov A.A.** The struggle of the Russian united opposition for state sovereignty in 1992 – 1993
- Kanishchev V.I.V.** Contemporary threats to the Russia's sovereignty: myths and realities
- Gasymov O.A.** Combating extremism as a determinant factor of preserving RF sovereignty and territorial integrity

CHAPTER IV. HISTORICAL RETROSPECTIVE OF THE NATION-STATES' STRUGGLE FOR PRESERVING SOVEREIGNTY

- Gamidova M.A.** Supporters of the idea of Canadian independence on the conditions necessary for the countries' independence (following Canadian printed press in 1875)
- Zhukov D.S.** The collapse of the Second British Empire: a historical experience of the development of the inclusive sovereignty
- Zhukovskaya N.Yu.** On establishing state sovereignty of Canada: empire's legacy and national interest
- Kotenyov V.A.** The 1918 Compiegne Armistice in the context of restriction of the state sovereignty of Germany
- Mironov V.V.** The territorial dispute between Austria and Hungary on state affiliation of Burgenland as a problem of national sovereignty, 1918-1919
- Ponomaryov M.N.** The self-determination principle and the Irish question
- Filov K.** The struggle of Macedonian people for national freedom and unity during World War II
- Prudnikov M.M.** Political processes in Hungary, 1945-1946: searching for the sovereign paths of development
- Kachanova A.A.** The problem of sovereignty in the context of realities of Gibraltar's historical destiny
- Petelin B.V.** Was GDR a sovereign state?
- Runtev M.** Republic of Macedonia in international affairs: the geopolitical aspect
- Fomenkova D.S.** Problems of sovereignty of the Republic of South Ossetia
- Mkrtchyan T.G.** Ethnic lobbying in the U.S. foreign policy decision-making: case of American Armenian diaspora's activity in the late 20th century
- Fan Xuesong.** Development of China's defensive capacity and its commitment to protect sovereignty

CHAPTER V. PROBLEMS OF «STATE SOVEREIGNTY» UNDER GLOBALIZATION

- Crosston M.** Defeat the Tweet? Social Media, Grassroots Dissent, and Authoritarian Cooptation.
- Mitrevska Ya.** The Republic of Macedonia's road to independence and its statutory name
- Ryabtsev A.L.** Globalization risks for Russia's sovereignty in the 21st century
- Shenin S.Yu.** The United States and Russia: "the Iraqi split" and its tackling

- Kushch V.S.** The U.S. – U.N. relationships during the G.W. Bush administration second term
- Rybalko O.K.** The evolution of G.W. Bush’s foreign policy views: from isolationism to “the Bush doctrine”
- Ryaskova E.I.** Humanitarian aid and facets of state sovereignty: the case of U.S. humanitarian policy in Africa
- Bekyarova N.** NATO’s “open doors” policy in Western Balkans: between wishes and possibilities
- Kulkova O.S.** Problems of the African countries’ sovereignty in the contemporary world.
- Maslova E.F.** The problem of the nation-state sovereignty of Spain in the context of the All-European security policy
- Bazhan V.V.** Borders’ transparency as a menacing factor to the state sovereignty under globalization

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

**Организаторам, участникам и гостям Чичеринских чтений
и международной конференции «Государственный суверенитет
в системе многосторонних мирополитических связей»**

Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей Чичеринских чтений, которые в этом году проходят под знаком сразу трех крупных памятных дат – 140-летия со дня рождения Георгия Васильевича Чичерина, 25-летия создания Дома-музея его имени и 40-летия проведения Чичеринского форума на гостеприимной тамбовской земле.

Тема организованной в рамках чтений конференции особенно актуальна на этапе стремительных перемен в геополитическом ландшафте, когда определяются контуры новой полицентричной международной системы. Проводя самостоятельный, независимый внешнеполитический курс, Россия неизменно выступает за укрепление коллективных начал в решении глобальных и региональных проблем при опоре на верховенство права, на важнейшие принципы Устава ООН – суверенное равенство государств, уважение их суверенитета и территориальной целостности, невмешательство в их внутренние дела, мирное разрешение международных споров.

Чичеринский форум превратился в авторитетную научно-дискуссионную площадку, приобрел международный формат. Уверен, что нынешние чтения по сложившейся доброй традиции позволят провести открытый и плодотворный обмен мнениями представителей экспертного сообщества и широкой общественности, итоги которого будут полезны в работе по осмыслению и всестороннему анализу происходящих в мире глубоких трансформаций.

Признательны администрации Тамбовской области, сотрудникам музея за бережное сохранение и популяризацию наследия выдающегося отечественного дипломата. Хотел бы также отметить значительный вклад Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина в организацию чтений.

Желаю вам успешной, плодотворной работы и всего самого доброго.

С.ЛАВРОВ

г.Москва, «⁹21» ноября 2012 года

**ПРИВЕТСТВИЕ
ГЛАВЫ АДМИНИСТРАЦИИ
ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ
О.И. БЕТИНА**

Дорогие друзья!

Приветствую всех участников Чичеринских чтений 2012 года. Вот уже 40 лет на тамбовской земле проводится эта научная конференция, посвященная дворянскому роду Чичериных, представители которого на разных этапах истории внесли огромный вклад в дело развития Российского государства. В память о них утвердилась прекрасная традиция присуждать Чичеринские стипендии тамбовским аспирантам и студентам.

В этом году все мы отмечаем 140-летие со дня рождения Георгия Васильевича Чичерина. Личность его поистине неординарна. Потомственный дворянин по происхождению, получивший блестящее по тому времени образование, он стал одним из видных деятелей партии большевиков. В течение 12 лет он бесменно руководил внешнеполитическим ведомством страны. Его талант блестящего дипломата признавали все: и зарубежные политики, и большевистские лидеры. Тамбовчане, естественно, гордятся своим земляком. В связи с этим совсем не случайно, что вот уже 25 лет в Тамбове функционирует Дом-музей Г.В. Чичерина, остающийся и поныне уникальным, одним из немногих специальных музеев в России, созданных в память дипломата. Его открытие было бы невозможно без инициативы, исходившей от музейных работников и краеведов Тамбовской области. Тамбовские энтузиасты смогли не только заинтересовать своей инициативой Министерство иностранных дел, но и нашли в лице его сотрудников своих искренних союзников на долгие годы. Такой поддержкой мы очень дорожим.

Сегодня о Чичеринских чтениях можно говорить как об авторитетном форуме международного уровня. По сути, чтения стали одним из известных «брендов» нашей области. Тамбов за 40 лет уже не раз принимал многих

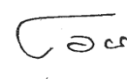
известных ученых из крупнейших научных центров России, большую группу зарубежных исследователей. Важно заметить, что постоянными участниками Чичеринских чтений являлись сотрудники МИД. Особая признательность представителям рода Чичериных, которые регулярно приезжают в Тамбов.

Чичеринские чтения первоначально проводились главным образом как мемориальная конференция. Тем не менее, за последнее время внешнеполитическое наследие Г.В. Чичерина стало отправной точкой для обсуждения самых широких проблем международных отношений. В этом контексте Чичеринские чтения являются отличной площадкой для качественной подготовки на тамбовской земле специалистов-международников. Они востребованы уже сегодня, но завтра потребность в таких специалистах увеличится в регионе многократно. Это определяется прежде всего тем, что Тамбовская область за последние годы по ряду направлений стала активно развивать свои контакты с зарубежными партнерами. Можно быть уверенным, что из числа студентов, обучающихся ныне в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина и присутствующих на сегодняшней конференции, обязательно вырастет не один выдающийся дипломат, а, может быть, в перспективе и новый министр иностранных дел.

Наследие Чичериных велико, и оно должно использоваться в полной мере, поскольку и история мирового политического процесса, и его современное состояние требуют своего нового осмысления, а опыт наших земляков в этом деле неоценим. Желаю всем плодотворной работы, успехов в новых научных исследованиях!

С уважением,

Глава администрации Тамбовской области

О.И. Бетин

ПРИВЕТСТВИЕ
РЕКТОРА ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА В.М. ЮРЬЕВА

Уважаемые коллеги!

В 2012 году научная общественность Тамбова и области отмечает 40-летний юбилей уникальной конференции – Чичеринских чтений. Уникальность ее связана, во-первых, с тем, что это одна из немногих конференций, регулярно проводимых в российских университетах на протяжении столь длительного времени. Во-вторых, уникальна и сама проблематика конференции. Она традиционно проводится в память о тамбовском дворянском роде Чичериных. Знаковыми фигурами этого рода по праву считаются крупнейший общественный деятель, ученый и либеральный мыслитель последней трети XIX – начала XX века Борис Николаевич Чичерин, а так же выдающийся советский дипломат Георгий Васильевич Чичерин. Их интеллектуальное наследие, их опыт общественно-политического служения российскому народу сегодня как никогда востребованы современниками.

Прошло вот уже 25 лет с тех пор, как в Тамбове был открыт Дом-музей Г.В. Чичерина. За этот период он стал важным центром изучения чичеринских традиций. Отрадно заметить, что его создание происходило в тесном содружестве с историками и краеведами Тамбовского государственного университета. В наши дни к сотрудничеству с Домом-музеем активно подключились международники, политологи и социологи. Именно такое взаимодействие во многом позволило Чичеринскими чтениям из важного краеведческого форума трансформироваться в крупную международную конференцию. За последнее десятилетие проведено 8 таких конференций. На каждой из них чичеринская тема становилась отправной точкой для научных дискуссий по проблемам, значимым как для нашей

страны, так и для всего мира. К их числу можно отнести, например, обсуждавшуюся на конференции российскую внешнеполитическую традицию, закономерности развития миропорядка, роль великих держав в международных отношениях, особенности функционирования современной представительной демократии и т.д. Сегодняшние чтения посвящены еще одной актуальной теме – национально-государственному суверенитету в условиях современных мирополитических связей.

Чичеринские чтения собирают на тамбовской земле не только авторитетных российских ученых, но и зарубежных специалистов. Показательно, что весомая часть докладов готовится тамбовскими исследователями и, прежде всего, преподавателями, аспирантами и магистрантами кафедры международных отношений и политологии державинского университета. Всегда на чтениях присутствуют представители рода Чичериных, делегация Министерства иностранных дел. Все это создает неповторимую атмосферу работы конференций.

От имени ректората Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина позвольте приветствовать всех участников Чичеринских чтений 2012 года и пожелать всем интересных научных дискуссий и новых научных открытий!

Ректор Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина

В.М. Юрьев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чичеринские чтения 2012 г. были юбилейными. В этом году праздновались сразу три даты: 140-летие Г.В. Чичерина, 25-летие со дня открытия Дома-музея Г.В. Чичерина и 40-летие проведения Чичеринских чтений в Тамбове. Каждая дата наполнена особым смыслом. Но объединяет их одно – стремление изучать, сохранять и популяризировать наследие Г.В. Чичерина и других представителей славного дворянского рода Чичериных. Именно это и стало главной целью проведения очередной конференции.

Традиционное обращение к чичеринской внешнеполитической традиции позволило оргкомитету вынести на обсуждение актуальную для современных международных отношений проблему. Речь идет о понимании такой ключевой категории как национально-государственный суверенитет. Долгие годы именно суверенитет оставался базовым принципом т.н. Вестфальской модели международных отношений. В наши дни глобализационные мирополитические процессы поставили под вопрос сохранение этого принципа. Дискуссии, проводимые в рамках конференции, позволили не только еще раз вернуться к чичеринским трактовкам в борьбе за суверенитет Советской России, но и рассмотреть эту проблему в контексте политических трансформаций начала XXI века.

Конференция собрала большая группа специалистов, работающих как в области чичериноведения, так и в сфере международно-политической науки. Среди них были авторитетные зарубежные ученые, известные российские историки, работники Министерства иностранных дел Российской Федерации и, конечно, исследователи, представляющие ТГУ имени Г.Р. Державина. Традиционно в Тамбов прибыли и представители рода Чичериных: Наталия Дмитриевна Чичерина, Георгий Николаевич Николаев, Екатерина Юрьевна Богданова.

Конференция не могла состояться без поддержки, которая оказывалась оргкомитету со стороны администрации Тамбовской области, Историко-документального департамента МИД РФ, Управления культуры и архивного дела Тамбовской области, Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, Тамбовского областного краеведческого музея. Всем партнерам Чичеринских чтений 2012 г. хотелось бы выразить искренние слова благодарности.

Надеемся, что публикация сборника материалов конференции станет интересной как специалистам-международникам и историкам, так и всем интересующимся вопросами внешней политики и краеведения.

В.В. Романов, заведующий кафедрой международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

М.И. Вержевкина, директор Дома-музея Г.В. Чичерина.

ИЗУЧЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Г.В. ЧИЧЕРИНА: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

МИР ЧИЧЕРИНЫХ

Л.Я. Томас,

Берлинский университет имени Гумбольдта (ФРГ)

Текст моей статьи, представленный в сборник материалов Чичеринских чтений 2012 г., возник как результат рассуждений и споров с участниками конференции, за что я благодарна и проф. В. Романову, и музею Г.В. Чичерина, и всем участникам чтений!

Первое в моей жизни упоминание имени Чичерина произошло в 1942 г., когда я поступила в железнодорожную среднюю школу № 138 в сибирском городе Омске. Школа эта была расположена на улице Чичерина. Ни ученики, ни учителя не знали, кто такой был Чичерин. Вероятно, когда-то в 1920-х гг., когда именем Чичерина ещё называли и пароходы, и военные подразделения, г. Омск присвоил это имя маленькой незаметной улочке, а позже, когда изменилась ситуация её как-то забыли переименовать. Кто такой Чичерин, никому не приходило в голову спрашивать (спрашивать в те времена было вообще не принято, следовало только отвечать).

Вторая моя встреча с Борисом Чичериным произошла уже в другом мире. Весной 1987 г. в ГДР планировалась одна из первых международных конференций с участием многих стран Европы, в том числе СССР и ФРГ, на которой обсуждалась ситуация в Европе накануне XX века. Моей темой была Россия в преддверия нового века. Я отправилась в Москву, чтобы в ИНИОНе посмотреть неизвестные мне последние работы. В каталоге я нашла книгу, которая по названию была близка моей теме. В скобках значилось: автор аноним, возможно Б. Чичерин, спецхран. Мне было известно, что спецхраны уже начинали ликвидировать или преобразовывать во что-то более современное. Тем не менее, попасть в спецхран тогда было еще непросто по многим в т.ч. и техническим причинам. Но мир оказался не без добрых людей, и с их помощью я получила копию этой книги. Гораздо позднее я узнала, что германское издательство «Steinitz», в котором вышла книга Б.Н. Чичерина на русском языке, было одним из основных прибежищ не только для Бориса Николаевича, но и для многих известных российских авторов, стремившихся обойти цензурные преграды.

Эти два эпизода свидетельствуют о том, как глубоко была зарыта память о Чичериных, даже после выхода в свет в СССР в издательстве «Молодая гвардия» биографии Г.В. Чичерина в серии «Жизнь замечательных людей» [1].

Говоря о той роли, которую сыграл Г.В. Чичерин в мировой политике, хотелось бы обратиться к некоторым событиям, связанным с его пребыванием в Европе в 1920-е гг. Интерес в данном случае вызывают не только официальные и хорошо известные визиты наркома в Геную или Рапалло, но и период его лечения за границей. Даже в этот период он продолжал работать, в т.ч. и поддерживая контакты с германскими и другими зарубежными дипломатами [2]. Здесь, прежде всего, нужно отметить так называемые завтраки в 1922 г. с виконтом Д'Аберноном, которого он тогда считал одним из влиятельнейших английских политиков. Оба были в меру откровенны в этих разговорах, и мнение о серьёзности противника сложилось у обоих. Виконт записал своё достаточно красочно: «Он напоминает любезную и симпатичную змею, которая не лишена нежных чувств по отношению к кроликам, если они готовы без большого сопротивления дать себя съесть. ... Он не ходит на охоту и переходит не другую сторону улицы, чтобы избежать

себя от витрины в мясной давке. Но если нужно защитить фанатично любимую идею, он готов пустить в ход свои ядовитые зубы» [3].

Контакт с английским виконтом оказался важным моментом для установления более или менее постоянных отношений с другими европейскими дипломатами. Важнее всего здесь были, разумеется, представители Германии в Москве. Миссия Карла фон Боттмера в напряженное время после убийства посла Мирбаха и благоприятное впечатление этого влиятельного представителя военной группы о Чичерине помогло более чем все германские ноты с требованием расследования убийства. Здесь, как и в других случаях, менее напряженных, сказалось качество контактов, устанавливаемых надолго, даже навсегда, как это показывают отношения с графом Брокдорфом-Ранцау.

В чём был секрет этих каждый раз непростых отношений? Конечно же, не только в утончённой образованности наркома и его манерах, неожиданных для представителя страны «голодранцев». Ведь это было только первым впечатлением. Успех Чичерина в европейском окружении начался с Генуи, куда он прибыл как глава делегации вместо Ленина, то есть как «власть имущий». Это для многих неожиданное выдвижение Чичерин использовал оптимально. Все имеющиеся у него резервы, начиная со знания всей предыстории конференции и эмоционального настроения – использовать именно эту конференцию для достижимых результатов в преодолении блокады, и кончая своим музыкальным дарованием, были успешно реализованы и подчинены одной задаче – добиться прорыва образовавшейся изоляции.

Разумеется, Чичерин был не один, но именно он воплощал с точки зрения большинства присутствовавших наблюдателей справедливость и закономерность революции, которую он принимал сначала и до конца своих дней.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Зарницкий С.В., Сергеев А.Н.* Чичерин. М., 1966.
2. См.: *Томас Л.Я.* Жизнь Г.В.Чичерина. М., 2010; *Thomas L. Georgi Tschitscherin.* Ich hatte die Revolution und Mozart. Berlin, 2012.
3. *D'Abernon V.* Viscount d'Abernon, ein Botschafter der Zeitwende. Berlin, 1930. Bd. 2. S. 193.

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НАРКОМА Г.В. ЧИЧЕРИНА

П.В. Макаренко,

Воронежская государственная лесотехническая академия

За последние годы возрос интерес к изучению советской внешней политики, у истоков которой стоял нарком иностранных дел РСФСР, а затем и СССР – Георгий Васильевич Чичерин. Все написанное ранее об этом незаурядном человеке, вошедшему в историю мировой дипломатии, носит отпечаток своего времени и далеко от совершенства [1]. По мнению В.Э. Молодякова «советская мемуарная литература о Г. Чичерине и биографические очерки о нем до скуки трафаретны», в равной мере как и работы зарубежных историков «поверхностны и фрагментарны» [2]. К сказанному выше следует добавить, что освещение деятельности советского наркома на основе новых архивных источников российскими историками пока не вышло за рамки отдельных статей и очерков [3]. Исключение составит исследование немецкого историка Л. Томас, большой вклад которой в изучении личности Г.В. Чичерина, отметил, в частности, академик А.О. Чубарьян. Наряду с освещением внутреннего мира наркома, как революционного дипломата и человека, Л. Томас не оставила без внимания и сферу внешней политики. Однако направленность немецкого историка на изучение личности Г.В. Чичерина, по мнению Чубарьяна, не позволила Л. Томас уделить большее внимание

взаимоотношениям Г.В. Чичерина с И.В. Сталиным и более подробно раскрыть исторический смысл «политического завещания» наркома, в котором последний откровенно подвел итог дипломатической деятельности [4].

Переход Юрия (Георгия – *П.М.*) Чичерина на путь революционного восприятия преобразования общества проходил медленно и скрыто от родственников, при этом он оставался всегда верным жизненному кредо чичеринской семьи: служению отечеству и народу. Интерес Юрия с детских лет к искусству, особенно музыке, формировала его интеллект и моральные качества, сохранявшиеся в течение всей жизни. Болезнь, сопровождавшая Юрия с детских лет, внушение мысли о своей неполноценности, сказывались в его переписке с лучшим другом юности – Михаилом Кузьминым, с которым молодой Чичерин делился своими откровенными мыслями. Талант Михаила – будущего русского поэта – вызывал восхищение Юрия, сопровождавшейся низкой самооценкой самого себя и заявлением о желании уйти в монастырь, но прежде всего желая помочь талантливому ровеснику, Юрий не расставался с мыслью о помощи другу: «издать все написанное им» и «помогать ему во всем» [5].

Юношеский максимализм молодого Чичерина проявлялся в его бунтарских заявлениях, в годы учебы на историко-филологическом факультете Петроградского университета, в выборе которого оказали помощь и поддержка любимого им дяди Бориса Николаевича. Обострившаяся болезнь еще до окончания университета вызвала в его сознании первое пробуждение мысли о разрыве с дворянским прошлым и посвящении себя борьбе с буржуазным «успокоением». Отказываясь от личного счастья и не желая быть «матушкиным сыночком, барчонком, закрытым в затхлую коробочку», Юрий рвался к жизни «всеми силами, чтобы не остаться мертвым недорослем и уродом». Он готов был принять на себя все «муки в мире», чем жить скучной мещанской жизнью [6]. Душевные переживания студента Чичерина, проблема жизненного пути которого для него была ещё туманной и неопределенной, оставалась неизученной, и только благодаря исследованию Л. Томас, образ Юрия стал более четким и колоритным.

В круг революционных настроений петербургской молодежи внес Юрия молодой человек по фамилии Нарбут. Под его влиянием у молодого Чичерина произошел первый поворот к идее всеобщего революционного взрыва, включавшим в его понимании элементы культурного перелома и приводящим к созданию человека нового человеческого типа и новых социальных отношений. Эти революционные идеи не известные чичеринской семье никого не волновали, и с помощью влиятельных родственников болезненный племянник был устроен после Петербургского университета на спокойное и удобное для его здоровья место – службу в архиве МИД Российской империи. Работа архивариуса, бесспорно, значительно пополнила багаж исторических знаний Чичерина, расширила кругозор в области российской и зарубежной дипломатии, однако, практического дипломатического опыта не давала.

Работая в архиве МИД, Юрий проявил интерес к изучению истории российской внешней политики и исследованию внешнеполитической деятельности канцлера А.М. Горчакова. Л. Томас считает, что именно рукопись о Горчакове объясняет причины становления Чичерина как дипломата [7]. В 1904 г. Чичерину пришлось прервать работу в архиве и выехать за границу. Выезд в Германию объяснялся провалом организации российских социалистов и возможностью его ареста.

Приезд в Германию совпал с обострением болезни. Находясь на лечении, молодой Чичерин занялся изучением идей революционного марксизма, общаясь с германскими левыми социал-демократами К. Либнихтом, О. Коном. Разочаровавшись в либеральном направлении П. Струве, он вступил в ряды социал-демократов, сблизившись с идейным лидером меньшевизма Ю.О. Мартовым. Зимой 1907 г. Чичерин становится членом Зарубежного бюро русских социал-демократов, а затем и секретарем бюро. И.М. Майский – левый эсер, впоследствии и известный дипломат – в своих воспоминаниях сообщает, какой энергии и сил стоила Г.В. Чичерину материальная поддержка (в том числе и из

собственного кармана) русских эмигрантов, и организация для них быта и пропагандистских «турне» по Германии, дававшая возможность для их скромного проживания в эмиграции. По мнению Л. Томас перед Первой мировой войной, Г.В. Чичерин разделял взгляды критикуемых В.И. Лениным и большевиками каутскианцев [9]. Война повлияла на перемену взглядов и мнений Чичерина. Он исключал Россию и Германию из числа стран, уровень развития которых позволял бы надеяться на их мирное переустройство. Лозунг «защита отечества» Чичерин считал пригодным лишь для государств с высоким уровнем экономического развития и поддерживал ленинский тезис о поражении своего «отечества». В январе 1916 г. Чичерин признавал неисчерпаемость капиталистического развития и выступил за реформистское переустройство общества, рассчитывая на сотрудничество с прогрессивными элементами буржуазного общества. Будучи сторонником реформизма, Чичерин решительно отвергал идею Л.Д. Троцкого о «перманентной революции», высказывал критические замечания по поводу позиции Ю.О. Мартова, и даже относительно точки зрения В.И. Ленина, который «беснуется, будто с цепи сорвался, и пропагандирует гражданскую войну» [10].

Л. Томас, отмечает, что такие высказывания Г.В. Чичерина «комментировать непросто, учитывая его (Чичерина – *Л.М.*) поворот в сторону большевиков», который стал возможным к концу мировой войны и завершился отходом от меньшевизма. В начале 1916 г. под псевдонимом «Орнатский» в журнале русских социал-демократов «Новое слово» Г.В. Чичерин опубликовал статью, содержащую резкую критику не только британской политики, но и тех либерально-буржуазных кругов, на которые он совсем недавно возлагал надежды. На появление чичеринской статьи прореагировал В.И. Ленин, отметив свое согласие с тов. Орнатским, снискавшим большую заслугу интернациональной работе в Англии» [11].

В научной и публицистической литературе не изжит стереотип – считать Чичерина в момент назначения на пост наркома иностранных дел профессиональным дипломатом, каковым он стал все-таки лишь позднее, благодаря своим личностным и деловым качествам: большой эрудицией и интеллектом, аристократизмом и интеллигентностью, музыкальными способностями и знанием иностранных языков. В его лице усматривается весомый и достойный противник амбициозным западным дипломатом, в диалогах и «поединках» с которыми новому наркому предстояло защищать внешнеполитические интересы Советской России.

Чичерину пришлось буквально «на ходу» учиться искусству дипломата и в этом он преуспел, заслужив высокую оценку иностранных коллег и журналистов, отмечавших его умение представлять интересы своей страны на международных конференциях с большим достоинством, эрудицией, блестящим красноречием и внутренним убеждением [12]. Получив уважение и признательность за границей и, казалось бы, лестную ленинскую характеристику как о «великом работнике, добросовестным, умным, знающим дело» [13], Г.В. Чичерин не стал видной фигурой в политической иерархии большевиков, считаясь в их среде «человеком не от мира сего» [14].

Сохранившаяся у Чичерина приверженность к идеалам социал-демократии, не позволяя ему стать, как отмечал В.М. Молотов «сто процентным большевиком» [15]. В этой связи понятно стремление некоторых авторов считать Чичерина «типичным социал-демократическим специалистом, который перешел на службу к большевикам, так как не видел в России другой реальной власти (хотя, очевидно, большевизм не был его политическим идеалом)» [16].

Взаимоотношения Чичерина с Лениным как формальные, так и личные, имели принципиальное значение для руководства внешней политикой. С формальной точки зрения, нарком в своей деятельности был ограничен директивами и рекомендациями В.И. Ленина и Политбюро (далее: ПБ – *Л.М.*) ЦК РСДРП (б).

На его плечи легла тяжелая ноша. Ему приходилось, подчиняясь партийной дисциплине служебному долгу, проводить внешнеполитический курс большевистского

руководства, направленный на выполнение революционной партийной программы и в то же время пытаться наладить мосты сотрудничества со сторонами, готовыми признать советскую Россию и ее правительство. Он первоначально разделял иллюзию большевиков о возможности объединения двух несовместимых принципов (революционного и традиционного) в советской внешней политике, так как глубоко верил в «социалистический идеал», хотя так и не стал ортодоксальным большевиком. Ему, воспитанному на традициях российской дипломатии, больше импонировали вопросы защиты государственных интересов, нежели идеи мировой революции. Свой дипломатический долг он видел в установлении некоей преемственности между прежней царской и тогдашней советской Россиями при ограниченном примате большевистской идеологии под государственными интересами. В то же время в его политических взглядах прослеживался эклектизм. Двойственная дипломатическая тактика, навязываемая Г.В. Чичерину и Наркоминделу В.И. Лениным и ПБ ЦК РСДРП (б), направленная, с одной стороны, на подготовку советским полпредством в Берлине германской революции, а с другой – укрепление и расширение делового сотрудничества с Германией после заключения Брестского договора – привели к разрыву дипломатических отношений с последней.

К началу 1920-х гг. Чичерин осознавал тормозящее воздействие на установление нормальных отношений с капиталистическим окружением Коммунистического Интернационала и пытался дистанцироваться от «коминтерновской дипломатии», которая плохо гармонировала с его заявлениями о стремлении советского правительства к мирному возрождению России. Его возмущала «безответственность некоторых руководящих товарищей о готовности оказать помощь и поддержку угнетенным народам Индии, Пекине, Китае, Афганистана [17]. Чичеринские предложения об отказе от вмешательства Коминтерна во внутренние дела других стран не воспринимались партийной элитой, для которой такие перемены представлялись делом весьма затруднительным и болезненным.

Чичерин ощущал необходимость смещения акцентов с пропаганды Коминтерном мировой революции на установление мирных отношений с буржуазным окружением. Он стал проводником дипломатического прорыва Советской России на Запад и заявил на заседании ВЦИК 17 июля 1920 г. о необходимости «мирного существования» РСФСР с другими странами [18]. Ленин назвал предлагаемую наркомом политику, «мирным сожительством», понимая под этим временное, вынужденное отступление от идеи «мировой революции», отодвинутой на более позднее время.

В период подготовки Генуэзской конференции обострились отношения между наркомом и Лениным по вопросам признания старых царских долгов перед Антантой и иностранными частными кредиторами и уступками последним. Ленин, озабоченный инакомыслием Чичерина, расходящимся с официальной линией ИК, посчитал «архиважным» поставить длительность наркома под строгий контроль, предусмотрев в директивах советской делегации в Генуе пункт, запрещающий «принимать решения без особого согласия ЦК». Он так же продумал, как отозвать наркома из Генуи, если тот нарушит этот пункт, рекомендуя ему замену на случай болезни или отъезда» [19].

На Генуэзской конференции Г.В. Чичерин проявил себя как европейски образованный дипломат и талантливый политик. Однако его триумф не был продолжительным. После Генуи нарком стал чувствовать свою изоляцию и политическое бессилие, ощущая себя «фикцией» в советской дипломатии. В письме И.В. Сталину от 8 августа 1922 г. Чичерин открыто выразил недовольство директивами ПБ ЦК РКП (б), не дававшим советским дипломатам в Генуе свободы действий и поиска компромиссных решений. Он считал, что методы советской внешней политики устарели, и такими методами «нельзя строить новых отношений с ведущими странами Запада», предлагая «создавать модернизированную внешнюю политику» [20]. Нарком сообщал Сталину о потере доверия зарубежного общественного мнения к официальным заявлениям

советского руководства о невмешательстве во внутренние дела других стран и намекал ему о нежелательности для Исполкома Коминтерна пропаганды «мировой революции», подрывающей престиж и авторитет советской внешней политики [21]. Инакомыслие Чичерина вызывало раздражение Сталина, и 17 августа на заседании ПБ ЦК РКП (б) было принято решение, осуждающее и запрещающее руководство наркома международной политикой из Германии, где тот находился на лечении и немедленного его выезда в Москву [22]. В Москве Г.В. Чичерин продолжал слать письма в ПБ ЦК с критическими замечаниями по поводу рекомендации Ленина и директив ПБ. Его положение усугублялось острой конфронтацией с М.М. Литвиновым, который открыто, критиковал наркома за подписание якобы невыгодного для СССР договора с Италией [23]. В ПБ ЦК поступали докладные записки Литвинова с жалобами на Чичерина на его тяжелый характер, привычку работать по ночам, неумение организовать работу Наркоминдела, непонимание партийной линии во внешней политике. Попытки Чичерина ослабить разлагающее влияние Литвинова в наркомате не находили поддержки в ПБ.

Письма наркома Л.М. Карахану, которому он лично доверял, подтверждают наличие расхождений между Чичериным и Сталиным. Зная отношение И.В. Сталина к инакомыслию, Чичерин, несмотря на то, что оставался в стороне от внутривластной борьбы в ЦК ВКП (б) и Исполкоме Коминтерна, и не примыкая ни к левой, ни к правой оппозиции, не исключал возможности своего политического и даже физического устранения [24]. Начиная с первых месяцев 1923 г. он постоянно ставил перед ПБ ЦК вопрос о своей отставке, встречая при этом каждый раз молчаливый отказ. Избрание Чичерина на XIV съезде ВКП (б) членом ЦК означало стремление партийной элиты приблизить наркома к себе, связав крепче его действия партийной дисциплиной. Став членом ЦК, Чичерин, однако, не изменил свои позиции, резко высказываясь в отношении деятельности Коминтерна и ОГПУ, наносившей ущерб внешней политике СССР.

С декабря 1926 г. Чичерин более часто ездил на лечение за границу. Его болезнь не носила все же «дипломатического характера», так как нарком болел сахарным диабетом и полиневритом, которые трудно поддавались лечению в то время даже в известных европейских клиниках и санаториях. 1927 г. явился переломным в его мировоззрении. В связи с разрывом советско-английских и советско-китайских отношений он окончательно расходится с революционной дипломатией партийных верхов. И хотя не подлежит сомнению, что нарком последовательно защищал государственные интересы, в его адрес со стороны В.М. Молотова, М.И. Калинина, К.Е. Ворошилова и других лидеров ВКП (б) звучали необоснованные обвинения по поводу слабости, некомпетентности и плохом соблюдении интересов СССР [25].

К концу 1920-х гг. Г.В. Чичерин уже раздражал своим инакомыслием советское руководство, но по политическим соображениям сталинское окружение не торопилось с удовлетворением его просьб об отставке. Формальное сохранение Чичерина на посту наркома не давало повода зарубежным политикам и дипломатам утверждать о смене правительством СССР внешнеполитической ориентации. В связи с ухудшением состояния здоровья Чичерин в 1928 г. все настойчивее ставил вопрос об уходе с поста наркома. Политбюро ЦК, напротив, приняло решение направить Чичерина на повторное лечение за границу, хотя тот отказывался, признавая напрасной трату валюты, так как лечение в 1926-1927 гг. не принесло улучшения здоровья. Затянувшееся более чем на год лечение в Германии вызвало нежелательные для ПБ ЦК толкования, как за границей, так и в СССР о невозвращенчестве наркома.

В письме И.В. Сталину 22 марта 1929 г. Г.В. Чичерин убеждал генсека в полной неспособности к работе, называя себя «развалиной и разложившейся материей» и жаловался на то, что «московские товарищи не верят в ухудшение здоровья, которое очень тяжелое» [26]. Морально и физически уставший Чичерин понимал, что даже при временном улучшении здоровья, он не мог бы на пару часов в день, как предлагал ему Сталин, работать наркомом. Он решил открыто заявить о своих разногласиях с

партийными верхами, надеясь таким образом добиться отставки. 20 июня, когда болезнь вновь обострилась, он написал Сталину о своих расхождениях с официальной политикой партии и ставил в вину ему и его окружению «национальную ограниченность», заявляя: «у нас недостаточно оценивают значение советского государства [27]. Чичерин назвал «блефом» преувеличение роли первомайских событий 1929 г. в Берлине, изображенное советской прессой как мощное выступление немецких рабочих против собственного правительства. Касаясь вопросов Востока, нарком осудил выжидательную политику ПБ ЦК ВКП (б) в Афганистане, тормозившей укрепление влияния СССР в этом регионе [28], и считал ошибочным решение ПБ ЦК «о готовности китайского народа к революции, повлекшим за собой «колоссальные ошибки 1927 г.» [29]. При всем критическом восприятии деятельности Коминтерна Георгий Васильевич сообщил генсеку о своей заинтересованности ролью СССР для мировой революции, но в рамках, когда это не подрывает международных позиций известного государства, и не подвергает разрушению всего того, что достигнуто советской дипломатией [30]. В то же время Чичерин не разделял взглядов и планов И.В. Сталина, а в его письмах содержалась скрытая и неперсонифицированная критика сталинского тезиса об опасности нападения капиталистических государств на СССР, осуждались «крики о социал-фашизме» (намек на заявления Сталина о роли социал-демократии). Сталин был слишком чувствителен к пренебрежению, которое демонстрировалось ему наркомом по отношению к советской внешней политике. Однако, он счел благоразумным не устраивать никаких полемик по затронутым Чичеринным вопросам, посчитав, что тяжелая и неизлечимая болезнь сама скоро устранил неговорчивого наркома. 21 сентября 1929 г. в письме Г.В. Чичерину В.М. Молотов открыто заявил наркому о невозможности думать в его положении о работе в Наркоминделе [31]. Чичерин понимал, что в Москве ему не простят отступничество и тормозил свой выезд из Германии всякими отговорками. Его возвращение в Москву затянулось до января 1930 г. 21 июля Президиум ЦИК СССР удовлетворил просьбу Чичерина и освободил его от поста наркома иностранных дел.

Последняя служебная записка Г.В. Чичерина, написанная им в начале июля 1930 г., является своеобразным политическим завещанием, в котором отразился самокритичный анализ длительности Наркоминдела и намечались перспективы дальнейшего его развития. В записке прослеживается зеркало души Г.В. Чичерина, отдавшего много сил созданию наркомата, установлению и расширению отношений СССР с зарубежными странами. Его беспокоило будущее наркомата, в котором за время его отсутствия «все расстроилось». Он опасался полного развала кадрового состава НКВД в результате партийной чистки и замены добросовестных компетентных работников «сырым материалом от Сталина», не имевших опыта дипломатической работы, знаний страны пребывания и иностранных языков, не обладавшим элементарным культурным поведением, что делало нормальную работу за рубежом невозможной [32]. Ему было неприятно, что советское руководство не доверяло ему, не хотело направить на другую работу [33]. Образно сравнивая себя с игрушкой, которую сломал неосторожный ребенок, осознавая, что стал чуждым для советской системы, он называл себя «израсходованным материалом». Это позволяет констатировать, что Георгий Васильевич, отказавшись от социал-демократических принципов, так и не стал ортодоксальным большевиком. Он вышел из старого социального мира, но не был признан властью имущими в другом, новом мире.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: *Горохов И.М., Замятин Л.М., Земсков И.Н.* Г.В.Чичерин – дипломат ленинской школы. М., 1966; *Зарницкий С.В., Сергеев А.Н.* Чичерин. М., 1966; *Ховратович И.М.* Г.В.Чичерин. М., 1980.
2. *Молодяков В.Э.* Россия и Германия: Дух Рапалло (1919-1932). М., 2009. С. 82.
3. См., например: *Белевич Е. Соколов В.* Наркоминдел Георгий Чичерин // *Международная жизнь.* 1991. № 2; *Соколов В.В.* Неизвестный Г.В. Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ // *Новая и новейшая история.* 1994. № 2; *Млечин Л.* Министры иностранных дел. Романтики и циники. М., 2001.
4. *Томас Л.Я.* Жизнь Г.В. Чичерина. М., 2012.

5. Цит. по: *Томас Л.Я.* Указ. соч. С. 30.
6. Там же. С. 29.
7. Там же. С. 38.
8. *Майский И.М.* Путешествие в прошлое. Воспоминания. М., 1960. С. 85.
9. Томас Л.Я. Указ. соч. С. 62.
10. Там же. С. 64.
11. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 294.
12. См.: *Белевич Е., Соколов В.* Указ. соч. С. 100.
13. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 111.
14. *Млечин Л.* Указ. соч. С. 66-117.
15. *Чуев Ф.* Мологов: полудержавный властелин. М., 2002. С. 245.
16. *Кизюков С.В.* О политической позиции Г.В. Чичерина в 1918-1928 гг. // Чичеринские чтения. Российская внешняя политика и международные отношения в XIX – XX вв.: Мат-лы межрегиональной научной конференции, 10-11 декабря 2002 г. / Отв. ред. А.Г. Айрапетов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. С. 85.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп.1. Д. 2057. Л. 14.
18. Документы внешней политики СССР (ДВП). М., 1985. Т. III. С. 638-639.
19. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 406.
20. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 227.
21. АВП РФ. Ф. 421. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 37.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 308. Л. 4.
23. АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 2. Л. 205-206.
24. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 20. П. 170. Д. 1. Л. 8.
25. АВП РФ. Ф. 08. Оп.11. П. 43. Д. 7. Л. 2.
26. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 48. Л. 7.
27. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 12. П. 74. Д. 55. Л. 91-92.
28. Там же. Л. 91.
29. Там же. Л. 92.
30. Там же. Л. 91.
31. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 48. Л. 12.
32. Письма из рассекреченного архива МИД Российской Федерации. Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // *Беседовский Г.* На пути к термидору. М., 1997. С. 413.
33. Там же. С. 397.

БОРЬБА Г.В. ЧИЧЕРИНА ПРОТИВ АВАНТЮР КОМИНТЕРНА В ИРАНЕ (1920 – 1921)

*К.С. Кудухов,
Липецкий государственный педагогический университет*

Деятельности Г.В. Чичерина в международной политике уделено немало внимания в отечественной историографии, так как он, будучи наркомом иностранных дел, смог вывести Советскую Россию из той дипломатической изоляции, в которой она оказалась после 1917 г. Г.В. Чичерин внес свой вклад в дальнейшее развитие советской внешней политики и на Востоке, заключив ряд равноправных договоров с Ираном, Турцией и Афганистаном, чем способствовал укреплению позиций РСФСР на международной арене.

В этой связи значительный интерес представляет изучение его деятельности через призму стремлений Коминтерна распространить идеи революции на страны Востока. Поскольку деятельность дипломатов Советской России на Востоке тесно пересекалась с работой Коммунистического Интернационала, а результаты работы НКВД зачастую зависела от того, как поведут себя в той или иной стране резиденты Коминтерна. На наш взгляд, изучение работы НКВД и Коминтерна на Востоке на базе переписки Г.В. Чичерина представляет собой существенный интерес в современной российской исторической науке.

Рассмотрение позиции Г.В. Чичерина следует начать с событий т.н. Энзелийской операции 1920 г., ходе которой были захвачены и отведены в Советскую Россию суда

белой Каспийской флотилии, находившиеся в Иране. Ее последствия отрицательно сказались на работе наркома. Это было связано с тем, что он был вынужден лгать и увертываться в официальных заявлениях Тегерану относительно обстоятельств проведенной операции. Также, необходимо было хотя бы формально показать Англии, что не о каком посягательстве на суверенитет независимой Персии не может быть и речи. Нельзя было допустить того, чтобы вторжение в Иран или оказание поддержки повстанцам проходило «под эгидой красных знамен» [1]. Поэтому НКВД и Политбюро РКП (б) отправляли многочисленные директивы своим сотрудникам в Тегеран о прекращении всякой помощи «гилянским партизанам», а из Баку в Северный Иран продолжала поступать военная помощь и революционная литература. Многим работникам и членам иранской компартии не нравилась деятельность Чичерина, хотя они были вынуждены подчиниться указаниям из Москвы. Многие работники встретили эти директивы без энтузиазма, о чем свидетельствуют письма начальника представительства НКВД в Средней Азии С. Гопнера [2].

Гопнер в своих докладах и письмах намекал, чуть ли не на политическую непригодность Г.К. Орджоникидзе и заведующего отделом мусульман Ближнего Востока Н.Н. Нариманова. Находясь в Баку некоторое время, С. Гопнер собрал информацию о работе этих «бакинцев». Так, Орджоникидзе поддерживал «коммунистическую» группу Эсхануллы Хана, а Нариманов группу Кучек Хана, так называемую «демократическую», которую ранее они поддерживали совместно. Эсханулла Хан, поддерживая тесную связь с Орджоникидзе, получал от него директивы к действию, приведшие к безрассудной Тонекабульской операции в направлении Тегерана. Нариманов же, в свою очередь, до последнего продолжал помогать противнику Эсхануллы – Кучек Хану советами, деньгами и оружием. Все вышесказанное может являться доказательством нарушения директив Чичерина.

В Москве всем было известно, что Гилянская республика была основана и поддерживалась в основном кавказскими работниками, хотя инициатива из Центра. Действия эти были начаты в пик революционной активности, когда в Каспийском регионе стояла задача вытеснить англичан с Северного Ирана и позаботиться о формировании прочного тыла для Баку. Орджоникидзе пользовался этим, являясь главой Кавказского бюро ЦК РКП (б) и не мешал своим сотрудникам активно сотрудничать с иранцами в Баку, тратя значительные суммы денег, выделяемые Москвой.

В своем письме Чичерину Гопнер указывал на то, что среди персидских революционных групп практически отсутствует представление о задачах и идеологии революции, а большая часть революционеров Ирана пропитана негативом по отношению к центральной власти и англичанам. Феодалный бунт и национально-буржуазная революция против «шахского деспотизма и европейского империализма» – вот основные понятия, вокруг которых вертелась вся агитация. Из документов видно, что он оправдывает действия полномочного представителя в Тегеране, объясняет, что позиция Иранской компартии является единственной правильной [3].

Разумеется, Чичерин, заинтересованный в нейтралитете по отношению к шахскому правительству, не мог не реагировать на подобные вещи. Его волновали не столько идеи распространения революции на страны Востока, сколько необходимость вывести Советскую Россию из международной изоляции, куда ее втянула революция. Поэтому в письме к К. Радеку он высказал свое негативное мнение относительно Орджоникидзе и Нариманова. Чичерин сетовал на то, что персидский посол, находясь в хороших с ним отношениях, стал очень волноваться относительно сложившегося положения, когда Орджоникидзе, поддерживающий повстанцев в Иране, стал заведовать ликвидацией старых складов с вооружением. Само собой, вооружение ликвидировано не было, а у иранских повстанцев откуда-то появилось оружие [4].

О стремлении Чичерина удержать отношения с Ираном на хорошем уровне мог говорить тот факт, что после организации таможенных постов РСФСР на границе с

Ираном, в конце осени 1920 г. были высланы приказы на места, в которых рекомендовалось не арестовывать и не задерживать иранских торговцев, дабы не усугублять отношения между двумя странами [5]. Но, как видно из документов, отношения портились не из-за «плохого» отношения к иранским подданным, а скорее наоборот. Финансирование повстанческого движения Ирана кавказскими работниками не могли не заметить в самом Иране, и уже Чичерину приходилось уверять иранского посла в лояльности Советской России. Конечно, это ставило Чичерина в невыгодное положение, как наркома иностранных дел.

Подписанное торговое соглашение 1921 г. между РСФСР и Великобританией вынуждало его политически лавировать, стараясь не подставлять под удар коминтерновскую работу на Востоке. И, тем не менее, это не удавалось. Из-за подписания этого договора у Чичерина в определенной степени были связаны руки. В одном из писем К. Радеку и Г. Сафарову он говорил, что сложившаяся ситуация с поддержкой иранских повстанцев со стороны кавказских работников, крайне негативно может сказаться на официальных отношениях с Ираном: «Если я буду давать заверения, а завтра бакинцы поставят нас перед свершившимся фактом, что будут думать о нас в Персии?» [6].

Вскоре после подписания торгового соглашения между Великобританией и Советской Россией в апреле 1921 г. в НКВД пришло письмо английского министра торговли Р. Хорна, в котором осуждалась политика РСФСР на Востоке касательно распространения коммунистической идеологии, чем британское правительство было возмущено. Неприятностей советским дипломатам добавило появление и деятельность М.Н. Роя в Ташкенте. Л. Красин, который подписывал торговое соглашение, разумеется, не владел всей информацией и не мог адекватно отреагировать на это письмо, вследствие чего в апреле со стороны НКВД Красину был отправлен ответ Р. Хорну. Г.В. Чичерин разумно отрицал обвинения британской стороны и заверил, что в будущем постарается сделать все, чтобы отношения двух стран не были омрачены обозначенными в письме Хорна «беспокойствами».

В этой связи деятельность Орджоникидзе не могла понравиться Чичерину. Поддержка бакинских иранцев не помогала нормализации отношений между Ираном и Советской Россией. Чичерин писал о вреде такой работы Орджоникидзе, поскольку из-за этой поддержки в северных провинциях Ирана периодически вспыхивают мелкие восстания: «В то же время реальной пользы нет, агитация не ведется, иранские бакинские коммунисты не работают на местах» [8]. Чичерин анализировал полученную информацию и отправлял в Коминтерн свои выводы. Проведение нейтральной политики на Востоке по отношению к Великобритании напрямую зависело от деятельности Коминтерна и от принятых им решений. Кстати, большинство иранских «отходников» вступали в Красную армию и формировали так называемые мусульманские батальоны Коминтерна и персидские национальные отряды [9].

Вероятно, поддержка иранских групп кавказскими работниками была вызвана отчасти тем, что нужно было использовать как можно больше людских ресурсов в борьбе с белогвардейцами и интервентами, а участие интернациональных бригад добавляло вес, и было показательным. В свою очередь стимулировать иранцев могли их национальные лидеры, которых как раз и снабжали деньгами Г.К. Орджоникидзе и Н.Н. Нариманов. Чуть более чем за год до этого, на совещании у В.И. Ленина присутствовали Г.К. Орджоникидзе, как глава Кавказского бюро ЦК РКП (б), Г.В. Чичерин, Е.Д. Стасова и М.П. Павлович. Совещание было созвано для обсуждения событий происходивших в Персии вообще и в Гилянской провинции в частности. И даже тогда, еще до подписания торгового соглашения Ленин выступил против идей вооруженных социалистических преобразований [10]. Г.К. Орджоникидзе, как показывают документы, спустя год все же поддерживал бакинских иранцев в борьбе с шахским правительством и иранскими феодалами и чиновничеством, что в свою очередь негативно сказывалось на отношениях между Советской Россией и Ираном. Кстати, М.П. Павлович, присутствовавший на той

встрече с В.И. Лениным, будучи сотрудником Совета пропаганды и действия, также сообщал в Коминтерн об «авантюрах товарищей из Баку», о нецелесообразном расходовании средств и прочее [11]. Понять Чичерина можно, вспомнив об его усилиях, приложенных для успешного завершения советско-иранских переговоров осенью 1920 г. и подписания договора между двумя странами в феврале 1921 г. [12]. Для Чичерина результаты его деятельности были под угрозой, и, разумеется, он старался оберегать созидаемые им дипломатические отношения.

К концу 1921 г. многим деятелям Коминтерна стало ясно, что «штурмом Востока» не удастся насадить в нем революционные идеи и коммунистическую идеологию. В связи с этим, вполне логичным было решение действовать, не выходя за рамки норм международных отношений, лавируя при этом между уступками в дипломатических отношениях с Великобританией, с одной стороны, и скрытым насаждением революционной пропаганды и поддержки национального движения, с другой. Разумеется, последнее должно было стать нелегальной и неофициальной частью работы советской дипломатии и Коминтерна. Сотрудники Коминтерна, который перешел к тому времени на нелегальное положение, за границей находились, что называется под прикрытием, а полпреды, наряду с официальной работой, выполняли «иные» указания Москвы. Поэтому с этого момента советская внешняя политика приобрела характерные черты двойственности. Рядом с официальной деятельностью советских полпредов шла постоянная работа по пропаганде, поддержки местных компартий и национального движения. Чичерину пришлось смириться с данной практикой, но он категорически выступал против очередных авантюр Коминтерна в Иране и других государствах.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Персиц М.А.* Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920-1921 гг. М., 1999. С. 99.
2. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 495. Оп. 90. Д. 22. Л. 41.
3. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 22. Л. 42.
4. Там же. Л. 39.
5. Страны Ближнего и Среднего Востока в международных отношениях (XIX – XX вв.). Ташкент, 1984. С. 57.
6. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 22. Л. 39.
7. *Борисова И.Д., Макеев Д.А., Никонов О.А., Третьякова О.Д.* Центральная Азия и Южно-каспийский регион в восточной политике Советской России (1917-1922 гг.) Владимир, 2004. С. 113.
8. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 22. Л. 40.
9. *Разина В.Г.* Иранские революционеры в Туркестане в период гражданской войны (1918-1920 гг.). Материалы по Востоку. Ташкент, 1966. С. 62.
10. *Персиц М.А.* О программных установках первых коммунистов Ирана. Июнь 1920 – сентябрь 1921 г. // Борьба за социальный прогресс на Востоке. М., 1990. С. 225.
11. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 22. Л. 5.
12. *Асадулаев К.* Свержение династии Каджаров в Иране (1920-1925 гг.). Душанбе, 1966. С.41.

СУДЬБА ПЕРВОГО КОНСУЛА: К ИСТОРИИ РОССИЙСКО-АВСТРАЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ*

А.Ю. Рудницкий,
Историко-документальный департамент
Министерства иностранных дел Российской Федерации

---

* Доклад основан на тексте статьи, сданной в печать в сборник журнала «Международная жизнь» «История без купюр», издание которого планируется в декабре 2012 г.

Семьдесят лет назад, в 1942 г., были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Австралией. Шла Вторая мировая война, оба государства сотрудничали в антигитлеровской коалиции, и логика подобного шага была очевидной. Однако мало кто знает, что основы этих отношений были заложены гораздо раньше, и российская консульская служба на пятом континенте была учреждена еще в середине XIX в. После Октябрьской революции большевистское правительство на замену царскому консулу князю А.Н. Абазе назначило своего представителя – эмигранта Петра Фомича Симонова.

К началу XX в. Австралия уже играла пусть скромную, но всё же достаточно заметную роль в мировой экономике и политике. Она активно участвовала в Первой мировой войне и внесла свой вклад в победу союзников. По всем статьям этого не следовало сбрасывать со счетов, однако, заинтересованность советского руководства в сотрудничестве с Австралией носила конъюнктурный характер и вскоре пошла на убыль.

В жизни Симонова немало загадок. До конца не ясно, чем руководствовался Л.Д. Троцкий, назначая его на должность консула, и почему в дальнейшем Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД) не обеспечил ему хотя бы относительно сносные условия для работы. Тем не менее, Симонов исправно выполнял консульские обязанности, отстаивал права соотечественников, а еще и революцию в Австралии готовил, создавая там Коммунистическую партию. Советское государство должно было бы это оценить, но ... не оценило. После возвращения на родину бывшего консула не хвалят, не поощряют, его знания и опыт остаются не востребованными. Москва не воспользовалась возможностью развития отношений с Австралией, перечеркнув тот задел, который был создан царским правительством. На длительный период Австралия переместилась на дальнюю периферию внешней политики СССР.

Российский исследователь А.Я. Массов пишет: «Попытка Советского правительства назначить в начале 1918 г. своего генерального консула – П.Ф. Симонова – оказалась неудачной. Австралия отказывалась иметь какие-либо отношения с Советским правительством» [1]. Это не совсем так. Австралийские власти действительно с определенным недоверием отнеслись к представителю «красной» России (что тут удивительного – американцы аналогично восприняли Л.К. Мартенса, а шведы – В.В. Воровского), однако не отказались от сотрудничества с ним. Его даже принимал федеральный премьер-министр. А вот НКВД вскоре перестал уделять внимание своему назначенцу и в 1921 г. закрыл консульство.

Постараемся разобраться в происшедшем. Российские и австралийские историки уже не раз писали о Симонове [2], но пробелов в его биографии по-прежнему хватает. Заполнить, пусть отчасти, позволяют материалы из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), которые вводятся в научный оборот впервые.

Симонов родился 8 (21) июня 1883 г. в деревне Новые Яблоньки, Хвалынского уезда Саратовской губернии. Происхождения он был с большевистской точки зрения вполне подходящего – из крестьян, однако политической деятельностью вплоть до своего отъезда в эмиграцию практически не занимался.

В Российскую коммунистическую партию большевиков (РКП (б)) вступил только в 1921 г., до тех пор ни к каким политическим партиям не принадлежал. Заполняя одну из НКВДовских анкет, он упоминал о своей «работе в РСДРП» в 1905 г. и аресте по обвинению «в военной пропаганде» [3], но в членах Российской социал-демократической рабочей партии он формально не состоял и вообще трудно судить, насколько серьезным был этот эпизод. В то время П.Ф. Симонов проходил военную службу в Баку (был призван в 1904 г.) и по логике вещей его должны были «примерно наказать», скажем, уволить и сослать в какую-нибудь сибирскую глубинку. Однако его направляют продолжать службу в Елисаветград – город в центральной Украине, экономически развитый, с культурными традициями, в общем, не Гмутаракань. Если речь шла об антиправительственной пропаганде среди военнослужащих, то подобное решение кажется странным. В стране

бушевала революция и правящий режим со «смутьянами» не церемонился. Скорее всего, П.Ф. Симонов лишь косвенно (возможно, даже случайно) оказался причастен к запрещенной деятельности, и потому отделался «легким испугом». На его положение в армии это не повлияло: начав с рядового, он дослужился до прапорщика [4]. Политически неблагонадежному военному служащему трудно было рассчитывать на такую карьеру.

В советское время Симонов «для анкеты» мог намеренно преувеличивать свой вклад в революционную борьбу. Это не должно рассматриваться как упрек – определенная изворотливость помогала выживать в условиях советской бюрократической системы. Вот еще пример. Только в самой первой своей НКВДовской анкете в графе «национальность» П.Ф. Симонов записывает себя мордвинком. Во всех последующих позиционирует себя как русского.

Его семья, скорее всего, не была особенно нуждающейся и могла дать детям образование (у Петра было два брата, след которых после революции и гражданской войны затерялся). Он занимался в сельской школе, затем с частным преподавателем и поступил в саратовскую гимназию. Проучившись шесть классов, окончил ее экстерном.

Свою трудовую карьеру он начинает рабочим на котельном заводе и при этом не прекращает учебы. Держит экзамен «на счетовода» и устраивается бухгалтером в нефтепромышленную фирму (еще до призыва в армии). Сняв погоны, перебирается в Китай, в г. Харбин, где работает в промышленной компании и банке.

Таким образом, Симонов пополнил ряды трудовой российской эмиграции. В конце XIX – начале XX в. многие рабочие и крестьяне искали лучшей жизни за границей, устремляясь не только в США и Канаду, но и в страны Востока. Имеющиеся архивные документы не дают ответа на вопрос, почему Симонов не остался в Харбине. Может, банк лопнул или другие проблемы возникли. Он покидает Китай и в 1912 г. прибывает в Австралию, в Брисбен – столицу штата Квинсленд, куда, в основном, стекались русские эмигранты.

Устроиться на «непыльную» работу у приезжего шансов почти не было. Чужаков в Австралии не жаловали и на хорошие должности предпочитали брать своих. Бывший бухгалтер рубит сахарный тростник, трудится грузчиком на бойнях, добывает железную руду на приисках корпорации «Брокен-Хилл пропрайетори». Он вступает в Союз русских эмигрантов (позже преобразовывается в Союз русских рабочих, а после 1917 года – в Союз русских рабочих-коммунистов – СРПК), в анархо-синдикалистскую организацию «Индустриальные рабочие мира» и активно участвует в рабочем и профсоюзном движении.

Перемены в его жизни были связаны не только с тем, что «бытие определяет сознание». Несомненную роль сыграло общение с русскими революционерами, верховодившими в Союзе и отличавшимися организаторскими способностями, умением сплачивать вокруг себя единомышленников. Среди них были большевики, как, например, Артем Сергеев (в будущем герой гражданской войны, член ЦК РКП (б) и соратник В.И. Ленина), А.М. Зузенко и А.Э. Калнин, эсеры (Г. Быков), анархисты (Н. Лагутин) и представители других радикальных течений. Объединяли их революционный максимализм, вера в необходимость свержения «отживших режимов». Участникам этой «могучей кучки» были присущи личное обаяние и дар убеждения, как говорится, люди к ним «тянулись».

Симонов дождался своего часа. Уже не скромный служащий, «маленький человек», а революционный лидер и народный трибун. Он вошел в руководство Союза, принимал участие в забастовках, демонстрациях, а когда началась Первая мировая война, включился в антивоенную кампанию. У него прорезалась журналистская жилка, и он печатался в эмигрантской газете «Эхо Австралии», которая неоднократно закрывалась местными властями (с подачи А.Н. Абазы), но возрождалась под другими названиями: «Известия Союза русских эмигрантов», «Рабочая жизнь», «Знание и Единение». Симонов

публикуется также на английском языке, которым он овладел на вполне приличном уровне – в периодических изданиях австралийских профсоюзных организаций.

После Февральской революции русские засобирались домой. Заспешил на родину и Симонов, однако решением Союза ему было поручено остаться на полгода в Австралии, чтобы обеспечивать отъезд репатриантов и продолжать редактирование эмигрантской газеты. «После шести месяцев, – писал он в 1921 году в отчете руководству НКВД, – я снова решил было уехать, и снова был задержан русскими, на этот раз для борьбы против гонений бывшего царского консула Абазы» [5].

Эмигрантский Комитет по отправке «воевал» с этим «царским наместником», всячески препятствовавшим отъезду «не нужного для России анархического элемента» [6]. Симонова он называл бандитом и уголовником и паспорт ему выдавать категорически отказался. Последний пароход с русскими ушел в ноябре 1917 г. на родину без него.

А.Н. Абаза был вынужден прекратить свою деятельность в силу «непреодолимых обстоятельств». С декабря 1917 г. австралийское правительство отказалось признавать выдававшиеся им документы. Тогда он сложил с себя полномочия генерального консула, о чём уведомил премьер-министра Австралии письмом от 26 января 1918 г. [7].

Тем временем Симонов взял на себя руководство СРПК. При этом он выдерживал ожесточенный натиск той части эмиграции, которой пришлось не по вкусу коммунистические идеи и большевистские перемены в России. Это была пестрая публика: монархисты, черносотенцы, сторонники Керенского, меньшевики. Однако были у Симонова оппоненты и среди рабочих, которых возглавили эмигранты К. Ключин (Орлов) и Г. Быков. В противовес СРПК они сформировали «Группу русских рабочих», и Симонов окрестил их «групповцами» [8]. Его же последователи гордо именовали себя «симоновской красной гвардией». «Разница наших позиций, – писал он, – ... вызвала ожесточенные споры на так называемых «колониальных» или общегражданских собраниях, часто вплоть до рукопашной» [9].

Имеющиеся документы не дают ответа на вопрос, в чем именно заключалась эта «разница». Возможно, она носила не только идеологический, но и личностный характер. Симонов был человеком властным, многие его недолюбливали [10].

В этой ситуации состоялось ставшее сенсацией его назначение на должность консула. «Рудокоп заменяет князя в генеральском чине» – с такими заголовками вышли австралийские газеты, когда 30 января 1918 г. пришло сообщение агентства «Рейтер» о приказе главы Наркоминдела. Вскоре поступило подтверждение из Лондона от представлявшего там интересы РСФСР М.М. Литвинова. Великобритания в то время курировала внешнеполитические и дипломатические связи своего доминиона, и М.М. Литвинову, соответственно, полагалось курировать «австралийский участок».

Назначение было неожиданностью не только для австралийской публики, но и для самого Симонова. В уже упоминавшемся нкидовском отчете, (позже на его основе он подготовил и опубликовал в журнале «Международная жизнь» статью «Три с половиной года советского дипломатического представительства») он следующим образом описывал происшедшее: «Пока все бури и катавасии еще продолжались, в конце января 1918 г. получается из Петербурга рейтеровская телеграмма, а вслед за этим телеграмма от тов. Литвинова из Лондона о моем назначении тов. Троцким консулом Советской России для Австралии» [11].

Можно только гадать, что подвигло Л.Д.Троцкого остановить свой выбор на бывшем «рудокопе» – скорее всего, Симонова порекомендовал кто-то из друзей-товарищей по эмиграции, вернувшихся в Советскую Россию. Пренебрежительное отношение первого наркома иностранных дел к дипломатической службе хорошо известно. Мол, что толку в «цивильных» отношениях с зарубежными государствами, когда вот-вот все «отжившее» международное сообщество будет сметено ураганом всемирной революции. Единственную пользу дипломатия могла принести лишь как средство разжигания «революционного пожара», и для выполнения этой задачи бывший

горняк вполне годился. Но Л.Д. Троцкий, наверное, не предполагал, что случайно выбранный им кандидат примется всерьез осваивать профессию консула и дипломата и продержится на ней значительный срок.

Первым делом Симонову пришлось вступить в противоборство со своими противниками в диаспоре, считавшими, что ему не место на консульском посту. Они созывали «общие собрания всех русских граждан», чтобы заручиться поддержкой эмигрантов, но, по свидетельству Симонова, из этого ничего не вышло: его назначение «вполне одобрялось и горячо приветствовалось». Дескать, такого рода резолюции поступали «из всех уголков Австралии» [12]. На деле же картина могла быть не столь радужной. Против Симонова выступили не только «приверженцы старого режима», но и «групповцы», пользовавшиеся определенным влиянием в эмигрантской среде. Как они уверяли, на одном из «общих собраний колонии» было решено «просить Советскую Россию Петра Симонова отозвать, поучиться коммунизму, а на его место прислать из Советской России другого консула, который мог бы соответствовать своему назначению» [13].

К. Ключин и Г. Быков использовали не только прессу и публичные выступления, но также обращались к Г.В. Чичерину и М.М. Литвинову. В их письмах говорилось, что «Симонов не достоин представлять Российскую крестьянскую и рабочую республику», и своей деятельностью он «больше вредит, чем помогает российскому рабочему движению в целом» [14]. Консулу вменялось в вину использование своего положения для личного обогащения: «собирая и получая пожертвования, он отчетов русской колонии не дает, мотивируя, что дела консула от простых смертных – секрет». За паспорта он якобы требовал от 10 до 300 фунтов стерлингов, поясняя, что средства необходимы для содержания консульства и «агитации среди австралийцев», и уверял, что «без его паспорта Советская Россия к себе никого не пускает». Симонов будто бы окружил себя роскошью – в подтверждение сообщалось, что над его конторой в центре Сиднея установлена доска с золотыми буквами «Russian Representative of Soviet Russia Piter Simonoff» [15].

Симонов парировал эти обвинения [16]. В письмах в НКВД он подчеркивал, что его противники пытаются не допустить развития отношений между СССР и Австралией и хотят поставить под свой контроль российскую общину в этой стране. Консул, разумеется, не был смещен, однако нельзя исключать, что в результате случившейся «полемики» репутация П.Ф. Симонова все же пострадала, и это сыграло свою роль в его дальнейшей судьбе. Поступавшие доносы были «отфиксированы» в секретном докладе НКВД, который пополнил его личное дело.

Зададимся вопросом: а на самом деле подходил он для консульской работы? Соответствующего опыта у него не имелось, специалистом-международником он не являлся. Вместе с тем человек он был не без способностей. Осваивая бухгалтерскую профессию, он получил экономические знания и, оказавшись за границей, старался их расширять и углублять. Сохранилось несколько информационных документов, подготовленных Симоновым (анализ экономического положения Австралии, характеристика японо-австралийских торгово-экономических отношений) и статьи, опубликованные им в «Международной жизни». Писал Симонов несколько коряво, однако это можно простить «рудокопу», который неожиданно сделался дипломатом. В годы революции и на более высокие должности назначали людей со способностями намного хуже, чем у Симонова, иногда вообще без образования. Если вчерашний школьник становился командиром полка, то рабочий запросто мог стать консулом.

В Мельбурне, бывшем тогда федеральной столицей, он открыл «Бюро российского представителя в Австралии» – консульством оно называться не могло, ведь ни Великобритания, ни Австралия официально не признали Советскую Россию. Но Симонова тогда это не слишком беспокоило, поскольку новая коммунистическая эра должна была покончить со всеми «дипломатическими условностями». «Вопрос о

признании, – заявлял Троцкий, – есть вопрос формальный, и Советская власть с полным безразличием относится к этой подробности дипломатического ритуала. Непризнание не избавляет, однако, от необходимости считаться с Советским правительством, как с фактом» [17]. В этом заключалась суть подхода: неважно, признают тебя или нет, главное – заставить с тобой считаться. Симонов следовал именно этой установке.

Деньги для аренды помещения и на текущие нужды дали Симонову его «близкие товарищи» [18]. Скорее всего, это были австралийцы – придерживавшиеся левых взглядов члены Лейбористской партии, с которыми консул тесно сотрудничал. Самый известный из них – П. Брукфилд, симпатизировавший Советской России (и впоследствии пострадавший за свои взгляды – в 1921 г. был убит белоэмигрантом).

Симонов заказал официальные бланки и работа закипела. Нужно было ставить на учет российских граждан (тех, которые соглашались быть «советскими»), помогать им с выездом на родину. В архивном досье сохранились опросные листы, которые заполняли посетители консульства. Вверху крупными буквами было набрано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Российская социалистическая федеративная советская республика. Представительство в Австралии» [19]. Далее перечислялись вопросы, на которые должны были отвечать посетители: «Принадлежите ли к какой-либо организации? Какую работу предпочли бы в России? Сумеете ли отправиться в Россию при первой возможности? Нуждаетесь ли в пособии для поездки в Россию? Можете ли покрыть часть расходов по поездке и в каком размере?» [20]. В результате предпринятой консулом переписи, был составлен список примерно из 600 эмигрантов, желавших покинуть Австралию.

При содействии парламентариев-лейбористов удастся организовать встречу с премьер-министром У. Хьюзом. Аудиенция прошла в благожелательной атмосфере, и в результате Симонову удалось продвинуться в решении задачи отправки эмигрантов в Россию. Паспорта он выдавать не мог (заявления «групповцев» о паспортах за 300 фунтов были, конечно, вымыслом), и австралийцы согласились выдавать по согласованию с ним специальные разрешения на выезд в Японию. С японским консулом Симонов договорился о прибытии россиян в его страну для дальнейшего транзита во Владивосток [21].

Терпимое отношение властей к Симонову сохранялось недолго, ведь он продолжал заниматься политической деятельностью, используя свое положение для расширения и упрочения контактов с рабочими организациями, что в представлении австралийцев, исходивших из общепринятой международной практики, не сочеталось с дипломатическим статусом. Но Симонов мыслил по-новому, в духе позиции, сформулированной Троцким: «Советская власть считает необходимым дипломатические сношения не только с правительствами, но и с революционно-социалистическими партиями, стремящимися к низвержению существующих правительств» [22]. То есть, с одной стороны общаемся с властями, а с другой готовим революцию против этих же властей. Стоит ли удивляться, что консул раздражал ту часть австралийского общества, которая придерживалась «устаревших» взглядов на дипломатию.

«Буржуазная пресса, – вспоминал он, – все больше и больше усиливала атаки против меня, указывая, что я претендую быть дипломатическим представителем лишь для удобства в своей большевистской пропаганде, что мои связи с рабочими организациями, мои лекции и статьи якобы для объяснений русской революции, являются возмутительной, преступной пропагандой против войны и против британского и австралийского правительств и против существующего в империи строя, что такая пропаганда в стране недопустима была бы, если бы я действительно был консулом» [23]. Для подобного рода утверждений имелись веские основания. В НКВДовском отчете Симонов высказался откровенно: «Единственной моей целью, конечно, было использовать это положение для пропаганды» [24].

Пусть, это было преувеличением (консульские обязанности Симонов тоже выполнял), но то, что его занимали мысли о «революции в Австралии», отрицать невозможно. Он ездил по всей стране, выступал с лекциями, «писал статьи почти во всех

рабочих газетах» [25]. Одной пропагандой дело не ограничивалось: Симонов участвовал в митингах и демонстрациях под антивоенными и социальными лозунгами. Русским рабочим, помимо стражей порядка, противостояли отряды лоялистов, формировавшиеся из демобилизованных солдат. Нагнетанию антибольшевистских настроений способствовало заключение Советской Россией сепаратного Брестского мира и начавшаяся интервенция «империалистических держав», в том числе Великобритании. В состав британского контингента входили австралийские военнослужащие, а австралийский эсминец «Свон» был направлен в Черное море для поддержки ВМС союзников и сил белогвардейцев (генерала П.Н. Краснова). Понятно, что «симоновцы» принялись организовывать кампанию протеста под лозунгом «Руки прочь от Советской России».

Первый «звонок» прозвенел в сентябре 1918 г., когда в Лондоне арестовали М.М. Литвинова. Австралийцы, «державшие нос по ветру», тут же выписали ордер на арест Симонова, правда, хода ему сразу не дали. Возможно, не хотели лишний раз обострять социальную ситуацию (с учетом популярности Симонова среди рабочих) и надеялись, что узнав о грозящем ему заключении, консул одумается. Соответствующая информация до него действительно дошла, но он не одумался. Продолжал выступать на митингах, написал брошюру «Что такое Россия», которая была тут же запрещена цензурой. Тогда в рамках Акта о военной безопасности (War Precaution Act) правительство издало специальный декрет, запрещающий иностранцам принимать участие в общественной жизни. Надо ли говорить, что консул и его товарищи не подчинились.

Что ж, консул не оставил правительству выбора. 3 ноября 1918 г. он был арестован в Мельбурне и препровожден для суда в Сидней. Его освободили под залог в тысячу фунтов (внес П. Брукфилд), и он принялся бомбардировать премьер-министра письмами, настаивая на своем дипломатическом иммунитете, которым на самом деле не располагал.

Суд приговорил Симонова к году каторжных работ, предусмотрев возможность замены этого наказания выплатой крупного штрафа. П. Брукфилд был готов и на этот раз выручить русского товарища, однако консул «пошел на принцип». Заплатив штраф, Симонов косвенно признал бы правомочность судебного решения, с чем он был категорически не согласен. Пришлось отбывать срок в сиднейской тюрьме «Лонг Бэй», который, правда, оказался не слишком продолжительным. Сначала он был сокращен до полугода, потом – до четырех месяцев. По всей видимости, сыграло свою роль заступничество со стороны левых лейбористов и профсоюзов, которые апеллировали не только к своему премьеру, но и к президенту США В. Вильсону и главе британского кабинета Д. Ллойд Джорджу. Учитывался и возраставший напор со стороны русских эмигрантов-радикалов, будораживших австралийское общество.

В марте в 1919 г. в Брисбене дело дошло до стрельбы. Массовое шествие русских и австралийских рабочих, требовавших соблюдения гражданских свобод и отмены Акта о военной безопасности, подверглось нападению полиции и отрядов лоялистов. После этих волнений, получивших название «Бунты красного флага» (“Red Flag Riots”) многие зачинщики были арестованы и высланы из страны.

В середине июля 1919 г. Симонов выходит на свободу. Его здоровье подорвано: он переболел гриппом, затем – воспалением легких. За то время, которое он провел в тюрьме, многое изменилось. СРРК был фактически разгромлен. «Я был потрясен, – говорил Симонов, – арестом товарищей и тем, что в нашей организации воцарился полный хаос» [26]. Поняв, что восстановить эмигрантский Союз, как самостоятельную организацию, уже не удастся, он все силы бросает на создание Коммунистической партии Австралии (КПА).

Советские власти неизменно отрицали, что помогали организационно и финансово зарубежному коммунистическому движению, поэтому в своей статье в «Международной жизни» Симонов о своих достижениях в этой области благоразумно умалчивает. КПА, дескать, возникла совершенно неожиданно, «сразу, как из-под земли ... с тремя

печатными органами, лучшим залом для массовых собраний и другим – для партийных собраний, редакции» [27]. В действительности вклад Симонова в создание этой партии трудно переоценить. В НКИДовском отчете он уже не стесняется писать об этом: «После тюрьмы месяцев пять я работал главным образом нелегально ... по развитию коммунистического движения, укреплению организационных основ КПА... Я создавал ячейки и группы или секретно или под скромным названием групп самообразования» [28].

Компартия Австралии официально создается в октябре 1920 г. и Союз русских рабочих-коммунистов входит в нее на правах «брисбенского отдела». На сохранившихся в архиве нескольких статьях из «Знания и Единения» (возможно, были привезены в Москву Симоновым) чернилами написано пояснение: «Приложение к органу Брисбенского отдела Коммунистической партии Австралии “Knowledge and Unity” № 66».

Симонов не забывал и о консульских делах. В январе 1920 г. консульство открывается снова (на этот раз в Сиднее) и начинает издавать свой информационный орган «Soviet Russia». Помимо организации выезда эмигрантов (эта сторона консульской деятельности уже не отнимала много времени, почти все, кто хотел, уже успели уехать) Симонов принимается налаживать торгово-экономические связи между Россией и Австралией. С этой целью он списывается с Л.К. Мартенсом и запрашивает инструкции у советского торгового представителя в Лондоне Л.Б. Красина. «Во исполнение первой инструкции» Симонов составил и направил ему аналитическую справку – «описание состояния австралийского рынка» [29].

«Руководствуясь до некоторой степени активностью тов. Мартенса в Америке, – сообщал Симонов в НКИД, – я возобновил свою официальную активность с посылки федеральному премьеру меморандума, где я объяснял положение Советской России и указывал на обоюдную выгоду возобновления торговых сношений между Россией и Австралией. Этот меморандум я издал немедленно в форме брошюры и 2000 экземпляров разослал видным газетам, коммерсантам, членам биржи и членам парламентов. В это время начал издание официального органа моего консульства, также по образцу американского» [30]. Австралийские бизнесмены все чаще обращались к Симонову, информация о компаниях и фирмах, заинтересованных в торговле с «Советами», направлялась в Москву. «Я надеюсь, – писал Симонов Г.В. Чичерину, – что Вы получили мой доклад о моих переговорах для установления торговых сношений между Австралией и Советской Россией с “Pacific Supply Company”, и я хотел бы, чтобы Вы сообщили мне, были ли делегаты у Вас от этой компании и что сделано» [31].

Наряду с и поиском торговых партнеров консул выяснял возможность оказания австралийцами помощь голодающим в России. Он информировал НКИД о частных компаниях и благотворительных организациях и отдельных людях, готовых оказать донорскую поддержку [32].

Стремление Симонов к развитию торгово-экономических контактов способствовало изменению отношения официальных кругов Австралии к советскому консульству. Наконец-то, дескать, оно занялось деятельностью, соответствовавшей его статусу. «С начала 1921 г., – констатировал Симонов, – по-видимому, даже буржуазия перестает придавать значение газетной травле против меня, и многие из деловых людей разыскали мое консульство и обращались со всевозможными деловыми предложениями... С правительством также были установлены регулярные сношения, хотя вся корреспонденция адресовалась мне лично, а не как консулу официально» [33].

Власти также заверили, что не станут препятствовать финансированию консульства из Москвы. Это подтвердил премьер-министр, отвечая на запрос в парламенте одного из членов Лейбористской партии («финансовые поступления на имя Симонова из Советской России не будут изыматься») [34]. Но вот досада – никаких денег не поступало, и очень скоро консульство и сам консул оказались в бедственном положении.

Единственным, кто пришел ему на помощь, был Л.К. Мартенс, приславший 100 фунтов и ходатайствовавший перед Г.В. Чичериным о стабильном финансировании

консульства в Австралии. Он не только писал в Москву о бедственном положении Симонова, но и переадресовывал в НКВД все его письма. Незадолго до своей высылки из США (в январе 1921 г.) он написал Симонову: «Дорогой товарищ Симонов, я получил ваши письма от 20 октября и 23 декабря. Я чрезвычайно огорчен, что вы до сих пор не могли связаться с нашими товарищами в Европе. Со своей стороны делаю все возможное, чтобы обратить внимание Чичерина и Литвинова на Ваше положение». Советский представитель в США уверял, что понимает « всю важность работы », которую Симонов выполняет в Австралии » и будет продолжать « настаивать » на том, чтобы с ним « снеслись немедленно » [35].

Симонову хотелось, чтобы отношение Москвы к консульству в Австралии было таким же, как к представительству в США. Пусть оно не признано страной пребывания, но, по крайней мере, наделено внятыми официальными полномочиями со стороны Москвы. В США Л.К. Мартенсу поначалу выражали недоверие, « но с этим было покончено Вами, – писал Симонов Г.В. Чичерину, – тем, что Вы послали сообщение для опубликования, что Тов. Мартенс и вообще посольство ответственны только Советскому правительству и потому никто или никакая организация вмешиваться не может в дела посольства » [36]. Для себя Симонов просил о том же: « Я бы просил Вас телеграфировать мне что-либо в этом роде, как Вы телеграфировали тогда Товарищу Мартенсу » [37].

Некоторым утешением для Симонова стало письмо от имени Г.В. Чичерина (подписанное сотрудником его секретариата), которое в январе 1921 г. ему доставил А.М. Зузенко (бывший товарищ по эмиграции стал капитаном дальнего плавания и в 20-е – 30-е гг. не раз навещался на пятый континент, выполняя поручения Коминтерна). В этом письме, длительное молчание центра объяснялось проблемами со связью, которые делали невозможным поддержание « тесных контактов ». Очевидно, имелось в виду тяжелое положение Советской России в связи с Гражданской войной и интервенцией. Главное, подчеркивалось, что НКВД выражает « исключительное одобрение » деятельностью Симонова, которая осуществлялась « в сложных условиях », и сожалеет, что « в связи с отсутствием средств связи » ему « пришлось столько вынести ». Далее говорилось, что НКВД поручает советскому диппредставительству в Лондоне поддерживать с консульством в Австралии « прямые контакты » и снабжать необходимыми средствами для функционирования офиса [38].

Симонов приободрился, однако ни одно из данных ему обещаний выполнено не было. Когда вышли все средства, предоставлявшиеся австралийскими друзьями и собственные его накопления, советский представитель подошел к самой грани нищеты. 6 мая 1921 г. он написал наркомку: « Мне неприятно повторять тот же самый вопрос, вопрос финансовый, но я вынужден ». Строки его письма выдают отчаянье человека, доведенного до крайности, который перестал стесняться, описывая свое плачевное положение. « Весь оборвался, а заменить ничего я не в состоянии. Износился так, что практически скоро будет не в чем выходить на работу » [39].

Он указывал, что помещение, в котором находится консульство, совершенно не приспособлено для этого. « Можете представить, что у меня за контора за 13 шиллингов и 6 пенсов в неделю ». Она расположена « далеко от торгового центра города » и « крупных торговцев » и маклеров, « у которых имеются сведения о состоянии рынка », туда « не затянуть ». Симонов жаловался на то, что у него нет « даже порядочной пишущей машинки, не говоря уже о машинистке », и ему самому приходится разбирать корреспонденцию, которой « уйма ». Он задолжал 500 фунтов, больше одалживать не может и не знает, на что жить [40].

Симонов просит Г.В. Чичерина внести ясность в его положение и « что-нибудь сделать немедленно ». « Или снабдить меня финансами, или указать, как поступить » [41]. « Если находите, – писал он, – что, быть может, здесь больше нет особой надобности содержать консульство, то прошу сообщить, дабы я знал, что ответственность с меня снята » [42]. Вместе с тем закрывать консульство ему как раз не хотелось. Консульские

дела, в том числе, деловые контакты, только начинали налаживаться. Много у Симонова стало получаться, появились надежды на торгово-экономическое партнерство России и Австралии. «Вы, конечно, понимаете, что мне было бы крайне неприятно теперь закрыть консульство из-за неимения средств, после того, как я тянулся всеми силами почти три с половиной года при адски тяжелых условиях» [43].

Как недоверие центра консул воспринял предписание Москвы «прекратить выдачу виз вплоть до дальнейших распоряжений» [44]. Никакими объяснениями данная инструкция не сопровождалась. Ослушаться Симонов не мог и в номере «Knowledge and Unity» от 26 апреля им было помещено «срочное сообщение» следующего содержания: «Товарищи, согласно телеграфному распоряжению от товарища Чичерина, Комиссара иностранных дел, уведомляю Вас, что до следующего распоряжения никто впускаться в Советскую Россию не будет. Прошу сообщить это всем Вашим членам. С товарищеским приветом, Петр Симонов» [45].

Чтобы как-то растолковать эмигрантам решение Москвы и самому не потерять лицо в их глазах (консул, а не знает, что и как), Симонов – на этот раз уже в англоязычной прессе – привел следующие аргументы. Мол, в условиях, когда отсутствуют «надежные и безопасные пути сообщения между Советской Россией и другими странами», поездки туда сопряжены с большим риском. На европейские транспортные агентства полагаться нельзя, так как свои обещания они не выполняют, а только выкачивают деньги из клиентов. В результате в Европе скопились тысячи обманутых и отчаявшихся русских, так и не сумевших добраться до родины. «Поэтому, – писал Симонов, – Российское советское правительство поручило мне проинформировать всех заинтересованных лиц, что въезд в Россию закрыт до получения дальнейших инструкций» [46].

В письме же наркому он не скрывал своего недоумения. Распоряжение о прекращении выдачи виз, писал он, «подняло уйму споров между русскими» и дает козырь в руки противников Советской власти» [47]. Что же касается ее сторонников, то они утверждают, что «это вовсе не ваше распоряжение, что Советское правительство как раз наоборот нуждается в рабочих и хочет, чтобы русские приезжали в Россию немедленно» [48].

Между тем, полученное им указание не имело «частной привязки» к Австралии, а являлось общим циркуляром, направленным во все загранпредставительства. Он основывался на постановлении Совета народных комиссаров, признавшим «дальнейшую эмиграцию и реэмиграцию в РСФСР в настоящее время нецелесообразными» [49]. Если прежде приезд рабочих из-за рубежа, включая соотечественников, приветствовался в соответствии с курсом на мировую революцию и принципом пролетарского интернационализма, то теперь «пришлые иностранцы» все чаще вызывали подозрение – как потенциальные шпионы и лазутчики империализма. Принимать и обулаивать приезжих становилось также очень сложно и из-за страшного голода, охватившего Поволжье, Украину и другие районы страны. Проблема заключалась в том, что до сведения Симонова не довели все эти «детали».

15 июня он пишет очередное и на этот раз последнее свое письмо Наркому иностранных дел. Оно было еще более эмоциональным и острым, нежели предыдущие. «В эти три с половиной года я находился в гораздо худшем положении, чем самый последний рабочий в Австралии. ... Делается досадно и больно, и совершенно опускаются руки. ... Сознаю, что я теряю свою трудоспособность. ... Часто встаю утром и не знаю, буду ли иметь возможность иметь завтрак. ... Жду каждый момент, что вот-вот буду выброшен из моей квартиры или моя контора будет закрыта, потому что мне нечем будет платить за аренду» [50].

Симонов переживал не только за судьбу советско-австралийских отношений и рабочего движения в Австралии, но и за собственное положение. Он всерьез опасался, что Москва может забыть о нем и «списать со счетов». Сейчас такое поведение государства кажется невыносимым – любой его гражданин, а дипломат в особенности, имеет право

полагаться на его поддержку и защиту. Но в те годы, когда мир сотрясали войны и революционные катаклизмы, люди часто исчезали в водоворотах истории.

Оставят его одного в Австралии, и что тогда? Как смотреть в глаза товарищам, рабочим, всем кто шел за ним, как за представителем СССР? В их глазах он будет выставлен «на посмешище», что для него хуже всякого наказания» [51]. А отношение торгово-предпринимательских кругов? Выходит он их байками кормил о возможности сотрудничества с Москвой? Куда податься разжалованному консулу? Простого эмигранта еще возьмут на работу, а для экс-консула вакансии едва ли найдутся. «Ни один предприниматель, – писал Симонов, – не допустит меня в свою контору» [52].

Смысл некоторых пассажей в письмах Симонова прочитывается предельно ясно: не закрывайте консульство, а если уж закроете, то не оставляйте меня в Австралии. «Личные трудности меня не пугают, я к ним привык с самого раннего детства, хотя и в этом отношении я бы был теперь поставлен в крайне безвыходное положение, т.к. здесь теперь десятки тысяч безработных, и работодатели только бы засмеялись, если бы я обратился к ним за работой. Австралия слишком маленькая страна (по населению) для того, чтобы затеряться и быть неузнанным в ней. А меня слишком хорошо знают. Мое желание, конечно, вернуться как можно скорее в Россию. Я здесь задержался не по своей воле» [53].

В августе 1921 г. Симонов получает указание свернуть работу консульства и возвращаться в Россию. В сентябре, проделав долгий путь с остановкой в Италии (там его гостеприимно принимал полпред В.В. Воровский), бывший бухгалтер, горняк и консул приезжает в Москву.

За три с половиной года своей консульской деятельности, он сумел сохранить советское представительство, помогал эмигрантам, содействовал становлению Компартии Австралии. Голодал, сидел в тюрьме, подвергался преследованиям... Разве этого было мало, чтобы наградить его как героя, как-то поощрить и назначить на приличную должность? Увы, этого не произошло.

К тому времени Москва потеряла окончательно интерес к развитию отношений с Австралией. Л.Д. Троцкий издал приказ о назначении Симонова в начале 1918 г., когда казалось, что революция вот-вот охватит весь мир. Г.В. Чичерин был настроен более прагматично: нужно было решать приоритетные вопросы, связанные с отношениями Советской России с ее ближайшим международным окружением. От Австралии мало что зависело и тратить средства на содержание там консульства представлялось неоправданным. Симонов попытался пробудить у НКВДовского начальства интерес к этой стране, предлагая открыть там хотя бы торговую миссию, (подчеркивая, что ее можно было бы использовать и для «политической работы» [54]), но не был услышан.

Свою роль могли сыграть и компромат, накопившийся в личном деле Симонова, и отсутствие у него «полезных связей» в наркомате.

Он подчеркивал, что готов к любой работе: «Знание у меня кое-какое есть, также довольно продолжительный опыт в торговых делах, и потому я думаю, что в Советской России я мог бы быть полезным... Предоставляю себя в полное распоряжение Комиссариата» [55]. Тем не менее, вряд ли мы ошибемся, если предположим, что Симонов рассчитывал на работу творческую, отвечающую его квалификации и уровню прежде занимаемой должности. Например, он мог бы пойти в Коминтерн, заниматься рабочим и коммунистическим движением в британских колониях. Кстати, в Австралии почему-то полагали, что так оно и случилось, что не соответствовало действительности [56]. Симонову поручили реферирование зарубежной периодики в создававшемся тогда журнале «Международная жизнь». Работа эта была по-своему интересная и важная, но явно не та, на которую он надеялся.

Из журнала он был уволен в ноябре 1922 г. по сокращению штатов. После неудачной попытки устроиться первым секретарем в советское посольство в Албанию, удача, наконец, ему улыбнулась. Благодаря ходатайству А.Э. Калнина, ставшего членом

Исполбюро Профинтерна («Красный интернационал профсоюзов»), Симонова берут в эту организацию заместителем управляющего делами и заведующим издательским отделом. А в 1926 г. он получает работу на «иностранным направлении» – в экспортном отделе Нефтеиндустриала.

О дальнейшей его судьбе почти ничего не известно. Он не попал в жернова «большого террора», которые перемололи многих «русских австралийцев», и умер в 1934 г., по всей видимости, от естественных причин. Едва ли он думал, что о нем вспомнят через десятки лет, и его имя останется в истории – эмигранта, бунтаря, первого советского консула в Австралии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Массов А.Я.* Деятельность русских консулов в Австралии по защите интересов российских подданных и иммигрантов (1857-1917 гг.) // http://www.ojkum.ru/arc/lib/2011_01_07, с.7.

2. См., например: *Массов А.Я.* Указ. соч.; *Evans R.* The Red Flag Riots. A Study of Intolerance. University of Queensland Press. 1988.

3. АВП РФ. Фонд личных дел. Д. 2942. Л. 17.

4. Там же. Л. 11.

5. Там же. Л. 10.

6. *Симонов П.* Три с половиной года советского дипломатического представительства // *Международная жизнь.* 1922. № 15 (135). С. 63.

7. *Массов А.Я.* Указ. соч. С. 6.

8. *Симонов П.* Указ. соч. С. 61.

9. Там же.

10. Э. Фрид пишет об этом в статье о П.Симонове в “Australian Dictionary of Biography” // <http://adb.anu.edu.au/biography/simonov-peter-8429>.

См. также: Rare Russian papers discovered in the Oxley Library // <http://blogs.sqld.gov.au/jol/2012/02/27/rare-russian-papers-discovered-in-the-oxley-library/>

11. АВП РФ. Фонд 04 (Г.В. Чичерина). Д. 21. Л. 21.

12. *Симонов П.* Указ. соч. С. 62.

13. АВП РФ. Фонд 04 (Г.В. Чичерина). Д. 21. Л. 3.

14. Там же. Л. 1-2.

15. Там же. Л. 3.

16. В переписке консула упоминаются их имена: К. Ключин, Федор Силян-Белоножка, Пол Грей Кларк. Последний, по словам Симонова, вскоре после революции переехал из Австралии во Владивосток и там занял какой-то «видный пост» (АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л.12). Р. Эванс указывает, что Кларк в 1919 г. был членом Забайкальского ЦИК, однако затем вернулся в Австралию и отошел от политической деятельности.

17. *Троцкий Л.Д.* Историческое приготовление Октября. Часть 2. От Октября до Бреста // <http://www.pseudology.org/trotsky/trotl394.htm>.

18. АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л. 21.

19. Там же. Л.28.

20. Там же.

21. *Симонов П.* Указ. соч. С. 64.

22. *Троцкий Л.Д.* Указ. соч.

23. *Симонов П.* Указ. соч. С. 64.

24. АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л.21.

25. Там же.

26. *Evans R.* Op. cit. P. 173.

27. *Симонов П.* Указ. соч. С. 65.

28. АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л.22.

29. Там же. Л. 6.

30. Там же.

31. АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л.6.

32. Там же. Л. 25.

33. *Симонов П.* Указ. соч. С. 65.

34. АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л. 8.

35. Письма Л.К. Мартенса П.Ф. Симонов цитировал в своей переписке с Г.В. Чичериным. АВП РФ. Фонд 04 (Г.В. Чичерина). Д. 21. Л. 15.

36. Там же. Л. 5.

37. Там же.

38. Там же. Л. 16.
39. Там же.
40. Там же. Л. 7.
41. Там же. Л. 8.
42. Там же. Л. 9.
43. Там же.
44. Там же. Л. 5.
45. Там же. Л. 14.
46. Там же. Л. 26; The Australian. May 11, 1921.
47. АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л.4.
48. Там же. Л. 5.
49. *Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости.*
<http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/zakrytost.txt>. С. 12.
50. АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л. 19.
51. Там же. Л. 20.
52. Там же. Л. 10-11.
53. Там же.
54. АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л. 25.
55. Там же. Л. 25.
56. Australian Dictionary of Biography; *Evans R.* Op. cit. P. 206.

Автор выражает благодарность сотрудникам Архива внешней политики Российской Федерации за поддержку и помощь в поиске документов.

ЧИЧЕРИНСКИЕ ЧТЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.В. Романов,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

В ноябре 1972 г. в Тамбове были проведены общественно-политические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения Г.В. Чичерина. Именно это мероприятие, собравшее тогда небольшой круг тамбовских историков, краеведов, музейных работников и педагогической общественности, положило начало традиции проведения Чичеринских чтений в нашем городе. Сохраняется эта традиция вот уже 40 лет и поэтому сегодня, без всяких сомнений, можно говорить о том месте, которое занимают чтения в контексте не только изучения истории Тамбовского края, но и в академических исследованиях феномена международных отношений.

Г.В. Чичерин, личность которого собрала участников указанной конференции, конечно, не была фигурой умолчания в условиях советского времени. Для широкого круга читателей были опубликованы как официальные биографии «наркома ленинской школы», так и подборка его статей и выступлений по проблемам внешней политики. Известность получила и книга Г.В. Чичерина, посвященная композитору В.А. Моцарту [1]. Все эти публикации, которые увидели свет лишь в 1960-е гг., были во многом знаковыми работами. Как правило, их готовили специалисты, получавшие допуск к архивным документам Министерства иностранных дел. Интересной была и сама фактура биографического повествования, связанная с предреволюционными событиями и первыми шагами внешней политики Советского государства 1917-1920-х гг. Поэтому в целом эти книги давали вполне достаточное общее представление о личности Г.В. Чичерина. Однако его биография, как и биографии многих других государственных и политических деятелей начального периода советской истории, была в определенной степени мифологизирована и низведена до «схематичного» рассказа, полностью соответствующего официальным трактовкам советской историографии. По-другому, конечно, быть тогда и не могло. В

этой связи у вдумчивых читателей оставалось много вопросов, относящихся к пониманию той роли, которую сыграл Г.В. Чичерин в истории страны. Почему он, выходец из вполне благополучного дворянского рода, оказался в рядах большевиков? Как ему удалось 12 лет подряд руководить советским внешнеполитическим ведомством? Был ли он всего лишь «техническим» наркомом, вся деятельность которого направлялась большевистскими лидерами, или у него была возможность реализовать какие-либо собственные представления о приоритетах внешней политики Советской России?

Наших земляков, бесспорно, всегда интересовали связи Г.В. Чичерина с Тамбовским краем, поскольку из числа тамбовчан он, пожалуй, достиг одной из самых значимых позиций на государственной службе. На тамбовской земле сохранились и материальные памятники, относящиеся к жизни Г.В. Чичерина: барский дом поместья его дяди Б.Н. Чичерина в с. Караул, где родился будущий нарком; городская усадьба его отца В.Н. Чичерина, где прошли детские годы Георгия; дом, построенный его братом Н.В. Чичериным в их родовом имении Покровское. Опираясь на степень известности Г.В. Чичерина, краеведы не раз высказывались о необходимости создания на Тамбовской земле его дома-музея. Данное предложение обсуждалось в т.ч. и на общественно-политических чтениях 1972 г. По сути, именно тогда получила мощный импульс идея разработки научной концепции такого дома-музея, поддержанная руководством Тамбовской области. Процесс сбора экспонатов и организации экспозиции, правда, занял более 10 лет. Проводилась эта работа коллективом Тамбовского областного краеведческого музея, возглавляемого Е.А. Морозовым, а ведущая роль во многом принадлежала А.К. Кулаковой. Тамбовские энтузиасты сумели заинтересовать своей идеей Министерство иностранных дел СССР, которое инициировало сбор материала и передачу в Тамбов многочисленных копий документов, фотографий, книг, публикаций, рассказывающих о дипломатической деятельности Г.В. Чичерина и о последних годах его жизни в Москве. Из МИДа для будущего музея были направлены письменный стол и книжный шкаф, которые, по воспоминаниям ветеранов, находились в кабинете наркома в здании НКВД на Кузнецком мосту. Научными консультантами на разных этапах создания музея выступали сотрудники Историко-документального департамента МИД, московские исследователи-чичериноведы (И.М. Горохов, В.В. Соколов, И.М. Ховратович), а так же тамбовские историки (Л.Г. Протасов, Ю.А. Мизис, В.Н. Коваль) [2]. Совместная работа завершилась открытием дома-музея Г.В. Чичерина, состоявшимся 12 декабря 1987 г. За период 1972-1987 гг. творческий коллектив, занимавшийся реализацией данного проекта, несколько раз встречался в формате Чичеринских чтений, обсуждавших те или иные аспекты научной концепции музея и отдельные малоизвестные страницы биографии советского наркома. Поэтому будет справедливо назвать этот этап истории чтений «мемориальным». Он был важен тем, что краеведы, сотрудники МИД, родственники Г.В. Чичерина понемногу вводили в научный оборот новые документы, новые факты из истории рода Чичериных. Показательно, что заключительный период работы над экспозицией музея совпал с началом перестройки, в ходе которой значительно вырос интерес к истории, открылись небывалые раньше возможности для переосмысления советского опыта. Все это нашло свое выражение после открытия дома-музея в его практической деятельности, в т.ч. и в сохранении традиции проведения регулярных Чичеринских чтений, которые продолжали сохранять ярко выраженный культурно-просветительный характер. Именно в таком контексте была проведена, например, конференция «След Чичериных в истории, науке и культуре Тамбовского края и России» (1997 г.).

К началу XXI в. проявился ряд новых факторов, позволивших Чичеринским чтениям усилить свою научную составляющую. За 15 лет перестройки был обнародован огромный пласт архивных документов по ранней советской истории, ранее носивших гриф секретности. Многие из них позволяли не только по-новому трактовать отдельные факты из биографии Г.В. Чичерина, но и принципиально по-другому оценивать его

внешнеполитическое наследие. В качестве примера можно привести информационный бюллетень «Неизвестный Чичерин», подготовленный Историко-документальным департаментом МИД в 1999 г. [3]. Наряду с фундированными исследовательскими статьи о жизни наркома в бюллетене была представлена большая подборка неизвестных широкому читателю речей, выступлений, статей, писем, телеграмм Г.В. Чичерина. Среди них была, в частности, и его последняя служебная записка, адресованная предполагаемому преемнику на посту наркома. Эти документы очень точно отражали трагические реалии эпохи, в которую пришлось жить и работать Г.В. Чичерину. Все это с очевидностью доказывало, что чичеринская тема продолжала сохранять свою актуальность. Данное обстоятельство сумели уловить в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина, в котором с 2001 г. к тому же началась подготовка специалистов-международников. Преподаватели университета, работавшие на кафедрах исторического факультета, а позднее и на созданной кафедре международных отношений и политологии, попытались поднять Чичеринские чтения на новый, уже «академический» этап их развития. Это нашло выражение в проведении нескольких весьма представительных сначала межрегиональных, а позднее и международных конференций. Сохраняя свои лучшие традиции, новый формат Чичеринских чтений продемонстрировал, во-первых, стремление к расширению проблематики научных дискуссий. По сути, эти дискуссии, отталкивавшиеся от чичеринской проблематики, были вписаны в различные сюжеты активно формирующейся на рубеже веков российской международно-политической науки. Во-вторых, на новом этапе значительно выросло количество участников конференции. Первый шаг в данном направлении был сделан в декабре 2002 г. Предметом чтений, посвященных 200-летию МИДа, стали традиции российской внешней политики в XIX – XX вв. Общеизвестен интерес самого Г.В. Чичерина к истории международных отношений. Он был одним из авторов «Очерков истории Министерства иностранных дел», которые были изданы к 100-летию ведомства в 1902 г. Специалистам была известна и рукопись его книги о канцлере А.М. Горчакове, находившаяся тогда в архивных фондах. Анализ исторического опыта, позволил участникам конференции особое внимание уделить традиции защиты государственных интересов России, которая была характерна для чичеринской внешней политики в первые годы советской власти. Именно об этом эмоционально говорил на пленарном заседании известный советский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный посол Р.А. Сергеев [4].

Конференция 2004 г. так же акцентировалась на международных отношениях XIX – XX вв. Однако центральной проблемой научных дискуссий стали теоретические и политические аспекты трансформации мирового порядка [5]. В 2007 г. Чичеринские чтения обрели международный статус. Несколько докладов на конференции тогда впервые представили ученые из США, Германии, Украины, Белоруссии, Казахстана. Ключевой темой, которую организационный комитет вынес на обсуждение, стал вопрос о соотношении идеология и национальных интересов в системе внешнеполитических координат как России, так и зарубежных государств. Обоснованно прозвучал вывод, представленный в докладе заместителя директора Историко-документального департамента МИД РФ А.Г. Дульяна о том, что в 1920-е гг. в условиях популярного среди большевистского руководства курса на мировую революцию именно Г.В. Чичерину удалось отстоять во внешней политике страны «прагматическую линию с опорой на национальные интересы» [6].

Значительный интерес со стороны научной общественности вызвали Чичеринские чтения 2008 г. Их проведение было связано с 90-летием окончания Первой мировой войны и подписания послевоенных соглашений. Практически в полном составе в Тамбов прибыло правление Российской ассоциации историков Первой мировой войны (Е.Ю. Сергеев, В.К. Шацилло, С.В. Листиков, Д.Ю. Козлов, Г.Д. Шкундин), большая группа специалистов из ряда академических центров и крупнейших университетов России. Среди зарубежных участников конференции следует выделить известного современного

биографа Г.В. Чичерина, профессора истории Берлинского университета имени Гумбольта Л. Томас и делегацию польских историков во главе с представителем Польской академии наук при РАН профессором М. Волосом. Дискуссии относительно феномена Первой мировой войны и особенностей мирного урегулирования после ее окончания в очередной раз позволили выявить новые грани внешнеполитического наследия Г.В. Чичерина [7].

В 2011 г. Чичеринские чтения проводились в формате интернет-конференции. Она была посвящена обсуждению роли «великих держав» в мировой политике [8]. Используя современные информационные ресурсы, был создан специальный сайт чтений, на котором открылся форум по обсуждению представленных докладов. Такой формат дал возможность не только расширить географию представительства участников конференции, но снять все ограничения на временной регламент научных дискуссий.

Говоря о результатах «академического» периода Чичеринских чтений, необходимо привести, прежде всего, ряд количественных показателей. Всего за 2002-2011 гг. в них приняли участие 194 человека. Из числа заслушанных докладов 32 (или 17%) были посвящены чичеринской проблематике. 17 докладов (около 10%) было представлено иностранными специалистами. 25% участников прошедших конференций были докторами наук, 20% – можно отнести к категории начинающих исследователей (аспиранты, магистранты, студенты). Довольно внушительным было представительство крупных научных центров России (Институт всеобщей истории РАН, Институт Дальнего Востока РАН, Институт славяноведения РАН, Институт Латинской Америки РАН, Институт Африки РАН, МГУ, СПбГУ, Дипломатическая Академия МИД РФ, МГИМО-У МИД РФ, Институт военной истории Министерства обороны РФ, РГПУ имени А.И. Герцена). В конференциях участвовали ученые из многих региональных ВУЗов, расположенных в Арзамасе, Астрахани, Брянске, Волгограде, Воронеже, Владимире, Екатеринбурге, Ельце, Иваново, Кирове, Курске, Липецке, Нижнем Новгороде, Омске, Орле, Пензе, Ростове, Самаре, Саратове, Смоленске, Ставрополе, Томске, Туле, Череповце, Ярославле. Значительным среди докладчиков на чтениях всегда было и число преподавателей, аспирантов и студентов Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Иностранные участники прошедших конференций представляли как страны «ближнего зарубежья» (Украина, Белоруссия, Казахстан), так и страны «дальнего зарубежья» (США, Германия, Польша, Болгария, Македония, Индия, Китай).

Таким образом, Чичеринские чтения за последнее десятилетие продолжают развиваться уже как серьезный научный форум международного уровня. Это обстоятельство не раз отмечалось в приветствиях участникам чтений, направленных от имени министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова. Прошедшие конференции в полной мере подтверждают его слова о том, что «обсуждение дипломатического наследия Г.В. Чичерина имеет самое актуальное значение для наших дней» [9].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Горохов И.М., Замятин Л.М., Земсков И.Н.* Г.В.Чичерин – дипломат ленинской школы. М.: Политиздат, 1966; *Зарницкий С.В., Сергеев А.Н.* Чичерин. М.: Молодая гвардия, 1966; *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Изд-во социально-экономической политики, 1961; *Чичерин Г.В.* Моцарт. Исследовательский этюд. Л.: Музыка, 1970.

2. *Анохина О.Н.* Дом-музей Г.В. Чичерина // Молодежь и социум: Научно-методический журнал. Спецвыпуск. 2012. Тамбов: Изд. дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2012. С. 52-53.

3. Неизвестный Чичерин: Информационный бюллетень Историко-документального департамента МИД РФ. (1999 г.) // Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-arch.nsf/88ff23e5441b5caa43256b05004bce11/6e90ce81ee43600b442579c8004769c6!OpenDocument>

4. *Сергеев Р.А.* Чичеринские традиции отечественной дипломатии // Чичеринские чтения. Российская внешняя политика и международные отношения в XIX – XX вв.: Мат-лы межрегиональной научной конференции, 10-11 декабря 2002 г. / Отв. ред. А.Г. Айрапетов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. С. 22.

5. Чичеринские чтения. Международные отношения в XIX – XX вв.: проблемы трансформации мирового порядка. Мат-лы межрегиональной научной конференции, 25-26 ноября 2004 г. / Отв. ред. В.В. Романов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004.

6. Дульян А.Г. Г.В. Чичерин и отечественная дипломатия // Чичеринские чтения. Идеология и национальные интересы в системе внешнеполитических координат XIX – XX вв.: Мат-лы международной научной конференции, 12-13 октября 2007 г. / Отв. ред. А.Г. Айрапетов, В.В. Романов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 85.

7. Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): Мат-лы международной научной конференции, 11-12 ноября 2008 г. / Отв. ред. В.В. Романов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008.

8. Чичеринские чтения. Великие державы в контексте мирового политического процесса: история и современность. Мат-лы международной интернет-конференции, ноябрь 2011 г. / Отв. ред. В.В. Романов. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2012.

9. Лавров С.В. Приветствие участникам и гостям Чичеринских чтений 2007 года // Чичеринские чтения. Идеология и национальные интересы в системе внешнеполитических координат XIX – XX вв. С. 13.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «СУВЕРЕНИТЕТ»

ПОНЯТИЕ «СУВЕРЕНИТЕТ» В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ ГУГО ГРОЦИЯ

С.Ю. Волков,

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

В течение XVII в. в Западной Европе складывались абсолютные монархии, ставшие носителями государственного суверенитета, что стало следствием формирования единых государств вместо прежних феодальных конгломератов. Параллельно происходило налаживание новых форм международных отношений, в основе которых лежал не династический, а государственный интерес как высший принцип политики внешней политики государства. Первоначально он тесно переплетался со средневековыми пережитками, вменяющими в обязанность монарху заботу о славе и могуществе государства в основном для создания блеска и величия династии, но постепенно на первый план выходило сознание ответственности правителя за процветание страны.

Параллельно с этим объективным историческим процессом в научных трактатах раннего нового времени все более прочное место занимал сам термин «суверенитет». Жан Боден, обосновавший идею суверенитета, понимал его как высшую волю, сосредоточенную в руках одного монарха, который единственно может определять внутреннюю и внешнюю политику государства. Если в средние века правитель воспринимался в первую очередь как защитник от внешней угрозы и беспристрастный судья, то Боден прежде всего наделяет его чертами мудрого законодателя. Высшая власть короля, заключенная в праве издавать законы, стала основой абсолютной монархии как особой формы правления [1].

Наиболее ярким воплощением абсолютизма на раннем этапе его существования справедливо считается политическая система, созданная в середине XVII в. во Франции ее первым министром кардиналом Арманом дю Плесси де Ришелье. «Политическое мышление Ришелье в полной мере воплощало начавшую формироваться еще в XVI в. под пером Макиавелли, Бодена, а затем в начале XVII в. Гуго Гроция парадигму «государственного интереса». Последняя представляла собой такое политическое учение, которое требовало подчинения всех конфессиональных, мировоззренческих, а также личных склонностей интересам государства» [2].

Если относительно научных и политических взглядов Николо Макиавелли и Жана Бодена, в данном ракурсе рассмотрения проблемы суверенитета, принципиальных споров обычно не возникает – оба мыслителя недвусмысленно выступали апологетами единого централизованного государства под абсолютной властью монарха – то позиция Гуго Гроция требует более детального изучения. В отличие от указанных предшественников он как раз, наоборот, отстаивал право Нидерландов на отделение от державы испанских Габсбургов и на свержение законной власти абсолютных монархов из этой династии. В этой связи закономерно возникает вопрос по поводу того, какое место в системе взглядов великого голландского ученого занимает понятие «суверенитет», а также каково его отношение к абсолютной монархии, как к политической форме обеспечения «государственного интереса».

В первом томе своего главного политико-правового трактата «О праве войны и мира» (1625 г.) Гуго Гроций уделяет много внимания обоснованию юридической допустимости абсолютной монархии, воспринимая ее как исторически сложившуюся

систему правления в некоторых государствах. Однако с точки зрения политической практики он не отдает ей явного предпочтения по сравнению с аристократией или демократией. Напротив, автор четко формулирует тезис о свободе выбора народа: «Народ может избрать любой образ правления, ибо тот или иной правопорядок следует оценивать не с точки зрения преимуществ его формы, о чем суждения людей весьма расходятся, но с точки зрения осуществления воли людей» [3]. То есть изначально «народный суверенитет» существует, и люди сами определяют для себя форму правления, но, однажды выбрав, обязаны ее придерживаться впредь. По мнению Гроция, «какую бы форму правления ни изобрести, никак невозможно избежать тех или иных неудобств или опасностей», но следует придерживаться установленной формы во избежание тяжких потрясений [4].

Касаясь вопроса о том, кому принадлежит суверенитет в настоящее время, Гроций называет его принадлежностью государства как политического института, а носитель же власти в собственном смысле есть или одно лицо или же несколько, сообразно законам и нравам того или иного народа» [5]. Таким образом, как отмечает И.Ю. Козлихин, «носителем суверенитета в общем смысле слова становится государство как таковое, а сам суверенитет превращается в свойство государства независимо от смены правителей и даже форм правления» [6].

Верховная власть включает в себя общее руководство государством (вопросы войны и мира, международные договоры, государственные налоги и т.п.), а также право распоряжения «отдельными частностями» (прежде всего – отправление правосудия, так как оно напрямую связано с «общественным спокойствием»). Остальные частные дела относятся к компетенции должностных лиц, уполномоченных верховной властью [7].

Важными прерогативами верховная власть обладает в области международных отношений. Лишь ее волей может быть объявлена «торжественная» война, отвечающая требованиям права народов, и заключен мир по окончании войны; только она может направлять послов в другие государства и заключать договоры высшей формы прочности [8]. Именно с победой в справедливой войне Гуго Гроций в первую очередь связывает возможность расширения владений путем установления верховной власти над побежденными.

Актуальность регулирования международных отношений с помощью естественного права в условиях XVII в. Гуго Гроций видит в устранении неоправданной жестокости военных действий. «Мы бываем иногда свидетелями жестокости над пленными и сдавшимися или же отклонения сдачи на милость победителя молящих лишь о сохранении жизни, если, будучи убеждены в несправедливости войны, они все же продолжают оставаться с оружием в руках; если они уронили славу противника причинением огромного урона; если они нарушили клятву или иную норму права народов, как, например, права послов; если они являются перебежчиками» [9]. Гуманное отношение к врагу – залог введения в цивилизованные рамки такого заведомо жестокого социально-политического феномена, каковым является война.

Вместе с тем естественному праву соответствует межгосударственное содействие преследованию преступников. Каждое государство имеет определенные права по предоставлению убежища беглецам, но если это преступления против безопасности других государств, то препятствовать осуществлению наказания не следует. «Так как государства не должны допускать, чтобы другое государство вооруженной силой вступало в их пределы ради осуществления наказания, поскольку это нецелесообразно, то отсюда следует что государство, в котором находится тот, кто уличен в преступлении, должно или само, по требованию другого государства, наказать по заслугам преступника, или же предоставить это усмотрению соответствующего государства» [10].

Неподконтрольность верховной власти иной внутренней и внешней силе, а также невозможность изменить решения правителя иначе, как им самим или его законным преемником, позволяют констатировать выделение Гроцием суверенитета в качестве

ключевого отличительного признака государства как политического института. Вслед за Ж. Боденом голландский ученый весьма широко трактует полномочия правителей в русле определения суверенитета, ибо конкретизация «государственных целей» остается их прерогативой. Таким образом, Гроций является одним из идеологов абсолютной монархии – не как идеальной формы правления, а лишь как наиболее эффективного способа обеспечения государственного интереса в современную ему эпоху.

Гуго Гроций определяет государство как «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы» [11], и объясняет его возникновение тем, что при переходе от «естественного состояния» к «гражданскому обществу» (т.е. общинным структурам – С.В.) и государству правовой принцип справедливости дополняется политическим принципом пользы. Объединение в государство происходило путем добровольного волеизъявления для совместного сопротивления слабым насилую со стороны сильных. Следовательно, государство установлено для обеспечения общественного спокойствия, и ему принадлежит «некое верховное право над нами и нашим достоянием, поскольку это необходимо для осуществления государственных целей» [12].

Договорная теория происхождения государства, по мнению знаменитого Бертрана Рассела, была единственно возможной альтернативой божественной концепции происхождения власти, «следовательно, учение о том, что правительство было учреждено на договорных началах, фактически было популярно среди всех противников священного права королей. Намеки на эту теорию имеются у Фомы Аквинского, но начало ее серьезного развития нужно искать у Гроция» [13].

Некоторые советские исследователи, сравнивая степень выраженности революционных идей у Гроция и Ж-Ж. Руссо, приходили к некорректным выводам относительно реакционности воззрений голландского ученого. Например, А.И. Денисов писал, что Гроций «монархист по своим убеждениям и противник идеи народного суверенитета» [14]. Между тем, Гуго Гроций, являясь основоположником научного этапа в развитии теории естественного права, наоборот, исходит из предпосылки существования законов более значительных, чем нормы позитивного права, издаваемые любыми правителями. Эти законы действуют среди людей изначально по причине общественной сущности человека. Подчиняться естественным законам обязаны не только простые смертные, но и сами государи. Такой подход в корне подрывал феодальное восприятие государства как собственности правителя, не обязанного кому-либо давать отчет в своих действиях.

В предисловии к «Свободному морю» Гроций, обращаясь к «государям и свободным народам христианского мира», выступает против «бессмысленного мнения» тех, кто полагает, что «правители не должны руководствоваться правом, что они действуют по своей воле, руководствуясь только соображениями пользы. Бог, создатель природы и человека, установил законы, написанные не на меди и не на таблицах, а в чувствах и в сердцах людей, и этим законам подчинены все от мала до велика. Этим законам не могут не знать люди, не могут не знать народы. Ими поддерживается общество всего рода человеческого, его согласие и спокойствие» [15].

Прямым следствием введения в широкий научный оборот естественно-правовой концепции стал коренной вопрос общественной мысли нового времени: как следует поступать с теми государями, которые пренебрегают своими обязанностями добросовестного управления страной и злостно нарушают основные принципы естественного права? Хотя сам Гроций не считал это достаточным основанием для свержения правителя, сама постановка проблемы презумпции естественных прав, неподвластных даже абсолютному монарху, стала важным теоретическим фундаментом в развитии революционных идей эпохи нового времени.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бобкова М.С. Жизненный путь Жана Бодена. // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 150-153.
2. Ивонин Ю.Е. Ивонина Л.И. Тридцатилетняя война и германская политика Франции // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 35-37.
3. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Госполитиздат, 1957. С. 128.
4. Там же. С. 128.
5. Там же С. 127-128.
6. Козлихин И.Ю. Гуго Гроций // Правоведение. 1999. № 4. С. 267.
7. Гроций Г. Указ. соч. С. 126-127.
8. Там же. С. 375, 427, 609, 771 и др. Вариант перевода «торжественная» война является не вполне удачным, имеется в виду официально объявленная верховными органами власти война, регулируемая нормами права народов.
9. Там же. С. 706.
10. Там же. С. 508.
11. Там же. С. 74.
12. Там же. С. 49, 74, 159.
13. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск: Новосибирский университет, 1997. С. 583.
14. Денисов А.И. Гуго Гроций о праве // Гуго Гроций О праве войны и мира. М.: 1948. С. VII.
15. Grotius H. The Freedom of the Seas or the right which belongs to the Dutch to take part in the East Indian Trade. New York: Oxford University Press, 1916. P. 7-8.

ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИР И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Л.И. Ивонина,

Смоленский государственный университет

Хотя понятие государственного суверенитета было введено еще французским политиком и ученым XVI в. Жаном Боденом, первоначально оно сохраняло связь с европейским средневеково-ленным правом, обозначая, прежде всего, неограниченность власти верховного сюзерена в противоположность власти вассальных правителей. По Бодену суверенитет – это неограниченная и бессрочная верховная власть монарха в государстве, принадлежащая ему в силу его естественного права [1]. Тем не менее, регулирующее тогда межгосударственные отношения в Западной Европе каноническое право признавало верховную власть только за папой римским. В следующем столетии многое изменилось.

В принципе, любой переходный период, каковым и является ранний Модерн (XVI-XVIII вв.), – это время неопределенности, многоликости, динамичности, контрастности, аффектации, борьбы и созидания. Иными словами, это время приспособления к переменам, вызывающим у людей самые противоречивые чувства и реакции. Но адаптация отнюдь не предполагает абсолютной неустойчивости, и неустойчивость переходного общества ни в коем случае не отрицает довольно длительных периодов его стабилизации, пусть даже в форме т.н. «неустойчивого равновесия». К началу XVII в. возрождение системного хаоса создало всеобщую заинтересованность в серьезной рационализации властной борьбы со стороны европейских правителей и зарождавшейся буржуазной олигархии, имевших мотивы и способности, необходимые для того, чтобы взять на себя инициативу в обслуживании общего интереса – государственного.

Стабилизационный период, согласно современному немецкому социологу Х.Д. Киттштайнеру, генерировался из «хаотического» времени и охватывал 1618-1715 гг. Именно в это время место конфессиональной борьбы за господство универсальной силы заняла рационально калькулированная борьба суверенных государств в рамках европейского равновесия. Государи получили право конфессиональной свободы и право распоряжаться свободой совести своих подданных, а философия стала вытеснять теологию в мышлении интеллектуалов и государственников. Только в 1648 г. в документах Вестфальского мира, венчавшего окончание Тридцатилетней войны (1618-

1648 г.) был сделан шаг в сторону признания светских суверенных прав за всеми европейскими государствами, включая чинов Священной Римской империи [2].

С Вестфальским миром идея верховной власти или организации европейских государств сверху перестала эффективно работать. Вместо нее закрепилось представление о том, что все государства образуют единую политическую систему (становление европейской системы государств, еще безымянной, началось в XVI в.) Эта новая система покоилась на международном праве и еще не зафиксированном в договорах балансе сил – праве, действующем между государствами, а не над ними, и силе, действующей между государствами, а не над ними. При этом из трех международно-правовых метафор – «Вестфальский мир», «баланс сил» и «Европа» – только последняя в различных ее вариативных выражениях реально стала каноном международного права в XVIII в. [3]

Разумеется, с заключением не только Вестфальского, но и других мирных договоров середины XVII в. – Пиренейского (1659 г.) и Оливского (1660 г.) [4] – эпоха гармонии и всеобщего мира не наступила. Однако тогда была достигнута определенная стабильность, и стали формироваться новые формы взаимного сосуществования, активно апробировавшиеся в политике, экономике, культуре. Новым явлением стал мир «дворов и альянсов», который внутри- и внешнеполитически, в культурной сфере, в отношениях между государством и церковью, в экономической области и в науке достаточно отчетливо провел черту между поздним средневековьем и новым временем. В принципе, европейскую политику тогда уже можно было просчитать, чтобы найти адекватный ответ, что нашло отражение в правовой мысли века Просвещения. Коррекцию правовой системы Вестфальского мира и переход к реальному равновесию подготовила война за испанское наследство (1701-1714 гг.), а побочным эффектом этого перехода стало периферийное положение Империи, которая как единое целое перестала играть роль участника формирующегося концерта держав [5].

Как известно, территориальный суверенитет предполагает эффективный контроль государства над своей территорией в пределах границ и устойчивую правовую связь большинства населения с территорией и властью (подданство или гражданство и оседлость). Не так давно общепризнанной была точка зрения, что суверенитет, предоставленный имперским чинам по Вестфальскому миру, был полным, что привело к дезинтеграции Священной Римской империи и трансформации средневековых территориальных ленов в государства современного типа. Она легла в основу концепции Вестфальского суверенитета, т.е. организации власти, при которой государство обладает полным верховенством в пределах своей территории, политической независимостью во внутренней и внешней политике и является юридически равноправным в отношениях с иными государствами. Согласно этому представлению, именно Вестфальский мир заложил основы современного международного права и современной политической картины мира как совокупности суверенных, независимых и равноправных национальных государств. Признание территориального суверенитета имперских сословий (помимо их традиционных привилегий) привело к их независимости от имперской власти, ограниченной лишь мало значившей оговоркой, запрещающей заключать международные договоры, направленные против императора.

В настоящее время такой взгляд на итоги Вестфальского мира подвергается коррекции. Ряд исследователей, признавая его роль в создании немецкого территориального абсолютистского государства, замечают, что суверенитет имперских сословий после 1648 г. лишь систематизировал старые свободы и привилегии, которыми они пользовались раньше. Он подчеркивал права сословий, но не делал из них суверенных правителей. Территориальные княжества оставались по-прежнему в рамках единой конструкции, скрепленной имперской Конституцией, а полноправным сувереном продолжала быть Империя, а не ее члены. Германские князья имели независимость в сфере внутренних дел, административного устройства и собственного законодательства, но по-прежнему считались вассалами императора и не могли заключать договоры,

направленные против Империи. Кроме того, они были обязаны принимать участие в органах управления Империи, в расходах на содержание имперской армии и учреждений, обеспечивать исполнение на своей территории решений имперского рейхстага [6]. Тем не менее, на практике границы суверенитета зависели от военно-политической силы конкретного княжества. Например, в XVIII в. король Пруссии не участвовал в окружных собраниях и имперских расходах, не допускал исполнения на территории своих владений постановлений имперского суда и проводил независимую внешнюю политику, за исключением договорных обязательств во время войн. В других крупных княжествах Империи территориальный суверенитет также эволюционировал в сторону устранения ограничений независимости и расширения прерогатив территориальной власти.

В русле современной историографии, склонной к опровержению устоявшихся «мифов», немецкий историк Х. Духхардт тоже основательно критикует понятие «Вестфальская система» и стилизацию договоров в Мюнстере и Оснабрюке. И не только в отношении статуса чинов Священной Римской империи. В первую очередь, он обращает внимание на то, что в германской исторической лексике и современных германо-американских исследованиях такого понятия нет, но оно активно используется в англо-американской историографии как устоявшийся факт, а не как дискуссионный термин. Особенно спорным, по мнению Духхардта, выглядит определение Вестфальской системы американским правоведом Лео Гроссом в 1948 г.: мол, Вестфальский мир открыл эру суверенных абсолютистских государств, не признающих высший авторитет. Впоследствии этот мотив, навеянный созданием ООН и других международных организаций, был развит в 1990-е гг., годы юбилея Вестфальского мира, и звучал так: Вестфальский конгресс создал европейскую систему суверенных государств. Духхардт выводит корни стилизации мира 1648 г. из сочинений его современников, развитых впоследствии в эпоху Старого порядка, тогда как на самом деле он был призван создать порядок на части Европы, не разрешив ни франко-испанский, ни польско-русско-шведский, ни итальянский конфликты. Вместе с тем, историк согласен с тем, что «дух» Вестфальского мира имеет наивысшую ценность, когда идет речь о конце кровавого и бессмысленного конфликта и переходе от конфессиональной к рациональной политике. Переговоры лишь обозначили путь к мифу о Вестфальском мире, который обосновала общественность перед Французской революцией конца XVIII в. При этом он исходит не только из содержания договоров и многочисленных славословий, но и из долгоиграющей местной культуры памяти. Сегодня между предреволюционным мифом и его новой трактовкой есть непосредственная связь, однако американские правоведы, историки и политологи используют модель большого формата в духе нового реализма и мировой политики США. Как видно, точка зрения ученого несколько эмоциональна, заметна его опора на европейский материал и антиглобалистская направленность, но она интересна своей дискуссионностью. По Духхардту, три столпа мифа о Вестфальском мире – государственный суверенитет, паритет и равновесие сил в Европе в строгом смысле не проистекают прямо из него, за исключением внутреннего и внешнего паритета государств (что тоже спорно, ибо имела место негласная иерархия государств, особенно заметная на переговорах). Немецкий историк заключает, что сегодняшней миф, опирающийся на модель эпохи Просвещения и всегда подвергавшийся критике, с реальными решениями архитекторов мира 1648 г. не имеет ничего общего [7].

В любом случае, главным итогом войн «конфессионального века» (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.) являлась секуляризация религии и политики. Нельзя не заметить, что во время Классической Европы качественные политические перемены охватили все уголки континента: их переживали как монархии – Англия, Франция, Испания, так и республики – Соединенные Провинции, Венеция. И Священная Римская империя уже не являла собой надгосударственный союз, ибо это было невозможно, хотя позднее ряд историков рассматривал ее как нацию в современном смысле. Государство раннего Нового времени формировалось в Германии как территориальное, ибо имперская

конституция после Вестфальского мира не определяла ее полный суверенитет над многочисленными княжествами, герцогствами и городами, предоставив им свободу отношений друг с другом и другими европейскими державами. Кроме того, Империя частично внутренне модернизировалась на правовой основе из-за необходимости войти в мир суверенных государств [8]. А политические структуры, неспособные достичь, по Максу Веберу, «монополии легитимной силы», такие, как Речь Посполитая, становились легкой добычей для соперников, которые использовали признаки времени более эффективно. Успешное государство нуждалось в адаптации к экономическим и социальным изменениям, и только те, кто преуспели в интеграции своих элит, могли конкурировать. Это можно было достичь через двор (проект Версаля), или через репрезентативную ассамблею, как английский Парламент, или через службу аристократии, как в Пруссии и России, или через комбинацию всех этих составляющих, как в Габсбургской монархии XVIII в. [9]

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Bodin J. Book 1 // Six Books of the Commonwealth (Les six livres de la République) / Abridged and translated by M. J. Tooley. Oxford: Basil Blackwell Oxford, 1955.*
2. *Kittsteiner H.D. Die Stabilisierungsmoderne. Deutschland 1618-1715. München, 2010. S. 24-25.*
3. *Duchhardt H. Frieden im Europa der Vormoderne. Ausgewählte Aufsätze 1979-2011/ Herausgegeben und eingeleitet von M. Espenhorst. Paderborn-München-Wien-Zürich: Ferdinand Schöningh, 2012. S. 119.*
4. ПИРЕНЕЙСКИЙ МИР привел к концу долгое противостояние между Францией и Испанией, а ОЛИВСКИЙ МИР, подписанный неподалеку от Данцига с участием Бранденбурга-Пруссии - между Речью Посполитой и Швецией. Этот мир и Копенгагенский договор 1660 г. завершили Северную войну 1655-1660 гг. и обозначили зенит Шведской империи.
5. *Duchhardt H. Frieden im Europa... S. 37-39, 61-64.*
6. Вестфальский мир: межкафедральный круглый стол в МГИМО (У) МИД России 27 февраля 2008 года//Вестник МГИМО-Университета: Журнал. 2008. № 1. С. 79.
7. *Duchhardt H. Frieden im Europa... S. 152-159.*
8. *Schilling H. Europa um 1700. Eine Welt der Höfe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien// Preussen 1701. Eine europäische Geschichte Essays. Berlin, 2001. S. 15-17.*
9. *Mann M. Geschichte der Macht. Band 3. Teil 1. Frankfurt, N.Y., 1998. S. 14.*

АНТИИМПЕРИАЛИЗМ И ВООРУЖЕННАЯ ЗАЩИТА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА КАК ОСНОВЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ГЕНЕРАЛА ЦАЙ Э

И.Е.Пожилов,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

В начале XX в. проблемы восстановления национальной независимости и защиты государственного суверенитета в Китае являлись предметом самого серьезного внимания не только и, наверное, не столько кабинетных ученых, сколько всех мыслящих китайцев. Наибольшей притягательностью вопросы «освобождения от гнета европейского империализма» пользовались в районах прямого соприкосновения внешнего и внутреннего интересов, например, в разместившейся на самой юго-западной кромке страны провинции Юньнань. Как иронично поговаривали ее интеллектуально продвинутые обитатели, «мы хотя и дремучая окраина, но для Поднебесной самая что ни на есть необходимая, мы передовой бастион на пути колониальной экспансии» [1]. Лукавые юньнаньцы несколько преувеличивали свою отсталость, но в готовности принять первыми удар агрессора действительно подавали пример соотечественникам.

Ресурсы, инвестируемые цинским правительством в укрепление региональной обороны, и кредитно-концессионные капиталы Франции в первое десятилетие нового столетия заметно преобразили захолустный облик Юньнани. Еще динамичнее менялась

социально-экономическая и культурная среда ее столицы. Крохотный в сравнении с Чэнду или Чунцином, Куньмин быстрее капитализировался, скорее впитывал свежесть либеральных идей, решительнее выталкивал отжившее. «Здесьняя действительность меня удивила, - пишет оказавшийся здесь проездом современник. – Где глухомань? Где невежество? Народ, конечно, все больше бедный, но здешнее общество хорошо образовано и очень прогрессивно, в курсе дел внутренних и зарубежных. ...Есть много тех, что вернулись с учебы в Японии. В Чуньчэне [2] все за революцию и республику. Военным и чиновникам с севера такое не нравится. Но из боязни помалкивают: здесь бэйянца запросто придушат в темной подворотне» [3].

Местные нравы, в том числе свойственные прогрессивной общественности, отличались еще одной характерной чертой – развитым до этнократического предела ханьским национализмом. Его подпитывала не только опасность закабаления Западом, а также и маньчжурское владычество. Ростом шовинистических настроений провинция была обязана своему этнически гетерогенному составу, немалая часть которого приходилась на некитайские народности, рассеянные в приграничной (с Бирмой и Вьетнамом) полосе и Кхаме. Всех их – безотносительно к племени и роду – местные китайцы называли *маньцзы* («дикари»), считая «недочеловеками» да еще и пособниками колонизаторов. Куда откровеннее проповеди расизма звучали в армейских казармах, будучи сердцевиной «патриотического обучения и воспитания войск» цинов, равно как и национал-революционеров Сунь Ятсена [4].

Весной 1911 г. в Куньмин прибыл новый командир расквартированной в пригородах 37-й бригады 19-й дивизии. Цай Э, совсем еще юный (28 лет от роду) генерал, к тому времени уже был хорошо известен в военных кругах и необыкновенно популярен у армейской и студенческой молодежи благодаря своей брошюре «*Цзюньгоминь пянь*» («О воинствующей нации») и курсу лекций «*Цзэн Ху чжибин юйлу*» («Наставления Цзэн [Гофана] и Ху [Линьи] по военному делу»). О его доподлинных политических позициях и пристрастиях знали меньше: «патриот-реформатор» и «бунтовщик», «протезе Юань Шикая» и «ближайший сподвижник Лян Цичао»... Вот, пожалуй, и все. Пересуды о том, кто же он на самом деле, продолжались вплоть до его безвременной кончины в 1916 г. [5]

Мятущийся и противоречивый в представлениях о социальном идеале, Цай Э оставался тем не менее весьма последовательным, если не одержимым, в воплощении идеи «переплавки» общества «малодушия» и «истощенной жизненной энергии» в «воинствующую нацию». «Двигающую к гибели Китая болезнь» генерал, восхищенный примером излечения японцев «духом *Ямато*» и «*Бусидо*», также предлагает врачевать прививкой «воинской отваги», питавшей *гохунь* (национальный дух) ханьского народа на протяжении четырех тысяч лет [6]. *Цзюньгоминьчжуи* («милитаристский национализм» [7]) Цай Э считал «первоосновой спасения государства», на фундаменте которого формулируются стратегические целеполагания, осуществляется модернизация армии, проходят подготовку неограниченные мобилизационные резервы, «и только затем начинаются преобразования политической, общественной и экономической сфер» [8].

Нельзя сказать, что «*Цзюньгоминь пянь*» превратилась в некий манифест сторонников решительных действий на пути возрождения былого могущества Китая даже в армии. Одним претили, в частности назойливые отсылки генерала к японскому образцу; другим казалось наивным ребячеством с «воинственным духом и голыми руками» давать отпор вооруженной до зубов своре империалистов; третьи просто не верили, что в условиях цинской тирании можно вообще разбудить в рабах какие-то чувства, кроме злобы и ненависти. Но на Юго-Западе «национал-милитарист» завоевал себе авторитет «мудрейшего» из лидеров Синьхая и безусловного вдохновителя *Хуго юньдун*.

В первую очередь проповедь *цзюньгоминьчжуи* находила широкий отклик в армейской среде, особенно податливой на призывы «дать военный отпор империализму и не растерять остатков суверенитета». Не менее значимой для местных *цзюньфа* казалась идея Цай Э о роли армии как самодостаточного, неангажированного и тем более

неподконтрольного любым политическим силам государственного института (*буданчжуи*), выступающего «морально-патриотическом идеалом» и «критерием истины» для всех социальных слоев и носителей власти. Стоящий вне политики офицерский корпус подневолен лишь одному началу – «всенационально принятой конституции» с ее ясно прочерченным императивом «возбуждения и возвышения *гохунь*». Китай, как считал генерал, достигнет «единства, силы и прогресса», если примет такой, своего рода «общественный договор», а «за военными дела не станет: империализм отбросим, суверенитет – защитим» [9].

Ведомая армией «воинствующая нация» покончит с господством в стране колонизаторов и, «расчистив завалы на дороге», приступит к коренным общественно-экономическим и политическим преобразованиям. Западные хищники, поясняет свой тезис Цай Э, никогда не согласятся оставить Китай в покое и не пойдут на установление равноправных отношений с ним цивилизованным путем, поэтому необходимо прибегнуть к средствам вооруженной борьбы и нанести военное поражение «хотя бы одной из колониальных держав». Из контекста «*Цзюньгоминь пянь*» следует, что таковой объективно предстает Франция как «слабейшее звено в цепи, затянутой на шее нации». В начале века французы получили от цинского правительства права на строительство железной дороги Хайфон-Куньмин. Разве это не самое веское доказательство намерений Парижа присоединить к своим индокитайским владениям территорию Юньнани, Гуйчжоу и, возможно, Южной Сычуани?! Кроме того, по мнению генерала, Франция активно провоцирует неханьские народы, проживавшие в приграничье, на вооруженную борьбу за независимость. Нестабильность и угроза интересам иностранного капитала в районе, по его расчетам, позволит французам ввести войска в Юньнань для охраны дороги и прочих объектов собственности. Китайская армия и консолидированная духом *гохунь* нация как один встанут на защиту отечества. «Раскаты грома в Поднебесной, - вторя Цзоу Жуну, вещал Цай Э, - потрясут твердыни мироздания. На его обломках возникнет новая система межгосударственных отношений. А ни с чем не сравнимый духовно-нравственный опыт ханьской нации будет не только способствовать *гуанфу*, но и послужит основой установления ее мирового лидерства» [10].

Цай Э не считал себя теоретиком, предпочитая позиционироваться «практиком революции». И в этом смысле он был сильнее и Лян Цичао, и Сунь Ятсена: апологетика воинствующего антиимпериализма имела, надо сказать, неплохие всходы. В школах и университетах Юго-Запада одним из самых популярных лозунгов времени являлся такой: «Хочешь быть полезным родине – становись военным!». Факт сам по себе удивительный – традиция небрежения военной службой сдавала позиции, и теперь разве что старики кивали на, казалось бы, обветшавшую пословицу: «Из хорошего железа не делают гвозди...» [11]

С «гвоздями», однако, выходила не очень приятная неувязка. Нельзя не согласиться с заключениями представителей т.н. независимой исторической школы, считающих Цай Э с его *цзюньгоминьчжуи* и выпестованной им *дяньцзюнь* провозвестником драматического реверса китайской революции. Именно «кровавый поход» юньнаньской армии в Сычуань в 1912 г. (под предлогом поддержки республиканских сил провинции), считают они, «открыл череду жестоких милитаристских междоусобиц в Китае длиною в двадцать с лишним лет» и тем самым сорвал процесс углубления демократических преобразований, утвердив в политической практике страны примат военной силы и вероломства [12].

Если не придавать особого значения выставленным рамкам времени («более двух десятилетий?»), то с китайскими «диссидентами» в общем-то можно согласиться. В 1949 г. к власти в Китае пришла партия, сращенная с военной силой и исповедовавшая едва ли не всемогущество вооруженного насилия. Главнокомандующий НОАК Чжу Дэ, а в прошлом ближайший сподвижник знаменитого генерала, и в глубокой старости не стеснялся повторять: «Я преклоняюсь только перед одним человеком в Китае. Цай Э оказал на меня колоссальное влияние» [13].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Цинмо миньчудэ Юньнань шэхуэй. Юньнань шэн даньаньгуань цзыляо сюаньбянь (Юньнаньское общество в позднецинское время и начальный период Республики. Избранные материалы музея провинции Юньнань). Куньмин, 2005. С.89-90.
2. Чуньчэн (Город Весны) – другое, поэтическое название Куньмина.
3. У Чангэнь. Циндай Куньмин ши миньсу яньцзю (Городские нравы Куньмина эпохи Цин). Чэнду, 2007. С.89; Цинмо миньчу дэ Юньнань шэхуэй. С.36-37.
4. См.: Ши Дуцяо. Цинмо бяньлянь синши луцзюнь дэ сысян юй шицзянь (Идеология и практика организации и подготовки сухопутных войск нового типа в позднецинский период) // Цзюньши лишэ яньцзю. 1998. № 2. С.53-54.
5. Фу Гоюн. Чжужцзюэ юй пэйцзюэ: цзиньдай чжунго дачжунаньсин дэ тайцянь мухоу (Главные и второстепенные роли: на авансцене и за кулисами поворотных событий в новой истории Китая). Ухань, 2005. С.285.
6. Мысли Цай Э не очень расходятся с представлениями его учителя, Лян Цичао, также призывавшего в опоре на японский опыт обновить нацию, правда «раскачкой» подлинного гражданского духа *ци* (См.: Борох Л.Н. Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX-XX в. М., 2001. С.25). Если в некоторых социально-экономических и внешнеполитических воззрениях генерала присутствует не очень свойственное китайским западникам почвенничество, то его подходы к государственному строительству в целом выдержаны в европейской традиции либерального реформизма.
7. Судя по всему, используемый Цай Э термин имеет японские корни и иероглифически идентичен *гункокумин сюги*.
8. Цай Э цзи (Сочинения Цай Э). Чанша, 1983. С.19-38.
9. Sutton D. Provincial Militarism and the Chinese Republic: The Yunnan Army, 1905-1925. Ann Arbor, 1980. P.151-152; Цай Э цзи. С.20, 23.
10. См.: Фу Гоюн. Указ.соч. С.285-286; Чэнь Сюйлу. Цзоу Жун юй Чэнь Тяньхуа дэ сысян (Идеи Цзоу Жуна и Чэнь Тяньхуа). Шанхай, 1957. С. 25.
11. Ван Ди. Чагуань: Чэнду гунгун шэнхо хэ вэйгуань шицзе (Чайная: общественная жизнь и микрокосм Чэнду). Пекин, 2009. С.387.
12. См., например: Оуян Эньлянь. Синань паогэ юй синьхай гэмин (Паогэ на Юго-Западе и Синьхайская революция) // Синань дасюэ сюэбао. 2011. № 5. С.12-21.
13. Цит. по: Гу Цзэсюй. Чжу Дэ бечжунань – юй Мао Цзэдун дэ энбэнь юаньюань (Другая биография Чжу Дэ: с милостью и ненавистью Мао Цзэдуна). Т.1. Сянган, 2010. С.39.

ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ» В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОМ УЧЕНИИ КАРЛА ШМИТТА

В.А. Берендеев,

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Философа и правоведа Карла Шмитта (1888–1985) можно без преувеличения назвать последним крупным представителем немецкой классической политической мысли. Особое место в шмиттовском философско-политическом наследии занимают, помимо его знаменитого видения «понятия политического», осмысление феномена «наиважнейшего политического единства» – государства, а также выявление сущности понятия «суверенитет» как в плане политологической ретроспективы, так и применительно к условиям эпохи политико-философского «модерна».

Предваряя освещение вышеуказанных моментов, Шмитт поставил перед собой весьма сложную задачу по восстановлению объективности в понимании мира политического. Политика в целом рассматривалась в его концепции как высшее правило человеческого бытия. Основное «политическое различие», по мнению немецкого философа, есть определение ведущих борьбу на уничтожение «друга» (“amicus”) и «врага» (“hostis”). Ученый здесь призывал помнить, что политический «враг» отнюдь не обязательно должен быть «морально зол», «эстетически безобразен», или же быть «хозяйственным конкурентом»; политический враг «есть именно иной, чужой, и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и

чуждое». Важнейшим условием политического единства («гомогенности») в этой связи является способность той или иной группы определить и исключить «внутреннего врага». Шмитт уточнил также, что «враг – есть только публичный враг», только борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такому же политическому объединению. Характерной представляется оценка этих резонансных тезисов Эрнстом Юнгером, заметившим со свойственным для бывшего офицера кайзеровской армии «артиллерийским жаргоном», что Шмитту «удалось особое изобретение в сфере военной техники: мина, которая взрывается бесшумно» [1].

В свою очередь, государство в шмиттовской концепции является главенствующим, «наиважнейшим политическим единством». Данная позиция государства объясняется его безусловным преобладанием перед хозяйственными, профсоюзными и иными объединениями: только оно решает вопрос о разделении на «друзей» и «врагов». Все остальные виды «внутригосударственного разделения» на этом фоне являются второстепенными. Кроме того, обладая правом объявления и ведения войны (“*ius belli*”), именно государство выступает в роли субъекта, имеющего исключительное право решать, является ли противоречие «политическим» и кто может считаться «другом», а кто – «врагом» [2].

Следует подчеркнуть, что политическая сфера, с точки зрения Карла Шмитта, действительно уникальна и не поддается однозначному нормированию. В этой связи Шмитт выступил в политико-правовой плоскости как убежденный «децизионист» – сторонник определяющей роли «решения» (“*decisio*”), не приемлющий в политической жизни характерных для либералов «нормативистских» установок, в соответствии с которыми государство, возникшее по итогам «общественного договора», не может выходить за пределы полномочий, предоставленных ему «гражданским обществом». В эпохальном труде «Политическая теология», поясняя свое общее учение о государстве, Шмитт, в частности, подчеркнул: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [3]. Этот единый носитель власти в шмиттовской концепции стоит вне закона, что играет особую роль в случае серьезной внутренней или внешней угрозы, когда его не ограниченные законами действия как раз и делают возможным нормальное функционирование правопорядка.

Разумеется, Карл Шмитт при анализе понятия «суверенитет» не мог не опираться на достижения своих предшественников. Так, он рассмотрел в качестве примера взаимосвязи «понятий суверенитета и чрезвычайного положения» учение об «абсолютной и непрерывной власти государства» французского политического мыслителя Жана Бодена (1530–1596) [4]. В целом, Шмитт не увидел особой «новизны» большинства тезисов своего французского коллеги, однако вывел в качестве «решающего в рассуждениях» Бодена то, что «рассмотрение отношений между государем и сословными представителями он сводит к простому или-или, именно благодаря тому, что указывает на случай крайней необходимости» [5]. Таким образом, Боден вполне справедливо был обозначен Шмиттом как «основоположник современного учения о государстве», поскольку именно он понял суверенитет «как неделимое единство» и окончательно прояснил «вопрос о власти в государстве», актуализируя элемент «решения» в понятии суверенитета [6].

Кроме того, немецкий философ привел в качестве примера истинно «децизионистского» типа мышления позицию английского классика государственоведения Томаса Гоббса (1588–1679) [7]. Шмитт подчеркнул объективность гоббсова толкования суверенитета по причине того, что именно оно увязало «децизионизм» с «персонализмом» и отклонило «все попытки заменить конкретный государственный суверенитет абстрактно действующим порядком» [8].

Карл Шмитт также обратился и к анализу современных ему «учений о государстве», например, критически оценил в этой связи взгляды австрийского юриста Ганса Кельзена (1881–1973) – видного представителя «нормативизма» в области права. С одной стороны,

Шмитт нашел в его учении в чем-то родственный своим взглядам момент, упоминая в этом качестве кельзеновское указание «на методическое родство теологии и юриспруденции» [9]. Однако, с другой стороны, К. Шмитт, по сути, обвинил своего коллегу в создании пусть и достаточно стройного, но на деле безжизненного учения о главном политическом институте, акцентируя внимание на том факте, что «Кельзен разрешает проблему понятия суверенитета тем, что отрицает его» [10].

Таким образом, может быть выявлена наиболее уязвимая часть либерального видения государства и суверенитета, которая так старательно камуфлируется «нормативистски» ориентированными правоведами и идеологами. Думается, что именно в этих целях подобные мыслители постоянно апеллировали к «народности» суверенитета, подчеркивали, по словам Шмитта, что «любая государственная власть должна быть ограничена», «затуманивали» конкретно существующий политический суверенитет абстракциями типа «суверенитета справедливости и разума» или завязанного на принципах правового государства «суверенитета конституции» [11].

Наконец, обращаясь к осмыслению Карлом Шмиттом проблемы «государственного суверенитета» применительно к сфере международных отношений, следует остановиться на соответствующих положениях его работы «Порядок больших пространств в праве народов». Международное право Шмитт рассмотрел здесь с позиции прав народов (“*jus gentium*”) и увидел в этом «конкретном порядке», в первую очередь, некую «персональность», которую он четко связал с «народом и государством». Причем Шмитт уточнил, что «подчиненный понятию народа международно-правовой принцип порядка является правом народов на самоопределение» и уже представляет собой классику в области международного права.

Весьма примечательным моментом в шмиттовском учении является использование «историко-политического» понятия «большое пространство» (“*Grossraum*”), в котором отражается «изменение представлений о пространстве Земли» и его размерах в рамках «сегодняшнего всемирно-политического развития». Поясняя понятие «большое пространство», Шмитт призвал видеть в нем «прежде всего связанное пространство достижения».

Кроме того, по Шмитту, «порядок больших пространств» включается в понятие «рейха», под которое подпадают «ведущие и несущие силы» (“*Machte*”), «политическая идея коих излучается в определенном большом пространстве и которые относительно этого большого пространства принципиально исключают интервенции чуждых пространству сил» [12]. Важно подчеркнуть, что в основе относительно «мирного сосуществования» народов объективно лежит именно этот принцип шмиттовского учения. Тем не менее, современность дает достаточное количество примеров того, как правительства ряда стран, следующих антитрадиционалистскому закону бытия – «номосу Моря», своими агрессивными действиями нарушают данное равновесие, тщательно скрывая свои истинные устремления за фасадом «миротворчества» или, в крайнем случае, «последней», безусловно «справедливой войны» [13].

По итогам суммирования научных достижений Карла Шмитта думается, что для его подхода характерен «макиавелизм» в самом положительном смысле слова. Истинной заслугой этого «философствующего юриста» является то, он, отказавшись от столь распространенных в либеральных политических теориях псевдогуманизма и морализаторства, давал в своих трудах предельно реалистичную картину мира политического, а также успешно дополнил и расширил применительно к XX столетию основные пункты классического учения о государстве и суверенитете.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Цит. по: *Шлак Ш.* Эрнст Юнгер – Карл Шмитт: переписка за 1930–1983 гг. URL. <http://www.nb-info.ru/revolt/juenger110710.htm> (дата обращения: 15.10.2011).

2. См. подробнее: *Шмитт К.* Понятие политического. URL. <http://politzone.in.ua/index.php?id=263> (дата обращения: 15.10.2011).
3. *Шмитт К.* Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете // *Шмитт К.* Политическая теология: Сборник. – М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2000. С. 15.
4. Там же. С. 9, 18–20.
5. Там же. С. 18.
6. Там же. С. 18–19.
7. Там же. С. 10, 53–56.
8. Там же. С. 54.
9. *Шмитт К.* Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете // *Шмитт К.* Политическая теология: Сборник. – М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2000. С. 63.
10. Там же. С. 37.
11. *Шмитт К.* Государство и политическая форма: Сборник. URL. <http://lib.rus.ec/b/376831/read> (дата обращения: 30.09.2012).
12. См.: *Шмитт К.* Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил. URL. http://katehon.ru/html/top/geopol/porjadok_bol_prostr_v_mezd_prave.htm (дата обращения: 03.03.2010).
13. См. подробнее: *Шмитт К.* Теория партизана: Промежуточное замечание к понятию политического. URL. http://politzone.in.ua/news/data/attach/469/Teoriya_partizana.html (дата обращения: 15.10.2011).

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА С ПОЗИЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА

*А.С. Мельников,
Восточноукраинский национальный университет имени В. Даля
(г. Луганск, Украина)*

В течение более чем четырех столетий, начиная с трактатов Ж. Бодена, Т. Гоббса и Ж. Ж. Руссо, проблема государственного суверенитета приобрела статус традиционного исследовательского предмета в междисциплинарном поле социально-политических наук. На сегодняшний день можно выделить два основных направления в изучении государственного суверенитета. С одной стороны, продолжают исторические и теоретико-методологические исследования данной проблемы, а с другой стороны – наблюдается ее пересмотр в свете текущих социально-политических изменений, в частности, под влиянием глобализационных процессов. С учетом существующих тенденций крайне актуальным представляется поиск новых направлений изучения государственного суверенитета, которые бы охватывали как исторический и теоретико-методологический уровни, так и учитывали бы современный социально-политический контекст. Таким направлением, на наш взгляд, может выступать разработка экзистенциального подхода к исследованию государственного суверенитета.

Экзистенциальный подход в теории государственного суверенитета исторически связан с более широким процессом влияния идей экзистенциальной философии на социально-политические науки. Ряд украинских историков философии в 1980-е – 1990-е гг. указали на возникновение и развитие экзистенциальной политологии, сформировавшейся в результате синтеза идей экзистенциализма и политической науки. Так, И.В. Сульженко исследовал генезис экзистенциально-феноменологического направления американской политологии, а К.Ю. Райда представил общую историко-теоретическую концептуализацию экзистенциальной политологии [1-2]. С точки зрения Райды, формирование экзистенциальной политологии как самостоятельной дисциплины наблюдалось уже в 1970-е – 1980-е гг. и было связано с тремя основными направлениями: экзистенциально-феноменологическим (Хва-Йол-Юнг, Х. Арендт, Дж. Мурунги, Ф. Дэлмейер); экзистенциально-марксистским (Д. Арчард, П. Маккормик, Дж. Джохари, С. Крукс); экзистенциально-психоаналитическим (Л. Браун, Д. Лазере). Общим для всех этих подходов можно считать акцент на рассмотрении политико-правовой сферы жизни

общества в качестве экзистенциальной реальности, которая выражается в совокупности предельных ценностей [3], конституирующих существование субъектов мировой политики. С точки зрения методологии, экзистенциально-политологический подход выступил альтернативой позитивистскому и бихевиористскому пониманию сущности политических отношений с их радикализацией рационально-объективных аспектов бытия.

В работах западных исследователей в качестве теоретических предпосылок экзистенциальной политологии, чаще всего рассматриваются идеи немецкого юриста, политического философа и социолога Карла Шмитта. Впервые введя в научный оборот понятие “политическая экзистенция”, немецкий мыслитель не только внес вклад в развитие подхода, получившего позднее название экзистенциальной политологии, но и концептуально очертил экзистенциалистское, по своей сути, понимание теории государственного суверенитета.

Исходной идеей теории Шмитта является рассмотрение политического как тотального феномена, затрагивающего все сферы общественной жизни, вплоть до предельных оснований социального бытия. Рассмотрение политического как тотального предполагает, что политическое измерение существования является атрибутом человеческого существования как такового. Аналитически, в любом обществе можно отделить политическую сферу от религиозной, или, например, экономической, но даже “...решение о том, является ли нечто *неполитическим*, всегда означает *политическое* решение...” [4]. Одной из важнейших форм выражения политического как тотального является суверенитет государства. Свое известное определение суверенитета, ставшее впоследствии отправной точкой децизионистской теории государства, Шмитт формулирует на первых страницах работы “Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете”. “Суверен тот, - пишет он, - кто принимает решение о чрезвычайном положении” [5]. Суверенитет государства определяется Шмиттом через возможность принятия самостоятельного решения в исключительном случае, не описанном в действующем праве. Суверен не только решает, какой случай является исключительным, но также и определяет пути выхода из ситуации, сложившейся за пределами нормального правового порядка. В современных обществах, отмечает Шмитт, существует тенденция к устранению этой возможности абсолютного решения суверена, приведению его к зависимости от правовых норм. Однако природа политической действительности такова, что правопорядок не может основываться на самом себе, он должен опираться на что-то внешнее, на точку опоры, которой и является решение суверена в экстремальных случаях. Из этого следует, что государство есть нечто большее, чем совокупность правовых норм и это большее проявляется в исключении, или, как выразил это Шмитт – “нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило, само правило существует только благодаря исключению” [6].

В своем определении суверенитета Шмитт затрагивает целый ряд важнейших экзистенциальных аспектов, характерных для экзистенциальной теории государственного суверенитета в целом. Помимо подчеркивания бытийной тотальности политического, немецкий мыслитель понимает суверенитет с точки зрения конкретности, ситуативности и, далее, в его пограничной ситуации. Иллюстрируя идею экзистенциальной конкретности суверенитета Шмитт приводит знаменитое изречение из “Левиафана” Т. Гоббса - “*Autoritas, non veritas facit legem*” [7]. Этим он стремится показать, что конкретный государственный суверенитет (*autoritas*) есть существующая реальность, которая не может быть заменена абстрактно действующим порядком (*veritas*). Истина всегда опредмечена, вплоть до ее персональной воплощенности в политическом авторитете.

С точки зрения Шмитта любая правовая система всегда существует в такой конкретной реальности, которая эту систему превосходит. Конкретное, тотальное существование делает право ситуативным по своей природе, лишает его очищенной абстрактности. Суверен “создает и гарантирует ситуацию как целое в ее тотальности” [8],

однако возможность определения ситуации в целом обеспечивается благодаря возможности возникновения пограничной ситуации. Будучи одной из ключевых категорий экзистенциализма, впервые обозначенной К. Ясперсом, пограничная ситуация означает угрозу существования (экзистенции) субъекта, а в случае рассмотрения политической реальности – угрозу существования суверенного государства. Данная угроза актуализирует истинное, аутентичное состояние государства, обновляет его рутинизированные, механичные, застывающие процессы [9], препятствуя деградации и разрушению. Аутентичное состояние государства, открывающееся в пограничных ситуациях, и есть та глубинная реальность, которая может быть обозначена как *политическая экзистенция*.

Определяя категории суверенитета и политической жизни, Шмитт ищет некий абсолютный критерий, позволяющий выразить сущность политического как такового, и находит этот критерий в дихотомии друг-враг, вынося ее на уровни меж- и внутригосударственных отношений. Понятие врага носит у Шмитта ярко выраженный экзистенциальный смысл. Во-первых, оно снова указывает не на абстрактный элемент, но на реально существующую возможность угрозы для суверенного государства и жизни людей. С точки зрения общечеловеческой морали необходимо стремление к толерантности и отсутствию конфликтов, однако в действительности, отмечает Шмитт, разделение народов на дружественные и враждебные отрицать невозможно. Во-вторых, понятие “враг” представляет собой неотъемлемую, бытийную характеристику существования политического вообще. Дихотомия друг-враг предполагает собой высшую степень объединения или разделения людей, ответственность которых за свое государственное состояние не может быть переложено на других субъектов. Бытие, в котором нет врага, представляет собой конец политического. “Покуда народ существует в сфере политического, – пишет Шмитт, – он должен – хотя бы и только в крайнем случае... – определять различие друга и врага. В этом состоит существо его политической экзистенции. Если у него больше нет способности или воли к этому различению, он прекращает политически существовать” [10].

Изложенные здесь положения децизинистской теории государственного суверенитета Шмитта не являются новыми, и даже скорее представляются классическими. Однако повторное рассмотрение этих идей с позиции общего экзистенциального подхода [11] представляется нам крайне востребованным в условиях современной, глобализирующейся [12] политической реальности. Исследование суверенитета через призму категории политической экзистенции, акционализм и понятие выбора, бытийная тотальность политического и его ситуационность, выходящая к границам существования – таковы основные аспекты экзистенциального подхода к теории государственного суверенитета. Дальнейшее развитие данного подхода может внести существенный вклад в понимание государственного суверенитета как основополагающего элемента политической реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Райда К.Ю.* Историко-філософське дослідження постекзистенціалістського мислення. К.: Український Центр духовної культури, 1998. 216 с.
2. *Райда К.Ю.* Екзистенціальна політологія та екзистенціальний марксизм: проблеми реінтерпретації філософії класичного екзистенціалізму // Мультиверсум. Вип. 2. К.: Стило, 1998. С. 156-177.
3. Подробнее о понятии ценностей с позиции экзистенциальной политологии см.: *Weinstein M.* Politics and Moral Consciousness // *Midwest Journal of Political Science*. 1970. Vol. 14. №2. P. 183-215.
4. *Шмитт К.* Политическая теология. М.: Канон, 2000. С. 12.
5. Там же, с. 15.
6. Там же, с. 29.

7. Там же, с. 54.
8. Там же, с. 26.
9. В феноменологии Э.Гуссерля такие рутинизированные процессы обозначаются понятием естественной установки.
10. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. №1. С. 35-67. Режим доступа: <http://www.politlogia.narod.ru/h/Shmitt.htm>
11. В качестве примера рассмотрения теории К. Шмитта с позиции экзистенциального подхода см.: Wolin R. Carl Schmitt, political existentialism, and the total state // Theory and Society. 1990. Vol.19. P. 389-416.
12. С точки зрения экзистенциального анализа глобализации интерес представляют работы: Глобальный кризис института власти. Красноярск: «Литера-принт», 2011; Bude H., Dürrschmidt J. What's wrong with globalization?: Contra 'flow speak' - towards an existential turn in the theory of globalization // European Journal of Social Theory. 2010. Vol. 13. № 4. P. 481-500.

SOVEREIGNTY FOR WHOM? REFLECTIONS ON OUR VALUES, LOYALTIES, AND COMMON FUTURE

John M. Johnson
Arizona State University (USA)

Life has inhabited this planet for about 3.8 billion of its 13.1 billion years. *Homo erectus* has been here between 3.2-6.2 million years, living in small communal groups of gatherers and hunters for almost all of this time. In this context, the modern nation-state is an infant, emerging during the last 300-400 years. Nation-states emerged and developed in the context of industrialization (factories), new technologies (wind and steam, later coal), demographic trends (larger cities), and new forms of communication (printing, later telegraph). These developments progressively challenged the sovereignty of feudal regimes (“the divine right of kings”), with nation-states asserting their own sovereignty. The 1648 Treaty of Westphalia is conventionally seen as the beginning step in the institutionalization of the modern nation-state, but subsequent events show how problematic and violent this development has been.

Nation-States: Unification?

The concept of “nation-state” suggests the combination of a form of governance (a state) with a national group or confederation, that a “French state,” for example, would bring together and express or represent people who called themselves or defined themselves “French.” This has never been the case, and it is not the case today. Nation-states originated from a set of diverse circumstances; political, demographic, geographic, economic, historical, social, cultural, and circumstantial. Fledgling nation-states commonly tried to unite diverse or conflicting national groups, and invariably usurped the relative autonomy of indigenous peoples. The forced subjugation and oppression of the Roma and Sinti is one example which applies to almost all of Western and Eastern Europe, but this is only one of thousands of examples. Even though many people think the contemporary world situation is dominated by 204 “sovereign states,” there remain more than 6,000 indigenous groups scattered throughout the world. Most of these remain unincorporated or problematically incorporated in their surrounding nation-state. (In Mexico, for example, there are 68 indigenous groups which have no cultural recognition or legal standing, even though their existence predates the establishment of the Mexican state.)

Nationality was relatively more homogenous in Europe (than Africa, the Middle East, Latin America, and South Asia), but even after the horrendous wars of the 20th century, and the “unification” promised by the “European Union,” we find contemporary separatist movements in the Basque and Catalonia regions of Spain, the Lombardy region of Italy, the Baden-

Wurttemberg area of Germany, and the Rhone-Alpes area of France. In Flanders, the Flemish and Walloon nations are on the verge of dividing Belgium, and the sovereign movement in Scotland makes plans to separate from the United Kingdom. There is a movement to create a rump state of Padania in northern Italy, and new parties such as “Golden Dawn” in Greece, the racist Dutch Freedom Party in The Netherlands, Marie LePen’s National Front party in France, and Beppe Grillo’s Five Star Movement in Italy threaten the remnants of former nation-state unity. In the U.S.A. there are six secessionist movements (proposing to subdivide various parts of the country, and make them autonomous), and since 1980 a Citizen Sovereign Movement which brings together more than 110 “sovereign groups” (which reject U.S. laws and authority, and assert their own autonomy), although these rarely get mass media attention.

When we shift our gaze to Africa, the situation is considerably more complex. In 1885 the Berlin Conference drew arbitrary boundaries to delineate about 1,080 language groups into 52 counties, to be dominated by the seven European colonial powers, and even long after the African independence movements of 1958-62 (which retained the colonial boundaries), contemporary African politics struggles to deal with issues of governance in multi-national, multi-ethnic, multi-religious, and multi-racial societies. The situation is similar in the so-called “middle east,” where most of the current national boundaries were drawn by the victors of World War I, many of these intentionally created to bring together in one country or “nation” groups which had been in conflict for millennia, by the British who had been so successful with this “divide and conquer” strategy, in India and southeast Asia. The country we call Israel was affirmed by the 1918 British “Balfour Declaration,” intended to create a homeland for the Jews in Palestine. We readily see the consequences of this today, in a series of wars and conflicts among the Sunni and Shia, and among Israel and its neighbors. We will be living with these conflicts for many years in the future.

Nation-states are created in the imaginations of people; they are “imagined communities,” as Benedict Anderson (1983/2006) notes. The historical circumstances of the first creations are varied and diverse; these “histories” become incorporated as part of the nation-state mythology. Some nation-states recognize the realities of geography (Taylor, 2012; de Blij, 2012), but others ignore or violate the pragmatic realities of topography. While the borders of nation-states might be imaginary, they are very consequential, as the bodies of our tribe are buried on one side of the line, and the bodies of the other tribe are buried on the other side. It is possible to think positively or negatively about nation-states. On the positive side, some would say that nation-states affirm and express the communities and ethnicities within, and inspire people to create all manner of social, economic, cultural, scientific/technological, and communal achievements. On the other side, one must note the nation-state wars which have been present since their beginnings, and the vast carnage of the twentieth-century wars needs little comment, costing Russia more lives than any other nation.

Feudal monarchies claimed the sovereignty of “divine rights,” but today we know their hubris for what it was. This is nicely expressed in the final poem of our patron for these readings, Gavrila Romanovich Derzhavin: “The current of Time’s river/Will carry off all human deeds/And sink into oblivion/All peoples, kingdoms and their kings” (Mirsky, 1999:53). And so it is the same for the claims of sovereignty of nation-states. They may assert chauvinistic claims for “The Motherland,” but in reality they are merely passengers on Spaceship Earth, like the rest of us. Each nation-state today exists in a state of complicated interdependency with its neighbors and in a larger sense with all other nations, often competing for scarce natural resources (and markets) to make their existence a sustainable one for the planet.

Do we owe our loyalties to the Nation-States where we live?

Today all nation-states are complicated and diverse. Most were initially multi-racial, multi-cultural, multi-ethnic, and religiously diverse. Many of the early nation-states were created by political or historical forces, and were not and are not sustainable, because of natural resources, population density, access to water, transportation routes, etc. With the increasing trends of

migration, most nation-states today are becoming more diverse. To express a loyalty to the dominant majority of a nation-state, then, is a choice to choose some identities for inclusion, others for exclusion. Many nation-states were ill-conceived at the time of their origins, and the imagined boundaries have animated chronic conflict or violence. It is realistic to think that we will encounter further sub-divisions of nation-states in the future, such as the recent one involving the division of Sudan and South Sudan.

Scientists and intellectuals are increasingly important in the post modern world, where industrial and technological developments are increasingly knowledge-based, and where the half-life of professional knowledge can be measured in a few years in most cases. Scientists and intellectuals will be increasingly involved in the creation, formulation and revision of public policy, and in advising nation-state leadership in various capacities. These processes are *never* purely technical, and *always* involve choices and values. Scientists and intellectuals are themselves very diverse, so there will be inevitable conflicts and disagreements, which should be openly affirmed and encouraged in the name of progress and transparency. It is imperative for scientists and intellectuals to develop a more cosmopolitan world-view, to gain increasing knowledge of the complexity of the world in which we live, in order to communicate this to the various publics we serve. It is important to develop a cosmopolitan perspective which transcends or goes beyond the narrow confines of our own nation-states. We must judge and evaluate our own nation-states and other nation-states in terms of broader criteria; how do they regard and treat the disadvantaged and less powerful within their borders? Do they empower women to gain full equality in all social and political realms? Do they provide acceptable health care for their children, and educate the children to the most modern standards? Do they embrace religious diversity and pluralism? Do they treat their prisoners humanely? Do they have regular and free elections by a process that is transparent to all? Do they have judicial processes which are independent of politics, and security forces governed by the rule of law? Is there freedom of speech and a free press? The answers to these and many other questions will inevitably produce cultural and political differences, but the important point is that we should critically examine and evaluate our own values, loyalties, and commitments to the nation-state where we live. We all want a better world for our children and grandchildren.

It is often said that the young are radical, but become conservative in old age. In so far as there is some truth to this, it raises the important issues of becoming more secure in terms of material standards, as one grows older, and perhaps more embedded in the social networks and institutional structures which have aided one's career development. It is easier to make bold political choices or high risk career decisions when an individual is young, and by contrast more difficult after years of co-operation or collaboration with complicated professional networks. In short there are inclinations to "feel comfortable," to "go along to get along," (to accommodate to the immediate situation in order to succeed), and thus perhaps be less critical of the regimes which have provided one's professional successes. This phenomenon is perhaps endemic in many realms of life, but it is crucial for scientists and intellectuals to gain a greater awareness of the implications or consequences of this "comfort level." The scientific and educational estate is given notable rewards or perquisites in all cultures, and should develop a special motive for self-examination and self-criticism. Complacency is the universal enemy.

Globalization and Sustainability

Our present living patterns on earth are not sustainable. We now have about seven billion people on earth, and yet almost all of the dimensions of sustainable life are in crisis mode which demands innovative challenges and changes in the decades ahead. The major problems of our unsustainable planet are: energy, food, water, environment, disease, population, poverty, education, terrorism/violent conflict, and governance. There are many other problems, to be sure, but these are the big ones which threaten the sustainability of Planet Earth. Our energy situation is in crisis because we are making a difficult transition from a carbon-based regime to alternative fuels, right at a time when rising markets (in China, South America, Africa) demand more

carbon-based fuels. Our food situation is in crisis because we face increasing demand for a growing population, an asymmetrical supply chain, and increasing transportation costs; this definition ignores the unknown problems from pesticides and genetically-modified foods (GMF), and “ocean grabbing” by fishing fleets. Our clean water situation is in crisis because less than one third of the earth population has access to potable water. Our environmental problems are immense and diverse, including changes from climate change, increasing drought conditions, chemical and mineral contamination, the problematic future of nuclear energy plants, and so on. Our disease situation is in crisis because of new diseases we are creating or modifying, new iatrogenic problems in medicine, and asymmetrical health provision, an elegant way to say that poor people and those in Africa suffer more from reduced access to medical care and medical drugs. Our population growth is in crisis because increasing numbers of people are coming into the cities, where 70 percent of the world’s population now lives, and increasing inequality in terms of access to resources. Our poverty levels are increasing in many key parts of the world, commonly those parts with the fewest resources to address the problems. Our education situation is in crisis because of gender inequalities in providing education, failures to change educational platforms to keep abreast of technological and market changes, uneven access, and increasing costs. Terrorism and violent conflicts always grab the attention of the mass media, for understandable reasons, despite the fact that our world has fewer violent conflicts than any time since The Great War. Much of the current attention centers on the “Mukhabart States” (Arabic for the national security states of Tunisia, Yemen, Egypt, Iraq, and Libya), which serves to remind us that we live in a world where there are great discontinuities and disjunctions in development. And all of these crisis situations present unprecedented issues for contemporary governance. None of these problems lend themselves to unilateral nation-state solutions. They all demand “thinking outside the box,” which means thinking which transcends chauvinistic nationalism or the confines of our scientific ideologies. If we are to move toward a sustainable future with a reduced potential for war and violent conflict, we must develop unprecedented networks and coalitions of dialogue, co-operation, collaboration, and trust. Each one of the problematic issues noted above express or imply one or several standards of justice and human rights, which is to say that if we are to constructively meet our challenges we will have to become political, moral, ethical, passionate, practical actors in the messy real world of crazy ambiguity, paradox, irony, political commitments, mistakes, and lost causes.

It is clear that we *should* co-operate and systematically plan for a better future, but it is equally clear that there is little empirical evidence that this is what happens, even in the aftermath of a catastrophe. One example of this is the Chernobyl nuclear catastrophe north of Kiev, Ukraine, where the site remains unsecured twenty-five years later, and the public consciousness remains unchanged. Another example is the tsunami near Ache, Indonesia, where the re-building efforts during ten years have largely reproduced the pre-tsunami situation. This is the same in Sri Lanka. Another example is the catastrophe of Hurricane Katrina which produced so much devastation in New Orleans, U.S.A., but only limited flood control in the decade which followed. Another example is the contamination of Lake Baykal in Russia, which remains little changed after so many years. Another example is the nuclear catastrophe at Fukushima, which served to shut down over 50 other Japanese nuclear stations along this critical fault line, but did not change the situation in U.S.A. or Chile where there are many similarly situated nuclear generating stations. My own feeling about this is that our current political institutions (in *all* countries) mitigate against any kind of comprehensive planning, that we should expect and anticipate many additional “catastrophes” in the future. We should stand ready for these catastrophes, and should see them as opportunities for making significant social, cultural, legal, political and economic changes which would be impossible otherwise. We should support and participate in the futuristic rationality of planning in so far as this is feasible, not based on the narrow nationalistic perspectives of “five year plans,” but those involving larger perspectives oriented to the entire biosphere. We need to recognize the empirical shortcomings of such efforts in the past.

The Elephants in the Room: The New Fascist Kleptocracies

The 204 “sovereign states” are unequal in every possible sense, except perhaps for recognition by the United Nations, where political power remains disproportionately in the hands of the victors of The Great War. Of the five permanent members of the Security Council, two include members (China and Russia) where the currency is not traded on the international exchange, and another (U.S.A.) where their credit has been down-graded because of a long series of financial corruptions. This is a key characteristic for a kleptocracy, where a nation’s resources are stolen or otherwise misappropriated in the interests of ruling oligarchs. This financial corruption is important for state leaders to direct resources to create a “national security state,” where disproportionate resources are directed to military and police and weapons development, commonly justified by the politics of fear and insecurity. These new fascist states exercise disproportionate influence in their respective regions, and in the geopolitical sphere. These are unavoidable realities of the contemporary geo-political moment.

Since the collapse of the Soviet Empire in 1989, the American Empire has been in ascendancy for perhaps two decades. America is the only nation to use thermonuclear weapons, against Japanese civilian centers in 1945, and during the post-war years from 1945 to the present, it has bombed 25 nations without obtaining the Declaration of War required by its Constitution. This surely qualifies the U.S. as a “State of Exception,” as Giorgio Agamben (2000) says, a state which routinely acts outside of its own rules and legal foundations. Recently the U.S. has deployed drones in Yemen, Syria, Afghanistan, and Pakistan with very little protest from its educated publics. American culture has been significantly militarized, and the younger generation of students has never known a year when the U.S. was not at war with someone, a generation raised on the agitprop of fear and insecurity. The U.S. military defense expenditures topped \$700 billion last year, more than the rest of the world combined. Former U.S. Budget Director David Stockman (2013) gives the details on how the close relations between politics and high finance rewards the super-rich and corporations. These are some of the facts which lead many to have a realistic apprehension about the U.S. actions on the geopolitical stage. Many enlightened scholars feel the U.S. Empire has entered its “Brezhnev period,” which portends considerable uncertainty for the immediate future. The “saber-rattling” about Iran is especially troubling for those who wish to see peace and a more realistic and sustainable sense of international community. At this moment the U.S. fascist state must be seen as the greatest threat to peace, a sentiment also expressed by former U.S. National Security Advisor Zbigniew Brzezinski in the October 25, 2012 edition of *The Financial Times*.

China is emerging as an economic superpower in Asia, but it is highly questionable whether its institutional structures are stable. With the largest standing Army in the world, it pursues nationalistic pacification in Tibet and Xinjiang Uygur and imperialistic aims in some of the Polynesian islands. Its expansionist aims find unlikely confederates as far away as Sudan and Namibia, while at home unprecedented numbers of professionals emigrate to Australia or countries in the West, hardly a sign for future stability. With its party dictatorship, China has spent unprecedented resources to control communications and the internet, with limited success. Chinese Fascism, or fascism-with-Chinese-characteristics, has devoted unprecedented resources to internal social control, spending over \$110 billion on state security in 2011, but still witnessed over 180,000 protests and demonstrations last year, up from 87,000 in 2010, even though few of these are reported in the mass media (Guo, 2012). China annually executes more of its citizens than the rest of the world combined, partly animated by a thriving trade in human organs, as documented by Amnesty International for many years now.

Russian Fascism, or fascism-with-Russian-characteristics, rewards its technocrats and oligarchs, which means that Russia has one of the largest gaps between rich and poor, similar to the U.S. and Chinese kleptocracies. Russia has no independent judiciary, and the party control of other institutions means that Russia is the most corrupt large society in the world, ranking 143 out of 182 societies ranked by Transparency International. With a judiciary and financial

institutions dependent on Party politics, there will be no foreign investment in Russia, which portends a long period of stagflation similar to that of Japan since the 1980 financial crisis. Like China, Russia experiences a “brain drain” and a “wealth drain,” as favored elites migrate. These are not sustainable patterns of development, which means considerable uncertainty for future geopolitics, as the recent (November, 2012) nationalist protests indicate.

We face grave threats and dangers in the future, but we are also living in an unprecedented period of international peace and co-operation, so there is hope we will meet the challenges of the impending catastrophes. Few of these major problems lend themselves to unilateral state response, so we should plan for and anticipate new forms of international and regional co-operation and collaboration. The international co-operation by 67 countries to build the Large Hadron Collider (LHC) in Geneva, Switzerland is perhaps a worthy model for gaining international co-operation to achieve common purposes.

Working for Justice, Human Rights, and Peace

Scientists and intellectuals invariably take a longer view of human affairs, and this may produce a relatively pessimistic view of the rise and collapse of cultures and civilizations (Diamond, 2005), a mildly optimistic view (Tainter, 1988), or even a cyclical view of the waxing and waning of civilizations (Douglas, 1989). We may share the hubris of Cassandra of Troy, but the truth is that we know little and control little about the future.

Our “geopolitics” of the last century is truly sobering; millions and millions have died as our nation-states have struggled to gain access to oil, coal, uranium deposits, and natural gas. Wars have been fought to gain some “security” in terms of energy deposits. Our historical moment demands a change of consciousness, from geopolitical to biosphere politics (Rifkin, 2009). The concept of the “biosphere” was created by Russian scientist Vladimir Vernadsky in 1911, later articulated in his 1926 book *Biospheria*. Vernadsky gained little recognition at the time, but we now recognize the wisdom of his insight; we are not separated by our geographical or ideological or religious “boundaries.” We are all together on Spaceship Earth. The idea of “Spaceship Earth” directs our attention to our common humanity and community on a celestial body with potentially limited resources for existence and reproduction. It is incumbent on scientists and intellectuals to provide leadership in this change in perspective, to educate our future generations of leaders about our commonalities and connections. Only this is a fitting legacy for Gavrila Romanovich Derzhavin.

Scientists and intellectuals know that we are all connected, that “we are all in this together,” to use an American slang phrase. Scientists and intellectuals are like an “advance party” sent from an alien planet in the galaxy, to lead and change our perspective to a biosphere perspective, to a cosmopolitan perspective centered on the idea that our human commonalities overwhelm over differences. We are all connected, and this is nowhere more evident than in our ongoing cyberspace revolution. The goals of our search for knowledge are existential; we want to know who we are, where we are located in the larger field of history, how we are related to our fellow humans.

The world we live in today is not the world we lived in four years ago. Any given Google search today has the potential to review 900 petabytes of information, or about 60 times the amount of all recorded information from all recorded history. If all books in all languages were to be digitally converted, that would be about 15-20 petabytes. So this means that all of us will have to combine our methodological competencies with new and unimagined methods for searching and evaluating information, on an unprecedented scale. Today the total number of text messages sent each day is greater than the population of our planet, and our technological information is doubling in less than two years. The amount of new information in one year is now more than what was known in 1800. We are living in an exponential time, and it is imperative that we join with our colleagues and students across boundaries to work collaboratively. It is imperative that we combine our existing methodological skills with critical digital and virtual skills of our globalized culture (Robertson, 1992). Should we do this, it will

begin the long process to eradicate oft-noted Western perspectives or biases in scholarship and intellectual work. If we follow this path we will see a burgeoning diversity of methods and approaches in science, even much greater than is evident at this conference, with each hybrid approach emerging from and tested in local conditions.

Our freedom or agency is limited, but we do have some limited freedom or agency. We have the opportunity to use this limited agency to work for greater justice, human rights, and peace.

REFERENCES:

- Agamben, G.* Means without end: notes on politics. Minneapolis: University of Minnesota Press. 2000.
- Anderson, B.* Imagined Communities. New York: Verso. 1983/2006.
- Diamond, J.* Collapse: How Societies Choose to Fail or Survive. New York: Viking. 2005.
- Douglas, Jack D.* The Myth of the Welfare State. New Brunswick, NJ: Transaction Publishing Co. 1989.
- De Blij, H.* Why Geography Matters. New York: Oxford. 2012.
- Guo, X.* China's Security State. London: Cambridge University Press. 2012.
- Kaplan, Robert D.* The Revenge of Geography. New York: Random House. 2012.
- Mirsky, D. S.* A History of Russian Literature. Evanston, IL: Northwestern University Press. 1999.
- Rifkin, J.* The Empathic Civilization: The Race to Global Consciousness in A World in Crisis. New York: Penguin. 2009.
- Robertson, R.* Globalization. London: Sage Publications, Ltd. 1992.
- Stockman, David A.* The Great Deformation: How Crony Capitalism Corrupts Free Markets and Democracy. (pre-publication copy from Amazon.com). 2013.
- Tainter, J.* The Collapse of Complex Societies. New York: Cambridge University Press. 1988.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ИДЕИ ЕДИНСТВА АНГЛИЙСКОЙ НАЦИИ

Н.Е. Зудов

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Конец 60-х – начало 70-х гг. XIX века характеризуется в Великобритании заметными изменениями в области британской имперской идеологии. Новые идеи имперского строительства стали воплощением восприятия англичанами мира, в котором англосаксонская раса выступала образцом цивилизации, определяющим фактором её развития.

Детально идея англосаксонского расового единства была разработана в работах Герберта Спенсера, в частности, в разделе «Основания социологии» книги «Синтетическая философия». В этом труде была сконструирована модель «нормального» (с точки зрения английского имперского сознания) общества и пути его развития. Работа получила признание. Она оказалась отражением воззрений англичан на мир, общество и пути его развития.

В представлении Спенсера «нормальное» общество должно выглядеть следующим образом. Главным атрибутом цивилизованного общества является стремление к единству: «Процесс социальной интеграции есть вместе и причина и следствие уменьшения отделимости единиц» [1]. Спенсер утверждал, что только в первобытном обществе возможен легкий переход единиц от одного «социального агрегата» к другому. По мере роста племени уход становится все менее легким, подвижность единиц сокращается путём

военной консолидации и «только после той замены принудительного сотрудничества добровольным сотрудничеством, которая характеризует развивающийся индустриализм, эти стеснения передвижений исчезают, ибо в подобных обществах насильственные соединения заменяются самопроизвольными соединениями» [2]. Таким образом, Спенсер утверждал, что стремление к единству – это плод развития общества, и лишь дикие племена склонны к разделению, да и то лишь до определенного времени. Стремление к единству возрастает прямо пропорционально развитию общества, причем на высоких стадиях это стремление становится самопроизвольным. Спенсер считал, что стремление к единству – составная часть эволюции общества, и оно вызревает и возрастает вместе с обществом и свойственно обществу так же, как, например, технический прогресс или постоянное увеличение численности. Спенсер прямо писал, что кооперация характеризует общественную жизнь [3]. По мере роста возникает стремление к всё большему увеличению общественного агрегата. Спенсер предлагал следующий вариант развития политической интеграции: «Пока агрегаты малы, инкорпорация материалов для роста совершается за счёт друг друга в небольших размерах... Когда образуются более обширные агрегаты, инкорпорация совершается в более обширных размерах... При дальнейшем увеличении возникает всевозрастающее стремление поглотить соседние мелкие общества и, следовательно, образовать ещё большие агрегаты». «По мере прогресса эволюции consensus (взаимная связь) отпавлений как у индивидуального, так и у социального организма становится теснее...» [4].

Таким образом, мы можем чётко выявить элементы спенсеровской теории развития общества: социальный агрегат, под действием «первичного побуждения к кооперации» стремится как можно больше увеличить свои размеры и соединить составные части в одно большое и крепкое общественное образование и тем самым уничтожить политическую дифференциацию, то есть перейти на новую более высокую ступень эволюции [5].

Вызывают интерес условия, которые Спенсер полагал необходимыми для развития цивилизации. Единицы, составляющие агрегат, должны были быть похожими и приспособленными к сотрудничеству, что в свою очередь тоже должно зависеть от уровня их цивилизованности, а, следовательно, и стремления их к совместной деятельности. Спенсер утверждал: «...Под влиянием предшествовавших условий существования расы физическая, эмоциональная и интеллектуальная природа индивидов может оказаться в большей или меньшей степени приспособленной к совместной деятельности... Гармоническое сотрудничество между людьми, не принадлежавшими к одному и тому же роду, становится возможным только после того, как приспособленность к общественной жизни достигла значительных размеров; но даже и тогда несходство их природы должно быть незначительным» [6]. То есть для совместной деятельности единицы сначала должны выйти на достаточно высокий уровень развития и при этом быть достаточно похожими (вероятно, имеется в виду – обладать сходными воззрениями на окружающий мир), что достигается в рамках одной семьи-рода. Но понятно, что род не в состоянии быть сколько-либо значимой единицей, поэтому в данном случае надо говорить о более крупном образовании-агрегате, коим, надо думать, является в представлении Спенсера нация или, – как говорили англичане XIX века, не делая различий между терминами, – раса. Хотя Спенсер не указывал параметров, по которым должна определяться похожесть, он говорил, что единицы должны быть схожи «по природе», что, скорее всего, следует понимать как национальную или расовую похожесть: «...Существует достаточно основание заключить, – замечал он, – что гибридные общества, по существу неустойчивые, могут быть организованы только путем принудительной кооперации, ибо единицы, сильно отличающиеся друг от друга по своей природе, не могут самопроизвольно сотрудничать. Наоборот общество, отличающееся сходством своих единиц, относительно устойчиво и при благоприятных обстоятельствах может развить промышленный тип, особенно если степень сродства его членов не исключает существования лёгкого несходства» [7].

Таким образом, в трудах Спенсера была принципиально разработана теория общественной эволюции. Мыслитель утверждал, что стремление к единству изначально заложено в процесс цивилизационного развития общества, и что наибольших успехов достигает единое социальное образование, состоящее из относительно сходных единиц, каковым и является раса. Необходимо отметить, что работа Спенсера – это философский труд, систематизированное изложение существующих в английском обществе представлений, оказавший влияние на строй мыслей современников, принадлежавших к интеллектуальной элите империи.

Вопрос единства англосаксонской расы, её исключительности рассматривался не только в научных, но и в политических кругах. «Непобедимый дух народа» служил как бы универсальным лозунгом обоснования действий в области имперской политики и вряд ли кто-нибудь всерьёз пытался опровергнуть это положение. Идея была общепринятой, «носилась в воздухе» и, необходимо было уметь лишь правильно применить её в практической политике, что и сделал Бенджамин Дизраэли в своей знаменитой речи в Хрустальном дворце. Попытка была удачной; уже на следующих парламентских выборах 1874 г. консервативная партия пришла к власти и, думается, в немалой степени, благодаря новым – проимперским – настроениям в обществе.

Представление об исключительных качествах англосаксонской расы, в силу своей популярности, принципиально находилось вне партийных разногласий. Высказывания, как консерваторов, так и либералов по этому поводу практически неразличимы. Так, Джон Сили, более принадлежавший к лагерю либералов, в изданной в 1882 г. книге «Расширение Англии», рассуждая о логике развития империй, высказывал мысль, что «Испанская империя в самой основе имела крупный недостаток, она по крови не была европейской. Не говоря уже о том, что чисто европейская часть её населения принадлежала к романской расе, которая даже в Европе была в упадке. На территории испанских колоний значительная часть населения заключала в себе примесь варварской крови. Английская же империя, за исключением невольников, имела население исключительно цивилизованной расы; а примеры из древней истории показывают, что изолированная невольническая каста, исправляющая трудные и грубые работы, вполне совместима с высокой формой цивилизации; гораздо опаснее порча национального типа, примесь варварской крови» [8]. Таким образом, Сили, «монополизируя» империю в рамках англосаксонской расы, выдвинул тезис о неспособности других, даже некоторых европейских наций, к созданию империи в силу непригодности присущих им качеств к имперскому созиданию, порчи «чистоты крови». Высказанные Сили идеи, имея под собой общеполитическое основание, несомненно, носят шовинистический оттенок.

Г. Спенсер в рамках философии позитивизма высказывал следующие суждения: «Нужно помнить, что хотя люди, составляющие общество, физически разделены друг от друга и даже рассеяны, однако поверхность, по которой они рассеяны, не лишена жизни, а только покрыта жизнью низшего разряда, вспомогательствующею их жизни... Члены политического тела не должны считаться отделёнными промежутками мёртвого пространства, а размещёнными по пространству, занимаемому жизнью низшего разряда... Граждан составляющих общину, можно считать единицами, одарёнными высокой жизненностью и окружёнными веществами низшей жизненности, из которых они получают своё питание» [9]. Крайне интересен контекст, в котором предложены эти суждения. В качестве примера Спенсер предлагал, как это обычно для позитивизма, живые существа, а именно «Protococci и Nostocae, существующие в виде клеточек, расположенных в студенистом веществе» [10]. А «низшая жизненность» у него ассоциировалась с окружающей природой. Таким образом, в практическом приложении умозрительных концепций философа весь мир сравнивался с флорой и фауной, призванной поддерживать существование высшего организма (надо думать – Англии).

В размышлениях Г. Спенсера, на наш взгляд, проводится мысль, что, несмотря на огромную разницу в расстояниях между общинами-колониями англосаксонская раса

может и должна стремиться к единству, так как является образцом агрегата высокой жизненности. Несмотря на то, что в положениях Г. Спенсера нет прямого указания на британскую нацию, видится очевидным, что его теория писалась на примере его родины – Великобритании. Точка зрения философа поддерживалась Дж. Сили: «Империя – это огромная английская нация, но нация, рассеянная на таком протяжении, что до наступления века пара и электричества её крепкие естественные узы расы и религии казались порванными расстоянием... Кажется, – писал он, – сложилось убеждение, что события, свершающиеся вдали от Англии, не могут играть руководящей роли в истории Англии, как будто бы Англия – остров, носящий это имя, а не политическое целое, получившее только название от этого острова – целое способное расшириться и покрыть половину земного шара. Для нас Англия везде, где живёт английский народ, где совершаются наиболее важные для англичан события» [11].

Рассуждениям об особых имперских качествах англосаксонской расы предавались довольно часто как либералы, так и консерваторы, размышлявшие об идейных основаниях строительства империи. У. Гладстон писал: «Чувство империи можно назвать врождённым у каждого британца... Эта часть нашего наследия зародилась вместе с нашим появлением и уйдёт вместе с нашим исчезновением» [12]. Сэр Юлиус Фогель считал, что «Великобритания представляет собой слишком узкое поле для предпринимательской деятельности её народа, разведавшего и использовавшего для него земли во всех частях света, проявлявшего в ходе освоения их, в полной мере, лучшие качества своей расы» [13]. Таким образом, для применения лучших качеств имперской расы была необходима огромная сфера приложения усилий – империя.

Понятия «империя» и «англосаксонская», она же – «имперская» раса были нераздельно связаны в сознании англичан. Как уже отмечалось, Джон Сили полагал: «Империя – это огромная английская нация». Такая близость вполне закономерна, так как империя являлась одновременно и плодом и полем деятельности англосаксонской расы. Империя расширялась, населялась, управлялась представителями английской нации. Отсюда столь тесная увязка в сознании британцев этих двух понятий. Идея англосаксонского расового единства являлась составной частью имперской идеологии и часто использовалась для объяснения своих действий обеими английскими политическими партиями. При изучении источников, таким образом, складывается впечатление о восприятии современниками Британской империи как «места жительства англосаксонской расы».

В английском обществе был чрезвычайно популярен тезис об особых взаимоотношениях колоний и метрополии, основой которых являлась лояльность колонистов к Короне. В этом смысле политические позиции консерваторов и либералов решительно сближались. Так, в 1870 г. лорд Карнарвон, ставший позднее министром колоний в правительстве Дизраэли, утверждал, что нет места в обширных владениях королевы, где ей были бы более преданы, чем в колониях: «нигде... не готовы принести с большей готовностью жертву суверену или национальной чести», колонисты преисполнены «величайшей симпатии, величайшей сердечности чувств, величайшей привязанности, искренней гордости за великую империю» [14]. Основываясь на идее об англосаксонском расовом единстве, консерваторы видели будущее империи как единого государства.

Либералы также бесспорно признавали исключительные достоинства британской нации; колонии считались зависимыми от метрополии. Сили понимал под колонией «общество, не только вышедшее из метрополии, но и остающееся политически с нею связанным связью зависимости» [15]. Как и консерваторы, либералы выдвигали тезис об особых взаимоотношениях метрополии и колоний, однако делали на основании идеи об англосаксонском расовом единстве несколько иные выводы. Колонии вырастают как дети и, став «взрослыми», уходят из «семьи». Либералы пришли к выводу о неизбежной

дезинтеграции империи. При сохранении чувства родственной привязанности разделение, полагали они, пройдет безболезненно.

Исходя из вышесказанного, мы можем заключить, что идея англосаксонского расового единства была широко распространена в английском обществе и изучалась как в научных, так и в политических кругах. Британцы видели свою расу единым конгломератом, в силу своих исключительных качеств особо приспособленным к имперскому созиданию и распространению цивилизации во всем мире. Идея была аксиоматичной, но с её помощью партии доказывали разные концепции устройства империи. Консерваторы считали, что на основе единой расы должна развиваться единая империя; либералы – что колонии могут существовать самостоятельно, так как в них есть несущий элемент прочности – англосаксонская раса.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Спенсер Г.* Синтетическая философия. Киев, 1997. С. 334.
2. Там же.
3. Там же. С. 340.
4. Там же. С. 290, 333.
5. Там же. С. 335 – 336, 345.
6. Там же. С. 333.
7. Там же. С. 297.
8. *Сили Дж.Р.* Расширение Англии. СПб., 1903. С. 109 – 110.
9. *Спенсер Г.* Социальный организм // *Опыты научные, политические и философские.* Минск, 1998. С. 275.
10. Там же. С. 274.
11. *Сили Д.* Указ. соч. С. 61, 95 – 96.
12. *Gladstone W.S.* England's Mission // *Nineteenth Century.* 1878. Vol. IV. September. P. 569.
13. *Vogel J.* The British Empire – Mr. Lowe and Lord Blachford // *Nineteenth Century.* 1878. Vol. III. April. P. 635.
14. *Hansard's Parliamentary Debates.* L., 1870. Vol. 199. Col. 200.
15. *Сили Д.* Указ. соч. С. 32.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ю.Н. Трифонов,

Второй Тамбовский филиал РАНХиГС при Президенте РФ

Проблематика государственного суверенитета традиционно находится в центре внимания не только ученых, государственных и общественных деятелей, но и всех граждан, кому не безразлична судьба Отечества. В силу своей многоаспектности данная проблема актуализируется совокупностью факторов – международных, внутривнутриполитических, экономических, духовных и т.д. Так, в теории международных отношений и международном праве обозначились новые подходы к исследованию государственного суверенитета. Особое влияние на эту проблему оказывают рост взаимозависимости в мире, процессы международной интеграции и глобализации, новые вызовы и угрозы, с которыми сталкивается человечество [1]. При этом глобализация как объективный процесс создает для суверенитета всех государств, в том числе и России, не только существенные риски, но и определенные дополнительные возможности.

Среди исторических обстоятельств, привлекающих внимание к данному вопросу, выделим 400-летие восстановления подлинного государственного суверенитета России после периода Смутного времени. Не случайно, на это обратил свое внимание В.В. Путин в своем выступлении 4 ноября 2012 года на приеме по случаю Дня народного единства. Кроме того, Президент РФ подчеркнул, что «международное сообщество уже убедилось, что ослабление, «подтачивание» института национального государственного суверенитета может создать угрозу всеобщей безопасности и что именно равноправный диалог

суверенных государств на основе норм международного права был и остаётся ключевым фактором глобальной стабильности» [2].

Для выработки правильного отношения к государственному суверенитету в условиях глобализирующегося мира необходимо, прежде всего, уточнить его сущность. Под государственным суверенитетом подразумевается верховенство власти внутри страны и ее независимость во внешней сфере, т.е. полнота законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории, исключающая подчинение властям иностранных государств, в том числе в сфере международного общения, кроме случаев явно выраженного и добровольного согласия со стороны государства на ограничение своего суверенитета [3]. Несмотря на развернутость данного определения, в нем схвачена суть государственного суверенитета – верховенство власти внутри страны и ее независимость во внешних делах.

При этом следует понимать, что сам по себе государственный суверенитет без своей основы – государства – не существует, а представляет собой один из его существенных признаков. Но коль скоро изменились место и роль суверенных государств в мировом сообществе, то произошло и переосмысление такого их признака, как суверенитет. Как следствие, появились различные теории, занявшие диаметрально противоположные позиции по вопросу о суверенитете, – от тех, которые провозгласили его конец, до тех, которые отрицали сам факт его эрозии [4].

На наш взгляд, во всем многообразии позиций по вопросу государственного суверенитета можно выделить три основные точки зрения: а) нигилистическую, б) апологетическую и в) диалектическую.

Нигилистическая точка зрения, известная еще с древности, получила мощный импульс развития в конце прошлого века в контексте исследования проблем глобализации и нового мирового порядка. Все активнее стали выдвигаться идеи «аморальности» и «антисоциальности» государственного суверенитета, его вредности для современного миропорядка. В частности, еще Р. Арон рассматривал существование суверенных государств как определенную угрозу миру. «До тех пор, – считал он, – пока существуют многие суверенные государства, невозможно утверждать, будет ли сокращение вооружений само по себе благотворным для сохранения мира» [5].

На основании того, что мир глобализуется, делается вывод об изменении, «размывании», «исчезновении» государственного суверенитета. Например, постпозитивисты настаивают на том, что в эпоху глобализации понятие суверенитета теряет всякий смысл, поскольку исчезает сам его носитель (государство) [6]. Заметим, что некоторые теоретики идею ликвидации суверенных государств, слияния их в единое государство под «крышей» США пытаются обосновать, опираясь на авторитет великих мыслителей прошлого (Гоббса, Канта), беря в качестве аргументов их наиболее слабые положения.

Считаем, что идеология глобализма используется сторонниками космополитизма, известного своим оппонированием патриотизму, а, тем самым, и идеологии государственного суверенитета. Нами разделяется мнение, что если космополитический сегмент национальной элиты непосредственно находится у власти в той или иной стране, т.е. получает законное право действовать от имени суверена, то, хотя такое государство не перестает быть суверенным с юридической точки зрения, реальное содержание его суверенитета оказывается в значительной степени выхолощенным. Если же космополитический элитный сегмент находится в данной стране в оппозиции, то глобальная элита стремится любыми способами привести его к власти. С этой целью на данное государство оказывается давление в виде дипломатической изоляции, экономических санкций, дискредитации и т.д. [7]. Действительно, за последние годы мы наблюдали немало «акций», направленных на дискредитацию России за ее самостоятельную и независимую позицию по ряду вопросов.

Подчеркнем, что ни в коем случае нельзя поддаваться на призывы об отказе от государственного суверенитета и вольно или невольно содействовать его подрыву. Так, недопустимы поверхностные, непродуманные подходы к передаче кому-либо прав и важных функций государства. В связи с этим определенную опасность представляют такие процессы, как коммерциализация социальной и духовной сферы, передача на аутсорсинг важнейших государственных функций, в том числе в таких сферах, как военное строительство, поддержание правопорядка, исполнение наказаний и др. Поэтому продолжающиеся в нашей стране административные преобразования ни в коем случае не должны привести к ослаблению суверенных прав и обязанностей российского государства.

В целом же отрадно, что администрация Президента РФ В.В. Путина на современном этапе взяла курс на строительство так называемой «суверенной демократии», защищающей национальные интересы в жесткой конкуренции со странами Запада.

В научной литературе вполне обоснованно утверждается, что попытки ряда направлений политической теории отрицать ценность концепта суверенитета для поддержания цельности системы международных отношений (и даже объявить о его вредоносном характере в эпоху глобализации) являются несостоятельными и угрожают подорвать сложившиеся к настоящему времени принципы и нормы международного права [8].

Столь же вредна, непродуктивна и вторая точка зрения по вопросу государственного суверенитета – апологетическая, проявляющаяся в провозглашении его незыблемости и самоценности, безотносительно к тому, какое именно государство им обладает, на что направлена его политика, каковы ее цели и т.д. Очевидно, что весьма цинично будут звучать призывы укреплять суверенитет государств с диктаторским, антинародным режимом и т.п. Кроме того, реализация государством своего суверенитета может привести не только к положительным результатам, выражающимся в росте его экономической, технологической и иной мощи, расцвете культуры, повышении уровня и качества жизни населения и т.д., но и к регрессу, крайней точкой которого станет утрата соответствующим народом своей государственности и статуса субъекта исторического процесса.

Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждениями, что «суверенитет представляет ... цель государственно организованного общества»[9]. Все-таки суверенитет – это не цель, а средство достижения целей государственной политики.

Отметим, что апологетическая точка зрения проявляется и в консерватизме, в попытке оставить неизменным то, что уже отжило свой век. В связи с этим вполне уместно, на наш взгляд, напомнить образное утверждение, отмечаемое в научной литературе, о том, что суверенитет представляется вечнозеленым деревом, которое роняет отжившее, заменяя его новым. Безусловно, современный мир динамично развивается и некоторые представления о государственном суверенитете ему уже не соответствуют.

Что же касается диалектического подхода, то в соответствии с ним сущность и значение государственного суверенитета не остается постоянной, а изменяется в связи с развитием самих государств (как носителей суверенитета), так и их взаимоотношений на мировой арене. Как феномен, отражающий определенное состояние государства, народа, нации, суверенитет складывался в ходе исторического развития в соответствии с изменяющейся социально-экономической и политической структурой обществ, на разных этапах приобретал свои особенности в отношении, как содержания, так и форм проявления [10].

При этом с разрешением противоречия часть старого содержания государственного суверенитета переносится в новое в качестве основы развития. То есть происходит не только отрицание отжившего, старого, но и утверждение в новом известных положительных свойств прошлого.

Научный подход к государственному суверенитету позволяет утверждать, что и в современных условиях многие положения классической теории суверенитета не потеряли своего значения. Однако процессы, происходящие сегодня в мире, вносят в нее существенные новации и дополнения. Действительно, усиление взаимных связей и взаимозависимости между государствами ведёт к усилению роли наднациональных органов, которым государства частично делегируют свои суверенные права (например, Европейский союз). Кроме того, общепризнано, что ряд проблем (например, права человека) выходят за рамки исключительного ведения отдельных государств и подлежат международному регулированию.

Вместе с тем, требует своего повышения роль суверенных государств в решении глобальных проблем, которые, в отличие от множества других: а) охватывают весь мир в целом; б) от которых зависит само существование всего человечества; в) которые могут быть разрешены усилиями всех народов и стран; г) промедление с решением которых может привести к гибели всего человечества.

Таким образом, к вопросу о роли государственного суверенитета в условиях глобализации необходимо подходить диалектически: в одном отношении она снижается, а, в другом, - многократно возрастает.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Пастухова Н.Б.* О некоторых вопросах изучения и преподавания государственного суверенитета // Юридическое образование и наука. 2009. №4.
2. <http://президент.рф/news/16752>
3. *Sorensen G.* Sovereignty: Change and Continuity in a Fundamental Institution // Political Studies. 1999. Vol. XLVII. P. 590–604.
4. *Сергунин А.А.* Суверенитет: эволюция концепта // Политэкс. 2010. № 4.
5. *Aron R.* Paix et guerre entre nation. – Paris, 1962. P.32.
6. *Иванов В.* Государство и суверенитет. Спор о суверенитете // Русский журнал. 2009, 28 сентября // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Gosudarstvo-i-suverenitet>
7. *Конуров А.И.* Государственный суверенитет в условиях глобализации: Автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2012.
8. *Сергунин А.А.* Суверенитет: эволюция концепта // Политэкс. 2010. № 4.
9. *Грачев Н.И.* Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009.
10. *Пастухова Н.Б.* Указ. соч.

«МИРНЫЙ ПОДЪЁМ» КИТАЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАКТОВОК В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ И КИТАЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Фан Линьлин

Хэйлуницзянский университет (г. Харбин, КНР),

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

В ноябре 2003 г. на заседании Боаосского форума известный китайский учёный Чжэн Бицзянь сделал доклад на тему «Мирный подъём Китая – новый путь и будущее для Азии». В этом докладе он впервые предложил идею «мирного подъёма».

Последовательно он отметил, что в этом определении содержатся три стратегических принципа. Во-первых, это решительное продвижение реформ в рамках социалистической рыночной экономики и социалистической демократической политики, что должно выступать институциональным обеспечением «мирного подъёма». Во-вторых, необходимо опираться на достижения человеческой цивилизации и способствовать распространению китайской культуры, чтобы сформировать духовную опору «мирного подъёма». В-третьих, важно учитывать интересы развития: развития регионов, городов и сельской местности, социально-экономического развития, гармоничного развития

человека и природы, продвижения политики и открытости для того, чтобы создать социальную среду для «мирного развития» [1].

Атрибут «мирный» сыграл определённую роль в ослаблении позиции тех западных экспертов, которые формировали своё видение экономического роста Китая исключительно сквозь призму концепции «китайской угрозы». Однако упоминание о «подъёме» (или «возвышении») Китая, пусть даже «мирном», по-прежнему тревожило иностранную аудиторию. К тому же в ходе обсуждения в китайском экспертном сообществе стало ясно, что данный лозунг вызывает неоднозначные трактовки внутри страны. В результате со второй половины 2004 г. китайское правительство стало использовать формулировку «мирное развитие».

В рамках данной концепции Китай желает демонстрировать всему миру то, что его развитие является непременно мирным и не грозит никому. Но с того времени, как концепция была выдвинута, её трактовка не только среди западных исследователей, но и в китайских академических кругах не перестанет обсуждаться. В основном дискуссия идёт по трём направлениям.

1) Причины осуществления «мирного подъёма» Китая.

В вышеупомянутом докладе Чжэн Бицзянь заявил, что «история доказывает, что подъём новых держав часто приводит к резким изменениям международной обстановки и мирового порядка, и даже к войне. Здесь основная причина заключается в том, что они полагались на ведение агрессивной войны, чтобы сломать существующую систему, осуществить внешнюю экспансию и в конце концов добиться гегемонии. Такой путь всегда заканчивался неудачей». Безусловно, в странах Азии, в том числе и в Китае никогда не должно повториться подобное.

В дальнейшем в статье он также подчеркнул, что суть «мирного подъёма» – это самостоятельное строительство социалистического общества с китайской спецификой. Этот процесс тесно связан с глобализацией, а не отрывает от неё. «Мирный подъём» Китая принесёт пользу самой стране, странам Азии и всему миру [2].

Однако в западной аудитории, некоторые политологи считают, что лозунг «мирный подъём» – это средство успокоить международное сообщество (прежде всего США), обеспокоенное угрозой, исходящей от стремительно растущей китайской мощи.

2) Возможно ли для Китая осуществить «подъём» мирным путём?

Говоря о возможности осуществить «мирный подъём» Китая, китайские и западные учёные с разных сторон подходят к этому вопросу и получают разные ответы.

Во взглядах китайских политологов возможность реализовать «мирный подъём» Китая оценивается положительно. Приводятся такие аргументы. Во-первых, важен исторический урок. Такие страны, как нацистская Германия, Японская империя, Советский Союз и т.д. поддерживали милитаризм и экспансионизм, что неизбежно заканчивалось упадком и падением. При планировании собственного развития Китай, конечно, будет учитывать эти уроки.

Во-вторых, по численности населения КНР занимает первое место в мире, а в последние 150 лет китайский народ испытывал потрясения от войн. Именно поэтому стремление к миру станет их мечтой.

В-третьих, после Второй мировой войны в мире накоплены огромные ядерные арсеналы, и это тоже является политическим средством сдерживания войны.

И наконец, путь Китая к «мирному подъёму» не изолирован от внешней среды. После Второй мировой войны Советский Союз и Соединённые Штаты тратили много ресурсов на борьбу за гегемонию, в то время как ряд стран добились больших успехов в экономике. Они процветали именно из-за мирного развития. Можно утверждать, что в новом веке всё больше и больше стран будет следовать по пути «мирного подъёма». Мирное развитие таким образом станет тенденцией развития мира.

По сравнению с китайскими учёными, западные политологи в своих трактовках условий «мирного подъёма» полагают, что возможность осуществить его зависит прежде

всего от того, насколько успешно КНР преодолеет такие преграды на этом пути, как неравномерное экономическое развитие и рост социальных конфликтов. Но самыми важными преградами является то, как Китай решит тайваньскую проблему, как он урегулирует отношения со странами Юго-Восточной Азии, Японией, США и международным сообществом в целом [3].

В прошедшие тридцать лет Китай полагается на миропорядок под руководством Соединённых Штатов. Опасения американцев состоят в том, по мере своего подъёма Китай станет менее зависимым от США и будет проявлять всё большую самостоятельность в политике. На самом деле, «мирный подъём» Китая зависит от двух факторов. С одной стороны, это тенденции внутривнутриполитического развития Китая: ведёт ли функционирование рынка к большему плюрализму в политике. Сюда же можно добавить эффекты расхождения между быстрым развитием экономики внутри страны и глобальным экономическим спадом: порождает ли это ультра национализм? Второй фактор – это внутривнутриполитические тенденции в самих Соединённых Штатах: как они рассматривают Китай – как партнера или как соперника.

Британский профессор Барри Бузан в статье «Китай в международном сообществе: возможен ли «мирный подъём?» выразил мнение, что отношения Китая с Японией являются самыми важными не только с точки зрения «мирного подъёма», но и с точки зрения «большой» международной политики в целом [4]. Но такую важность игнорировали обе страны из-за исторических проблем. Учитывая американо-японский альянс и американское военное присутствие в Северо-Восточной Азии, западные учёные полагают, что улучшение отношений двух стран является ключевым звеном для КНР в процессе «мирного подъёма». «Если Китай не сможет дружить с соседней державой, это также подорвет его призывы к гармоничной многополярной международной системе», – пишет исследователь Шу Цзаовэй. Особенно в последние дни спор между Китаем и Японией из-за островов Дяоюйдао считается проверкой «мирного подъёма» Китая [5].

Безусловно, китайские политологи принимают во внимание то, что отношения с Соединёнными Штатами и Японией исключительны по своей важности. Но с мнением о том, что тайваньская проблема станет «Ватерлоо» Китая на пути «мирного подъёма», некоторые специалисты совсем не согласны. Они считают, что при «мирном подъёме» важно не провоцировать агрессию и экспансию. Но как Китай решит тайваньскую проблему и придёт к национальному единству – это внутреннее дело только самого Китая. Те, кто отрицает возможность «мирного подъёма» из-за тайваньской проблемы, просто хотят вмешаться во внутренние дела страны, что уже не имеет отношения собственно к этой проблеме [6].

В начале проведения политики «реформ и открытости» Дэн Сяопин не раз отмечал, что Китай никогда не будет стремиться к гегемонии и к тому, чтобы стать сверхдержавой. Даже если однажды Китай станет сильным, могучим, она никогда не навредит другой стране. В конфуцианской культуре ценят мысль «любовь к миру». Китай использует мирную международную среду для собственного развития, и будет делать всё возможное, чтобы создавать мирное окружение для сохранения мира. В прошедшие тридцать лет «мирный подъём» Китая шёл успешно, хотя в будущем оно, вероятно, будет встречать больше и больше препятствий и трудностей. В этом есть вызовы, но есть и преимущества. Не смотря ни на что, «мирный подъём» уже стал «несомненным фактором» [7]. Сильный, миролюбивый Китай непременно станет надёжной силой по поддержанию мира.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Чжэн Бицзянь. Мирный подъём Китая – новый путь и будущее для Азии // <http://news.sina.com.cn/c/2003-11-24/12541176473s.shtml>.
2. Чжэн Бицзянь. Последовательная трактовка «мирного подъёма» Китая. // http://news.xinhuanet.com/observation/2011-05/16/c_121418991.htm.
3. Cheung, G.C.K. International Relations Theory in Flux in View of. 2008. 26 (1). P. 5-21.

4. *Buzan, B.* China in International Society: Is 'Peaceful Rise' Possible? // Chinese Journal of International Politics. Vol. 3, Issue 1. P. 5-36.
5. *Шу Цзаовэй.* Спор вокруг островов Дяюйдао - испытание «мирного подъема» Китая // <http://www.jnocnews.jp/news/show.aspx?id=41289>.
6. *Чэнь Цианькуй, Синь Сянянь.* Возможен ли «мирный подъем Китая» // <http://big5.china.com.cn/chinese/zhuanti/xxsb/648323.htm>
7. Синчжоу жибао: мирный подъем Китая невозможен без КПК // <http://russian.people.com.cn/31521/5386221.html>

HAVE WE ENTERED A DEFINITIVE PHASE IN INTERNATIONAL RELATIONS WHICH CAN BE CALLED "POST PEACE OF WESTPHALIA"?

*A V Satish Chandra,
Tata Institute of Social Sciences (Hyderabad, India)*

International relations and the concept of Sovereignty have had their beginnings in the Peace of Westphalia. The idea of International Relations holds water only when seen in the context of the formation of the nation-state system. A nation can exist at various levels; at a cultural level or even at a level of shared systems of belief about the world. But these nations or communities that are spawned by these kinds of nations are diffuse and non-cohesive. Therefore, one can characterize such nations as passive nations. While talking of International Relations, this notion of nation does not serve any significant purpose. Only when the idea of a nation is seen in the context of a State does it have any consequence for the whole idea of International Relations.

The State is a modern institution whose true meaning can only be seen in conjunction with the idea of a Nation. When a nation is being seen in conjunction with the State, it becomes necessary to talk of it as a political entity rather than a cultural entity. When a political nation and the modern notion of State are brought together as Nation-State, what we have in front of us is not a sanitized community of people living in peace and harmony. This notion of the Nation-State basically demonstrates one very active ingredient which is power. Power as a variable exists at various levels within a nation-state and also in the relationships between nation-states [1]. International relations as we know them were incepted in the modern period of European history and have always been premised in power.

Even a cursory look at European history shows that the necessity for a talk of Sovereignty is itself a result of the attempts made by different nation-states to reduce the involvement of other nation-states in the affairs of some nation-states. It may be useful here to look at another stereotype about European history which holds that the modern period is also synonymous with the decline of the power of the Church. While it is true in a broad sense that the Church did not wield the same amount of power as it did in the medieval period, it was nevertheless not completely dispossessed of all power. The retention of the power by the Church led it to interfere in the affairs of various nation-states that necessitated the holding of a conference such as the one at Westphalia and coming to an understanding called the Peace of Westphalia which introduced the notion of internal sovereignty of Nation-States and this notion continues in principle even today. This means that sovereignty gave States the power to resolve issues that concerned their internal matters. So sovereignty became that supreme power that characterized independence and freedom, characteristics of democracy and self-rule.

In Europe this was also the time capitalism came into being and talked about a free market and unfettered competition, a theory articulated by classical political economists like Adam Smith [2] and John Locke [3], but this free market never became a reality. What prevented the emergence of such capitalism was the human component of capitalist societies which did not accept the idea that some capitalists would remain viable while others would fall out of the bottom of the free market. The Hobbesian idea of rational self-preservation [4] is relevant in this

particular context. Hobbes had believed that every individual would devise ways and means of preserving their life and property.

The Nation-State is actually a product of this urge for rational self-preservation. While most theorists of the social and political variety have been for years searching for what could constitute a true basis for the creation of a Nation-State, they have missed the most obvious reason that goes behind the formation of a Nation-State. While theorists have argued that nation-states can be constructed on the basis of race, language, culture, etc. they have come across numerous examples that have confounded the suggested bases. For example, if language was to be the basis of the creation of a nation-state, then how does one explain two nation-states – Austria and Germany – both of which speak German? Or how does one explain Switzerland where there are substantial sections of populations speaking French and German but calling themselves Swiss nationals. The same is true for Spain where people speaking Spanish and Basque are part of one Nation-State. All this proves that these are not the “real” categories that have led to the formation of Nation-States. The question then remains as to what the basis could be.

The answer can be found if one looks at the exigencies of capitalism. Capitalism could not expand freely because capitalists in particular regions sought to restrict competition within their own territories so that they could remain viable. In order to restrict competition, the capitalist class used any category that it found useful in describing as a foreigner and not allowing them to trade in territories which were already under the control of other capitalists. Though the Peace of Westphalia was conceived in order to restrict the interference of the Church in the internal matters of specific nation-states, the capitalist classes saw an opportunity in the notion of Sovereignty which was a result of the signing of the Peace of Westphalia. Sovereignty became the principle which conveniently could be used to dissuade competition from entering specific territories. Thus, the principle of sovereignty became the lynch pin of the formation of the Nation-State.

However, the restriction of competition poses a severe challenge to the very sustenance of capitalism and the development process that it generates. This is because capitalism needs to widen markets and find opportunities to sustain itself by selling various products in different markets. But with Europe almost getting saturated with the idea of Nation-States and the idea of competition, for capitalism to survive it became imperative for capitalists to go in search of newer markets. Thus, colonialism was born. And colonialism made the Nation State system reach all parts of the world. Nation States were created in Europe as we have seen was created due to the necessities of capitalism which worked on the principle of expand markets but also at the same time restrict competition. However it would be erroneous to think that this system existed only in Europe. The system is still in vogue and the number of Nation-States increased exponentially in the twentieth century with many countries throwing off the yoke of colonialism and becoming independent. When they became independent the Nation-State was the default model.

Today there is a myth that Globalisation and capitalism have become universal in the aftermath of the disappearance of the erstwhile Union of Social Socialist Republics. However, what happened after the disintegration of the USSR is only the latest wave of Globalisation. One of the effects of colonialism was that it inaugurated a process of creating a global economy in which no country could remain isolated from global economic trends. So the nation-state system politically drew boundaries between various different territories but economically it ended up in beginning the process of wiping out boundaries between different nation-states. Even though the USSR and the East European countries claimed to follow the communist and socialist patterns of economy, the truth is that they were only following another iteration of capitalism, which is now called State Monopoly Capitalism. The present day China is another illuminating example of this. What can be argued with reasonable certainty is that the process of obliteration of economic boundaries began with the very first wave of Globalisation [5] that coincides with the birth and growth of Capitalism.

This process reached its zenith in the twentieth century and this has meant that, despite erstwhile colonies becoming independent and declaring themselves sovereign, the true meaning and purpose of sovereignty was completely diluted. Michel Foucault is completely right when he argues that sovereignty does not denote any kind of power. In the aftermath of colonies becoming independent, and all erstwhile colonies declaring themselves sovereign, sovereignty as a measure of power became useless. Foucault therefore proposes an alternative paradigm of power in his work "Power/Knowledge" [6]. Foucault claims that sovereignty no longer indicates any useful category of analysis. For him, certain kinds of knowledge are the ones that determine as to which country is powerful and which is not. Foucault in fact contemptuously dismisses sovereignty as a medieval phenomenon that has long outlived its utility.

Most Nation-States in Africa were actually formed by the bigger powers and handed over to puppet regimes [7]. The African people who were still in the state of tribalism and did not understand the politics of the Europeans found themselves gifted with an institution whose functioning they simply did not understand. Their lives were either based in tribal cosmologies or in religious systems that were taken to them by Arab Islamists (to coin a phrase) or the Christian missionaries. The puppet regimes did not have any kind of support from within and survived only because of the support of the erstwhile colonizers. Though colonialism was gone nothing changed in the lives of the people. This is also the case of in the West Asian or the Middle Eastern Gulf which is where most of the world's oil reserves are.

Since oil is such a key to development of the industrial/technological variety, it was but natural that countries such as the USA tried to establish full control over the region. This they did by installing regimes in the countries of the Gulf and these regimes sought to legitimate themselves by invoking religious sentiments as well as the Divine principle (the right bit has been deliberately omitted since most of the rulers claim that they are only perpetuating the rule of God). This process has yielded the desired results but it was in the nineties that certain rulers like Saddam Hussain decided to do to small West Asian States what the USA was doing. In September of 2011 al-Qaeda gave Americans what they wanted, an opportunity to intervene in the region.

The Americans were "righteously" indignant that someone decided to interfere in their internal affairs and promptly waged a "War on Terror" and the then President George Bush constructed an "Axis of Evil" that went all the way from Iraq to North Korea. This became a re-enactment of the Crusades vs. Jihad while undermining the whole notion of sovereignty. George Bush Jr. went into not just Afghanistan but also into Iraq to finish what his father started. He succeeded in ousting Saddam Hussain, capturing him and also getting him hanged to death because of the atrocities he committed on his own people. The Americans were liberators both in Iraq and Afghanistan. Afghanistan was liberated from the Taliban, a creation of the Americans when they were trying to get rid of the Soviets from Afghanistan. Most recently the Americans entered Pakistan "without the knowledge" of the Pakistani authorities and carried an operation which led to the killing of America's enemy number one, Osama Bin Laden later finished off the regime of Col. Muammar Kaddafi.

What is significant in all these instances is the fact that America supported mainly by the UK and to a certain extent France, interferes in matters that are actually internal to the countries where it has been intervening in the name of protection of the people and liberating them. This is a violation of the principle of internal sovereignty that is based in the Peace of Westphalia. From this it is clear that in the aftermath of the new wave of globalization that started with the collapse of the Eastern Block and in the context of the emergence of Geo-economics [8] in the place of Geo-politics [9], direct interventions from bigger powers have become inevitable. In the era of Geo-politics which existed till the fall of the Soviet Union and the Eastern Bloc, ideology served as a veneer and made interventions look less stark than they actually were. With the world becoming unipolar and the USA assuming the role of the global policeman that veneer is gone and only the starkness of things is evident. So have we entered a new post Westphalia phase? It may be a yes, the indefiniteness being due to the fact that there are many countries still that have

retained their internal sovereignty on the face of it. But even that could be under threat from things such as global commons [10].

Countries like the USA and some from Western Europe speak of Global Commons today. They also speak of heritages that are not the property of one country and its people but that of the whole of humanity. Armed with these positions the USA feels that it can tell a country not to cut down its forests because that act can impact on global warming negatively or that certain structures cannot be pulled down because they are heritages for the world people. While these arguments have merit, what queers the pitch is that this is not uniformly applied. In the absence of a global community of people what purpose do global commons and universal heritage serve. It is this position of neither here nor there which allows for the talk of sovereignty to exist but at the same time gives the powerful nations to play around with it in ways that they please in order to protect their “national interests”. This shows that Sovereignty as a working principle is at the cross roads. The coming years will throw light on whether it will be a useful principle or just become a redundant one that exists merely for the sake of existing.

REFERENCES:

1. See *Hobsbawm, E.* Nations and Nationalism since 1780. Cambridge, England, Cambridge University Press, 1992.
2. See *Smith, A.* Wealth of Nations. London, England, Methuen Books, 1904.
3. SparkNotes Editors. SparkNote on John Locke (1634-1704). SparkNotes.com. SparkNotes LLC. 2005. Web. 15 Nov. 2012.
4. *Strauss, L.* The Political Philosophy of Hobbes; Its Basis and Its Genesis. Oxford: Clarendon Press, England, 1936.
5. See *Falk, R.* Predatory Globalization – A Critique. Princeton, USA, Polity Press, 1999.
6. Cited from *Foucault, M.* Power/Knowledge. Double Day Publishing Group, 1980.
7. See *Davison, B.* The Black Man’s Burden: Africa and the Curse of the Nation State. New York, USA, Random House, 1992.
8. McKinley Conway H., Geo-Economics: The New Science”, USA, Conway Data Inc., 1994
9. See *Dodds, K.* Geopolitics – An introduction. USA, Oxford University Press, 2007.
10. See *Buck, S.* Global Commons: An Introduction. USA, Island Press, 1998.

ОТ «ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЗАЩИТЕ» К «ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ЗАЩИТЕ»: ВКЛАД БРАЗИЛИИ В ДИСКУССИЮ О «ГУМАНИТАРНЫХ ИНТЕРВЕНЦИЯХ»

И.С. Самоловов,

Новосибирский государственный университет экономики и управления

На протяжении более 20 лет принципу неприкосновенности государственного суверенитета противопоставляется концепция «гуманитарных интервенций». Отголоски прошлых примеров вмешательства в гуманитарных целях зачастую препятствует выработке у стран единого подхода к определению общих критериев для такого рода операций. В связи с этим, инициатива Бразилии по введению ответственности за исполнение мандата Совета Безопасности ООН могла бы привести противоположные позиции к консенсусу.

Развитие международных отношений на протяжении последних двух столетий проходило в контексте отхода от Вестфальской системы, где единственными акторами на международной арене являлись государства, а внутренние дела были их абсолютной прерогативой с опорой на принцип суверенитета. Но если отступления от данного принципа какое-то время были единичными (Священный союз трёх императоров в первой половине XIX в.), то в XX в. они получали все большее распространение. Это выражалось в создании международных организаций глобального характера (Лига Наций, ООН),

делении государств на противоборствующие блоки с государством-гегемоном, диктовавшим политику своим «сателлитам».

Особенно жаркие дискуссии вокруг проблемы суверенитета разгорелись после окончания холодной войны. Как известно, «конец истории», провозглашенный Ф. Фукуямой не наступил. Вместо этого мир увидел резкий всплеск экстремизма, терроризма, массовых нарушений прав человека, что в условиях глобализации имеет последствия не только непосредственно для стран, затронутых бедствием.

Вне всякого сомнения, такие преступления, как геноцид, или же терпящие бедствие государства не должны оставаться без внимания международного сообщества. Поэтому концепция «гуманитарных интервенций» имеет право на существование, несмотря на многочисленные критические замечания. Кто же прав? Те, кто считают, что «гуманитарные интервенции» – это «пропагандистское прикрытие для реализации западным сообществом геополитических сценариев» [1], или те, кто полагают, что суверенитет «не может использоваться в качестве прикрытия преступлений против человечности» [2]? Представляется очевидным, что эти группы спорщиков разъединяет попытка придать вопросу о военном вмешательстве в гуманитарных целях некую правовую основу. На ней следует остановиться подробнее.

«Ответственность по защите» (тж. «обязанность защищать», англ. responsibility to protect) – принятая в 2005 г. на всемирном саммите ООН концепция, которая совершенно меняет понятие суверенитета государства. Суверенитет, согласно концепции, налагает на государства обязательства по защите своего населения. В случае же, если государство не справляется с этими обязанностями, его суверенитет теряет свою силу. Эти случаи прописаны в абзаце 139 в итоговом документе всемирного саммита ООН в 2005 г.: геноцид, военные преступления, этнические чистки и преступления против человечности. Международному сообществу предписывается «использовать соответствующие дипломатические, гуманитарные и другие мирные средства в соответствии с главами VI и VIII Устава» в целях защиты населения от вышеперечисленных преступлений. Если эти меры окажутся недостаточными, а государство – «не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности», то международное сообщество обязано принять меры в соответствии с VII главой Устава [3], т.е. включая военные действия.

Нынешний представитель Германии в Совете Безопасности Петер Виттиг указывает на многочисленные спорные моменты данной концепции. Во-первых, в данном вопросе нет единства в самом «международном сообществе», которое несет ответственность по защите населения после соответствующего государства. Даже США настаивают на том, чтобы «“обязанность“ принять ответные меры была смягчена до “готовности”» [4]. В Вашингтоне не хотят связывать Совет Безопасности подобными правовыми обязательствами, что неудивительно в виду той избирательности, с которой мощнейшая военная держава охраняет законные права граждан. Виттиг ссылается на гуманитарную катастрофу в Мьянме, когда правительство отказалось пустить на свою территорию персонал гуманитарных организаций. Тогдашний министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер призывал к гуманитарной интервенции в рамках «обязанности защищать» и требовал соответствующей санкции ООН. Но тогда не только Россия с Китаем, но даже Великобритания не увидели на это «достаточных правовых оснований» [5].

Во-вторых, проблемным местом остается Совет Безопасности. Для решения этой проблемы уже предлагалось «отменить право вето, когда речь идет о геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности» [6], или же передавать Генеральной Ассамблее функции Совбеза при применении права вето кем-то из «пятёрки». Но так как именно на этом постоянном органе ООН лежит главная ответственность за поддержание мира и международной безопасности, постоянные члены «никогда не пойдут на подобные ограничительные меры», сославшись на Устав ООН [7].

В-третьих, существует разница между «волей» и «способностью». Даже если существует единство в вопросе об «обязанности защищать», может встать вопрос о возможности проведения операции и характере её исхода [8].

Нельзя говорить о том, что в тех же Соединенных Штатах, которых противники «ответственности по защите» стремятся изобличить в неоимпериализме, существует единодушные относительно критериев для гуманитарного вмешательства. С одной стороны говорится, что американцы должны вмешиваться, если это соответствует их национальным интересам, с другой – что необходимо находить грань между национальными интересами и масштабами бедствия и на основании этого действовать [9].

Конечно, не существует и общепринятых критериев разделения правителей и режимов на «плохие» и «хорошие», однако «гуманитарная интервенция» могла бы стать безусловным благом в деле защиты гражданского населения от произвола государства или его несостоятельности в предотвращении массовой резни. Создается ощущение, что неудача в Сомали, попустительство в Руанде, преступная безапелляционность в Косово, а также «унилатерализм» в Ираке в значительной степени дискредитировали эту концепцию, что стало толчком к приведению её к общему знаменателю в виде «ответственности по защите».

По названным причинам, у этого принципа есть скептики и противники, к коим принадлежит и наша страна, которая подчеркивает незыблемость государственного суверенитета. События прошлого года в Ливии лишь усилили подобные настроения у наших руководителей, что обуславливает ту непримиримость, с которой Москва препятствует любому возможному повторению «ливийского сценария» в Сирии. При этом неважно, как эта позиция воспринимается на Западе или у нас в стране, вызывает ли она негодование или, наоборот, одобрение. Важно то, какой вклад эта позиция вносит в общую дискуссию о правовых основах гуманитарного вмешательства. Очевидно, что существующие кризисы не решить ни односторонними действиями по своему усмотрению в духе «coalition of willing», ни безальтернативным сдерживанием. Поэтому особое значение приобретает способность той или иной страны сформировать позитивную повестку, способную примирить противостоящие друг другу стороны.

В этом плане весьма показательна инициатива Бразилии, которую уже несколько раз на разных площадках озвучила президент этой страны Далма Руссефф. Суть этой позиции, получившей название «ответственность при защите» (“responsibility while protecting”), заключается в сведении «нежелательного ущерба от интервенции до минимума» [10]. Признаётся, что «военные вмешательства еще больше раздули существующие конфликты, позволили терроризму получить новые пристанища, вызвали новые волны насилия, а также уменьшили защищенность мирного населения» [11]. Г-жа Руссефф не отрицает принцип “responsibility to protect” как таковой, а предлагает его дополнить или усовершенствовать. Таким образом, предлагается найти «баланс между защитой населения, которому угрожает опасность, и негативными последствиями гуманитарной интервенции» [12]. Главным моментом в этом предложении, вероятно, является установление контроля над тем, как резолюции Совета Безопасности претворяются в жизнь [13], т.е. фактически предлагается подотчетность «тех, кому даны полномочия применить силу» [14].

Нет причин называть позицию Бразилии по Сирии непоследовательной или неконструктивной. Эта страна воздержалась при голосовании по резолюции №1973 по Ливии, а также вместе с другими странами-партнерами по БРИКС осудила превышение коалицией западных стран мандата Совета Безопасности по защите ливийского гражданского населения, приведшего к свержению и убийству ливийского лидера Муаммара аль-Каддафи и смене режима. Только критику она сопровождает действительно конструктивными предложениями, которые, если их поддержат все партнеры по БРИКС, включая Китай и Россию, смогут сыграть ключевую, а главное позитивную роль в решении проблем обеспечения безопасности личности. Разумеется,

предстоят еще долгие дебаты по этому вопросу, однако первый шаг сделан – и в правильном направлении. Нарушение суверенитета не недопустимо, а в принципе возможно на основе широкого согласия и в благих целях.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Искендеров П.* Гуманитарные интервенции в контексте геополитики // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=967#top
2. Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке. Доклад Генерального секретаря Кофи Аннана, 27 марта 2000 г. // <http://www.un.org/russian/conferen/millennium/2000.htm>
3. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch4.shtml#t6
4. *Wittig P.* Das Leiden der Anderen // Internationale Politik. Oktober. 2008. S. 97
5. Ibidem.
6. Ibid. S. 98.
7. Ibidem.
8. Ibid. S. 98
9. *Братерский М.* «Гуманитарная интервенция» во внешней политике Вашингтона // США и Канада: экономика, политика, культура. 2005. №10. С. 49-50.
10. *Stuenkel O.* Brazil and the responsibility while protecting // <http://www.postwesternworld.com/2011/11/28/brazil-and-the-responsibility-when-protecting/>
11. Statement by H. E. Ambassador Antonio de Aguiar Patriota, 21 February 2012 // <http://www.un.int/brazil/speech/12d-agp-RESPONSIBILITY-WHILE-PROTECTING.html>
12. *Stuenkel O.* Why the BRICS should embrace the 'Responsibility while Protecting' // <http://www.postwesternworld.com/2012/03/01/why-the-brics-should-embrace-the-responsibility-while-protecting/>
13. Statement by H. E. Ambassador Antonio de Aguiar Patriota, 21 February 2012 // <http://www.un.int/brazil/speech/12d-agp-RESPONSIBILITY-WHILE-PROTECTING.html>
14. *Котляр В.С.* "Кто виноват?" и "Что делать?" О связи между глобальной управляемостью и критериями для гуманитарных интервенций // http://www.ng.ru/ideas/2012-05-30/8_intervencii.html

ПОСТСОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОЦЕНКАХ ГЕНРИ КИССИНДЖЕР

С.В. Хомутинкин,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

В современном политическом истеблишменте Соединенных Штатов нет человека, который бы имел более длинный послужной список в сфере американо-российских отношений, нежели Генри Киссинджер. Общеизвестна его роль как одного из архитекторов разрядки с Советским Союзом в первой половине 1970-х гг., серьезным образом повлиявшей на весь ландшафт холодной войны. В качестве одного из сопредседателей «Международной комиссии действия для Санкт-Петербурга», часто называемой просто «комиссия Киссинджер-Собчак», бывший госсекретарь США был одним из координаторов новых форматов взаимодействия Запада с постсоветской Россией [1]. В рамках ее работы он познакомился с Владимиром Путиным, встречи с которым после 2000 г. стали одним из неофициальных каналов обмена мнениями между Москвой и Вашингтоном по актуальным проблемам двусторонних отношений и мировой политики. Не отказывался от такого формата общения с Киссинджером и Дмитрий Медведев. Кроме того, после своего возвращения в начале 1990-х гг. к активной академической деятельности Киссинджер обращался к анализу состояния американо-российских отношений, вопросы внешней и внутренней политики России, ее место в «новом мировом порядке» XXI века. Все эти обстоятельства делают оценки его воззрений на российскую внешнюю политику как минимум заслуживающими быть предметом исследования.

С начала 2000-х гг. можно отметить новый виток интереса ученых к фигуре Киссинджера, прежде всего – к его роли в американской внешней политике 1970-х гг. [2].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что при этом его интеллектуальная деятельность и эволюция взглядов как ученого-международника за последние двадцать лет так и не стала предметом углубленного анализа зарубежных исследователей [3]. Что касается их российских коллег, то, помимо предисловий к переводным изданиям киссинджерских «Дипломатии» и «Нужна ли Америке внешняя политика?» за авторством Г.А. Арбатова и В.Л. Иноземцева соответственно, наибольшего внимания заслуживают оценки взглядов Киссинджера, данные в работах Т.А. Шаклеиной и Э.Я. Баталова [4]. В данной статье предпринимается попытка отчасти восполнить имеющиеся пробелы в изучении наследия Киссинджера. Ее предметом стали прежде всего те оценки, которые бывший госсекретарь давал постсоветской внешней политики Российской Федерации на протяжении последнего десятилетия, что особенно интересно с учетом той роли, которую он – формально частное лицо – играет в контактах между Москвой и Вашингтоном.

Необходимо обратить внимание на то, что как исследователь международных отношений Генри Киссинджер нечасто испытывал специальный интерес к внешней политике нашей страны. Только в двух своих работах, отделенных друг от друга почти четырьмя десятилетиями – в «Мир восстановлен» (1957 г.) и «Дипломатии» (1994 г.) он систематически исследовал внешнюю политику России / Советского Союза [5]. Однако на протяжении всей его академической карьеры магистральными темами работ Киссинджера как исследователя являлись, во-первых, структура мирового порядка и принципы его функционирования и, во-вторых, внешняя политика Соединенных Штатов в ее историческом, ценностном и практическом измерениях. Нельзя не согласиться со С. Уолкером, указавшим, что развитие идей Киссинджера «может быть наиболее понято через его собственные усилия развить концепцию мира и определить национальные интересы Америки» [6]. Анализ других проблем имеет скорее подчиненное значение, что в полной мере относится и к внешней политике постсоветской России [7].

Согласно Киссинджеру, константа российской внешней политики – это постоянное стремление к территориальной экспансии. Со времен Петра Первого она приобретает классический имперский характер. Отчасти это было проявлением «навязчивой идеи незащищенности», но и в равной степени следствием «миссионерского рвения», пишет Киссинджер [8]. Поэтому правители новой России столкнулись с беспрецедентным выбором, связанным с необходимостью определить свое отношение к «одной из самых могучих имперских традиций» в мировой истории. Дополнительные трудности для переосмысления «собственной сущности» Россией, прежде всего ее политической и интеллектуальной элитами, создавало то, что на тот момент, согласно Киссинджеру, «подавляющее большинство ведущих фигур [в стране], независимо от их политических убеждений, отказывались признать крах Советской империи или легитимность государств-преемников, особенно Украины...» [9]

Уже спустя некоторое после распада Советского Союза, Киссинджер писал о том, что даже для демократической России геополитические соображения все равно оказываются довлеющими при определении своей политики в «ближнем зарубежье», и упрекал тогдашнюю американскую администрацию Билла Клинтона в молчаливом согласии с признанием «особых интересов» Москвы на постсоветском пространстве, за исключением стран Балтии. Следуя максима политического реализма и принципам «силового равновесия», бывший госсекретарь США признает наличие специфических интересов безопасности России в ее новом пограничье, но также указывает на очевидную, по его мнению, тенденцию в политике Кремля к восстановлению былого господства. Именно эта политическая линия, как указывал Киссинджер в середине 1990-х гг., и будет являться основной для выработки концептуальных подходов Соединенных Штатах к новому мировому порядку. Данный процесс он противопоставлял складыванию политики сдерживания после Второй мировой войны, возлагая большие надежды на российские реформы: «американская политика [после окончания холодной войны] базируется на

предположении, что мир может быть обеспечен Россией, закаляющейся в горниле демократии и концентрирующей свою энергию на создании рыночной экономики» [10]. Однако именно Киссинджер выступил одним из немногих последовательных критиков довольно однолинейного и долгое время беспроblemного видения Белым домом в 1990-е гг. как концептуальных основ внешнеполитической стратегии демократов, так и их политики в отношении Москвы.

По мнению Киссинджера, помимо необходимости приспособиться к изменившейся международной обстановке, окончание холодной войны одновременно дало новый импульс дискуссиям в Соединенных Штатах по другому, более фундаментальному вопросу, «ответа на который [Америка] умудрялась не давать на протяжении почти всей своей истории: маяк она или крестonosец?» [11] Общеизвестно, что после некоторой паузы администрация Билла Клинтона выступила с идеями «расширения демократии» как основы внешнеполитической стратегии США и видением системы международных отношений как «однополюсного мира». В этой связи Киссинджер отмечал, что распад Советского Союза, действительно, породил «еще большее искушение переделать мир по американскому образу и подобию» [12], чем после двух мировых войн. Однако бывший госсекретарь не разделял уверенности как Белого дома, так и целого ряда представителей академической элиты – У. Уолфорта, Дж. Голдгайера, Зб. Бжезинского – относительно того, что тогдашняя международная система является однополярной и американоцентричной и останется таковой в средне- и долгосрочной исторической перспективе [13]. Он выступил с критикой политики администрации Б. Клинтона, а отчасти – и его предшественника Дж. Буша-старшего, которые «говорили о новом мировом порядке, словно он находится за ближайшим углом». Киссинджер уверенно полагал, что международные отношения на рубеже XX-XXI вв. переживают этап трансформации, и окончательное становление контуров нового мира возможно не раньше первой четверти наступившего столетия.

Как известно, вопросы демократизации и демократического мира имели непосредственную практическую значимость для политики Клинтона и всех последующих американских администраций. «Демократии не воюют друг с другом», – так 42-й президент США объяснил в своем президентском послании 1994 г. как раз необходимость поддержки реформ в России и других странах бывшего «восточного блока» [14]. Целый ряд внешнеполитических акций Вашингтона в 1990-е гг., которые в официальной риторике увязывались именно с обозначенными концепциями, непосредственным образом затрагивали вестфальскую концепцию национального суверенитета и служили подтверждением тезиса о его размывании.

Киссинджерские оценки были более чем сдержанными. С одной стороны, он соглашается с наличием взаимосвязи между характером режима и степенью миролюбивости его внешней политики именно в том ракурсе, как его обозначил Клинтон в приведенной выше цитате. Продвижение демократии всегда было целью Соединенных Штатов: «Америка не была бы собой, если бы не настаивала на универсальной применимости идеи свободы» [15]. Олицетворением этой внешнеполитической традиции для Киссинджера выступает президент Вудро Вильсон, который, по мнению бывшего госсекретаря, привнес эти американские идеалы и убеждения в мировую политико-дипломатическую практику. Успехи этого подхода для Киссинджера очевидны: «Вильсоновские идеалы международного порядка, основанного на всеобщем признании роли демократических институтов и решении всех спорных вопросов путем переговоров, а не войн, восторжествовали среди народов Северной Атлантики... В Атлантическом регионе войну больше не воспринимают как инструмент политики; за прошедшие полвека сила использовалась только на окраинах Европы, а также в конфликтах этнических групп, но не между традиционными национальными государствами» [16]. Эта ситуация уникальна – нигде больше в мире такого нет, за определенным исключением Латинской Америки, – но она является результатом именно идей 28-го президента США.

Однако при более внимательном рассмотрении этих идей Киссинджера на примере российской политики становится очевидным, что блестящий практик Realpolitik в 1970-х гг. в целом остался верен ее концептуальным установкам. При всей желательности распространения демократии как цели внешней политики Соединенных Штатов основной вопрос для Киссинджера – это средства ее достижения. Бывший госсекретарь не разделял царившую в начале 1990-х гг. эйфорию по этому поводу и предупреждал, что «как ни могущественна [сейчас] Америка, ни одна из стран не обладает возможностями навязывать все свои предпочтения остальному человечеству; необходимо установить приоритеты... В мире после окончания “холодной войны” американскому идеализму потребуется закваска в виде геополитического анализа, чтобы пробиться через толщу новых сложностей» [17]. Самые актуальные из них на тот момент представляло как раз развитие России и судьба реформ. Наиболее важным для Киссинджера представлялось стимулирование умеренности внешнеполитического курса новых кремлевских лидеров, пусть даже заявивших о приверженности западным ценностям: «В России демократизация и внешняя политика не обязательно идут рука об руку» [18]. Киссинджер выступил за привлечение бывшего геополитического оппонента в институты, способствующие экономическому, культурному и политическому сотрудничеству с Западом. Поэтому он подверг критике предложенную администрацией Клинтона программу «Партнерство ради мира», назвав идею интегрирования России в мировое сообщество через военные мероприятия в рамках НАТО «искусственной»; по его мнению, механизм СБСЕ был бы более эффективен [19].

Киссинджер в середине 1990-х гг. высказал предположение, что с развитием рыночных реформ в России возникнет режим, напоминающий режим Пиночета. «Внешняя политика [этого режима] будет националистической», – писал он [20]. Следствием этого будут более сложные отношения с соседями – бывшими советскими республиками. Америка должна учитывать особые интересы безопасности России в «ближнем зарубежье», но не закрывать глаза на «возрождение исторических российских имперских претензий», имея в виду намеки Москвы на схему «монополии на миротворчество» на территории бывшего Советского Союза. Соединенным Штатам, предлагал Киссинджер, необходимо расширять диалог с российским руководством, поощряя умеренность во внешнеполитическом курсе, но в то же время укреплять централизованную структуру НАТО. Прежде всего, стоит четко ответить на вопрос, какие границы Атлантический альянс будет защищать, чтобы тем самым выбить почву из-под ног разного рода милитаристов и националистов в России.

Из этих рассуждений следует, что в 1990-е гг. даже в наиболее благоприятные времена российско-американских отношений Киссинджер не допускал возможностей прямого воздействия на внутривнутриполитические процессы в России. Он призывал Белый дом сосредоточиться прежде всего на диалоге с Москвой в сфере внешней политики, руководствуясь прагматическими соображениями. «Если американская внешняя политика сделает своим главным приоритетом российскую внутреннюю политику, – рассуждал Киссинджер, – то она станет жертвой сил, по сути дела, ей не подконтрольных» [22]. Он призывал развивать отношения с Кремлем даже в ситуациях, когда те или иные его действия не будут одобряться в Белом доме: ««На развитие российской внутренней политики нельзя смотреть как на индикатор содержания внешней. Связь между рыночной экономикой и демократическим государством – а также между демократическим государством и мирной внешней политикой – далеко не так очевидна, как это может показаться с позиции здравого смысла» [23]. Таким образом, как указывает Э.Я. Баталов, Киссинджер по сути дела отвергает базовый постулат теории демократического мира о наличии зависимости между природой политического режима, существующего в стране (демократия) и проводимой ею внешней политикой (мира) [24]. Следует дополнить это наблюдение указанием на то, что Киссинджер продолжал поддерживать вестфальское понимание суверенитета, связанное с исключительной компетенцией национального

государства в сфере внутренней политики.

После начавшихся в конце 1990-х гг. крупных перемен в российской внешней политике и особенно после прихода к власти Владимира Путина Киссинджер отмечал, что «Соединенным Штатам и их союзникам необходимо установить два приоритета в их отношениях с Россией. В первую очередь нужно постараться, чтобы к мнению России с уважением прислушивались в возникающей системе международных отношений; необходимо сделать все для того, чтобы Россия почувствовала, что она участвует в принятии многосторонних решений, особенно касающихся ее безопасности. В то же время Соединенные Штаты и их союзники должны постоянно подчеркивать – вопреки любым своим пристрастиям, – что их обеспокоенность сохранением баланса сил отнюдь не исчезла с окончанием “холодной войны”... Соединенные Штаты должны уважать законные интересы России в области безопасности. Но это предполагает, что российское понимание законности должно быть совместимо с независимостью соседних государств, а сама Россия должна серьезно относиться к американской обеспокоенности распространением ядерных и ракетных технологий» [25]. Те позитивные оценки, которые Киссинджер дает российским президентам 2000-х гг. – Путину и Медведеву – как раз связаны с их прагматичным отношением к таким вопросам двусторонних отношений, как совместная борьба с терроризмом и углубление процесса ограничения стратегических наступательных вооружений [26]. В то же время он напоминает российским лидерам о возможных опасениях на Западе и у соседей по поводу силовых действий Москвы на постсоветском пространстве: в таком случае важная роль России как одного из центров силы и ее имидж ответственного партнера могут быть поставлены под сомнение, как это было в ходе конфликта с Грузией в августе 2008 г. [27]

Важно отметить, что в последние годы Киссинджер изменил свое мнение о значимости отношений между Вашингтоном и Москвой в общем контексте внешней политики Соединенных Штатов в XXI веке, если сравнивать с оценкой ее приоритетов в начале 1990-х гг. Стержневыми для возникающего миропорядка и для политики Вашингтона патриарх американской дипломатии объявил взаимоотношения с Пекином. Именно рассуждениями на эту тему пронизана его недавняя книга – «О Китае», вышедшая в 2011 г. Примечательно, что новейшая российская политика в ней практически не упоминается – из современных событий Киссинджер подробно останавливается разве что лишь на анализе реформ Горбачева для того, чтобы продемонстрировать разность в подходах и итогах политики обновления, проводившихся тогдашним советским и китайским руководством. В этой же работе он отказывается и от приведенного выше тезиса о том, что российско-американские отношения во многом формировали внешнюю политику США и в целом миропорядок после окончания холодной войны. Эту роль, по его мнению, играли американо-китайские отношения.

Подытоживая, следует сказать о том, что в своем взгляде на международные отношения после окончания холодной войны Киссинджер продолжает оставаться традиционалистом, представителем реалистской школы. Он отмечает, что в конце XX – начале XXI вв. в мире происходят глубинные трансформации, затрагивающие фундаментальные основы миропорядка. Однако для него это в меньшей степени связано с таким эффектом глобализации, как появление множества новых акторов на мировой арене, прежде всего – негосударственных акторов. Центральная роль государства как актора мировой политики никогда не ставилась Киссинджером под сомнение. То же самое можно сказать и о его понимании сущности международных процессов – как и пятьдесят лет назад, бывший госсекретарь объявляет борьбу за поддержание силового равновесия между великими державами важнейшим содержанием мировой политики. Именно с этих позиций он и оценивает внешнюю политику постсоветской России. Насколько Кремль проводит ответственную политику в строительстве мирового порядка в XXI веке, настолько Западу и нужно судить о полезности отношений с Москвой. При этом важно продемонстрировать российскому руководству, что попытки восстановления империи в

какой-либо форме встретят отпор.

Принимая во внимание эти наблюдения, можно также отметить, что Киссинджер весьма скептически относится к звучавшим до самого последнего времени тезисам о размывании государственного суверенитета или даже о его исчезновении в традиционном понимании (т.е. основанном на принципах Вестфальского мира 1648 г.). Пожалуй, единственный регион мира, в отношении которого он согласен с подобного рода оценками – это Европа. Он признает, что Вестфальская модель сегодня претерпевает глубокую трансформацию, связанную в том числе и с процессами экономической глобализации и демократизации, и с появлением множества акторов на международной арене. Но гораздо более существенным для определения контуров нового мирового порядка XXI в. ему представляется перемещение центра тяжести мировой политики из Северной Атлантики в бассейн Тихого океана. Внешняя политика Соединенных Штатов должна чутко реагировать на этот фундаментальный процесс: при всей важности отношений с европейскими странами и Россией приоритет должен быть отдан развитию стратегического партнерства с КНР. Отнюдь не транснационализм, а геополитические соображения лежат в основе анализа и рекомендаций Киссинджера. При этом суверенитет государства в вопросах внутренней политики не подвергается им сомнению.

Все вышесказанное подводит нас к выводу, что Генри Киссинджер и спустя шесть десятилетий после начала своей блестящей академической карьеры по-прежнему остается американским исследователем, который в своем анализе международных реалий следует преимущественно европейской традиции. Он отдает должное тому, как американская исключительность двигает внешнюю политику. В то же время выступает как один из ее последовательных критиков [28], как на теоретическом уровне, так и в сфере практических политических действий, вроде клинтоновского «расширения демократии». На наш взгляд, это хорошо иллюстрируется его оценками внешней политики постсоветской России.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. St. Petersburg Commission: Catalyzing Bottoms-Up Reform in Russia // Congressional Record. Vol. 140 Number 127 (Tuesday, September 13, 1994) // Режим доступа: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CREC-1994-09-13/html/CREC-1994-09-13-pt1-PgS49.htm>

2. *Hahnimäki J.* The Flawed Architect Henry Kissinger and American Foreign Policy. N.Y., 2004; *Dallek R.* Nixon and Kissinger: Partners in Power. N.Y., 2007; *Del Pero M.* The Eccentric Realist: Henry Kissinger and the Shaping of American Foreign Policy. Ithaca, 2010; *Suri J.* Henry Kissinger and American Century. N.Y., 2007
Автору известно также, что в настоящее время по крайней мере еще два исследователя – Т. Шварц из Университета Вандербильда и Н. Фергюсон из Гарвардского университета – работают над книгами о Киссинджере.

3. Исключение – опубликованная диссертация голландского исследователя Г. Блюминка: *Bluemink G.* Kissingerian Realism in International Politics. Political Theory, Philosophy and Practice. Amsterdam, 2000.

4. *Шаклеина Т.А.* Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М., 2002; она же. Россия и США в мировой политике. М., 2012; *Баталов Э.Я.* Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М., 2010.

5. *Kissinger H.A.* A World restored. Metternich, Castlereagh and Problems of Peace. Boston-Toronto, 1957; *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.

6. *Walker S.* Cognitive Maps and International Realities: Henry A. Kissinger's Approach to World Politics // Henry Kissinger, His Personality and Policies / Ed. by D. Caldwell. Durham, 1983. P. 89.

7. Любопытно, что этот вывод может быть применим и к недавней книге Киссинджера «О Китае». Название не должно вводить в заблуждение: основная часть книги посвящена американо-китайским отношениям, а в эпилоге Киссинджер отвергает распространенные сегодня призывы к «сдерживанию» растущей мощи КНР и излагает собственный проект «коэволюции» США и Китая в Тихоокеанском регионе – главном центре мировой политики XXI века. См.: *Kissinger H.* On China. N.Y., 2011. P. 520-530.

8. *Киссинджер Г.* Дипломатия. С. 16-17.

9. Там же. С. 17, 743.

10. Там же. С. 741.

11. *Шаклеина Т.А.* Россия и США... С. 81.

12. Там же. С. 733.

13. Шаклеина Т.А. Указ. соч. С. 70, 73, 108.
14. Clinton W.J. Address before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 25, 1994 // Режим доступа: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=50409>
15. Киссинджер Г. Дипломатия. С. 739.
16. Он же. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. С.18.
17. Он же. Дипломатия. С. 740.
18. Там же. С. 744.
19. Киссинджер Г. Будьте реалистами. Бывший госсекретарь критикует программу «Партнерство ради мира» // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 7. С. 85.
20. Киссинджер Г. Мир в эпоху Клинтона // Инженерная газета. 1993. № 18. С. 3; Киссинджер Г. «Билл Клинтон – циник, но не совсем» // Литературная газета. 1996. 4 декабря. С. 14.
21. Киссинджер Г. Будьте реалистами... С. 85.
22. Он же. Дипломатия. С. 745-746.
23. Он же. Нужна ли Америке... С. 71-72.
24. Баталов Э.Я. Указ. соч. С. 316.
25. Киссинджер Г. Нужна ли Америке... С. 71.
26. Kissinger H. The Unconventional Wisdom about Russia // Режим доступа: <http://www.henryakissinger.com/articles/tms063008.html>; Kissinger H. et al. The Republican Case for Ratifying New START // Режим доступа: <http://www.henryakissinger.com/articles/wp120210.html>
27. Kissinger H., Schultz G. Finding Common Ground // Режим доступа: <http://www.henryakissinger.com/articles/iht093008.html>
28. См. подробнее: Schwartz T. Henry Kissinger: Realism, Domestic Politics, and the Struggle against Exceptionalism in American Foreign Policy // Diplomacy and Statecraft. 2011. Vol. 22. P. 121–141.

БАЛАНС МЕЖДУ ПРОДВИЖЕНИЕМ ДЕМОКРАТИИ И ВМЕШАТЕЛЬСТВОМ ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА В ОЦЕНКАХ М. МАКФОЛА

Л.П. Назарчук,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

В современном мире процессы глобализации идут очень быстрыми темпами. Наверное, нет на земле такой страны, которая бы не изменилась под воздействием внешних факторов. Сегодня сильные демократические государства пытаются навязать недемократическим режимам свои ценности, свой образ мышления и жизни. Как правило, ответная реакция на такое воздействие – жесткое неприятие перемен и осуждение любых действий со стороны иностранных государств, особенно в области продвижения демократии.

Многие политологи и исследователи международных отношений пытаются найти границу между демократизацией и вмешательством во внутренние дела. Один из них – Майкл Макфол. В течение последних двадцати лет он тщательно изучал данный вопрос, а также анализировал и практиковал продвижение демократии, выполняя сразу несколько ролей одновременно – как ученый, активист и как представитель власти. В разные моменты на протяжении этих лет М. Макфол консультировал Государственный департамент, Министерство обороны, Агентство США по международному развитию, Национальный фонд в поддержку демократии и другие правительственные агентства и компании, как упоминается в его биографии на сайте Стэнфордского университета [1]. Он называет себя специалистом по демократиям, антидиктаторским движениям и революциям [2].

Под демократией М. Макфол подразумевает набор институтов, которые обеспечивают равноправную конкуренцию между субъектами в процессе принятия политических решений [3]. Более того, он подчеркивает, что демократия – это универсальная ценность, которая пользуется подавляющей поддержкой населения всех регионов мира [4]. Продвижение демократии в качестве основной цели внешней политики стало пользоваться небывалой поддержкой международного сообщества. Однако, нормы,

защищающие суверенитет государств, превосходят нормы, защищающие права человека, но постепенно баланс смещается [5].

М. Макфол утверждает, что сегодня США уже не обладает монополией на продвижение демократических ценностей по всему миру. Данный факт подтверждает, что такая политика – это не просто национальный интерес США, а международная норма, на которую делают акцент другие страны, транснациональные организации и международные сети.

Продвижение демократии – это реформирование не только политической, но и экономической сферы. Самые старые демократии в мире являются также самыми богатыми странами мира [6]. Автор стремится ответить критикам, утверждающим, что авторитарные режимы более эффективны в стимулировании экономического роста и более стабильны политически. На основе статистических показателей М. Макфол демонстрирует, что хотя в ряде случаев недемократиям действительно удается добиться более высоких темпов развития, в большинстве случаев это не так.

Аналогичным образом он показывает, что по мере экономического развития степень выживаемости демократических режимов возрастает и с учетом наличия институционализированного механизма передачи власти, они оказываются предпочтительными с точки зрения целей долговременной политической стабильности. Более того, апеллируя к популярной на Западе концепции «демократического мира», он отмечает, что демократии безопаснее для соседних государств.

Последний тезис логически связан с обоснованием необходимости сохранения демократизации мира в качестве одного из приоритетов американской политики. М. Макфол подчеркивает, что хотя не все союзники США разделяют американские ценности, демократии никогда не оказывались среди врагов Америки. И «хотя не все автократии были врагами Соединенных Штатов, – пишут Ф. Фукуяма и М. Макфол, – однако каждый враг США был либо автократией, либо политическим движением, исповедующим антидемократические идеи» [7].

Демократия, возможно, не является выражением предпочтений одной цивилизации, а отвечает более универсальным потребностям человека и человечества. Тем не менее демократические процедуры и идея прав человека распространяются на протяжении последних восьми веков и становятся все более универсальными. Демократию невозможно ввести «по указу» или вопреки нежеланию общества [8]. По сути, она предполагает наличие консенсуса в обществе и оказывается работоспособной только в том случае, если большинству населения представляется полезной и в этом смысле легитимной. По словам посла, у США есть программы по поддержке гражданского общества в различных странах, в том числе в России, но это не означает вмешательство во внутренние дела РФ [9].

В течение последних десятилетий политика, направленная на защиту прав человека как международной нормы, набирает силу, в то же время неприкосновенность суверенитета (тоже международная норма) начинает ослабевать, границы государств размываются [10]. В качестве подтверждения своих рассуждений М. Макфол приводит отрывок из речи Кофи Аннана: «Сегодня настоящие границы пролегают не между государствами, а между всемогущими и беспомощными, свободными и окованными, привилегированными и униженными» [11]. Он делает вывод, что каждая человеческая жизнь драгоценна, не зависимо от расы и религии, и для ее защиты нужно смотреть выше границ государств и сообществ.

«Мое правительство твердо верит в концепцию суверенитета, – заявил посол США, выступая перед студентами Высшей школы экономики 25 мая 2012 г. Мы действуем жестко, когда речь идет о защите нашего суверенитета. И Россия к проблеме защиты своего суверенитета тоже относится серьезно. Проблема в том, как этот подход сочетается с другой концепцией, которой мы придерживаемся, – концепцией универсальных ценностей демократии и прав человека. Согласование этих двух концепций станет,

наверное, центральной темой дальнейшего развития политики перезагрузки в отношениях США и России» [12].

По мнению М. Макфола, миллиарды долларов, израсходованные на продвижение демократии в Украине, поспособствовали процессу, который развивается сам по себе. Сочетание слабого, разрозненного и коррумпированного старого режима и объединенной, мобилизованной и целеустремленной оппозиции привело к демократическому прорыву в Украине. Макфол пишет: «Нарушает ли такое вмешательство международные нормы? Больше нет. Было время, когда отстаивание государственного суверенитета было прогрессивной идеей, потому что развитие государственности помогало разрушению империй. Но сегодня те, кто ценит суверенитет государства превыше всего, часто имеют в виду сохранение автократии, а те, кто выступает за суверенитет народа, являются новыми прогрессистами» [13].

Таким образом, говоря о балансе между продвижением демократии и вмешательством во внутренние дела государств, Макфол приходит к выводу, что с обретением суверенитета на плечи государства возлагается ответственность – защита основных прав и свобод граждан. Если руководитель той или иной страны не выполняет свои обязанности в данной сфере, то внешние акторы имеют право повлиять на такие государства и их лидеров и даже добиться права вмешаться в их дела в соответствии с новыми нормами, которые действуют сегодня в международной системе. Но и в этом вопросе нужно быть достаточно мудрым, так как никто не в праве нарушать концепцию суверенитета [14].

М. Макфол считает, что на проблему невмешательства во внутренние дела государств нужно смотреть с позиций глобального общества и глобальной экономики. И защищать универсальные ценности демократии и прав человека так же ревностно, как и свой суверенитет.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Michael McFaul's Curriculum Vitae // http://iis-db.stanford.edu/staff/2165/Michael_McFaul-CV.pdf
2. Аналитическая программа "Однако" с Михаилом Леонтьевым // <http://www.1tv.ru/news/leontiev/196647>
3. *Истомин И.* Ненстошимый мессианизм американской идеи // <http://www.intertrends.ru/twenty-three/020.htm>
4. *McFaul M.* *Advancing Democracy Abroad. Why We Should and How We Can.* Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010.
5. Michael McFaul Democracy Promotion as a World Value // *The Washington Quarterly.* Winter 2004-5 28:1.
6. Michael McFaul Democracy Promotion as a World Value // *The Washington Quarterly.* Winter 2004-5 28:1.
7. *Fukuyama F.* and *McFaul M.* Should Democracy Be Promoted or Demoted? // *The Washington Quarterly.* Vol.31. No. 1. Winter 2007-2008.
8. *Алексеева Т.* Насилие и демократия в политике США // <http://www.intertrends.ru/seventeenth/004.htm#note6>
9. *Дуглас Р.* Либеральный интервенционизм Майкла Макфола и его оксфордских хозяев. Часть I // <http://www.imperiya.by/comments3-14129.html>
10. *Idem.*
11. Annan's Nobel Speech in Oslo on December 11, 2001 // <http://www.globalpolicy.org/secgen/annan/1012oslo.htm>
12. *Макфол М.* Мы надеемся, что наши отношения окончательно нормализуются // <http://www.hse.ru/news/recent/53425427.html>
13. *Anders Ashund, Michael McFaul.* *Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough.* Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2006.
14. Michael McFaul Democracy Promotion as a World Value // *The Washington Quarterly.* Winter 2004-5 28:1.

СУВЕРЕНИТЕТ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

ЗАРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

И.И. Мячикова,

Международный гуманитарно-экономический институт (г. Минск, Беларусь)

Механизмы сохранения государственного суверенитета являются неизменными атрибутами любого государства – вместе с формированием политических, экономических, национальных, культурных и идеологических компонентов государство должно создавать структуры, обеспечивающие внутреннюю и внешнюю устойчивость и сохранность государственного устройства и существования. Так как все национальные государства проходят длительный исторический путь своего развития, традиции и механизмы сохранения государственного суверенитета у них эволюционируют в соответствии с национально-государственным становлением. И нередко в определенные периоды исторического развития происходит переосмысление и существенная переориентация данных традиций и механизмов.

У восточнославянских народов такой коренной вехой, круто изменившей устоявшиеся у них традиции сохранения государственного суверенитета, стала середина XIII века н. э. До этого времени, начиная буквально с первых веков появления восточнославянских народов на исторической арене, а точнее древних восточнославянских племен, у них понятие государственного суверенитета отождествлялось с сохранением двух качеств — кровно-антропологического родства и культурно-религиозных традиций. В начальный период своей истории, т.е. с V по XIII века н. э. все восточнославянские племена видели свое государственное развитие в сохранении, с одной стороны, своих кровнородственных отношений, этнической чистоты народа, а, с другой, своих культурно-хозяйственных и религиозно-обрядовых традиций. Политический суверенитет не рассматривался ими в качестве общественной ценности или приоритета государственного развития. Государственная власть имела ценность и народную поддержку только в случае успешного выполнения одной лишь функции — охраны ею традиций этнической чистоты и культурных устоев. В случае же плохого выполнения этой функции государственные правители теряли свою легитимность и просто изгонялись обществом. В истории всех без исключения государственных образований восточнославянских народов в период с IX по XIII века н. э. – Киевского, Черниговского, Туровского, Владимиро-Волынского, Полоцкого, Смоленского и Новгородского княжеств – имеются неоднократные случаи, когда местное население не поддерживало политику правивших князей, восставало против них, лишало власти, изгоняло за пределы княжества и призывало на правление новых князей. А чаще другие князи, объединяясь, лишали власти нарушавших восточнославянские традиции правителей. И делали это они преимущественно в угоду населению своих княжеств, понимая, что в противном случае сами могут оказаться нелегитимными.

Два святых для восточных славян в этот период качества государственно-этнического суверенитета сформировались в эпоху Великого переселения народов — в первые века н. э. Древние восточнославянские племена и сами сформировались исторически в эту сложную для сохранения этнической аутентичности эпоху только благодаря строгому следованию двум принципам — сохранения кровного родства и

соблюдения религиозной календарно-хозяйственной обрядности. В соответствии с **первым принципом** восточные славяне, заселяя новые территории, в частности, территории Беларуси и Западной России в V–IX веках н.э., не допускали смешивания своей крови с местным населением, но только по женской линии — по мужской такое смешивание, судя по всему, даже поощрялось. Т.е. славянские мужчины могли и обычно активно брали себе в жены неславянских женщин, тогда как рождение детей славянскими женщинами от неславянских мужчин категорически не допускалось. Чаще всего такая ситуация реализовывалась в результате уничтожения славянами при заселении новых территорий всех особ мужского пола местного населения, тогда как местные женщины становились или наложницами (в детородном возрасте) или рабынями-прислужницами (в преклонном возрасте). Особенно эта ситуация была характерна южным и восточным белорусским землям, где заселявшие их племена дреговичей и радимичей теснили местное население, состоявшее из восточнобалтских племен. Довольно многочисленные еще в VI–VII веках н.э. эти племена к XII веку полностью исчезли, не оставив потомства именно в результате такой близкой к геноциду этнической политике восточных славян. Северные славяне — кривичи и новгородские словене — теснили угро-финские племена, однако ввиду своей малочисленности, скорее всего, не истребляли местное население, а просто активно брали себе угро-финских женщин в жены. Однако и у них браки славянок с неславянами не допускались. Нехватка мужчин-славян в качестве мужей компенсировалась практикой многоженства — количество жен у славян практически не ограничивалось.

Второй принцип этнического суверенитета у древних восточнославянских народов заключался в сохранении хозяйственных ценностей и их регламентации в виде сложной системы календарно-религиозной обрядности. Важнейшей ценностью для всех восточных славян было сельское хозяйство и в первую очередь животноводство. Деятельность в этих сферах была строго регламентирована и выполнялась по определенным правилам, которые в существенной мере имели религиозно-обрядовое наполнение. Модернизация этого наполнения не допускалась — позволялось только небольшое изменение в соответствии с появлением технологических усовершенствований. Неслучайно христианская религия, в основном затрагивавшая государственно-идеологические ориентиры и почти не касавшаяся хозяйственной жизни населения, была относительно легко усвоена восточными славянами. Даже сегодня, спустя тысячелетие после официального введения христианства на Руси, у всех восточных славян сохранились многие пережитки языческой обрядности, проявляющиеся, например, в наличии богатых застолий, которые у подавляющего большинства других народов совершенно не приняты.

В XIII веке произошел ряд событий, связанных с внешними факторами, который вынудил восточных славян изменить свои традиции сохранения государственного суверенитета и выдвинуть в качестве ключевого **принцип сохранения политического суверенитета**. Появление двух смертоносных угроз — с юго-востока монголо-татар и с северо-запада немецких крестоносцев — заставил все восточнославянские народы изыскивать другие механизмы сохранения своей этничности. И самым эффективным механизмом могло стать только создание мощной, политически и идеологически организованной государственной власти с абсолютизацией полномочий правителей. Середина XIII века вынудила западную половину восточнославянских народов объединиться в рамках государственности Великого Княжества Литовского, а восточную половину — в рамках Московского княжества, ставшего вскоре Московским царством. Два этих государства с течением времени постоянно укрепляли свою государственность. И только резкое усиление немецкой власти после XVII века в Речи Посполитой, объединившей Польшу и Великое Княжество Литовское, привело к гибели этого государства и укреплению государственности всех восточнославянских народов в лице Российской империи.

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД: ИСТОКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Е.М. Кончакова,

Липецкий государственный педагогический университет

Говоря о понятии «государственный суверенитет», стоит отметить, что появилось оно сравнительно недавно, а именно в первой половине XVII в., и имело весьма схематичные черты, которые трансформировались с течением времени [1]. Современное понимание суверенитета предполагает независимость государства, а также нерушимость его границ и свобода от внешнего вмешательства в его политическое, общественное и экономическое устройство [2]. Если отвлечься от термина «суверенитет», становится ясно, что он как явление имеет более глубокие корни, которые можно обнаружить и в истории России, например, в период существования независимой «вечевой республики» Великого Новгорода. Прежде чем приступить к рассмотрению понятия этого явления в контексте новгородской истории, стоит оговориться, что новгородский суверенитет обладал рядом специфических черт, несколько отличающие его от наших представлений. Чтобы это понять, необходимо выявить его элементы, используя в этих целях исторические источники, прежде всего, новгородские летописи.

Главнейшим элементом, как представляется, является коллегиальное участие горожан во власти, из-за чего суверенитет республиканского Новгорода соотносится именно с городом, а не с его князем. О городе говорили, как о «Господине Великом Новгороде», высшим органом которого было вече [3]. «В лето 6524. Быть сеца у Любца...И се слышавъ, Ярославъ заутра собра новгородцовъ избытокъ, и сътвори вече...И реша ему новгородци: «а мы, княже, по тебе идемъ». И собра вои 4000» [4]. Вече, под которым летописец понимает собрание всех новгородцев, являлось центральным элементом Новгородской республики, которое созывалось по мере необходимости по инициативе либо посадника, либо тысяцкого, либо князя или даже частного лица из числа сторонников оппозиции [5]. На народном собрании ставился огромный круг вопросов, по которым принимались решения. Вече ведало областью законодательства, избирало или снимало должностных лиц, а также осуществляло суд по политическим делам, решало вопросы войны и мира, торговых сношений. Безусловно, именно вече приглашало и прогоняло князя, если это было необходимо. Новгородский гражданин имел право голоса на собраниях веча, а для принятия решения необходимо было единогласное одобрение. Если к единогласию невозможно было прийти, то в дело вступал особый совет, называвшийся «Господа». Кроме того, не следует забывать, что отдельные категории населения, такие как смерды и, конечно, рабы, были полностью лишены избирательных прав.

Важным элементом также является избрание должностных лиц на альтернативной основе и с использованием избирательного бюллетеня (грамоты) [6]. В данном случае речь идет об избрании посадника, который ведал основными делами внутреннего управления. Всех остальных городских должностных лиц новгородцы также совместно избирали, князь никого не назначал. Это свидетельствует о том, что новгородцы сами выступали как источник власти.

Особое внимание стоит уделить новгородскому судопроизводству. Система была весьма сложной, однако хорошо структурированной и коллегиальной. Для Новгорода было характерно деление суда между республиканскими органами и княжеским аппаратом. Кроме монастырского суда существовали еще три формы: посадничий, тысяцкий и владычий. Суд посадника представлял собой организацию, в которой осуществлялся раздел юрисдикции посадника и князя, он рассматривал дела новгородцев

[7]. Суд тысяцкого ведал торговыми, гостинными вопросами, а также связанными с взиманием торговых пошлин. До 1385 г. между владычным и митрополичьим судами также осуществлялся раздел в юрисдикции, но отказ митрополиту в суде привел к уничтожению раздела, и вся юрисдикция сосредоточилась в руках владыки⁸. В области судоисполнения было много должностных лиц, таких как: «ябедник», «детский», «бирич», «дворяно», «приставе», «праведычик», «сотский», функции которых были различны⁹.

К элементам новгородского суверенитета стоит отнести и территориально-административную систему управления – кончанскую и уличанскую. Это исторически сложившаяся система самоуправления в Новгороде. Концы и улицы управлялись кончанскими и уличанскими старостами, которых избирало вече концов и улиц. Всего концов было пять - Словенский, Плотницкий, Загородский, Гончарский и Наревский. Концы представляли собой районы, из которых состоял вечевой город. Вернадский называет Новгород содружеством, состоящим из пяти автономных общин, каждая из которых находилась в одном из пяти концов. Также существует характеристика Новгородской республики как «федерации концов» [10].

Стоит упомянуть и новгородское ополчение. Военная организация Новгорода издавна была связана с кончанским устройством. Каждый конец выставлял определенное количество воинов во время военных походов, участие всех новгородцев не требовалось. После завершения военных действий ополчение распускалось. Однако, концы имели и постоянную военную организацию [11]. Главой ополчения обычно был тысяцкий, решение о сборе ополчения и выходе в поход принималось на вече. Ополчение могло выходить в поход и на оборону как с князем, так и без него.

Обращу внимания и на символику Великого Новгорода. В политической символике, как пишет Г.П. Федотов, сувереном Великого Новгорода, носителем верховной власти представлялась Святая София [12]. Это было имя не только всей поместной новгородской церкви, но и всей республики. София была олицетворением небесного символа, покровительствующего городу. Это, на мой взгляд, некая теократическая трактовка политической жизни, освящение своего суверенитета. Так, икона «Знамения», символ Святой Софии, имена святых епископов новгородских Иоанна, Евфимия и Ионы остались в памяти новгородцев как религиозные символы политической свободы [13]. Безусловно, символом суверенного Новгорода являлся и вечевой колокол.

Подобный новгородский суверенитет просуществовал с XII в. до второй половины XV в. В XV в. наметился конфликт между Новгородом и Москвой, связанный с желанием Ивана III присоединить Новгород к Московскому княжеству. На мой взгляд, это было столкновение двух разных систем, так скажем, «государственного суверенитета» и «государева суверенитета». Понятие «государева суверенитета», на мой взгляд, характеризуется тем положением, что вся власть концентрировалась в руках одного человека, а сувереном являлось только единственное лицо – московский князь. Полномочия его никем и ничем не ограничивались, а его подданные выступали в роли холопов [14]. Новгородцы же, со своей стороны, всегда принимали всевозможные меры для предотвращения возрастания в Новгороде роли князя, который воспринимался ими исключительно как «служилый князь» и чужак.

Москва предложила русским людям единство путем их подчинения политической и военной власти великого князя. Вся Россия рассматривалась в Москве как вотчина великокняжеской короны, никакой речи об автономии быть не могло. Для управления государственными территориями назначались княжеские наместники, а в некоторых местах их было сразу несколько (так, например, в Великом Новгороде было сразу два наместника). Судопроизводство вершилось от имени князя или им самим. Все демократические основы, свободы, суверенная новгородская «старина» ломались и полностью искоренялись по велению московского князя. Показательным является и тот факт, что именно великий князь Иван III ввел единую для всей России символику –

двуглавый орел со скипетром и державой. Эти регалии были призваны говорить о всевластии московского князя.

Подводя итог, стоит отметить, что новгородский суверенитет, имевший место в истории, безусловно, не являлся зеркальным отражением современного представления о суверенитете. Несмотря на то, что «государственный суверенитет» Великого Новгорода не смог противостоять московскому «государеву суверенитету» и был сломлен им, он явился одним из истоков современных представлений о государственном суверенитете.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Вестфальский мир: межкафедральный «круглый стол» в МГИМО (У) МИД России 27 февраля 2008 года // Вестник МГИМО-Университета: Журнал. М., 2008. № 1. С. 78-89.
2. Популярный энциклопедический иллюстрированный словарь. М., 2003. С. 916.
3. *Вернадский Г.В.* Киевская Русь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oldru.com/vernadsky/ver02/53.htm>
4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 174-175.
5. *Проскурина А.В.* Демократическая традиция в Новгородской вечековой республике // Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 20-22 сентября 2010 г. Ч. 2. Великий Новгород, 2009. С. 176.
6. *Подвигина Н.Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Великого Новгорода в XII – XIII вв. М., 1976. С. 105.
7. *Безус Н.Б.* Судебные исполнители в Новгороде 11 – 15 веков по материалам берестяных грамот // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1998. №12. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/72.htm>
8. *Янин В. Л.* К вопросу о роли княжеского аппарата в Новгороде на рубеже XIII-XIV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины, вып. V. Л. 1972. С. 118.
9. *Безус Н.Б.* Указ. соч.
10. *Подвигина Н.Л.* Указ. соч. 102.
11. Там же. С. 103.
12. *Федотов Г.П.* Республика Святой Софии // Народная правда. Нью-Йорк, 1950. № 11 - 12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Themes/History/Fedot/fedot-8.html>
13. *Осташова Н.В.* Исторические символы Новгородской вечековой республики в политической памяти России // Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 20-22 сентября 2010 г. Ч. 2. Великий Новгород, 2009. С. 161.
14. *Юрганов А.* У истоков деспотизма // Знание – сила. 1989. № 9. С. 23.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ ЛИВОНИИ СЕРЕДИНЫ XVI В. В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ИВАНА ГРОЗНОГО О ХАРАКТЕРЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Д. А. Бессуднов,

Липецкий государственный педагогический университет

Представления о государственном суверенитете в системе международных отношений видоизменялись в зависимости от эпохи и принимали различные формы, соответствующие характеру общества и, в частности, распространенным в нем религиозным и идеологическим установкам, геополитическим устремлениям правящей верхушки, в немалой степени, личным качествам политических деятелей, которые определяли внешнеполитический курс государства. Подобная установка просматривается, например, в той парадоксальной ситуации, которая сложилась в русско-ливонских отношениях середины XVI в. накануне Ливонской войны 1558-1583 гг. Вся необычность ситуации заключалась в том, что одна из самых затяжных и кровавых войн Нового времени началась без особых на то причин после более чем полувекового мирного

периода, который благотворно сказался на развитии как ливонских государств, так и России [1].

В отечественной историографии до сих пор не сложилось единого представления о причинах Ливонской войны и мотивации поведения Ивана IV Васильевича Грозного (1533-1584), который в конце 1557 г. отдал приказ о начале боевых действий. В большинстве случаев основной упор делается на экономические или политические факторы [2] без достаточного учета ментальных установок, которыми руководствовался этот государь при осуществлении своего внешнеполитического курса. В частности, следует обратить внимание на своеобразную трактовку царем того, что мы в современных реалиях определяем как «государственный суверенитет», в данном случае суверенитет Ливонии. Эту проблему в своих работах отчасти затрагивали А.И. Филюшкин и Л.А. Юзефович, которые, в частности, отмечают, что царь не считал ливонских государей, с которыми вел переговоры, равными себе и вынуждал их обращаться к себе как просителей [3]. Вышеназванная проблема, однако, все еще далека от окончательного разрешения.

Основная трудность заключается в том, что в письменных источниках, так или иначе связанных с именем Грозного, отсутствует четкая формулировка его отношения к Ливонии как к самостоятельному государству, которую, тем не менее, к началу 60-х годов XVIв. он стал именовать своей «вотчиной». При отсутствии прямых указаний на этот счет приходится использовать косвенные сведения, которые можно почерпнуть из истории русско-ливонских отношений кануна Ливонской войны. Среди прочего, нам может помочь дневник ливонского посольства, которое побывало у российского царя в конце 1557 г. Дневник был составлен секретарем Т. Хёрнером и состоит из двух частей, в настоящее время опубликованных [4]. В этом документе, рассказывающем о ходе переговоров, просматривается отношение царя к ливонским землям.

Посольский дневник 1557/1558 гг. демонстрирует попытку вмешательства Ивана Грозного во внутренние дела Ливонии при полной уверенности в обоснованности своих действий. Это проявилось, в первую очередь, при обсуждении вопроса, касавшегося так называемой «юрьевской дани», который ливонские послы обсуждали с царскими представителями А. Ф. Адашевым и дьяком И.М. Выродкововым, которые, несомненно, действовали согласно инструкции Грозного. 8 декабря они потребовали от послов выплаты полной суммы недоимки с дерптского (тартуского) епископства, которое оно, якобы, задолжало московскому царю, а в случае отказа пригрозили объявлением войны. Представители Дерпта (Тарту) пытались оспорить размер дани, ссылаясь на различные грамоты, включая русско-ливонские договоры, а также дипломатические документы, заверенные императорами Священной Римской империи и ее князьями.

9 декабря посольство получило ответ царя, в котором тот отказался понизить размер дани и потребовал выплатить ее не только с живых, но и с умерших в течение последних трех лет подданных дерптского епископа, что противоречило не только условиям русско-ливонских договоров, но и законам Ливонии.

На переговорах 10 декабря Иван Грозный дополнил свои требования резким отказом от обращения к третьей инстанции империи, а также претензией на обладание православными церквями Колывани (Ревеля / Таллинна) и Юрьева (Дерпта / Тарту). 11 декабря во избежание войны послы в конце концов согласились со всеми требованиями: Ливония должна была платить ежегодно 45 тыс. талеров, заплатить в качестве недоимки 3 тыс. венгерских гульденов, оплатить военные расходы царя, в том числе удовлетворяться его требования, связанные с церквями. Но как только стало известно, что у послов при себе нет денег, чтобы оплатить долг немедленно, переговоры были объявлены несостоявшимися, и 12 декабря ливонское посольство было в оскорбительной форме выдворено из столицы [5].

В описанной ситуации имела место попытка царя оказать давление на Ливонию, которое сопровождалось грубым вмешательством в ее внутренние дела, т. е., говоря

современным языком, попрание ее суверенитета. Это проявилось, например, в попытке навязать изменение ливонской системы налогообложения, в произвольном нарушении официальных русско-ливонских договоренностей и даже что-то похожее на покушение на права собственности – вспомним желание царя считать своими православные церкви в ливонских городах, которые строились и содержались за счет городских общин.

В настоящее время понятия «суверенитет» предполагает неотчуждаемое юридическое качество независимого государства, символизирующее его политико-правовую самостоятельность, высшую ответственность и ценность как первичного субъекта международного права, необходимое для исключительного верховенства государственной власти и предполагающее неподчинение власти другого государства; обусловленное правовым равенством независимых государств и лежащее в основе современного международного права [6]. Однако, будет весьма наивным требовать подобного восприятия государственной самостоятельности от людей XVI в., когда государство воплощалось в фигуре государя, и его понимание рамок собственной власти было главным фактором, определяющим его отношение к соседним государствам.

Будучи великим князем Московским, Иван IV, начиная с 1547 г., настаивал на признании за ним царского (императорского) достоинства, которое превращало его в главу всего православного мира («царства» или «Рима») и делало его ответственным перед Богом за все, что там происходит. Указание на весьма тесную связь царской власти и дел церкви мы можем увидеть уже в послании Макария к отцу Ивана Грозного, великому князю Василию Ивановичу, в которой архиепископ прямо указывает на то, что в его лице «Бог в себе место избрана земли» и поручил ему милость и живот «всего великого Православия» [7]. Стоит ли говорить, что в этой системе все мусульманские народы считались неверными, а европейцы – отступниками, впавшими в «латинскую» и «люторскую» ересь, что хорошо прослеживается в русском нарративе XVI-XVII в. [8]

Концепция «царства» служила русским государям для обоснования своего всевластия, установленного Богом, и главная задача государя – править в интересах и на пользу православия, и в этом ему никто не вправе препятствовать. Если считать, что суть суверенности заключается в гарантированности волеизъявления, то мы имеем право сказать, что носителем этого качества Грозный признавал лишь себя. Представление, хотя бы отчасти напоминающее наше понятие о государственном суверенитете, было ему полностью чуждо, а потому он совершал грубое вмешательство во внутренние дела Ливонии, полагая себя вправе это делать.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Филлюшкин А.И.* Дискурсы Ливонской войны // *Ab Imperio*. 2001. №4. С. 43-44.
2. Обзор историографии см.: *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 33-57.
3. *Юзефович Л. А.* Как в посольских обычаях ведется. М., 1989; *Филлюшкин А. И.* Формулы самопрезентации высшей власти в *invocatio* посольских грамот Ивана IV // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. №1. М., 2006. С. 76-90.
4. *Хёрнер Т.* Дневник ливонского посольства к царю Ивану Васильевичу // *ЧОИДР*. 1866. Кн. 4. С. 6 – 19; *Бессуднова М.Б.* К предыстории Ливонской войны: Продолжение дневника ливонского посольства 1557 г. в Москву в Шведском государственном архиве // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, №1. СПб., 2012.
5. Подробнее см. *Бессуднов Д.А.* Начало Ливонской войны в свете ливонских посольских дневников 1557 г. // *Одиссос*. Актуальные проблемы истории, археологии и этнологии. Одесса, 2012. XII.
6. *Моисеев А.А.* Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты. М., 2006.
7. *Преоув. Макарий.* История русской церкви. Т. IV. С. 207-208; Т. VII. С. 71-72.
8. *Богатырев С.Н.* «Повесть о Полоцком взятии» и проблемы истории культуры Московской Руси // *Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции*. М., 2002. С. 328-329.

ПРОБЛЕМА СУВЕРЕННОСТИ И СУВЕРЕНИТЕТА НА ПРИМЕРЕ ПРАВЛЕНИЯ В НОВГОРОДЕ ШВЕДСКОГО НАМЕСТНИКА ЯКОБА ДЕЛАГАРДИ

Р.В. Болдырев,

Липецкий государственный педагогический университет

В последнее время в международном публичном праве часто стали говорить о понятии государственный суверенитет и его соотношении с понятием суверенность. Большинство исследователей сводят эти термины воедино и признают их синонимами. Однако, существует ряд ученых-правоведов, которые смотрят на два, казалось бы, тождественных понятия, совершенно по-новому. Так М.В. Ильин определяет понятие суверенитет как общепризнанный политический принцип и закрепляющие его институты, которые не только делают возможным существование суверенов как таковых, но также обеспечивают их устойчивое сосуществование друг с другом [1]. Суверенность же, на мой взгляд, он определяет как продолжение понятия «суверенитет», а именно, как все то, что позволяет именно данной инстанции стать сувереном, то есть задавать порядок внутри территориальной политики и взаимодействовать с властителями других территорий [2]. Попробуем переложить эти два понятия на конкретные исторические условия и обратимся к фактам, которые стоят у истоков возникновения суверенитета в России и, возможно, являются основой возникновения понятия суверенность.

В июле 1611 г. шведский корпус во главе с Якобом Делагарди вошел в Новгород. Одни исследователи считают, что имеет место оккупация [3], другие же говорят об альянсе [4], основанном на компромиссе между шведами и частью новгородцев. Но, так или иначе, Я. Делагарди почти на пять лет стал наместником шведского короля в Великом Новгороде. Рассматривая данный инцидент с современной позиции совершенно точно можно сказать, что независимо от способа вступления Делагарди в город, имеет место нарушение территории и границ государства, а, следовательно, нарушение суверенитета. Однако, применительно к XVII в. употребить данную трактовку не представляется возможным по ряду причин. Во-первых, понятие суверенитет как таковое сформировано не было и понималось каждым государем по-разному. Во-вторых, период Смуты в России характеризуется активным «брожением» как русского населения, так и иностранцев по территории России, поэтому понятие границ в данное время достаточно размытое. И, в-третьих, при частой смене правителей на русском престоле, нередко имели место тайные договоры, в которых оговаривалась та или иная территориальная уступка за оказание военной помощи (договор Делагарди и Бутурлина). Но для нас особую важность представляет тот факт, что произошло соединение двух совершенно разных типов государственности – шведской и русской, что, разумеется, привело к привнесению шведами в Новгород собственного понимания суверенитета.

Доподлинно известно, что представление о власти в Российском государстве имело довольно специфический характер. К примеру, во время правления Ивана IV Грозного развивалась идея «Москва – третий Рим». Однако данное утверждение понималось как обобщающее сообщество православных людей, переданных под власть Московского государя. Отсюда следует, что на территории, где проживало православное население, распространялась власть русского государя, несмотря на то, что многие земли могли ему не принадлежать. Такое своеобразное понимание власти давало право вмешиваться в дела других государств [5]. Данный пример ярко иллюстрирует тот факт, что у русских правителей понятие суверенитет не могло ассоциироваться с понятием территориальной целостности и нерушимости границ. Что же касается понимания суверенитета шведской короной в рассматриваемый период, то оно было совершенно иным. Суверенитет представлялся как неограниченная власть короля, но распространяющаяся только на земли, подчиненные Шведской короне. Также нельзя упускать и тот факт, что

политическое сознание новгородцев было далеко не идентичным взглядам Москвы. Под воздействием ряда факторов, таких как изначальная относительная самостоятельность, независимость от контроля извне, тесное переплетение политической и духовно-церковной власти Новгорода [6], способствовало возникновению собственного представления о суверенитете. В сознании новгородцев он, скорее всего, понимался, как способность принимать решения независимо от центра, проводить собственную политику, даже, если она шла в разрез политики центра, и, наконец, стремление к обособленности собственного народа от довлеющей власти этого самого центра.

В 1611 г. шведские, русские и новгородские представления о суверенитете оказались в рамках одного города – Великого Новгорода, а точнее, сконцентрировались в личности одного человека – Я. Делагарди. На мой взгляд, он ключевая фигура в рассмотрении данной проблемы. Во-первых, Делагарди являлся представителем шведского короля Густава II Адольфа, а, следовательно, должен был быть проводником его идей и настроений в отношении России. Во-вторых, оказавшись в России, Я. Делагарди, да и всему шведскому корпусу в целом, необходимо было как можно более подробно узнать политические настроения русских, для успешного выполнения возложенных задач. В-третьих, оказавшись в Новгороде, на Делагарди была возложена чрезвычайно сложная миссия – привести новгородцев к присяге Шведской короне.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в России Делагарди обладал колоссальными полномочиями. Находясь вдали от Родины, он терял возможность постоянной координации своих действий с Густавом II Адольфом, поэтому часто действовал на свой страх и риск. На свой страх и риск вел переговоры с ополчением, медлил с захватом Новгорода, но в тоже время на свой страх и риск вошел в Новгород. Такая игра слов не случайна. Именно данные события позволяют сделать вывод о том, что в действиях Делагарди прослеживается «суверенность» государя, проявление которой оказалось возможным лишь в чужой стране. В Новгороде Делагарди стал своего рода государем, соединившим в себе и московские, и шведские идеи суверенитета, при этом, сумев подстроиться под суверенитет новгородский. Таким образом, военачальник превратился в политика, причем политика весьма грамотного. Понимая, что удержать территорию гораздо сложнее, чем ее завоевать, он стремился расположить к себе местное население: мягкая налоговая политика, развитие города и окрестностей, строительство новых объектов – кабаков, бань, постоянных дворов, которые, в период общего развала страны, представляли собой еще большую ценность для новгородцев.

Анализируя вышеописанное, может сложиться представление о том, что Делагарди полностью порвал связи со Швецией и сделался суверенным правителем в рамках «Новгородского государства», которое, как указывалось выше, обладало довольно четким понятием о собственном суверенитете. Так можно ли говорить о возникновении нового суверенитета в рамках Новгородской земли, выражением которого стала личность Делагарди? Ответ на этот вопрос кроется в самом смысле проводимой Делагарди политики. Безусловно, при малейшем анализе прослеживается связь со Швецией. По мнению Г.М. Коваленко, Делагарди играл роль посредника между Стокгольмом, Новгородом и Москвой. В 1614 г. он пытался склонить Густава II Адольфа к мирным переговорам с московским правительством [7]. Но, в то же время, в своих письмах к королю, он доказывал, что избрание Карла Филиппа было бы для Швеции единственной возможностью оказывать действенное влияние на развитие событий в России. Данной позиции он придерживался на протяжении всего пребывания в Новгороде. И, скорее всего, следуя этой цели, он стремился завоевать авторитет и сохранить экономический потенциал Новгородской земли. Надо сказать, что это ему в полной мере удалось, хотя не стоит отрицать тот факт, что новгородцы также использовали шведов в своих интересах.

В свете вышеизложенного вырисовывается удивительный факт. Действуя от имени Шведской короны Делагарди, однако, сумел выделиться в качестве самостоятельного проводника внешней политики Швеции в России, а точнее в Новгороде, но полностью

оторваться от интересов Густава II Адольфа он не мог, да и не хотел. Таким образом, обладая суверенностью правителя в Новгороде, он оставался под контролем суверенной Швеции, что позволяет с большой долей вероятности говорить о том, что понятие суверенитет, на начальном этапе становления, значительно шире понятия суверенность. Косвенным подтверждением данному предположению могут служить определения М.В.Ильина, приведенные выше.

Наконец венцом, подтверждающим сказанное выше, является участие Деллагарди в русско-шведских переговорах 1616 г. и подписание Столбовского договора с Россией, что можно трактовать как завершение деятельности суверенного правителя Я. Деллагарди в России.

Подводя итоги, хочется сказать о том, что, безусловно, понятие суверенитет и суверенность на данном этапе не могут быть трактованы однозначно. Однако, проведенная работа, позволяет сделать предположение о том, что суверенность является составной значительной частью понятия суверенитет. Свидетельством этому выступает способ суверенного правления, установленного Деллагарди в Новгороде в 1611-1617 гг. Применительно к этому периоду можно характеризовать понятие суверенности как одной из главных черт суверенитета, которая позволяет действовать суверенному правителю в широких экономических, политических, социальных и культурных аспектах, при этом, не выходя за рамки, установленные специфическим пониманием суверенитета страны, представителем которого он является. Однако, данная трактовка может быть расширена, уточнена или исправлена при глубоком изучении важнейших этапов становления государственного суверенитета с позиции выделения признаков суверенности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Ильин М.В.* Суверенная государственность: многовековой путь в уходящее. // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. М., Институт социологии РАН. М., 2009. С.203.
2. Там же. С. 204-205.
3. *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005.
4. *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.
5. *Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти. М., 2006. С. 228.
6. *Гуреев М.В.* Специфика политического сознания новгородцев. Взгляды на республику и монархию. // Новгородика-2008. Великий Новгород, 2009. С. 191.
7. *Коваленко Г.М.* Станислав Жолкевский и Якоб Деллагарди в России. // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. СПб., 2012. С. 89.

В БОРЬБЕ ЗА НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР 1807 г. В РОССИЙСКОМ ДВОРЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

А.Н. Долгих,

Липецкий государственный педагогический университет

Тильзитский мир 1807 г., ставший результатом неудачных войн России с Францией в 1805–1807 гг., превращавший Россию практически в младшего партнера Наполеона, да еще с включением ее в систему «континентальной блокады» против Англии, что означало определенную угрозу ее суверенитету (которую не следует ни преувеличивать, но и ни преуменьшать), несмотря на территориальные приращения (за счет Белостокской области) и карт-бланш на завоевание Финляндии, вызвал в российском обществе, в особенности в среде дворянства, прежде всего столичного, возмущение и тревогу. Известно высказывание на эту тему Ф.Ф. Вигеля: «От знатного царедворца до малограмотного писца, от генерала до солдата, все, повинувшись, роптало от негодования». Существует даже мнение о том, что результатом этого позорного в глазах «общества» договора могло стать свержение Александра I и возведение на престол его сестры – Екатерины Павловны или

вдовствующей императрицы Марии Федоровны, ярых противниц Франции. Во всяком случае, определенной реакцией на это со стороны монарха стало возвышение верного и безусловно преданного монарху графа Аракчеева, назначенного в 1808 г. военным министром [1]. Отражением этого недовольства (наряду с устными высказываниями, практически не дошедшими до нас) стали разного рода проекты и записки, поступавшие непосредственно монарху в этот период (спецификой этого царствования было наличие многочисленных подобных изъятий своих позиций, разрешенных в данный период, в отличие от времени отца Александра I – Павла I, где об этом даже помыслить было бы странно) с критикой тех или иных сторон его внешней и внутренней политики.

Наиболее показательными явились два из них. Автором первого, датированного временем после 9 июля 1807 г., был сенатор П.Г. Дивов (1765–1841) – с 1805 г. руководитель секретного архива Министерства иностранных дел, действительный статский советник. Название документа – «Повествование о царствовании императора Александра I, для него одного писанное». Отдав в начале послания свой долг фимиаму в отношении монарха, указав, что «с восшествием царя Александра воцарилась во всех сердцах надежда, спокойствие и доверенность», автор указал на следующие позитивные его действия: обещание «править государством по разуму и сердцу бабки своей Екатерины II-ой», отмена тайной канцелярии, «хотение миролюбивых сношений со всеми державами», прекращение «несогласий» с Англией, он отметил влияние на эти действия власти П.А. фон дер Палена, А.А. Беклешева, Д.П. Трощинского, Н.П. Панина и А.И. Васильева. Тем более эти действия начала царствия контрастировали с позднейшей политикой, которую автор-стародум связывал с новыми лицами в окружении императора. Осуждая увлечение монарха «молодыми друзьями», автор инкриминирует им следующие прегрешения. «Между прочим, замечено было в государе стремление освободить крестьян от зависимости господ своих или дворян. Окруженный молодыми ласкателями, сей юный государь, напитавшийся ложными правилами от своего наставника Лагарпа, почитал сие делом единственной воли своей и, не предначертав себе плана, чтоб постепенно вводить вольность, начал действовать в губернии Лифляндской... Скоро потом сии молодые ласкатели, между которого ни одного не находилось с познаниями о России... воспалили ум юного царя на заведение университетов, наподобие немецких, и других ученых сословий для образования воспитания юношества. Знатные суммы определены были на сей предмет, выписаны из Германии и Франции несколько достойных людей, но большая часть шарлатанов, охуляющих, при первом их вступлении в пределы нашего отечества, все российское... Обложенный таким образом царь неопытностью и строптивостью молодых людей, скоро истер из памяти своей почитание к старым служителям бабки своей. Осмеяние было наградою достоинства и недолго обращались они в чертогах, где глаз их был бессилен и их образ мыслей предан поруганию». Особую неприязнь автор испытывал к учреждению министерств в 1802 г., которое, «будучи произведением легкомысленности и честолюбия молодых людей, окружавших царя» (Строганова, Чарторыского, Новосильцева и Кочубея), «водворило их в управление всех дел в виде помощников», а на самом деле именно они руководили всем и вся. Другим аспектом деятельности монарха, отмеченным автором, была его любовь к воинским экзерцициям, занявшим 1803–1805 гг. ««Экзерциргаузы, наполненные (войсками), стонали под их топотом, так как и все площади, в городе и за городом находящиеся. Многие приписывали истинной страсти государя к мелочной науке воинской его занятия с солдатами. Я был всегда иного мнения, наблюдая за его поступками, и почитал сии занятия ничем иным, как единым способом, государем употребляемым, для заглушения досад и прискорбий, учиненных ему вероломством, пороками царедворцев, коим он, по несчастию, доверял и кои почти все или вовлекли его в заблуждения, или дали о себе невыгодное лихоимством понятие».

В это время начинаются успехи Наполеона, в результате которых многие страны Европы «потеряли все свое бытие политическое», и лишь «дна Россия сохранилась

невредима, но потеряла все свое влияние и все свои связи политические». Одобрив участие России в союзе с Австрией и Англией и войне с Францией, он отмечал следующие причины военных неудач: если бы «молодые ласкатели, а наипаче флигель-адъютант кн. Долгорукий, не убедили неопытного... царя Александра предстать на челе российских войск против общего врага Европы... Наполеона», не было бы и поражения при Аустерлице», одобряя при этом их позднейшую отставку. Из новых политических фигур, вышедших на сцену после Аустерлица, он выделял Будберга, достоинства которого «были столь ограничены..., что непостижимо было, какими судьбами мог выбор пасть на него». Именно Будбергу, оболеченному «иноплеменными пришлецами», приписывал он и войну 1807 г., и Тильзитский мир – «произведение его малобдительности за пользами государства». Тильзитский мир назван им «постыдным»; при его заключении «не находилось ни одного человека ни с твердостью, ниже с малейшими познаниями для обуздания честолюбивых замыслов Наполеона», и он есть и будет виновником всех несчастий России, доколе Десница Всевышнего не изотрет из актов народных условия, совершенно противные существенным пользам государства...» [2].

Вторым документом подобного рода было письмо неизвестного лица (явно видного чиновника еще екатерининской заправки) императору от 25 августа 1807 г. Говоря об обнаружении Тильзитского мира в манифесте от 9 августа 1807 г., автор рассматривает его как предтечу «ужасной неизбежной катастрофы». Давая характеристику начала царствования, он не жалеет слов восхищения, отмечая следующие позитивы правления того времени: следование законам, возобновление привилегий Сената, «отмену Тайного Суда», «беспристрастность в выборе Управляющих Провинциями», веротерпимость, строительство портов и каналов, преобразования в армии и др. Негативным являлось отношение автора к учреждению министерств, которые «никак не связаны друг с другом». Обращаясь к монарху, он писал: «Вы руководствовались либеральными принципами при разработке данной реформы, но не учли того, что люди, назначенные в министерства, будут столь различны в убеждениях, глупы, безнравственны, неспособны выполнять порученную им работу на благо нации и Отечества». Особую ненависть у него вызывали иностранцы, особенно поляк А. Чарторыйский. Автор полагал «не подпускать иностранцев к высшим должностям, чтобы не заражать наше дворянство и не портить обычаи нации». Требуя неуклонного следования законам, автор отмечает бедственное положение финансов империи, крестьянства, рабочих Урала. «Две неудачные войны исчерпали наши финансы», в сложном положении армия. «Без субординации, дисциплины и организационного принципа и, наконец, без вооружения, продовольственных запасов нельзя вступать в войну и, тем более, надеяться на победу... Состояние российского флота еще печальнее... Духовенство, скомпрометированное по отношению к народу, религиозная ненависть к врагу и рискованная цензура в печати – все это может плохо отразиться на нашем Государстве». Наконец, международное положение весьма тяжелое. «Вести из-за границы не несут ничего утешительного для нас. У нашего Государства не осталось союзников...». С другой стороны, «Англия, Швеция и Наполеон, методично работающие по нашей дезорганизации своими интригами и всегда готовые напасть на нас, представляют большую угрозу. Чтобы им противостоять, наше Государство затрачивает большие средства на пассивное сопротивление. Таким образом, мы потеряли все – наше достоинство, помощь наших союзников, шансы на благоприятный исход войны и надежду видеть ее законченной».

Показав пропасть, куда страна вот-вот свалится, автор предлагает достаточно простой рецепт спасения: «Опирайтесь, главным образом, на настоящую опору Вашей Империи – русское дворянство, которое готово всем пожертвовать ради Вас и Родины... Именно тогда наше Государство обретет ту гармонию, которой ему так не хватает, и без которой оно не может вести нормальное существование» [3].

Оба этих документа, являясь голосом элиты консервативного дворянства, стали отражением политического кризиса, связанного с Тильзитским миром 1807 г., воспринятым страной в качестве угрозы ее независимости и суверенитета.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См. об этом: Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 3. М., 1892. С. 3; *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М., 1957. С. 219-223; *Безотосный В.М.* Наполеоновские войны. М., 2010. С. 113-115.
2. Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX веков: власть и общество. Сборник документов /под ред. А.Н. Долгих. Т. III. С. 232-241.
3. Там же. С. 241-246.

РОССИЙСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ: К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВ РЕГИОНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

О.П. Жалменова,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Проблема национального суверенитета государственных образований Средней Азии во второй половине XIX в. в настоящее время вызывает повышенный интерес исследователей. Россия своим присутствием в этом регионе, безусловно, оставила заметный след в судьбах среднеазиатских государств, поэтому понять их современные проблемы можно только через призму русского владычества.

До вторжения Российской империи среднеазиатские государства – Бухарский эмират, Кокандское ханство, Хивинское ханство, а также более мелкие образования – бекства, основывались на территориальной (цивилизационной) общности. Традиции государственности в Средней Азии предполагали симбиоз крупных и мелких оазисов со скотоводческой периферией и горными окраинами (оседлый центр – кочевая периферия). Государствообразующими центрами были древние мультиэтнические и мультикультурные города, расположенные в оазисах и выполнявшие роль связующего звена между крупнейшими ирригационными системами, Великой степью и отрогами величайших горных систем мира [1].

Проблема суверенитета не была ключевой: принадлежность территории к тому или иному государственному образованию определялась чтением хутбы на соответствующего государя в городских мечетях, наличием в крупных городах администрации соответствующего государства и выплатой налогов. Уклад жизни (законы, за исключением налогообложения и его адресата) при изменении политической принадлежности той или иной территории не менялись. Деньги различных государств имели хождение по всему региону, поэтому профессия менялы была широко распространена. Все государственные образования в Средней Азии жили в соответствии с шариатом, локальными вариантами адатов и местными традициями.

Постоянные феодальные войны меняли политическую карту региона, но административная его карта на протяжении веков – вплоть до вторжения Российской империи – менялась крайне редко, причем изменения были вызваны чрезвычайными факторами: дрейфом русла реки, прекращением транзитной торговли по Великому шелковому пути, природными катастрофами (землетрясениями, опустыниванием) и т. п. [2]

Именно в таких условиях началось движение Российской империи в сторону расширения границ на юге. Именно поэтому продвижение в Среднюю Азию не встречало, как правило, сильного сопротивления. Это подтверждается воспоминаниями и

дневниками участников военных походов [3], в которых подчеркивается потребность в защите подвластных кочевников-киргизов от постоянных грабительских набегов кокандцев.

Следует учитывать, что в XIX в., времени продвижения России, среднеазиатский регион находился в глубоком кризисе. Основными причинами проблем были серьезные геополитические изменения: распад традиционных торговых связей был вызван переносом торговых путей в связи с активизацией англичан в Индии, и других держав на Дальнем и Среднем Востоке. Среднеазиатская экономика все больше приходила в упадок, а это влекло и политическую нестабильность, выражавшуюся в постоянных войнах между государственными образованиями. Вольница кочевников, локальный сепаратизм, деспотическая власть мелких и развращенных господ были обыденностью XIX века. Поэтому, не имея возможность решить проблемы самостоятельно, правители региона соглашались на компромисс с Россией и, поступаясь частью своих прав, выигрывали в стабильности под эгидой русского царя.

В 1864-1876 гг. Россия вступила в Кокандское ханство и включила его во вновь образованное Туркестанское генерал-губернаторство. В новую провинцию вошли обширные земли юга Российской империи от Арала и до Кашгара. Во главе Русского Туркестана встал генерал-адъютант К.П. фон Кауфман, русский подданный немецкого происхождения.

Не только благодаря военному превосходству европейской армии Центральная Азия столь легко уступила пришельцам. Центральная Азия в силу своего цивилизационного опыта поняла и приняла условия игры, предложенные Россией. Мусульмане покупали у России социальную стабильность и процветание торговли, почитавшиеся на Востоке главным оправданием мирской власти. По мнению Ш. и Р. Шукуровых, стабильность и торговля превратились в главные внешние атрибуты мусульманско-русского компромисса в Центральной Азии. Уступая ту или иную меру своего суверенитета, Азия фактически покупала у русских шанс на возобновление созидательной цивилизационной работы [4].

Важно отметить, что структура российского правления и степень «включенности» присоединяемых земель и государств в организм империи были различными, меняясь в зависимости от ситуации внутри новых образований, от общей стратегии государственного курса и от внешнеполитических обстоятельств. Так, сначала (1868) Коканд и Бухара признали свою зависимость от России, сохранив политическую независимость, затем Кокандское ханство после восстания было ликвидировано, а земли его включены в состав Туркестанского генерал-губернаторства как Ферганская область (1876); тогда как сдавшаяся без боя Хива и Бухара сохранили политическую независимость в форме протектората России над Хивинским ханством и Бухарским эмиратом. Затянувшаяся борьба с текинцами (1870-е) завершилась в итоге присоединением значительной части Туркмении к России (1881) и созданием Закаспийской области в центром в Ашхабаде.

В то же время Хива и Бухара, как протектораты, продолжали управляться правителями деспотического склада. Подобное положение с одной стороны, вызывало беспокойство правительства, но с другой – изменять установившийся порядок в протекторатах Россия не решалась. Более того, обнищание народа Хивы и Бухары вследствие злоупотребления ханских и эмирских чиновников считалось даже выгодным для России. Такую точку зрения высказывал политический агент Российской империи в Бухаре П.М. Лессар: «Для нашего положения в Туркестане весьма выгодно существование независимых ханств, как Бухара и Хива; чтобы ни делалось для улучшения их управления, всегда население будет в худшем положении, нежели в Туркестане, всегда они будут желать подчинения России и туземцы наших владений будут ценить преимущества русского подданства» [5].

В связи с этим необходимо объяснить особенности той системы протектората, которая сложилась именно в Средней Азии.

В XVIII в. швейцарский ученый Э. Ваттель сформулировал признаки суверенитета как межгосударственного покровительства: защита слабого народа или государства более могущественной державой либо нацией «от оскорбления и угнетения» третьей стороной; обеспечение безопасности и предоставление военной помощи своему протекже с сохранением его «права управляться по своему усмотрению»; оформление протектората особым соглашением, которое «не нарушает суверенитета и отличается от обыкновенных союзных договоров лишь различием в достоинствах договаривающихся сторон». Э. Ваттель, основываясь на популярной в его эпоху теории естественного права народов, считал, что покровительствуемой стороне должна быть предоставлена административная внутренняя автономия [6].

В дальнейшем и историки, и правоведы развивали концепцию Э Ваттеля, дополняя и уточняя ее. При этом большое внимание при анализе института протектората уделялось добровольному или вынужденному отказу протекже от части своих прав.

Ряд авторов, исходя из практики международных отношений, указывали на то, что протекторат выступает в форме сюзеренитета более развитой страны, которая «не желает либо не может присоединить другую страну к своим владениям» [7]. Главными причинами этого они считали невыгодность финансовых затрат для присоединения новых территорий и народов или боязнь военного конфликта с противостоящими блоками и государствами.

На рубеже XIX – XX вв. появилась идея о возможности существования протекторатов с ограниченным суверенитетом. В этом случае протекже сохраняет внутреннюю самостоятельность, но лишается статуса субъекта международного права. Тогда же были предприняты опыты сравнительного изучения протекторатов. А. Губаревич-Радобыльский, сопоставляя правовой статус Бухарского ханства и Туниса, он пришел к выводу, что они «близки по образцу, т.к. бей, как и эмир, сохранил старую административную систему без введения новых основ государственности» [8]. Важным параметром сходства между ними ученый считал и сохранение местной культуры, семейных основ, налоговой системы, законодательства и суда [9].

В настоящее время предлагается толкование протектората как форму межгосударственных отношений, при которой одна страна признает над собой верховный суверенитет другой, прежде всего в международных отношениях, сохраняя автономию во внутренних делах и собственную династию правителей.

Исторические факты позволяют выделить два основных типа протектората, как модели межгосударственного взаимодействия. Первый из них был следствием взаимного внешнеполитического акта и базировался на добровольном изъявлении зависимости, а второй представлял собой образец протекторатных отношений, установившихся в итоге военных действий и заключения мирного договора. Именно вторая модель была реализована в отношениях между Российской империей, с одной стороны, и Бухарой и Хивой – с другой.

В 1868 г. в итоге военных действий между Россией и Бухарой, а в 1873 г. – между Россией и Хивой были заключены мирные договоры. Бухарский эмир и хивинский хан, сохраняя внешне свои легитимные права суверена, фактически оказались в зависимости от России [10].

Бухара по договору 1868 г. гарантировала свободу торговли русским купцам, защиту их жизни и имущества. Дополнительные статьи уточняли линию российско-бухарской границы и размеры военной контрибуции с ханства. Бухара уступала России часть своих земель в бассейне верхнего и среднего течения Заравшана.

В 1873 г. после военной конфронтации признала себя вассалом Российской империи и Хива. Мухаммед Рахим-хан стал «покорным слугой императора всероссийского», перейдя под «высокое покровительство» России. Правобережная часть Хивинского ханства была включена в состав империи и образовала так называемый Амударьинский отдел. Договором, заключенным с Россией, хан лишился права вести самостоятельно дела

с соседними государствами, но сохранял управление своими подданными. Ханство гарантировало русским купцам беспошлинную торговлю и свободу плавания по Аму-Дарье. Российские купцы имели право устраивать товарные склады и фактории на территории ханства, получать раньше других кредиторов причитающиеся им долги [11]. Соглашения 1873 г. с Хивой и Бухарой, несмотря на отдельные попытки изменения их статей, сохранили основной правовой статус этих ханств как протекторатов вплоть до Октября 1917 г.

Эти договоры, а также последующие дипломатические акты и соглашения определили сущность политических и экономических отношений с Россией, и в конечном счете – уровень суверенитета.

При этом во внутривосточных вопросах оба государства сохраняли независимость. Бухарский эмир самостоятельно назначал и смещал должностных лиц, без согласования с российским правительством осуществлял законодательную и судебную власть, имел собственную армию, казну, фискальную систему.

В Хивинском ханстве ситуация была похожа, с поправкой на более строгий контроль туркестанского генерал-губернатора за деятельностью хана и его правительства. В отличие от Бухары, в Хивинском ханстве отсутствовала регулярная армия: лишь 200 нукеров содержались и вооружались за счет средств хана.

В Хиве, как и в Бухаре, законодательная система и суд были организованы в соответствии с нормами шариата и находились в руках и под контролем правителя.

В административном отношении оба протектората делились на бекства, подразделявшиеся, в свою очередь, на амлякдарства. Чиновники, возглавлявшие эти единицы, назначались по воле правителя, без какого-либо влияния властей Петербурга. При этом весь бюрократический аппарат существовал за счет системы кормлений, т.к. регулярное жалование чиновникам не полагалось. Еще одним вариантом вознаграждения была система доходов с земель, выдаваемых в качестве условного владения – за службу.

Система государственного управления тем самым демонстрировала, что хан (или эмир) рассматривал и само государство, и государственные земли как свою вотчину. Государственно-правовая и частно-правовая системы не разделялись. Суверенитет – вначале неограниченный, а затем, с включением этих земель в качестве протектората в состав Российской империи, ограниченный, – исходил, прежде всего, от правителя, носителя верховной деспотической власти.

Важно отметить, что эти протектораты имели в функциональном отношении общие признаки. Главный из них – наличие внутренней автономии при ограничении внешнеполитического суверенитета. Протекторат оформлялся межгосударственным соглашением, скреплявшимся подписями и печатями договаривающихся сторон.

Договор о протекции обычно исходил из принципа признания территориальной целостности покровительствуемой страны и оказания взаимной помощи в случае военной опасности. На ранних этапах истории при заключении акта протекции доминировали геополитические цели. В более позднее время существенное значение имели торгово-экономические интересы и таможенная политика.

Определенную роль при этом играла возможность доступа к сырьевым ресурсам, необходимым для российского промышленного, прежде всего текстильного, производства. Протекторатные отношения позволяли создавать новые торговые базы, караванные транзитные пункты, удобные пристани, что расширяло сферу не только экономического, но и политического влияния патронажной стороны. Объективным результатом этого процесса в исторической перспективе явилось стремление к учреждению единой таможенной системы. Координация таможенной деятельности ограждала от контрабанды, неуплаты пошлин, содействовала борьбе с конкуренцией западных, в основном английских, товаров.

Подобный взгляд на установление власти Российской империи оспаривается некоторыми, в частности, узбекскими авторами считающими, что вся деятельность

русской администрации – это не более чем «отдельные предложения» правительства, а в целом колониальная политика России была направлена на «игнорирование политических и гражданских прав местного населения, превращение Средней Азии в сырьевую базу России и ограждении края от прогрессивных тенденций и передовой культуры» [12].

Авторы, к сожалению, не отмечают и продуманную политику российской имперской власти, которая не вмешивалась в уклад местной жизни по мелочам и предоставляла значительный суверенитет местной элите. Даже венгерский ученый и путешественник А. Вамбери, тесно связанный с английскими правящими кругами и которого трудно заподозрить в русофильстве, в интересах цивилизации пожелал русскому оружию «наилучших успехов в Средней Азии» [13].

И все же статус протектората, несмотря на его определенное негативное восприятие покровительствуемой стороной (как в прошлом, так и в настоящем), в большинстве случаев устраивал «слабого» субъекта договора. Местные правящие круги нередко использовали военную и экономическую мощь государства-патрона в своих интересах. Известны факты, когда они, опираясь на соглашения о протекции, укрепляли свою власть, подавляя сепаратистские движения и расширяя собственные владения. В частности, бухарский эмир Сеид Музафар использовал помощь России для разгрома мятежей местных феодалов и присоединения к ханству непокорных горных владений – Гиссара, Куляба, Дарваза, Каратегина. Протекторатный статус обычно позволял и местному купечеству расширять ареал торговых операций, накапливать и приумножать свои капиталы.

В целом история российских протекторатов позволяет выявить интересные особенности, проследить общие закономерности государственно-политических отношений в рамках обширного Российского государства, и тем самым раскрыть особенности реализации проблемы суверенитета.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Бартольд В.В.* История Туркестана // *Бартольд В.В.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 109-166; *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // *Бартольд В.В.* Сочинения в 9 т. М.: Наука, 1963. Т. II. Ч.1. С.167-433.

2. *Олимова С.* Национальные государства и этнические территории // Многомерные границы Центральной Азии / Под ред. М.Б. Олкотт и А. Малашенко; Моск.Центр Карнеги. М., 2000. С. 14-26.

3. *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875. С.17-19; *Гродеков Н.И.* Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов. СПб., 1883. С.14; *Желябужский Е.* Очерки завоевания Хивы. М., 1875. С. 12-13; *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении (1839-1876). СПб., 1899. С.28; *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-Теке. СПб., 1881 и др.

4. *Шукуров Ш., Шукуров Р.* Центральная Азия (опыт истории духа) М., 2001. С.8.

5. Записка П.М. Лессара о внутреннем положении Бухарского ханства и его отношениях с Россией (1895 г.) // Сборник Русского исторического общества. Т.5. М., 2002. С.110-111.

6. *Ваттель Э.* Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 5.

7. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М., 1998. С. 318.

8. *Губаревич-Радобильский А.* Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протекторатов. СПб., 1905. С. 3.

9. Там же. С. 90.

10. Договор, заключенный между Туркестанским Генерал-Губернатором Генерал-Адъютантом фон Кауфманом 1-м и Эмиром бухарским Сеид Музафером // История Средней Азии. Сб. ист. произведений. М., 2003. С. 228-229, 236-239.

11. Условия мира России с Хивой, предложенные Командующим войсками, действующими против Хивы, Генерал-Адъютантом фон Кауфманом 1-м и принятые хивинским ханом Сеид Махаммед-Рахим-Богадур-Ханом // История Средней Азии. Сб. ист. произведений. М., 2003. С.231-236.

12. *Хасанов Б.В., Арифджанов Э.К., Алимов Ш.К., Ирмухамедов Б.А.* История Узбекистана: Курс лекций. Часть II. Ташкент, Академия МВД Республики Узбекистан, 2003. С. 10-11.

13. *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М., 2003. С.303.

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В ПЕРИОД ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1917 г.

О.Н. Кузнецова,

Санкт-Петербургский государственный университет

Революционные процессы 1917 г. характеризовались слабостью центральной власти, ведением войны, массой экономических проблем и борьбой различных политических сил все это, несомненно, затрагивало вопросы государственного суверенитета. Новая политическая элита, придя к власти, проводила экономический курс в соответствии с собственными представлениями и состоянием академической мысли рубежа 19-20 вв., что привело к созданию новых органов управления в экономике России.

Следует заметить, что социально-экономическая политика Временного правительства получила довольно скромное освещение в историографии. Исключение составляет работа известного историка П.В. Волобуева «Экономическая политика Временного правительства» [1], вышедшая еще в 1962 году. В ряде современных работ также затрагиваются экономические вопросы, но в основном в связи с ходом революции 1917г. Дополнительную информацию о работе органов, созданных Временным правительством, предоставляют недавно опубликованные журналы заседаний Временного правительства [2].

Временное правительство в период с февраля до октября 1917 года, пыталось найти возможные пути решения насущных вопросов создать новые органы, в которых, через широкое представительство различных сил, выработать план мероприятий призванных спасти страну. Показательно в этом смысле заявление А.Ф. Керенского при открытии Экономического Совета в июне 1917 года: «... полагаю, что он (Совет – *О.К.*) выработает общенародный национальный разум, финансово-экономическая мудрость которого укажет нам направление, которое выведет страну на путь экономического развития, достойного имени российского государства» [3]. В настоящей статье ставится задача проанализировать проблему защиты интересов государства, на примере работы высших государственных органов, осуществляющих экономическую политику в 1917 году. Так, для выработки комплекса мер, Временным правительством были созданы - Экономический совет, Общегосударственный продовольственный комитет и Главный экономический комитет.

Одной из насущных проблем был продовольственный вопрос. Постановление Временного правительства об учреждении Общегосударственного продовольственного комитета, подписанное кн. Г.Е. Львовым, П.Н. Милюковым, А.И. Шингаревым, А.А. Мануйловым, А.И. Коноваловым, А.Ф. Керенским, вышло 9 марта 1917 года [4]. В постановлении указывалось, что деятельность образованного в августе 1915 года «Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу» будет приостановлена, а для выработки общегосударственного продовольственного плана, под председательством Министра земледелия, был образован Общегосударственный продовольственный Комитет.

В состав Общегосударственного продовольственного Комитета вошли представители Исполнительного комитета Госдумы; Совета рабочих и солдатских депутатов; Совета крестьянских депутатов; Всероссийских съездов городов и земств; кооперативов; военно-промышленного комитета; совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства; сельскохозяйственной палаты и от исполнительной комиссии съезда статистиков. Заметим, что подобное широкое представительство различных политических и общественных сил было характерно для большинства новых органов создаваемых Временным правительством.

Стенографические отчеты заседаний Общегосударственного продовольственного Комитета предоставляют наиболее полные сведения о его заседаниях и обсуждавшихся на них вопросах. В этом отношении интерес представляет вопрос о государственном регулировании и введении твердых цен [5], что достаточно подробно рассмотрено в историографии [6]. На заседании 8-9 апреля 1917 г. председатель В.Н. Зельгейм [7] указал, что Министерство Земледелия становится на путь государственного вмешательства в разрешении продовольственного вопроса [8], а вопрос о свободной торговле окончательно предрешен законом о хлебной монополии [9]. Так же общие принципы работы Комитета и решения продовольственного вопроса были высказаны на заседании 6 мая 1917 г., которое проходило под председательством А.И. Шингарева [10]. На заседании 5 июня 1917г. председательствовал А.В. Пешехонов, его сообщение о состоянии продовольственного дела характеризовало изменение продовольственного положения к лучшему [11]. На съезде были приняты резолюции о снабжении мясом, молоком, рыбой, сахаром, чаем, табаком, где звучала необходимость установления твердых цен и последующей монополии. В целом, создание Комитетов можно рассматривать, как свидетельство стремления регулировать все стороны жизни страны с приходом к власти Временного правительства, поэтому Комитеты занимали более высокое положение по отношению к уже существующим ведомствам.

Постановлением Временного Правительства 21 июня 1917 года были учреждены Экономический Совет и Главный Экономический Комитет. В принятом Положении говорилось, что они создаются для согласованного проведения ведомствами всех мероприятий по регулированию хозяйственной жизни страны при Временном Правительстве [12]. Говоря о компетенции Экономического Комитета, отметим, что изначально его работа заключалась в выполнении программы, разработанной Экономическим Советом и утвержденной Временным Правительством [13]. Говоря о составе, А.Ф. Герман сообщал, что в совещании при Главном экономическом комитете принимали участие – революционная демократия; земский союзы; промышленность и торговля и кооперативы [14]. Остальные места были распределены между представителями ведомств, советов и комитетов [15]. Сам факт создания новых органов означал переход к обновлению политики и попытке решить насущные проблемы новыми силами, в частности, в экономической сфере. Заметим, что внутренний (рабочий) состав чиновников министерств в 1917 году практически не изменился [16]. Это позволяет говорить о потенциальной возможности политического влияния нового высшего состава министерств через Главный Экономический Комитет.

Экономический Совет по Положению являлся постоянно действующим органом, его решения подлежали утверждению Временным Правительством [17]. Основной формой деятельности Экономического Совета в первое время являлось слушание и обсуждение докладов различных министерств. Одним из основополагающих за весь период деятельности Экономического Совета можно считать доклад профессора М.В. Бернацкого [18], посвященный обеспечению страны топливом и металлом, а также программе деятельности министерства Торговли и промышленности, который прозвучал на заседании 24 июля 1917 года. Среди названных и принимавших участие в работе Экономического Совета были видные государственные, политические и общественные деятели: А.И. Вышнеградский, Н.Н. Кутлер А.А. Маниковский, П.И. Пальчинский, П.Б. Струве, С.Н. Третьяков, Н.В. Чайковский, И.П. Шипов; известные экономисты: М.В. Бернацкий, А.И. Буковецкий, В.Е. Варзар, В.Г. Громан, Н.Д. Кондратьев, П.Н. Колокольников, П.П. Маслов, Ф.А. Череванин и др.

По нашему мнению, от Экономического Совета в первую очередь ждали ясности и определения экономической структуры народного хозяйства страны в ближайшем будущем. Одной из заслуг Главного экономического комитета была разработка «Схемы регулирования экономической жизни страны», а заседание Экономического Совета 9 августа 1917 г. было посвящено специальному обсуждению этой схемы, которую в

известном смысле можно считать предтечей государственного планирования [19]. Таким образом, ставилась задача найти выход из создавшегося положения с помощью привлеченных к обсуждению экспертов, которые могли предложить выход из сложившейся в экономике ситуации.

Резко изменившееся к осени 1917 года политическое и экономическое положение способствовали тому, что созданные Временным правительством органы прекратили свое существование [20]. Как писал П.В. Волобуев «24 октября этот проект (окончательный вариант Положения о Главном экономическом комитете – *О.К.*) должен был рассматриваться Временным правительством, но тому было уже не до бюрократической игры в реформы» [21]. После чего окончательное завершение работы Главного экономического комитета и определение дальнейшей судьбы его участников перешли в руки Президиума В.С.Н.Х. [22]. Как показали ближайшие события, деятельность органов Временного правительства была завершена с приходом к власти большевиков в октябре 1917 года.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.
2. Журналы заседаний Временного правительства. М., 2001. Т. 1-4
3. Стенографические отчеты Экономического Совета (далее – СОЭС). Пг., 1917.
4. ГАРФ. Ф. 3087. Оп.1. Д. 31
5. ГАРФ. Ф. 3087. Оп.1. Д.2. Л.13
6. См. *Волобуев П.В.* Указ. соч.; *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция: Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г. Л., 1985.
7. ГАРФ. Ф. 3087. Оп. 1. Д. 1; Д. 2. Стенограмма. Зельгейм В.Н. – один из известнейших работников кооперации в России. В 1917 году работал в Министерстве земледелия и продовольствия при Временном правительстве
8. ГАРФ. Ф. 3087. Оп. 1. Д. 21. Л. 3
9. Там же. Л. 5
10. Там же. Л. 41
11. Там же. Д. 24. Л. 20.
12. ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 235. Л. 4. Текст Положения содержится также в журнале заседания Временного Правительства №114 от 21 июня 1917 года. Т. 2. С. 316-318.
13. Там же. Л. 6.
14. РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 430. Доклад Заведующего отделом промышленности и торговли А.Ф. Германа от 26 сентября 1917 года.
15. Там же. Л. 2 об.
16. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132, Д. 40,45. О личном составе министерства продовольствия. Списки служащих за период с 1905 по 1917 г.
17. ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 235. Л. 14.
18. СОЭС № 3. С. 9.
19. СОЭС. №7. С.2-3.
20. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Часть 1. Март-Октябрь 1917 г. М.-Л., 1957. С. 306-307.
21. *Волобуев П.В.* Указ. соч. С. 146.
22. ЦГА СПб. Ф. 9410. Оп. 1. Д. 3. Д. 3. Л. 272. Протокол заседания президиума высшего совета народного хозяйства от 19 января 1918 года.

МОСКОВСКАЯ ПОДСИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА СССР (20 – 40-е гг. XX в.)

С.В. Печенкин

Воронежский государственный педагогический университет

В данной статье автор стремится показать особенности защиты государственного суверенитета Советской Россией/СССР на основе выделенной им Московской

подсистемы международных отношений, функционирующей в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений 20-30-х гг. XX в.

Государственный суверенитет – это набор исключительных прав, закрепленных Конституцией страны [1]. Так как набор этих прав обширен, хотелось бы остановиться на проблеме защиты неприкосновенности границ, ее территориальной целостности и праве суверенного государства на защиту своих национальных интересов и интересов граждан вовне (международная политика и связанная с ней внешнеэкономическая и внешнеполитическая деятельность).

Приход к власти большевиков в 1917 г. в России ознаменовал начало новых государственных отношений между коммунистическим правительством и всем остальным миром. Впервые в мировой истории появляются новые принципы международных отношений, в основе которых не только принцип суверенитета для всего международного сообщества, но и определенная социализация во внешней политике.

Защита национальных интересов советского государства строилась на совершенно новых принципах, отличных от предыдущих подсистем международных отношений и формирующихся новых. Это признание справедливого и демократичного мира, мира без аннексий и контрибуций, открытых договоров (отмена тайной дипломатии), территориальной целостности государств [2].

Придя к власти, большевики на практике осуществили те теоретические положения проблемы, которую с таким трудом В.И. Ленину приходилось доказывать русским социал-демократам: чтобы уничтожить самодержавие в Российском государстве, нужно использовать центробежные тенденции всех национальных элит и народов империи, их национализм, но при создании Советского государства этот национализм (сепаратизм) должен быть искоренен любыми средствами.

Выдвинув, для привлечения на свою сторону представителей национальных территорий лозунг «право наций на самоопределение»,³ большевики уже 18(31) декабря 1917 г. в ответ на обращение финляндского правительства о признании независимости Финляндской Республики, издали постановление Совета Народных Комиссаров о признании независимости Финляндской Республики, которое затем было утверждено III Всероссийским Съездом Советов 15 (28) января 1918 г. [4] Это стало началом развала территориальной целостности бывшей Российской империи.

В течение нескольких лет правительство В.И.Ленина потеряло Польшу, Западную Украину и Западную Белоруссию, страны Прибалтики, так долго собираемые царским правительством под свою эгиду. В конце 1910-х – начале 1920-х годов большевики стояли перед фактом потери закавказских, среднеазиатских и дальневосточных территорий страны.

Принцип мирного сосуществования государств с различным политическим и социально-экономическим строем, отказ от войны как средства решения споров, отказ от аннексий и контрибуций, отказ от колониализма как основы взаимоотношений с большинством государств Азии и Африки - были новыми принципами, на основе которых еще ни одна современная система международных отношений не функционировала. Эти принципы не были включены в будущую Версальско-Вашингтонскую систему послевоенного устройства. И внешняя политика Советской России / Советского Союза, не включенная в Версальско-Вашингтонскую систему международных отношений, стала основой новой политики, которую автор статьи типологически определяет как «Московскую подсистему международных отношений» [5].

Декларирование новых принципов международной политики большевиками, для мирового сообщества, не привело к изменению традиционных методов ведения внешней политики ведущими европейскими государствами. Поэтому, на словах декларируя новые ценности, советское руководство, если речь шла о национальных интересах, совершенно спокойно, и главное, осознанно, применяло методы, которыми руководствовались все остальные страны Европы.

Одним из основных принципов внешней политики сохранялся принцип «баланса сил», при котором государства выясняли – кто сильнее на международной арене и очень часто прибегали к вооруженной силе, как методу решения проблем.

Советский Союз не стал исключением, и на протяжении всего XX века защищал свои национальные интересы, используя весь арсенал методов западноевропейских государств, которые они применяли в своей внешней политике.

Но в конце 1910-х – начале 1920-х гг. советское правительство сталкивалось с двумя вызовами – остракизмом со стороны мирового сообщества, и реальной возможностью потери государственного суверенитета, в результате иностранной военной интервенции со стороны стран-участниц бывшей Антанты.

Именно поэтому, на наш взгляд, выделение Московской подсистемы международных отношений крайне важно, так как именно в ней были заложены и продемонстрированы не только новые принципы внешней политики и международных отношений, но и политика руководителей страны, НКВД, их стратегия. Это была стратегия не только выживания в среде недружественных государств, но и стратегия расширения государственного суверенитета, приведшая к созданию новой системы международных отношений – Ялтинско-Потсдамской.

Автор хотел бы обратить внимание на два этапа в развитии государственного суверенитета (оговоренные выше) в рамках данной подсистемы.

Первый этап, связанный с деятельностью В.И. Ленина, характеризуется частичной потерей суверенитета и попытками его восстановления. Полагаю, что на этом этапе у руководителей государства сохранялись нереалистические представления о возможностях «экспорта» революции и реализации идеи «мировой пролетарской коммунистической революции», в результате которой ведущие европейские капиталистические государства могли бы перейти к коммунизму.

В этой связи симптоматичным является подписание мирного договора между Советской Россией и Германией с ее союзниками в г. Брест-Литовск 3 марта 1918 года, и характеристикой В.И. Лениным мирного договора между Россией и Эстонией, подписанного 2 февраля 1920 года в г. Тарту. Оценивая последний договор, В.И. Ленин исходил из ближайшей возможности его пересмотреть. Выступая перед рабочими и красноармейцами Пресненского района г. Москвы он говорил: ««Советская Россия сделала много уступок, главной из которых является уступка спорной территории, заселенной смешанным — русским и эстонским населением. Но мы не хотим проливать кровь рабочих и красноармейцев ради куска земли, тем более, что уступка эта делается не навеки: Эстония переживает период керенщины, рабочие начинают узнавать подлость своих учредительских вождей, разграбивших профессиональные союзы и убивших 20 коммунистов, они скоро свергнут эту власть и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый мир» [6]. Именно вера в будущую мировую революцию заставляла его с легкостью соглашаться на потерю территориальной целостности страны, а значит и государственного суверенитета.

Советская Россия в рамках действующего международного права юридически признавала отторжение от территории бывшей имперской России ряда западных территорий, но никогда не соглашалась на аннексию Бессарабии или захват КВЖД на территории Китая в рамках государственных интересов. Следовательно, если получение суверенитета какой-либо территории бывшей Российской империи санкционировалось в рамках договоров, то аннексия военная считалась нарушением государственного суверенитета и не признавалась.

В отношении стран зарубежной Азии в этот период времени проводилась политика поддержки национально-освободительной борьбы колоний и полуколоний под лозунгом «право наций на самоопределение». Результатом деятельности представителей Коминтерна и НКВД стали: во-первых, соглашения и договоры о дружбе и добрососедстве с Афганистаном (апрель 1919 г.), Персией (февраль 1921 г.), Турцией

(март 1921 г.), Монголией (ноябрь 1921), Китаем (май 1924 г.) [7]; во-вторых, был сформирован пояс буферных, дружественных (или нейтральных) государств Азии по отношению к Советской России/СССР, закрепивших на основе двусторонних договоров, новые принципы взаимоотношений; в-третьих, признание за Москвой права на проведение азиатской политики как сильного актора международных отношений в этом регионе способствовало защите национальных, государственных интересов Советской России / СССР.

Второй этап в развитии государственного суверенитета автор связывает с деятельностью И.В. Сталина, и определяется как создание предпосылок к переходу от Московской подсистемы к Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений, где Москва уже играет одну из ключевых ролей.

Благоприятные возможности у И.В. Сталина появляются с подписанием советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 года. Секретная часть пакта позволила И.В. Сталину поднять вопрос о территориальных претензиях СССР, и в первую очередь, добиваться возврата потерянных областей бывшей Российской империи на заре Советской власти.

В сентябре 1939 г. были аннулированы статьи Рижского мирного договора (18 марта 1921 г.), по которому к Польше отошли Западная Белоруссия и Западная Украина. Соответственно, Западная Белоруссия и Западная Украина отошли соответственно к Белорусской ССР и Украинской ССР.

26 июня 1940 года Советское правительство обратилось к румынскому правительству со следующей нотой: «В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории – Бессарабию – и тем нарушила вековое единство Бессарабии, населенной главным образом украинцами, с Украинской советской республикой. Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром...

Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной, как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава. Такой акт был бы тем более справедливым, что передача северной части Буковины Советскому Союзу могла бы представить, правда, лишь в незначительной степени, средство возмещения того громадного ущерба, который был нанесен Советскому Союзу и населению Бессарабии 22-летним господством Румынии в Бессарабии» [8]. 28 июня 1940 г. в результате мирного разрешения советско-румынского конфликта Бессарабия была возвращена СССР. По закону, принятому 7-й сессией Верховного Совета СССР 2 августа 1940 г. была образована Молдавская ССР, в состав которой вошла Бессарабия. Уезды Измаильский, Аккерманский и Хотинский были присоединены к УССР. Кроме того, СССР аннексировал Буковину, никогда не входившую в состав Российской империи.

С 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. прошла советско-финская война, в результате которой, по Московскому договору (заключён 12 марта 1940 г.), была изменена советско-финская граница, установленная Тартуским мирным договором (1920 г.).

Часть российской «имперской» территории была возвращена Советскому Союзу:

- к СССР отошёл Карельский перешеек с городами Выборг и Сортавала, ряд островов в Финском заливе, часть финской территории с городом Куоляярви, часть полуостровов Рыбачий и Средний. В результате Ладожское озеро полностью оказалось в границах СССР;

- СССР получил в аренду часть полуострова Ханко (Гангут) сроком на 30 лет для создания на нём военно-морской базы;

В результате подписания договора в составе СССР оказалась большая часть территорий Карелии, возвращённых России после завершившего Северную войну

Ништадтского мира 1721 года и находившихся в составе России до передачи в 1811 г. Выборгской губернии в состав Финляндии [9].

В 1940 году были присоединены и Прибалтийские республики. 16 июня 1940 г. нарком иностранных дел СССР В.М.Молотов информировал представителей Латвии, Эстонии и Литвы о переходе советских войск границ этих государств. В результате установления советской власти под контролем Москвы Литва, Латвия и Эстония соответственно 3, 5 и 6-го августа 1940 года были приняты в состав СССР [10].

К 1941 г. государственный суверенитет (национальные границы) защищался всей мощью Советского Союза с позиций «баланса сил» и национальные интересы СССР уже простирались за национальные (государственные) границы. Следствием усиления позиций СССР на мировой арене становится возможным отторжение у Японии Курильских островов по итогам Второй мировой войны.

Таким образом, когда происходит ревизия Версальского порядка в 30-е годы XX века и начинается новый передел мира, в рамках Московской подсистемы международных отношений осуществляется политика, направленная на восстановление государственного суверенитета СССР над землями бывшей Российской империи. Это свидетельствует о существовании самостоятельной Московской подсистемы международных отношений со своими нормами и принципами в рамках существующей Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См. например: *Иванец Г.И., Калинин И.В., Червонюк В.И.* Конституционное право России: энциклопедический словарь / Под общей ред. В.И. Червонюка. М., 2002. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Конституционное%20право%20РФ/Государственный%20суверенитет/>

2. Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1. С. 136-138

3. *Печенкин С.В.* «Право наций на самоопределение» и политическая практика РСДРП (начало XX в. – 1920 г.) // Транзитивные процессы в российском обществе: гуманитарные и социально-экономические аспекты / Под ред. В.В.Галкина. Вып.1. Воронеж, 2006. С.43-47.

4. Документы внешней политики СССР. Т.1. М., 1959. С.72.

5. *Печенкин С.В.* Формирование московской подсистемы международных отношений и страны Запада (20-е годы XX в.) / Чичеринские чтения. Россия и мир после первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Тамбов, 2009. С.294-303; *Печенкин С.В.* К вопросу о функционировании Версальской, Вашингтонской и Московской подсистем международных отношений в межвоенный период на евразийском пространстве (20-30-е гг. XX в.) // Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета. Выпуск 5. Воронеж, 2010. С.120-124.

6. Речь тов. Ленина на широкой рабоче-красноармейской конференции Пресненского района // Правда. 1920. 26 января.

7. См.: Системная история международных отношений в 4-х томах.1918-2000. Т. 1. События.1918-1945. Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2000. С. 206-224; Системная история международных отношений в 4-х томах.1918-2000. Т. 2. Документы.1910-1940-х годов. Под ред. А.Д. Богатурова М., 2000. С. 61-66;.

8. Документы внешней политики СССР. Т. 23.Ч.1- М., 1995.-С. 385-386.

9. Там же. С. 141-142.

10. Там же. С. 472, 474, 476.

БОРЬБА РОССИЙСКОЙ ОБЪЕДИНЁННОЙ ОППОЗИЦИИ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В 1992 - 1993 ГГ.

А.А. Фоменков,

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

События, предшествовавшие краху СССР, и непосредственно сам распад страны привели к возникновению новых объединений, совмещавших в своих программных установках правые и левые компоненты. Естественно, что среди лидеров и актива такого рода структур имелись как коммунисты, так и патриоты-державники, включая даже

монархистов и сторонников русского национального государства. В деятельности структур объединённой оппозиции начала 1990-х годов тема государственного суверенитета была одной из центральных.

Один из наиболее известных союзов, объединивших в своих рядах как правых, так и левых – Российский общенародный союз (РОС) – открыто не признавал легитимность Беловежских соглашений (в числе шести депутатов, голосовавших против их ратификации в парламенте был и лидер РОСа С.Н. Бабурин [1]) и, следовательно, суверенитет Российской Федерации и выступал за сохранение единства страны, основой которой после Беловежских соглашений должен был стать прочный союз России, Украины, Белоруссии и Казахстана [2]. Конфедеративные начала для создания нового государства РОС считал невозможными, в связи с чем СНГ рассматривалось как сугубо временное явление [3].

В сходном ключе с РОС декларировало свои цели Российское народное собрание. Данное объединение возникло в феврале 1992 г. в ходе Конгресса гражданских и патриотических сил. Большая активность демократов, ещё недавно поддерживавших Б. Ельцина, в деле организации данного форума объяснялась в первую очередь стремлением изменить соотношение влияния политических акторов после Беловежских соглашений, заключение которых они рассматривали как предательство. Первоначально В.В. Аксючицем и его сподвижниками предполагалось, что после распада СССР от Б.Н. Ельцина отойдёт значительная часть его сторонников, для которых слова «патриотизм» и «национальные интересы» не были пустым звуком. В этом случае появилась бы достаточно перспективная политическая сила, выступавшая за народовластие во внутренней политике и за отстаивание национальных интересов во внешней. Видение последних в наиболее полной мере из упомянутых политиков раскрыл несколько позднее один из лидеров РосНС М.Г. Астафьев в интервью журналу «Народный депутат» [4]. Предпосылки к подобного рода изменениям в расстановке политических акторов в России действительно существовали. Так, 19 апреля 1991 года был создан блок «Народное согласие», в состав которого вошла кроме РХДД и КДП–ПНС Демократическая партия России во главе с Н.И. Травкиным. Эта организация также не поддержала подписание Беловежских соглашений [5], и с января 1992 года начала активно критиковать президента и правительство за проводимую ими экономическую политику [6]. В оппозицию Б.Н. Ельцину в этот период перешла также Народная партия «Свободная Россия», тесно связанная с вице-президентом страны А.В. Руцким. Впрочем, несмотря на сходство во взглядах на ряд вопросов государственного строительства, на сотрудничество с РосНС сторонники Н.И. Травкина не пошли.

Отрицали законность распада СССР и легитимность суверенитета РФ также лидеры и члены наиболее крупных право-левых структур того периода – Русского национального собора и Фронта национального спасения. Актив первой из упомянутых выше организаций высказывался за возрождение Великой России (впрочем, границы таковой чётко очерчены не были) и за создание в целях хозяйственной интеграции Экономической Конфедерации евроазиатских независимых государств [7].

Фронт национального спасения высказывал свою позицию по вопросу о распаде СССР и суверенитете Российской Федерации более внятно, нежели РНС. Как известно, идейной основой ФНС следует считать «Политическую декларацию левой и правой оппозиции», подписанную 21 сентября 1992 года более чем 30-ю видными оппозиционерами [8]. Этот документ не только дежурно заявлял о том, что страна стоит на грани катастрофы, обвинял в этом Б. Ельцина и его команду и напоминал о нелегитимности Беловежских соглашений, но также требовал осуществления экстренных антикризисных мер, в том числе и в деле воссоздания Советского Союза. В главном программном документе организации – «Манифесте Фронта национального спасения» – ответственность за ситуацию в стране возлагалась не только на М.С. Горбачёва и его главных сподвижников в деле проведения перестройки, но также на подписантов

беловежских соглашений Б.Н. Ельцина, Л.М. Кравчука, С. Шушкевича [9]. Лидерами и рядовыми членами Фронта предполагалось, что возможно в обозримой перспективе воссоздать СССР по инициативе снизу, при опоре на местные структуры ФНС.

Среди планировавшихся Фронтом акций протеста предполагалось в частности провести 7-го декабря 1992 г., в годовщину подписания Беловежских соглашений. «день угнетённых», а венцом протестной активности конца 1992 года должен был стать день единения 30 декабря 1992 г. – в день 70-летия образования Советского Союза. В ходе него планировалось заключить договор о совместных действиях по возрождению СССР [10]. Впрочем, из-за жёсткой позиции властей в отношении ФНС, а также слабости актива организации эти акции не были проведены.

Таким образом, радикальная оппозиция в 1992 – 1993 годах отрицала существование Российской Федерации в её нынешних границах. В тот период абсолютное большинство представителей оппозиции выступало за расширение территории России: одни ратовали за возрождение СССР, другие – за присоединение к Российской Федерации Украины, Белоруссии, Казахстана и некоторых других территорий (Абхазии, Южной Осетии, Нарвы и т.п.), третьи – за возрождение Российской империи в границах 1914 года.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См., напр.: *Бабурин С.* Смыть позор России // Молния. 1992. № 40. С. 3.
2. *Бабурин С.Н.* Российский путь: утраты и обретения. М., 1997. С. 98; Кто ты, РОС? «Круглый стол» членов Координационного Совета РОС в редакции газеты «Советская Россия». «Круглый стол» вела Н. Гарифуллина // Советская Россия. 1991. 12 дек. С. 2; *Parland Th.* The extreme nationalist threat in Russia: The growing influence of Western rightist ideas. L.; N.Y., 2005. P. 79.
3. *Бабурин С.Н.* Указ. соч. С. 74.
4. Государственные интересы России. Беседа корреспондента журнала «Народный депутат» В. Ивановского с народным депутатом Российской Федерации М. Астафьевым // Народный депутат. 1992. № 10. С. 113–119.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 661. Оп. 1. Д. 201. Л. 9.
6. Там же.
7. Задачи Русского национального собора // Кентавр. 1992. № 5. С. 75.
8. Политическая декларация левой и правой оппозиции // День. 1992. 25–31 окт. С. 2–3.
9. Манифест Фронта национального спасения // Вестник ФНС. Спецвыпуск газеты «Наша Россия». 1992. № 21(45). С. 4.
10. Действия Фронта // День. 1992. № 43. С. 5.

УГРОЗЫ РОССИЙСКОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Вл.В. Канищев,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина

В настоящее время Россия утверждает свои позиции в мире, используя имидж суверенной демократии. Однако возникает вопрос: насколько российская модель суверенитета соответствует западной модели? На него достаточно сложно ответить, но очевидно одно: российский суверенитет находится в стадии развития. Официально суверенитет закреплён в Конституции 1993 г., но процесс его формирования продолжается и на современном этапе развития российского общества. Основная проблема, которая стоит сегодня перед федеральным центром – это сбалансирование интересов всех 83 субъектов федерации, которые являются крайне разнородными по этническому и конфессиональному признакам принадлежности, при проведении единого централизованного политического курса.

На сегодняшний день можно выделить ряд реальных угроз российскому суверенитету, которые можно подразделить на две категории. К первой категории можно отнести угрозы внешнего характера, а ко второй – внутренние факторы. Если вести речь о первой категории, то к ней можно отнести сохранившееся противостояние с США.

В соответствии с американской стратегией глобального доминирования, США фактически давали понять, что будут считаться с Россией постольку, поскольку это не противоречит интересам Вашингтона. В целом Россия оценивалась как страна, потенциально способная помешать реализации тех или иных планов США, поэтому Вашингтоном полностью принималась возможность политики «жесткого прессинга» Москвы, особенно в условиях отсутствия у последней необходимой мощи и международного влияния для адекватного ответа [1].

Наиболее ярко это выразилось в период президентства Дж. Буша-мл. Одним из примеров этому могут послужить слова из выступления госсекретаря США К. Райс в период подготовки к президентским выборам: «Вопрос заключается в том, насколько мы близки к тому, чтобы начать проводить политику сдерживания и карантина в отношении России, а не политику сотрудничества» [2].

Агрессивная политика администрации Дж. Буша-мл. старалась максимально нивелировать национальные интересы России, «задвигая» ее на периферию международного политического процесса. Война в Грузии во многом была призвана проверить Москву «на прочность»: способна ли она отстоять свои позиции или нет.

Но стоило ли воспринимать конфликт с Грузией, как попытку покунуться на суверенитет Российской Федерации за счет «карликовой демократической» закавказской страны? Данное событие скорее можно рассматривать, как очередную попытку подразнить своего политического оппонента, как это происходило в период «холодной войны» в различных локальных конфликтах по всему миру, в которых СССР и США старались ужалить друг друга.

В конце своего пребывания в Белом доме президент Дж. Буш-мл. признал ошибки своего внешнеполитического курса, среди которых отметил явную недооценку значения России для глобальных интересов США.

Политика «перезагрузки», провозглашенная Б. Обамой в отношениях с Москвой, официально была призвана продемонстрировать трансформацию видения России Вашингтоном. Безусловно, обладая вторым по количеству ядерным арсеналом, огромными природными ресурсами, а также званием крупнейшего экспортера углеводородов, Россия остается одним из крупнейших игроков в международных отношениях, несмотря на утрату статуса «сверхдержавы». В Вашингтоне весьма внимательно относятся ко внешнеполитическим шагам Москвы, хотя и стараясь не демонстрировать приоритетность российского вектора. Поэтому «перезагрузка», или «концепция Обамы», должна была максимально способствовать нахождению точек соприкосновения по важнейшим вопросам мировой политики.

Однако, Вашингтон, несмотря на новый курс «перезагрузки», почти не отошел от прежней линии прагматичной внешней политики, сделав ее лишь несколько более «мягкой». «Концепция Обамы» была направлена на максимальное получение выгоды от улучшения отношений с Россией, будучи в целом построенной на традиционной политике односторонних уступок, совершаемых страной-«партнером». Именно поэтому она была нацелена на решение прежде всего тех вопросов, которые наиболее важны для Вашингтона и по которым с Москвой, как представлялось администрации США, удастся найти компромисс [3].

Давая оценку взаимоотношений России и США на современном этапе трудно говорить об установлении равноправных партнерских отношений. Но и делать заявления об очевидном стремлении США разрушить целостность Российской Федерации не приходится, поскольку данная ситуация может способствовать возникновению

громдного очага напряженности и нестабильности в государстве обладающем большим ядерным потенциалом.

Что касается внутренних угроз, то их спектр значительно шире, и они представляются наиболее опасными, нежели попытки «империалистической агрессии». В их основе содержится фундаментальная проблема – отсутствие единой российской нации, что подразумевает отсутствие национальной идеи и чувства принадлежности каждого человека к российской нации. Развивая эту тему, А. Миллер говорит о том, что предпосылки для этого заложены уже в самой Конституции, в которой говорится о России как о многонациональном государстве. В действительности же, было бы правомернее говорить о полиэтническом государстве, то есть о стране, где проживает более 100 народностей, при этом в рамках одной нации. Эта правовая формулировка создает прецедент для оспаривания российского суверенитета как целостного понятия, распространяющегося на все субъекты.

Более того, сохранилось восприятие национальными меньшинствами своих автономных республик как национальной территории, как это было во времена СССР, которое проводило национальную политику в русле предоставления национальным меньшинствам отдельных территорий, где они превращались в титульную нацию. Конфликты 1990-х гг. во многом были обусловлены тем, что эти титульные нации не были ассимилированы с российской нацией и жили по своим представлениям. Оказывалось, что на первый взгляд единое государство, на самом деле, представляет из себе объединение так называемых анклавов, жизнь в которых может отличаться от общегосударственной.

Конфессиональное и этническое разнообразие являются опасным явлением для российской государственности, поскольку центр не проводит взвешенной политики в отношении меньшинств. Решение, которое сегодня нашли российские власти, – это поддержка лояльных к федеральной власти республиканских правительств. Так, например, в Чечне центр поддержал Р. Кадырова, а в Татарстане – Р. Минниханова. Эта поддержка вылилась, прежде всего, в предоставлении огромных федеральных средств на развитие и (в случае с Чечней) восстановление региона. Однако на деле колоссальное количество средств оседает в карманах местных чиновников и руководителей. Такая избирательная поддержка одних регионов и отсутствия внимания к другим вызывают в обществе резкий протест, который, как правило, сводится к выяснению отношений на национальной почве, что не усиливает народного единства, а наоборот ведет к его расколу.

По-прежнему тревожным является соотношение татар и русских в Татарстане, где 53% населения татары; в Тыве, где тувинцы составляют 77% населения, а русские только – 20%. Если принимать во внимание демографический спад в нашей стране, то можно предположить, что соотношения «русские – остальные народности» и «православные – другие конфессии» будут изменяться не в пользу русских [4].

Еще одной из угроз безопасности и суверенитета России является терроризм. Явление это также неоднозначное, во многих случаях не увязывающееся с логикой происходящих процессов в России (спецоперации на Северном Кавказе проводятся практически каждый день, а на выборах данный регион дает чуть ли не 100% результат за действующую власть), но, тем не менее, существующее, а значит, имеющее определенную угрозу.

Государственный суверенитет Российской Федерации – категория сложная и не сводится лишь к компетенции властных структур государства. Важнейшими элементами конституционно-правового статуса РФ как суверенного федеративного государства являются: учредительный характер федеральной государственной власти, территориальное верховенство, федеральная конституционно-правовая система, легитимные федеральные властные структуры, федеральная государственная собственность, федеральное гражданство, единые вооруженные силы, универсальная международная правосубъектность, государственный язык и государственная символика

[5]. Это та неприкосновенная сфера ведения суверенной политической единицы, тот минимум, без которого не представляется возможным осуществление государственного суверенитета.

Поэтому сегодня России требуется предпринимать попытки по сближению тех, кто живёт на её территории вне зависимости от религии и национальности через окультурузацию, то есть использования русского языка как языка общения, распространения русской культуры и совмещения понятий «российский» и «русский».

Если говорить о реальной угрозе покушения на суверенитет страны как извне, так и изнутри, необходимо учитывать различные факторы мировой политической конъюнктуры, от которых зависит необходимость подобного вмешательства и внутренних противоречий, способствующих росту сепаратизма и расколу внутри российского общества. Давать однозначную оценку по данному вопросу в настоящее время практически невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Republican Platform 2000. Renewing America's Purpose. Together; Rice C. Promoting National Interest. P. 45-62.
2. Цит. по: *Talbott S. The Russia Hand. A Memoir of Presidential Diplomacy.* N.Y., 2002. P. 292.
3. *Подлесный П.Т., Данилова Т. Ю.* Российско-американские отношения при администрации Обамы: первые итоги, трудности и перспективы // *Россия и Америка в XXI веке.* №1. 2010.
4. *Леонтьева А.С.* Мнимые и реальные угрозы российскому суверенитету // www.viperson.ru. 20.05.11
5. Конституция РФ 1993 г. (с изм. и доп. от 30.12.2008 №7 – ФКЗ) // Конституция и государственная символика РФ. М.: Эксмо, 2009.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ – ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РФ

О.А. Гасымов,

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Одной из важнейших задач государственной власти является обеспечение национальной безопасности. С учетом того, как государством выполняется эта задача, зависит благосостояние всей нации. Вместе с тем, существует ряд угроз, с которыми государству приходится непрерывно бороться. И чем эффективнее органы государственной власти борются с этими вызовами, тем перспективнее смотрится будущее той или иной нации.

Одной из важнейших составляющих национальной безопасности государства является обеспечение конституционной безопасности. «Государственный суверенитет является одним из компонентов конституционно-правовой безопасности государства» [1].

В современном международном праве суверенитет определяется как «верховенство государства в пределах собственных границ и его самостоятельность, независимость в международных делах» [2]. Суверенитет определяет существование государства в целом, является гарантом безопасности всей нации, в связи с чем государству приходится иметь дело с внутренними и внешними угрозами.

Одной из наиболее опасных угроз государственному суверенитету является экстремизм в любом его проявлении. Экстремизм в Российской Федерации регулируется ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (принят ГД ФС РФ 27.06.2002) [3]. Экстремизм или экстремистская деятельность, согласно данному документу, выражается в следующем:

- насильственном изменении основ конституционного строя и нарушении целостности Российской Федерации;
- возбуждении социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

- публичном оправдании терроризма и террористической деятельности;
- нарушении прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствовании осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушении тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- пропаганде и публичном демонстрировании нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения и т.д.

Еще одним документом, регулирующим экстремистскую деятельность является Уголовный кодекс Российской Федерации. Так, в главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» есть статья, устанавливающая ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). Уже позже, в связи с большой опасностью и негативной тенденцией развития данного явления, статья 280 УК РФ была отредактирована и дополнена еще двумя статьями: 280.1 и 280.2, где говорится о создании экстремистского сообщества.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечается, что «борьба с экстремизмом является одной из приоритетнейших задач органов государственной власти» [4].

Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются защита основ конституционного строя Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и территориальной целостности, а также сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе. Российская Федерация при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, **экстремизма**, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации.

Далее в документе говорится, что главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и **экстремизмом**, повышение эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере. Обеспечению государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу будут также способствовать повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и спецслужб, создание единой государственной системы профилактики преступности (в первую очередь среди несовершеннолетних) и иных правонарушений, включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики, разработка и использование специальных мер, направленных на снижение уровня коррумпированности и криминализации общественных отношений.

Тем самым, Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года делает акцент на борьбу с любыми проявлениями экстремизма, как подрывающей основы национальной

безопасности государства. Экстремизм представляет собой реальную угрозу государственному суверенитету Российской Федерации, поэтому охрана суверенитета Российской Федерации является главной целью обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Международное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденции» / [Аршавский Б.М. и др.]; под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. 3-е изд., испр. М.: Омега-Л, 2008. С. 151.

2. Там же.

3. Собрание законодательства РФ от 29.07.2002. № 30. Ст. 3031.

4. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ от 18.05.2009. - № 20. - ст. 2444.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА БОРЬБЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ЗА СОХРАНЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА

СТОРОННИКИ ИДЕИ КАНАДСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ О НЕОБХОДИМЫХ УСЛОВИЯХ ДЛЯ ОБРЕТЕНИЯ КАНАДОЙ СУВЕРЕНИТЕТА (ПО МАТЕРИАЛАМ КАНАДСКИХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ 1875 г.)

М.А. Гамидова,

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

С середины 1870-х гг. в британской и канадской прессе развернулась дискуссия по поводу политического будущего Канады. Причин обсуждения этого вопроса было несколько. Во-первых, в это время широкую известность в Великобритании получила идея имперской федерации. Проекты возможной федерации и связанные с ними вопросы обсуждались и британской, и колониальной общественностью. В Канаде они вызвали живой интерес, потому, что касались взаимоотношений доминиона и метрополии. Во-вторых, в 1870-е гг. на волне подъема национального самосознания возникла идея альтернативы будущего Канады как независимого государства. В-третьих, часть канадской общественности в это время продолжала опасаться агрессии со стороны США, и как еще один вариант развития ситуации рассматривалась возможность аннексии Канады южным соседом. Таким образом, у вопроса о будущем Канады было три пути решения: развитие доминиона в рамках империи, обретение Канадой суверенитета или аннексия Канады США.

1875 г. ознаменовался выходом ряда работ, так или иначе затрагивавших проблему будущего Канады как независимого государства [1]. Это позволяет нам выявить представления авторов этих работ о том, какие условия были необходимы для обретения Канадой суверенитета.

Наиболее основательно данная проблема рассматривалась У. Норрисом – американским юристом, возглавлявшим во время Гражданской войны в США секретную службу, поддерживавшую связь армии Юга с Канадой и Европой [2]. В его работе «Канадский вопрос» [3], опубликованной в Монреале издательством «Lovell Printing and Publishing Company», вопросу независимости Канады посвящено две главы из шести. Как и большинство современников, У. Норрис, видел три возможных пути развития Канады: «Есть только три состояния, в которых она (Канада – М.Г.) может существовать: в ее настоящем положении колонии Англии, как часть Соединенных Штатов или как отдельная и независимая нация» [4]. При этом он считал, что «поглощение Канады Соединенными штатами – лишь вопрос времени» [5]. Однако, средством для устранения угрозы такого поглощения, по мнению Норриса, являлась независимость. Автор «Канадского вопроса» обосновывал свое утверждение тем, что обретение Канадой статуса суверенного государства ускорило бы процесс формирования и развития канадской нации [6]. Помимо этого, Норрис высказывал предположение, что независимость поможет решить и другие проблемы Канады: стимулирует иммиграцию, увеличит приток иностранного капитала в канадскую экономику, обеспечит рост темпов развития промышленности и предпринимательства [7]. Таким образом, автор «Канадского вопроса» предполагал, что обретение Канадой статуса суверенного государства повлечет за собой как экономические, так и идеологические изменения в стране.

Вопросу сохранения статуса независимого государства Норрис уделял особое внимание. Он предполагал, что гарантом независимости Канады могла бы выступить

Англия. Если Англия гарантировала независимость Бельгии, – писал он, – то почему же она не может сделать то же самое по отношению к Канаде, особенно, если учесть, что большинство канадцев являются британцами «кость от кости и плоть от плоти» и выстояли за нее (Англию – М.Г.) во многих упорных битвах? [8] Еще одним аргументом в пользу английской гарантии канадской независимости Норрис приводил авторитет Великобритании как страны, которая не только является первой в мире по мощи, но и всегда выполняет свои обязательства [9]. Далее автор «Канадского вопроса» акцентировал внимание читателей на потенциале Канады в вопросах самообороны. Он указал на главную слабость Канады – «отсутствие регулярной армии». Кроме того, граница между США и Канадой очень протяженная, и очень плохо укреплена с канадской стороны [10], – замечал он. Но, Канада, по мнению Норриса, имеет большой военный потенциал. Во-первых, географическое положение обеспечивает ей безопасность в зимний период: Во-вторых, огромное преимущество Канады в том, что она обладает флотом. У нее есть возможность строить корабли, и население приморских провинций, пригодное для мореплавания.[11]. В-третьих, несомненным достоинством Канады является ее богатая сырьевая база.[12]. Но главная сила Канады – патриотизм ее жителей. «Если англо- и франко-канадцы самоотверженно сражались в битве под Броком, когда Канада не имела еще даже института ответственного правительства, то обретение независимости должно вселить в людей еще большую любовь к стране и надежду на будущее...», – убеждал Норрис [13]. Главное, в чем Канада будет иметь недостаток в случае войны, – утверждал он, – это деньги. Но автор «Канадского вопроса» выражал уверенность в поддержке в этом случае Канады Великобританией [14]. В итоге, Норрис приходил к выводу, что «в перспективе Канада способна поддерживать независимость»... единственное, что нужно для обретения ею суверенитета, – полномочия вести политику в своих собственных интересах и представительство на международном уровне [15].

Работа У. Норриса не осталась незамеченной. С серьезной критикой положений, высказанных автором «Канадского вопроса», выступил Дж. Мэтьюс. Будучи сторонником идеи имперской федерации, известным как автор основательного труда «Колонист о колониальном вопросе» [16], Мэтьюс в 1875 г. опубликовал объемную статью под названием «Политическое будущее Канады» в «Canadian Monthly and National Review» [17]. В ней он детально разобрал каждое положение, приводимое Норрисом, и аргументировано опроверг выводы, сделанные автором «Канадского вопроса». Мэтьюс показал, что независимость не решит проблем, обозначенных Норрисом, и разрыв связи Канады и Великобритании не принесет пользы ни доминиону, ни метрополии [18].

Под впечатлением от статьи Мэтьюса, Р. Фишер – англо-канадец, выпускник Кембриджа, юрист, экономист и социолог [19] – в ноябрьском номере «Canadian Monthly and National Review» поместил заметку под названием «Канадские альтернативы» [20]. В ней он предлагал рассмотреть вариант будущего Канады как суверенного государства, оговариваясь при этом, что «господин Мэтьюс убедительно показал, почему мы не можем заявить о своей независимости уже завтра» [21]. Учитывая аргументы Мэтьюса и Норриса, Фишер высказал мнение, что внешняя угроза в лице США – не единственная опасность для суверенитета Канады. «Наша роковая слабость, – писал он, – в том, что между различными регионами доминиона есть противоречия, которые могут разрушить наш союз... чувство канадизма еще недостаточно развито, чтобы пересилить все конфликтующие локальные симпатии и интересы» [22]. Приводя примеры возможных разногласий, Фишер доказал, что «союз с Великобританией и, в некоторой степени, подчинение ей в течение какого-то времени – гарантия защиты от разрыва внутренних связей» [23]. Однако, автор статьи был убежден, что такая связь «не будет длиться вечно» и предлагал конкретные меры для создания условий, которые позволили бы Канаде обрести суверенитет в будущем. «Необходимо развивать чувство национального достоинства, – писал он. – Следует время от времени пересматривать наши отношения с Великобританией с учетом того, что они должны развиваться в сторону нашей свободы, а

не сближения (с метрополией – М.Г.)» [24]. Кроме того, Фишер рекомендовал более точно разграничить полномочия Канады и Великобритании и, насколько это возможно, искоренить внутренние противоречия «чтобы сформировать в будущем нацию, которая не будет ни британской, ни американской, но другой ... одним словом – канадской»[25].

Итак, сторонники идеи развития Канады как суверенного государства уже в середине 1870-х гг. сформулировали условия, необходимые для обретения Канадой суверенитета. Во-первых, это отсутствие внутренних противоречий, единство в административно-правовой системе доминиона и общность религиозных, культурных и национальных интересов. Во-вторых, – способность противостоять внешней агрессии. Таким образом, обсуждение перспектив обретения Канадой статуса суверенного государства, начавшееся в середине 1870 гг., дало толчок длительному процессу осознания и создания необходимых для этого условий, а также способствовало формированию концепции «канадианизма».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Fisher R.* Canada's Alternatives // The Canadian Monthly and National Review. Vol. VIII: July-December. Toronto: Adam, Stevenson & Co, 1875. Pp. 428 – 432; *Fuller W. H.* The Colonial Question. Kingston: British Nigh Book and Job Office, 1875; *Mathews J.* The Political Future of Canada // The Canadian Monthly and National Review. Vol. VIII: July- December. Toronto: Adam, Stevenson & Co, 1875. Pp. 54 – 61; 89 – 98; *Norris W.* The Canadian Question. Montreal: Lovell Printing and Publishing Company, 1875.
2. *Gaddy D.W.* William Norris - and the Confederate Signal and Secret Service. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mdscv.org/1398/Norrisbio.htm> (дата обращения: 28. 10. 2012).
3. *Norris W.* The Canadian Question. Montreal: Lovell Printing and Publishing Company, 1875.
4. *Norris W.* The Canadian Question. P. 27.
5. Ibid. P. 62.
6. Ibid. P. 65.
7. Ibid. P.78.
8. Ibid. P. 85.
9. Ibid.
10. Ibid. P. 86.
11. Ibid.
12. Ibid. P. 86 – 87
13. Ibid. P. 87.
14. Ibid.
15. Ibid. P. 89.
16. *Mathews J.* A Colonist on the Colonial Question. L.: Longmans, Green, And Co; Toronto: Adam, Stevenson, And Co. 1872.
17. *Mathews J.* The Political Future of Canada // The Canadian Monthly and National Review, July – December 1875. Pp. 54 - 61; 89 - 98.
18. *Mathews J.* The Political Future of Canada. P.59 – 60.
19. *Collard E.A.* Montreal's First Apartment House //The Montreal Gazette, Apr 6, 1974. [Электронный ресурс] URL: <http://news.google.com/newspapers> (дата обращения: 28. 10. 2012).
20. *Fisher R.* Canada's Alternatives // The Canadian Monthly and National Review, July – December 1875. Pp. 428 - 432.
21. *Fisher R.* Canada's Alternatives. P.428.
22. Ibid. P. 429.
23. Ibid. P. 430.
24. Ibid. P. 231.
25. Ibid.

РАСПАД ВТОРОЙ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО СУВЕРИТЕТА*

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 12-06-31111 мол_a

Категории эксклюзивного и инклюзивного различия (и производные от них понятия эксклюзивного и инклюзивного суверенитета) всё чаще встречаются в современных исторических и политологических исследованиях и наиболее развёрнуто осмыслены в трудах Ульриха Бека. Эти интеллектуальные конструкты, как мы полагаем, позволяют сформировать новый взгляд на процесс трансформации институтов государства. В этой статье мы изложим теоретические смыслы представленных категорий и рассмотрим некоторые, наиболее эффективные, примеры их приложения к исследованию исторических процессов.

Для прояснения содержания понятий обратимся к У. Беку: «Я предлагаю... отличать *эксклюзивный* (здесь и далее курсив У. Бека. – Д.Ж.) способ различения от *инклюзивного*. Эксклюзивные различия следуют логике “или – или”. В их проекте мир выглядит как сосуществование и соподчинение отдельных миров, в которых идентичности и принадлежности исключают друг друга. Каждый неожиданный случай рассматривается как чрезвычайный... Инклюзивные различия дают совсем иной образ “порядка”. Нестандартные случаи, не укладывающиеся в привычные категории, здесь не исключение, а правило... Преимущество инклюзивного различия заключается прежде всего в том, что оно делает возможным другое, более подвижное, если угодно, кооперативное понятие “границы”. Границы в этом случае возникают не путем исключения, а благодаря особым образом закрепленным формам “двойной инклюзии”. Кто-то принимает участие в очень многих различных кругах и *тем самым* себя ограничивает. (С социологической точки зрения является само собой разумеющимся, что это не единственный, а один из возможных в будущем способов мыслить границы и пробивать границы.) В рамках инклюзивных различий границы, таким образом, мыслятся подвижными, что делает возможным взаимное переплетение лояльностей. ... Модель транснационального государства (основанного на инклюзивном суверенитете составных частей. – Д.Ж.) противоречит, таким образом, всем другим моделям кооперации: транснациональные государства объединяются в ответ на глобализацию и развивают *благодаря этому* свой региональный суверенитет и идентичность за пределами национального». [1].

Таким образом, эксклюзивное различие представляется У. Беку как строгое исключение одного другим, а инклюзивное различие – как комплекс дополняющих друг друга и не исключających друг друга различий. Реализации эксклюзивного сценария политической интеграции означает строгую унификацию политических структур, а инклюзивный сценарий предполагает связанность разнородных частей, единых в рамках союза благодаря не одинаковости, а специализированности и взаимодополняемости. Соответственно, эксклюзивный суверенитет означает исключительное господство национального государства на определённой территории, а инклюзивный суверенитет – передачу некоторых функций суверенитета неким политическим структурам вне национального государства для косвенного приобретения дополнительных суверенных функций в рамках новой инклюзивной политической структуры.

Рассмотрим приложения понятий инклюзивности и эксклюзивности к анализу исторических социально-политических реалий.

У. Бек считает интегрирующуюся Европу «лабораторным экспериментом инклюзивного суверенитета». [2]. Считаем возможным обратить внимание на более раннюю и не менее грандиозную попытку реализовать инклюзивный сценарий государственного развития. Речь идёт о Второй Британской империи.

Британская империя осваивала принципы инклюзивного суверенитета применительно к доминионам. [3]. Процесс федерализации, то есть создание доминионов (крупных самоуправляющихся союзов переселенческих колоний) внутри Британской

империи, во многом определил вектор развития не только самих «белых» колоний, но и всей империи. Под эгидой Британии в XIX – начале XX века было создано несколько жизнеспособных федераций, превратившихся ныне в динамично развивающиеся независимые государства и сохранивших свою целостность, несмотря на обширность территорий, внутренние национальные противоречия, экономические и политический кризисы.

Уже в XIX веке стало очевидным, что империя распадается на эксклюзивно-суверенные образования и объединить их можно было бы строительством инклюзивного транснационального государства. Возникшая ещё в первой половине XIX века идея создания Имперской Федерации, то есть распространения принципов федерализации на всю империю представляла собой по существу проект перехода к инклюзивному суверенитету в рамках всей империи.

Сущность проекта Имперской Федерации заключалась в формировании общеимперского парламента с участием представителей «белых» колоний. Однако эта идея не была востребована, поскольку её осуществление вело к кардинальному изменению британской политической модели в самой Британии. Вплоть до конца империи Имперский парламент избирался не всей империей, а лишь жителями Соединённого королевства. Власть имперских органов оставалась эксклюзивной: губернаторы (формально представляющие Корону, а фактически Британское правительство), в конечном счёте, подчинялись Британскому парламенту, не избираемому жителями колоний. [4].

Масштабный эксперимент, имевший перспективы создания инклюзивного мета-государства, провалился под давлением развития в белых британских колониях демократии и парламентаризма, которые стимулировали, легализовали и легитимировали колониальный сепаратизм. Колонии обособлялись по мере разворачивания британской политической модели на их почве. Естественно, это было возможно лишь постольку, поскольку подлинный общеимперский парламент (с представителями колонистов) так и не был создан. В колониях появлялись свои парламенты, ответственные правительства, а губернаторы из деятельных управленцев превращались в «местных конституционных суверенов». Когда губернаторы утрачивали реальную власть, переходящую к местным парламентам и правительствам, административные имперские связи размыкались.

Адаптационный потенциал империи, её способность сохранять единство при демократическом транзите зависят, помимо прочего, от того, насколько правящая элита в состоянии отказаться от старых институтов и методов консолидации имперского организма и перейти к новым, более соответствующим политическим реалиям. Однако именно со старыми институтами имперская правящая элита обычно связывает своё главенствующее положение. [5].

Административно-политическую конструкцию Второй Британской империи (как и саму империю в целом) во многих отношениях можно рассматривать как фрактальный организм. [6].

Легко заметить самоподобие административно-политической системы империи – с разной степенью завершённости и с некоторой местной спецификой система управления сегментами империи копировала британскую политическую модель. Последняя и представляла собой исходный код, реализуемый переселенцами, колониальными администраторами и лондонскими политиками в разных частях света. Уже одно это даёт основания назвать империю фрактальным организмом.

Причём, фрактальной была не только система управления на разных уровнях (в центре и «на местах»), но и сам процесс развития системы управления во всей империи и в отдельных её сегментах. Это выразилось в том, что процесс перераспределения властных полномочий внутри империи приобрёл вид древовидного фрактала, ветви которого (то есть отдельные властные институты) постоянно делились надвое – на собственно колониальные и собственно центральные – вплоть до распада империи [7].

Парадигма российского имперского мышления подразумевает, что имперское политическое пространство может существовать в двух стабильных состояниях: централизованное, вертикально выстроенное унифицированное государство (собственно империя) или империя дезинтегрированная (комплекс независимых национальных государств). Всякое прочее состояние воспринимается как временное, переходное – хаотичное. Возможно, в применении к Российской империи это верно. Однако опыт Британской империи подталкивает к мысли, привычной скорее для современного естествознания, – хаос может быть стационарным. Становление и агония могут быть нормой жизни, неустойчивое (в «космическом масштабе») состояние может быть длительным в масштабе нескольких поколений людей. Вторая Британская империя была обречённой империей, она клонилась к упадку, но процесс этот столь растянулся, что приобрёл характер нормального существования безотносительно к конечному итогу.

Рисунок 1. Динамика эволюции административно-политических институтов «белой» части Второй Британской империи

Динамику развития имперских властных органов, т.е. динамику дезинтеграции империи можно представить в виде фрактала – фигуры, каждый элемент которой выстраивается по одному и тому же принципу (см. рисунок 1). Этот принцип обычно обозначают как генератор фрактала. Генератор динамики имперской административно-политической структуры (общий принцип эволюции административно-политического поля империи) можно изобразить как институциональное расчленение органов имперских и колониальных, т.е. легитимировавшихся в колонии как демократические (местные) и монархические (центральные). Каждый властный орган, сочетавший в себе два типа легитимации стремился к раздвоению на органы с более определённой, с «более однозначной» легитимацией. Источник этого процесса расчленения – институциональная двойственность, последовательно раздроблявшая синкретные (имперско-колониальные,

монархическо-демократические) институты надвое до тех пор, пока они не разделились окончательно и не выявились в чистом виде. Это означало полную независимость колониальных и имперских (уже – просто британских) органов власти, т.е. распад империи.

Всё многообразие процессов на имперском административно-политическом пространстве раскрывается через довольно простой принцип генератора. Казалось бы, это недопустимый редукционизм. Но именно фрактальная геометрия показывает, что простые исходные принципы могут породить колоссально сложно организованные системы. Простота (если угодно – редуцированность) причин порождает многообразие следствий. Так возводится необычайно многообразная система. С той только оговоркой, что во всех своих масштабах она сохраняет самоподобие.

Британская политическая модель реализовалась в колонии посредством череды институциональных расщеплений органов власти. Последовательность этих расщеплений была, очевидно, определена потребностью выделения-формирования в чистом виде в колонии британских институтов. В разных частях империи воспроизводилась (естественно, лишь в благоприятных социально-экономических условиях) сходная система управления. Это обеспечивало самоподобие имперского организма и его фрактальный характер.

Динамика имперской системы управления была довольно чувствительна к местным условиям, но это не лишает её внутренней логики. Приспособляемость местных систем управления к местным условиям и уникальность частей империи, таким образом, сочеталась с поразительным самоподобием фундаментальных принципов британского имперского строительства в разных частях света. Введение понятия «самоподобие», учёт логики «простых причин и сложных следствий» позволяют снять противостояние между двумя характеристиками империи – унифицированность и гетерогенность. Империя, можно сказать, была и унифицированной и гетерогенной и, вместе с тем, не было ни той, ни другой – она была самоподобной.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 96 – 98, 229 – 231, 235 – 236.
2. Бек У. Будущее «единой Европы» // Интернет-сайт «Гёте-Института» <http://www.goethe.de/ges/de1767656.htm>
3. Жуков Д.С. Империя и власть: Южная Африка в 70-е гг. XIX в. М., 2006.
4. Дронова Н.В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70-е годы XIX века). Тамбов, 1998; Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996.
5. Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 – середина 1870-х гг.). М., 1999.
6. См.: Жуков Д.С., Лямин С.К. Живые модели ушедшего мира: фрактальная геометрия истории. Тамбов, 2007; Жуков Д.С., Лямин С.К. Метафоры фракталов в общественно-политическом знании. Тамбов, 2007.
7. См.: Todd A. Parliamentary Government in the British Colonies. 2 ed. L., 1894; May T. E. The Constitutional History of England Since the Accession of George the Third. Edited and continued to 1911 by Francis Holland. In 3 vols. L., 1912; Jenkyns H. British Rule and Jurisdiction beyond the Seas. Oxford, 1902; Cotton J. S., Payne E. J. Colonies and Dependencies. Part I. – India, by J. S. Cotton. Part II. – The Colonies, by E. J. Payne. L., 1883; Maitland F. W. The Constitutional History of England. Cambridge, 1908 // Colonial Rule in Africa. Reading from Primary Sources. Wisconsin, 1979.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА КАНАДЫ: ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Н.Ю. Жуковская,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Процесс обретения государственного суверенитета для большинства акторов международных отношений сопряжен либо со сложными внешнеполитическими проблемами, либо с масштабными внутригосударственными событиями. Зачастую это путь революционных перемен или прямых вооруженных конфликтов разного уровня. Однако ряд государств избрали иной, менее драматичный, но от этого не менее сложный и показательный способ становления государственной независимости. Именно таким был путь Канады к суверенитету.

Развиваясь в русле британской имперской традиции, Канада не могла не учитывать опыт своего южного соседа по континенту, опыт американской войны за независимость. Однако, несмотря на благополучный для Соединенных Штатов исход противостояния с метрополией, канадцы эту модель отвергли. В быстро развивающихся США были сильны устремления к насильственному изгнанию Британии из Нового Света. Отвоевав свою независимость, американцы решили отвести независимость и для Канады. В 1812-1814 гг. разразилась англо-американская война, которую чаще принято называть Канадской. Цель Соединенных Штатов была достаточно проста: изгнать британцев с континента и включить Канаду в состав молодого североамериканского государства. Однако для нас здесь принципиальный интерес представляет позиция канадцев в этом конфликте. Выбирая между призрачным суверенитетом, предлагаемым Соединенными Штатами и статусом колонии, но в рамках Британской империи, находившейся на тот момент в зените своего могущества, канадцы предпочли не следовать по американскому пути обретения государственной независимости и англо-американском конфликте 1812-1814 гг. стали на сторону британцев. Парадоксально, но именно выбирая, чью сторону поддержать в ходе вооруженного конфликта, Канада одновременно выбрала для себя и способ обретения государственного суверенитета: путь постепенного, поступательного, но бесконфликтного движения к независимости.

Началом этого пути стал Акт о Британской Северной Америке 1867 года, известный как первая конституция Канады. Ко второй половине XIX века экономическое и политическое развитие колонии достигло такого уровня, что даже консервативным кругам британского правительства стала очевидна необходимость изменения ее статуса. Акт о Британской Северной Америке оказался одним из наиболее значимых документов для становления государственного суверенитета Канады. После вступления документа в силу 1 июля 1867 года на политической карте мира появилось новое государство – Канада, составная часть Британской империи.

На тот момент статус нового государства был настолько уникален, что этому феномену даже не существовало названия. То, что страна перестанет именоваться колонией, сомнений не было. Однако и полной суверенизации ни британцы, ни канадцы не хотели. Для Лондона это означало бы потерю контроля над территорией, Оттава же боялась остаться без военной защиты со стороны метрополии. Было решено искать ответ в Священном Писании. Именно фраза из Библии, гласившая: «И будет владение (по-английски «доминион») Его от моря и до моря» стала ответом на вопрос. Новое государство решили именовать ни колонией, ни королевством и не республикой, а доминионом. В дальнейшем доминионами суждено будет стать Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке, Ньюфаундленду, Ирландии, Индии...

По условиям Акта о Британской Северной Америке, доминион обрел часть атрибутов государственности – форму правления (монархию) и государственного устройства (федерализм), герб, органы власти, столицу, денежную систему, границы. В то же время доминион не получил других атрибутов государственности – собственного гражданства, флага, гимна, а главное внешнеполитической и военной самостоятельности [1]. Это означало, что Канада была не вправе заключать международные договоры и соглашения, открывать посольства за рубежом, состоять в международных организациях, иметь МИД и военное министерство. В мирное время ей полагалось иметь не вооруженные силы, а ополчение. Возглавляли его офицеры британской армии. В военное

время канадские войска автоматически поступали в распоряжение британского военного министерства и под командование британского генералитета.

Сложный путь к внешнеполитической самостоятельности Канада начала в годы Первой мировой войны. Изменения произошедшие после 1914 года не привели к неожиданному и кардинальному разрыву с прошлым, война только ускорила тенденции, которые поступательно развивались внутри доминиона еще со времен Конфедерации.

Во-первых, нужды военного времени значительно увеличили экономические возможности доминиона. В связи с отсутствием конкуренции со стороны европейских товаров Канада значительно развила в годы войны свою промышленность. Военные потребности Британской империи стимулировали рост тех отраслей добывающей промышленности доминиона, которые поставляли стратегическое сырье. Военная конъюнктура способствовала развитию обрабатывающей промышленности доминиона. Во время войны в Канаде было организовано производство вооружения (снарядов, винтовок, самолетов, военных судов). По контрактам с имперским комитетом по вооружению в Канаде работало 675 предприятий. Возросшая потребность воюющих держав в продовольствии стимулировала развитие сельского хозяйства доминиона. В 1918 г. на долю Канады приходилось 46,4% мирового экспорта пшеницы [2]. В результате развития промышленного и сельскохозяйственного производства значительно выросли экспортные возможности доминиона. Внешняя торговля Канады за годы войны выросла в два с половиной раза. Англия по-прежнему оставалась основным потребителем сельскохозяйственной продукции и сырья доминиона, но английский рынок не мог поглотить значительно выросший в годы войны экспорт. В силу этого Канада значительно расширила в годы войны внеимперские торговые связи. Период 1914-1918 характеризовался ослаблением позиций Англии как экономического центра империи. Канада же, несмотря на военные затраты, вышла из войны более экономически окрепшей, чем до войны.

Во-вторых, тот вклад, который Канада внесла в борьбу против Германии и ее союзников позволил ей достичь своего совершеннолетия как нации. Из небольшого населения в пять миллионов человек, 600 тысяч канадцев были отправлены на фронт, более чем 50 тысяч погибли во Франции. Война усилила в канадцах чувство гордости и уверенности в себе и позволила избавиться от комплекса второстепенной колониальной державы.

Участие в войне делало вполне логичным требование доминионов иметь свой голос во внешней политике империи. «Если вы хотите нашей помощи», сказал премьер-министр Канады У. Лорье еще в начале века, «вы должны допустить нас к управлению» [3]. Формой участия доминионов в управлении империей являлись Имперские конференции, но в условиях войны они были малоэффективны, ввиду того, что громоздкая структура этих конференций не позволяла быстро и своевременно реагировать на вызовы военного времени. Канадский премьер министр Сэр Р. Борден не единожды обращался к английскому правительству с требованием найти какую-либо другую форму участия доминионов в формировании внешнеполитического курса империи. И чем больше канадских солдат отправлялось на фронт, тем настойчивее становились эти требования. Поэтому в 1917 году, вскоре после того, как премьер-министром Великобритании стал Д. Ллойд Джордж, Канада и остальные доминионы были приглашены для участия в работе Имперского Военного Кабинета. Кроме того, в этом же году была достигнута договоренность, что вскоре после окончания войны будет созвана специальная Имперская конференция для обсуждения и утверждения нового статуса доминионов в Империи.

Послав в годы Первой мировой войны значительный контингент солдат в Европу, Канада рассчитывала как на активное участие в выработке послевоенного устройства мира, так и на закрепление достигнутой в годы войны ее относительной самостоятельности в международных делах. Еще до открытия Парижской мирной конференции канадская делегация во главе с премьер-министром Р. Борденом посетила

Лондон. После длительных и упорных переговоров она вырвала у Ллойда Джорджа согласие предоставить Канаде на конференции статус самостоятельного участника.

Несмотря на нежелание Англии, канадская делегация настояла на праве поставить свою подпись под Версальским мирным договором, став полноправным членом Лиги наций и Международной организации труда. Это было важным достижением на пути утверждения внешнеполитического суверенитета страны.

Заметное оживление внешнеполитической деятельности Канады после первой мировой войны связано с именем У. Макензи Кинга, который на протяжении более 20 лет занимал одновременно пост премьер-министра и главы внешнеполитического ведомства. Одной из первых мер Макензи Кинга по утверждению внешнеполитического суверенитета был отказ возглавляемого им правительства принять участие в военных акциях Великобритании против Турции в районе Средиземного моря в 1922 г. Соответственно, Канада не была приглашена на Лозаннскую конференцию по ближневосточным вопросам и поэтому отклонила предложение Англии дать согласие на ратификацию договора и конвенции, подписанных в Лозанне. Эти действия правительства Кинга имели очень важное значение в утверждении независимого курса внешней политики Канады.

На имперской конференции 1923 г. Канада продолжила борьбу за равноправие доминионов в области внешней политики. Она добилась от Англии предоставления им права вести самостоятельно переговоры о заключении международных договоров без английского контроля и на таких же условиях подписывать эти договоры. На конференции Канада отказалась также от предложенного Англией плана «единой обороны империи» и от принятия каких-либо обязательств в военной области.

Кульминационным моментом в борьбе Канады за суверенитет стала имперская конференция 1926 г. Группа доминионов, включая Канаду, потребовала на этой конференции формального признания своей самостоятельности во внутренней и внешней политике и проведения в связи с этим соответствующей конституционной реформы. Англия была вынуждена отступить. В принятой конференцией «декларации Бальфура» было зафиксировано право доминионов на независимую внешнюю политику. «Они суть автономные государственные единицы внутри Британской империи, равные по статусу, ни в каком отношении не подчиненные одна другой ...в их внутренних и внешних делах...», гласил документ [4]. Логичным завершением процесса становления канадского внешнеполитического суверенитета, и второй наиболее значимой вехой на пути к суверенитету общегосударственному стал Вестминстерский статут 1931 года, окончательно объявивший доминионы полностью равноправными и независимыми во внутренней и внешней политике [5].

Тем не менее и после принятия Вестминстерского статута канадская конституция могла быть изменена только парламентом Великобритании. Высшей апелляционной инстанцией Канады по-прежнему оставался юридический комитет Тайного совета Англии. Правда в 1949 г. британским парламентом был принят Второй Акт о Британской Северной Америке, предоставивший парламенту Канады полномочия по изменению конституции. Между тем, для внесения некоторых поправок к канадской Конституции по-прежнему было необходимо принятие закона британского Парламента. Изменить эту ситуацию канадцы смогут только полвека спустя. Такой долгий процесс репатриации конституции во многом объясняется отсутствием консенсуса по вопросу о механизме изменения конституции, который был бы приемлем для всех провинций и особенно для Квебека.

Справедливости ради следует сказать, что попытки конституционных реформ предпринимали премьер-министры У. Макензи Кинг, Л. Пирсон, П. Трюдо, однако созданию новой конституции мешала борьба различных общественных и политических сил уже в самой Канаде. Жесточайшие споры тормозили принятие даже таких важных для канадской государственности законов, как «Закон о флаге» и «Закон о гимне». Закон о

национальном флаге удалось провести через парламент только в 1965 году премьер-министру Л. Пирсону, после неудачных попыток трех его предшественников. Парламентарии рассмотрели более десяти проектов нового знамени, пока не остановились на всем известном красно-белом варианте с кленовым листом. 15 февраля 1965 такое полотнище впервые появилось над зданием парламента в Оттаве, а Канада обрела еще один атрибут государственности. Закон о государственном гимне был принят только в 1980 году. Им стала патриотическая песня «О Канада». Авторами музыки и слов этой песни были франкоканадцы, из-за чего она достаточно долго встречала отрицательное отношение англоканадцев. Только после появления англоязычного текста стало возможно официально принять ее в качестве национального гимна.

В начале 80-х гг. возобновились дискуссии по поводу конституционной реформы в Канаде. Камнем преткновения являлся вопрос о перераспределении полномочий между провинциальными властями и федеральным центром. Именно эта проблема заводила в тупик все предыдущие попытки реформ. Однако пришедший к власти в 1980 г. П. Трюдо оказался более удачливым чем его предшественники на посту премьер-министра. После длительных переговоров, в начале ноября 1981 года он достиг соглашения с девятью провинциями (кроме Квебека), получив согласие на включение в Акт о Британской Северной Америке Хартии прав и свобод и формул, определяющих порядок внесения изменений в конституцию.

Голосование по проекту Конституции последний раз проходило и в Оттаве и в Лондоне. Сначала члены канадского парламента большинством голосов утвердили конституционную резолюцию, после чего она была подписана генерал-губернатором и отправлена в Лондон. В марте 1982 г. документ был утвержден и британскими парламентариями. Резолюция, получившая название «Акт о Канаде», документ весьма примечательный. Во-первых, это последний документ, обсуждавшийся в британском парламенте касательно Канады. Он окончательно разорвал конституционные и законодательные связи между бывшей метрополией и бывшей колонией. Во-вторых, это единственный закон британского Парламента, одновременно изданный на французском и английском языках. Акт о Канаде 1982 г., ознаменовавший репатриацию канадской конституции, включает в себя Конституционный акт 1982 на двух официальных языках Канады: в приложении В - на английском языке, в приложении А - перевод на французский язык [6].

Со стороны британского правительства при принятии Акта не было никаких возражений, а ряд депутатов были даже удивлены, что такая аномалия по-прежнему имела место. В разделе 2 Акта о Канаде 1982 г. Соединённое королевство лишает себя права участия в будущих изменениях канадской конституции.

Акт о Канаде 1982 г. получил королевскую санкцию Королевы Канады Елизаветы II 17 апреля 1982 г. на Парламентском холме в Оттаве. Королева Елизавета по настоящее время остаётся королевой и главой государства в Канаде. Её конституционные полномочия не были изменены настоящим Актом. Канада является совершенно суверенной на своей территории, и роль королевы отлична от её роли британского монарха.

Подводя итог, можно отметить, что путь Канады к полному государственному суверенитету был достаточно долгим, порой весьма непростым, однако канадцам удалось пройти по этому пути не прибегая ни к прямому внешнеполитическому противостоянию, ни к тяжелым внутривнутриполитическим потрясениям. Однако платой за бесконфликтное обретение суверенитета является то, что канадскому государству пришлось к своему суверенитету более столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Конституции государств американского континента. В 2 т. М., 1959. Т.2. С.13-14.
2. The Canada Year Book 1922-1923, Ottawa. P.258, 384, 416.

3. *Graham G.S. Britain and Canada. L., Longmans Green, 1943. С.44.*
4. *Documents on Canadian Foreign Policy, 1917-1939. Toronto, 1962. P.131.*
5. *Конституции государств американского континента. Т.2. С.104-108.*
6. *Конституции зарубежных государств. М., 1999. С.137-156.*

КОМПЬЕНСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ 1918 Г. В КОНТЕКСТЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА ГЕРМАНИИ

В. А. Котенев,

*Тамбовский областной институт повышения квалификации
работников образования*

Традиционно среди важнейших признаков государства, раскрывающих его природу и социальное назначение, выделяют обладание суверенитетом, т.е. независимостью и верховенством в принятии политических решений и реализации своих функций во внутренней и внешней сферах. В рамках исторической ретроспективы суверенитет не обладал универсальностью изначально: он возник как исторически конкретное явление сначала из борьбы за самостоятельность европейских монархов и князей, затем – из стремления положить конец этой борьбе. Постепенно данная категория превратилась в краеугольный камень системы международных отношений, установившей минимальный набор правил, регулирующих вопросы войны и мира между государствами. Особую остроту проблема государственного суверенитета приобретала после окончания военных конфликтов, когда неизбежно вставал вопрос о необходимости заключения перемирия или мирного договора и соответственно степени ограничения суверенных прав проигравшего государства. В этом отношении несомненный интерес представляет сюжет, связанный с подписанием Компьенского перемирия 1918 г., что подвело черту под всем предшествовавшим этапом развития международных отношений. Именно тогда бывшая великая держава – Германия – превратилась из субъекта в объект мировой политики.

Осенью 1918 г. германская армия на Западном фронте оказалась в тяжелейшем положении. Учитывая еще целый ряд неблагоприятных обстоятельств 28 сентября 1918 г. германское верховное командование в лице генерал-квартирмейстера Эриха Людендорфа и фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга приняло решение о необходимости заключения немедленного перемирия. На следующий день данный вопрос обсуждался с участием кайзера Вильгельма II, который выразил одобрение намерению военных. Соответственно в ночь с 3 на 4 октября немецкое правительство во главе с принцем Максом Баденским направило президенту США Вудро Вильсону ноту, где просило его взять в свои руки дело восстановления мира, уведомить об этом все воюющие стороны и назначить уполномоченных для ведения мирных переговоров. В качестве их основания документ указывал программу, представленную В. Вильсоном в послании Конгрессу от 8 января 1918 г. (так называемые «14 пунктов») и его последующих заявлениях [1].

В завязавшейся дипломатической переписке красной нитью проходила мысль американского президента о том, что немцам следовало покончить с деспотической властью, управлявшей страной до последнего времени. Более того, в ноте от 23 октября он напрямую заявил, что, если правительству Соединенных Штатов теперь или в будущем придется иметь дело с военными правителями и монархическими диктаторами Германии, то оно должно потребовать не мирных переговоров, а капитуляции Германской империи [2]. В такой ситуации Берлину пришлось оправдываться, указывая на далеко идущие изменения, произошедшие в германской конституционной жизни. По словам немцев, в настоящее время именно правительство ответственное перед парламентом и опирающееся на поддержку подавляющего большинства народа являлось органом принимавшим политические решения и контролировавшим военные власти. Поэтому немецкий кабинет

ждал предложений о перемирии, которое станет первым шагом к справедливому миру как он представлен в речах Вильсона [3].

Однако у руководителей европейских государств было свое представление о справедливости. В ходе переговоров, развернувшихся в конце октября – начале ноября 1918 г., выяснилось, что часть военных выступает за чрезвычайно жесткие условия перемирия, означавшие полную капитуляцию. В частности, эту точку зрения поддерживали главнокомандующий французской армией генерал Анри Петен и представитель США в Верховном военном совете генерал Таскер Блисс [4]. В свою очередь политические лидеры союзников и Вильсон придерживались мнения о нецелесообразности чрезмерной суровости. Они исходили из такого понимания перемирия, которое не позволило бы Германии возобновить боевые действия, но по возможности являлось умеренным и разумным. В итоге военные и морские статьи были несколько смягчены и 4 ноября Верховный военный совет утвердил условия перемирия в целом [5]. Тогда же личный советник Вильсона полковник Эдвард Хауз смог достичь договоренности с союзниками по другой ключевой проблеме. Они объявили о готовности заключить мир с германским правительством на условиях, зафиксированных в обращении американского президента к Конгрессу от 8 января 1918 г. и принципах, изложенных в его дальнейших речах. В таком смысле и была составлена окончательная ответная нота Америки и ее союзников, направленная в Берлин 5 ноября 1918 г. [6].

8 ноября немецкая делегация под руководством Маттиаса Эрцбергера прибыла на станцию Ретонд, близ французского города Компьена. Здесь ей вручили проект перемирия, который следовало принять или отвергнуть в течение трех дней. Находясь фактически в безвыходной ситуации, германские делегаты поставили свои подписи под соглашением о перемирии. Это произошло 11 ноября 1918 г. в 5 часов утра в Компьенском лесу в вагоне маршала Фердинанда Фоша. Документ включал в себя 34 статьи и ряд приложений. В контексте интересующей нас темы его условия сводились к следующему:

Статья 5. Эвакуация немецкими войсками территории на левом берегу Рейна. Управление данными районами должно осуществляться местными властями под контролем оккупационных частей союзников и Соединенных Штатов. Союзные армии обеспечат оккупацию указанных областей с помощью гарнизонов, занимающих главные переправы на Рейне (Майнц, Кобленц, Кельн) вместе с предмостными позициями у этих пунктов в радиусе 30 километров на правом берегу, и гарнизонов удерживающих стратегические точки на данной территории. На правом берегу Рейна от швейцарской и до голландской границы между рекой и линией, проведенной параллельно реке на 10 километров к востоку, будет установлена нейтральная зона...

Статья 6. Никто не должен подвергаться судебному преследованию за участие в любых военных мероприятиях, предшествовавших подписанию перемирия...

Статья 25. Военно-морской и торговый флот Союзных и Объединившихся держав получает право на свободный вход в Балтийское море. С целью обеспечения такого прохода предполагается занятие союзниками всех немецких фортов и укреплений в проливах, ведущих в Балтийское море...

Статья 26. Блокада Германии сохраняется. Все германские торговые суда, обнаруженные в море, подлежат захвату... [7].

Стремясь застраховать себя на случай саботажа Берлином выполнения условий перемирия, победившие державы дополнили его основной текст еще одним пунктом. Он гласил, что если Германия не передаст в оговоренный срок свои военные корабли в руки союзников и США, то последние оставляют за собой право занять о. Гельголанд (там размещалась важная военно-морская база), чтобы гарантировать их выдачу [8].

Перемирие периодически продлялось вплоть до 18 апреля 1919 г., когда немецкую делегацию пригласили в Версаль для получения текста мирного договора. Причем конвенции о пролонгации перемирия включали в себя все новые и новые статьи – каждый

раз более тяжелые. Так, Конвенция от 13 декабря 1918 г. давала победителям право на оккупацию нейтральной зоны на правом берегу Рейна к северу от Кельна и вплоть до голландской границы, в качестве дополнительной гарантии и когда они посчитают это необходимым [9]. Конвенция от 16 января 1919 г. содержала положение, по которому в секторе оккупации мог оказаться правый берег Рейна в районе города Страсбурга [10].

Одним из самых значимых практических аспектов ограничения государственного суверенитета Германии в период действия перемирия стала союзная оккупация рейнских провинций, куда в декабре 1918 г. вошли войска Антанты и США. Указанная территория была разделена на 4 зоны, соответственно бельгийскую, британскую, американскую и французскую, определенные произвольно, без какой-либо привязки к общественной и хозяйственной структуре страны. Это неизбежно вело к серьезным управленческим и экономическим затруднениям. Более того, французские и бельгийские военные власти, вопреки условиям перемирия, инициировали судебное преследование германских граждан. Ими были выделены два различных типа дел, по которым проводились следственные действия. Первый касался лиц, обвиняемых в совершении преступлений во время военной оккупации Бельгии и северной Франции. Второй относился к людям, уличенным во владении промышленным оборудованием, конфискованным в этих странах. Дела первой категории являлись не очень многочисленными, поскольку процесс выявления и представления доказательств оказался чрезвычайно затруднен [11].

В первые недели оккупации французы задержали и предъявили обвинение в грабеже и мародерстве 5 немецким офицерам. Дополнительно французские власти выдали около 150 ордеров на арест и несколько французских судов занимались вынесением заочных приговоров обвиняемым. Соответствующие бельгийские дела в количественном отношении явились более существенными. Верховный суд Бельгии 10 августа 1920 г. объявил, что аресты военных преступников в занятых рейнских провинциях допустимы и после вступления в силу мирного договора, однако правительство не использовало эту возможность, вероятно оставив часть случаев без разбирательства. Деятельность же в отношении второй разновидности эпизодов продолжалась недолго. После нескольких громких арестов Промышленный подкомитет Межсоюзной комиссии по перемирию 23 марта 1919 г. решил воздержаться от дальнейшего уголовного преследования немцев, которые извлекли выгоду из грабежа французских и бельгийских фабрик в том случае, если Германия примет закон, предусматривающий возвращение награбленного, что и было сделано 28 марта [12].

После принятия Германией 11 ноября 1918 г. условий перемирия она уже не могла сопротивляться будущим требованиям союзников. Необходимо заметить, однако, что Берлин не капитулировал ни в моральном, ни в правовом смысле этого слова. Во-первых, в результате переписки между немецким правительством, президентом Вильсоном и союзниками Германия добилась права на мирный договор, основанный на «Четырнадцати пунктах». Это было зафиксировано в совместной ноте США и держав Антанты от 5 ноября 1918 г. С юридической точки зрения этот документ послужил строго обязательным соглашением воюющих сторон на предмет подписания перемирия и последующего мира. Во-вторых, Эрцбергеру удалось договориться о смягчении целого ряда исходных статей перемирия, представленных ему Фошем. Кроме того, сказывалась и крайняя заинтересованность политического руководства союзных стран и Соединенных Штатов в том, чтобы согласие Германии на прекращение боевых действий не оказалось поставлено под удар требованиями, в которых не было совершенной необходимости.

Главная цель Компьенского перемирия заключалась в достаточно существенном (но не абсолютном!) ослаблении германского государства, что не дало бы ему возможности перевооружиться и лишило способности возобновить войну в дальнейшем. Именно поэтому основные постановления, ограничивающие государственный суверенитет Германии и зафиксированные в тексте перемирия, касались, в первую очередь, уменьшения ее обороноспособности и снижения экономического потенциала. К

их числу следует отнести: фактическое выведение из-под юрисдикции германских властей стратегически важных территорий на левом берегу Рейна; ограничение свободы торговли и права пользования территориальными водами; утрата контроля над проливами, ведущими в Балтийское море. В контексте этой же логики находилась и введенная союзниками система санкций, которые они потенциально могли применить в случае невыполнения Германией условий перемирия. Более того, расширяя степень вмешательства в ее внутреннюю жизнь, Бельгия и Франция повели судебное преследование германских граждан, чрезвычайно спорное с точки зрения взаимных обязательств, очерченных все в том же перемирии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Supplement I. The World War. Vol. 1-2. Washington, 1933. Vol. 1. P. 337-338.
2. Ibid. P. 381-383.
3. Ibid. P. 380-381, 395-396.
4. Архив полковника Хауза. Избранное. В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 398-400.
5. Там же. С. 396-397, 404, 421.
6. http://wwi.lib.byu.edu/index.php/The_Allies%27_Conditional_Acceptance_of_the_Fourteen_Points (дата обращения 03.12.2012).
7. A History of the Peace Conference of Paris / Ed. by H. W. V. Temperley. Vol. 1-6. London, 1920-1924. Vol. 1. P. 460-462, 467-468.
8. Ibid. P. 470.
9. Ibid. P. 476.
10. Ibid. P. 479.
11. *Fraenkel E.* Military Occupation and the Rule of Law. Occupation Government in the Rhineland. 1918-1923. London, 1944. P. 54-55.
12. Ibid. P. 55-62.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР МЕЖДУ АВСТРИЕЙ И ВЕНГРИЕЙ ИЗ-ЗА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ БУРГЕНЛАНДА КАК ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРИТЕТА. 1918-1919 гг.

В.В. Миронов,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина.

Крушение многонациональной Габсбургской монархии осенью 1918 г. сопровождалось процессом территориального разграничения возникших на ее обломках независимых государств. Народы Центральной Европы, стремившиеся к обретению государственного суверенитета, восторженно приветствовали «принцип национального самоопределения», провозглашенный в «14-ти пунктах» президента США В. Вильсона. Не избежали подобной эйфории и австрийские немцы, рассчитывавшие консолидировать на платформе «самоопределения наций» своих соотечественников, оставшихся за пределами Немецкой Австрии. 22 ноября 1918 г. Временное Конституционное Собрание Немецкой Австрии законодательно закрепило требование предоставления автономии немецкоязычному населению четырех комитатов Западной Венгрии - Прессбурга (Пожон), Визельбурга (Можон), Эденбурга (Шопрон) и Эйзенбурга (Вашвара), составлявшему подавляющее большинство – 75,1%. Остальные этносы провинции – хорваты и венгры, насчитывали 15,2% и 8,4% соответственно. Социально-экономическая структура Западной Венгрии характеризовалась преобладанием крупного венгерского землевладения [1]. Самопровозглашенная 6 декабря 1918 г. немецкой общиной на территории Западной Венгрии республика Хайнценланд смогла продержаться в течение суток, прежде чем была ликвидирована венгерскими войсками [2].

Судьбы народов Центральной Европы всецело зависели от политической воли собравшихся в январе 1919 г. в Париже великих держав, кроивших этническую карту региона по своему усмотрению. Победители, руководствовавшиеся двойными стандартами, стремились максимально полно удовлетворить территориальные претензии тех народов, которые в годы Первой мировой войны были союзниками Антанты (чехи и южные славяне). Одним из итогов Парижской мирной конференции стало крушение надежд Вены на присоединение судето-немецких районов Богемии, включенных в состав чехословацкого государства [3].

Компенсацией за серьезные территориальные потери по условиям Сен-Жерменского договора, предусматривавшего отторжение целого ряда провинций в пользу Италии и Югославии была призвана стать передача Австрии Бургенланда, санкционированная державами Антанты 20 июля 1919 г. во второй части условий мирного договора. В частности, речь шла о присоединении к Чехословакии района Прессбурга, а к Австрии – остальной территории Западной Венгрии, но без восточной части Визельбургского комитата [4].

Претворение в жизнь данного Австрии обещания осложнялось нестабильной внутривнутриполитической ситуацией в Венгрии, где в начале августа 1919 г. после падения Советской республики пришли к власти реакционные силы во главе с адмиралом М. Хорти, а сама венгерская территория была оккупирована румынскими, югославскими и чехословацкими войсками, выступившими на стороне контрреволюции. Разгул «белого террора» в Венгрии, который вскоре испытали на себе и проавстрийски настроенные жители Бургенланда, был инициирован деятельностью нерегулярных военизированных формирований, укомплектованных бывшими офицерами австро-венгерской армии [5].

Возглавлявший австрийскую делегацию на переговорах в Сен-Жермене К. Реннер уже 1 августа 1919 г. поспешил выразить крайнюю обеспокоенность действиями венгерских боевиков в секретной телеграмме, отправленной в министерство иностранных дел Немецкой Австрии. Из документа, в частности, следовало, что хозяйничавшие в Западной Венгрии офицерские отряды промышляли угоном скота, конфискацией сельскохозяйственного инвентаря и зерновых запасов, над которыми нависла угроза полного уничтожения. На территории провинции практиковались насильственные мобилизации мужского населения, а также взятие его в заложники. Немецкоязычные жители Бургенланда, напуганные бесчинствами венгерских боевиков, взывали о помощи к австрийским властям, оказание которой не представлялось возможным из-за непреклонной позиции военных миссий Антанты. Тактика «выжженной земли» перечеркивала все расчеты Вены, стремившейся получить в Бургенланде дополнительные продовольственные ресурсы. Австрийская сторона была готова согласиться с решением о направлении в провинцию уполномоченных одной из великих держав для осуществления эффективного надзора за ходом референдума [6].

Австрийское правительство, занимавшееся подготовкой операции по занятию Западной Венгрии, было вынуждено считаться с внешнеполитическими интересами государств Малой Антанты. Прага и Белград, сотрудничество которых наладилось в период Адриатического конфликта, были преисполнены решимости «прорубить» коридор через территорию Западной Венгрии на случай совместной военной акции против Италии [7]. 12 августа 1919 г. чехословацкие войска переправились через Дунай у Прессбурга и оккупировали Лигетфаллу, а через два дня – район Прессбургского предместного укрепления. 16 августа того же года чехословаки перешли на правый берег Дуная и заняли расположенные поблизости от границы Вольфсталь, Сигетфалу и Китзее. 12 августа 1919 г. югославские войска пересекли реку Мур и начали продвигаться в сторону Бургенланда. В тот же день о готовящейся военной акции Бухареста в отношении Западной Венгрии заявило румынское пресс-бюро [8].

15 августа 1919 г. К. Реннер обратился с нотой к президенту Парижской мирной конференции Ж. Клемансо, в которой ходатайствовал перед державами Антанты о выдаче

Австрии мандата на оккупацию Западной Венгрии [9]. Сосредоточенные в провинции венгерские офицерские формирования были готовы к вооруженному сопротивлению в случае австрийской интервенции. 12 августа 1919 г. полковник А. Лехар уведомил об этом командующего жандармерией штирийского Феринга от имени Сегединского правительства, угрожая выдвинуть к государственной границе пехотный батальон и танковый взвод. Узнавшие об этом 400 австрийских офицеров-пограничников, отказались участвовать в полицейской операции, планировавшейся под общим командованием жандармерии [10]. 18 августа Национальное Собрание Немецкой Австрии выпустило воззвание к немцам Западной Венгрии, лейтмотивом которого была легитимность осуществления ими права на национальное самоопределение [11]. В тот же день посол Австрии в Будапеште Кноблах вручил министру иностранных дел Венгрии Ловаши вербальную ноту, составленную в резких тонах. Ссылаясь на традиции многолетней политики мадьяризации и связанного с нею административного давления на избирателей, Вена выражала сомнения в возможности справедливого исхода голосования на первоначально предлагавшемся ею плебисците в Бургенланде [12].

Во время обсуждения «бургенландского вопроса» 17 августа 1919 г. на заседании австрийского кабинета министров возобладала та точка зрения, что для успешного осуществления задуманной силовой акции необходимо было заручиться согласием держав Антанты. К тому же высказывались справедливые опасения, что от возможного провала запланированной акции мог серьезно пострадать авторитет Австрии в глазах немецкоязычного населения Бургенланда [13]. Трезвый анализ австрийско-венгерских отношений в связи с «бургенландским вопросом» содержался в памятной записке Кноблеха, составленной 22 августа 1919 г. Приводившаяся в ней аргументация сводилась к признанию нецелесообразности готовившейся Венной полицейской операции в Бургенланде. Австрийский дипломат указывал на ожидавшую Вену в случае ввода полицейских сил в Бургенланд перспективу затяжного конфликта с Венгрией, которая, лишившись Словакии, Трансильвании и Баната, была готова защищать свою территориальную целостность. Моральный подъем в армии Советской республики, сумевшей в начальный период нанести ряд тяжелых поражений интервентам, превращал готовившуюся Венной акцию в опасную авантюру, чреватую неизбежным провалом [14]. Кноблах, ссылаясь на свое многолетнее знание местных условий, ставил под сомнение искренность исходивших от немецкоязычной общины Бургенланда призывов к аншлюсу и готовность ее принести во имя того серьезные жертвы. Социал-демократическая Австрия не могла стать центром притяжения для преимущественно крестьянского и монархически настроенного населения провинции [15].

По мнению автора памятной записки, австрийской стороне следовало дожидаться закрепления данного ей обещания относительно Бургенланда в статьях мирного договора. В качестве первоочередного дипломатического шага на пути урегулирования Бургенландского кризиса Кноблах предлагал начать переговоры с Будапештом, добиваясь от него ограничения численности дислоцированных в провинции венгерских войск, прекращения враждебной пропаганды и издания всеобщей амнистии [16].

Но реакционные круги Венгрии во главе с М. Хорти, отклонившие австрийское предложение о выводе войск из Бургенланда, взяли курс на дальнейшее нагнетание напряженности. Вопреки установлениям Сен-Жерменского договора, передававшего Австрии Западную Венгрию, Будапешт продолжал считать ее своей исконной территорией. Об этом, в частности, свидетельствовало эмоциональное заявление М. Хорти, сделанное 23 сентября 1919 г. в Шопроне. В случае вторжения австрийских войск в Бургенланд адмирал обещал расправиться с ними, как с бандой разбойников [17].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Kerekes L.* Von St. Germain bis Genf. Österreich und seine Nachbarn 1918-1922. Budapest, 1979. S. 142-144.

2. *Kretinin C.B.* Судето-немецкая социал-демократия: страницы политической истории, 1918-1939 гг. Воронеж, 1998. С.30.
3. Там же. С. 45.
4. *Berchtold K.* Verfassungsgeschichte der Republik Österreich. Wien, 1998. Bd.1. S. 181.
5. *Bodó B.* Militia Violence and State Power in Hungary, 1919-1922 // *Hungarian Studies Review*, Vol. XXXIII, Nos. 1-2 (2006). P. 121-156.
6. Staatskanzler Renner an Staatsamt für Äusseres, am 1. August 1919 // *Aussenpolitische Dokumente der Republik Österreich (ADÖ)*/Hsg. von Koch K., Rauscher W. und Suppan A. Wien, 1998. Bd. 2. S. 395.
7. *Kerekes L.* Op. cit. S. 147.
8. Kabinettsrat, am 17. August 1919 // *ADÖ*. Bd.2. S. 406, 408.
9. Staatskanzler Renner an Präsident der Friedenskonferenz Clemenceau (Paris), am 15. August 1919 // *Ibid.* S. 403 - 404.
10. Kabinettsrat, am 17. August 1919 // *Ibid.* S. 406.
11. Aufruf Nationalversammlung Deutschösterreich // *Ibid.* S. 413- 416.
12. Deutschösterreichische Friedensdelegation an Staatsamt für Äusseres, am 18 August 1919 // *Ibid.* S.418-420.
13. Kabinettsrat, am 17. August 1919 // *Ibid.* S. 408.
14. Denkschrift Gesandter Knobloch, am 22. August 1919 // *Ibid.* S. 426.
15. *Ibid.* S. 425 – 426.
16. *Ibid.* S. 428.
17. *Kerekes L.* Op. cit. S. 151.

ПРИНЦИП ПРАВА НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ИРЛАНДСКИЙ ВОПРОС

М.Н. Пономарев,

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Принцип самоопределения наций, являющийся одним из основополагающих принципов современного международного права, впервые был предложен в мирной программе президента США В. Вильсона, знаменитых «14 пунктах», изложенных в его послании к Конгрессу 8 января 1918 г. В тексте говорилось о необходимости обеспечения возможности свободного, самостоятельного развития для народов Австро-Венгерской и Османской империй, восстановлении независимого Польского государства. Отдельный пункт требовал обеспечения России «беспрепятственной, ничем не затрудненной возможности самостоятельного определения направления ее политического развития и национальной политики». Таким образом, принцип права наций на самоопределение был сформулирован не в общем, универсальном виде. Излагались его частные, обусловленные политической необходимостью случаи применения. Лишь заключительный абзац, следующий за четырнадцатым пунктом (о создании универсальной межправительственной организации), гласил: «вся предложенная мной программа основана на принципе справедливости в отношении всех народов и народностей и их права, независимо от того, сильны они или слабы, жить наравне с другими народами в условиях свободы и безопасности. Ни один из элементов этой системы международной справедливости не будет долговечным, если в ее основе не будет лежать этот принцип. Народ Соединенных Штатов может действовать лишь на основе такого принципа, готов пожертвовать своей жизнью, своим добрым именем и всем, чем он обладает, для защиты этого принципа» [1].

Принципу права наций на самоопределение предстояло еще пройти долгий путь до безусловного признания мировым сообществом в качестве основополагающего принципа международных отношений, так же как и позиция самих США в отношении первой мировой войны претерпела значительные изменения: от нейтралитета до участия в военных действиях на стороне Антанты.

Сразу после начала первой мировой войны президент США В. Вильсон заявил, что его страна будет соблюдать строгий нейтралитет по отношению к обоим

противоборствующим блокам. Очень скоро нейтралитет превратился в фикцию, так как американские корпорации с начала 1915 г. возобновили поставки в Европу. В виду того, что британский флот осуществлял блокаду Германии, американцам приходилось торговать только со странами Антанты, причем рост торговли с ними быстро и значительно перекрыл все потери. Общественность США в основном симпатизировала странам Антанты, так как их борьба с кайзеровской Германией и ее союзниками преподносилась пропагандой как борьба за демократические идеалы и гуманистические принципы. Однако в деловом мире и правительстве США были сильны элементы, не желавшие победы Антанты. Большая группа финансовых магнатов (Рокфеллеры, Гугенгеймы и др.) стояла на стороне немцев, связанная с ними давними экономическими интересами. Она решительно выступила против английской блокады и требовала от администрации Вильсона суровых мер по отношению к Англии, которая, нацелив блокаду против Германии, использовала ее также для ослабления американских конкурентов. Не случайно первыми жертвами блокады оказались пароходы с нефтью, медью и хлопком из США. К концу второго года мировой войны эксперты, исследуя общественное мнение в США, смогли констатировать, что большинство населения настроено против Германии, но меньшинство – за войну.

Немаловажным фактором, определявшим политику нейтралитета администрации В. Вильсона, являлось наличие в США многочисленных диаспор иммигрантов из европейских стран, воевавших друг с другом. Иммигранты оказывали влияние на внешнюю политику президента по следующим причинам. Во-первых, Вильсон всегда подчеркивал связь демократической партии с населением США и пытался использовать настроения иммигрантов для поддержки своей политики. Во-вторых, группы иммигрантов, особенно наиболее организованные сообщества, пытались воздействовать на членов парламента. В-третьих, политический баланс сил между партиями республиканцев и демократов означал, что каждая из сторон должна была принимать во внимание группы избирателей, которые могли сместить баланс сил в ту или иную сторону. В результате, на протяжении всей войны ирландские лоббисты конкурировали с одной стороны с чешским, словацким, русинским, польским, еврейским, итальянским, германским, венгерским, южно-славянским, чтобы привлечь внимание Вильсона, а США вмешались в их территориальные проблемы и проблемы, касающиеся суверенитета.

Особую позицию президент Вильсон занял в отношении ирландского вопроса. Политика невмешательства в дела Ирландии, проводившаяся Вильсоном в военное время, была сформулирована им самим, а также поддержана Робертом Лансингом и Эдвардом Хаузом. Она была основана на практических и реалистичных соображениях, не исключала симпатии к ирландцам, и диктовалась лишь нежеланием обострять отношения с Великобританией в условиях военного времени. Вильсон сумел остаться верным своей политике, при этом он возлагал большие надежды на жителей США, родившихся в Европе, которые должны были поддержать его план послевоенного мирного урегулирования, особенно его веру в принцип самоопределения наций [2].

Группы иммигрантов, упомянутые выше, считали, что замысел Вильсона, совпадал с их собственными требованиями. Его «14 пунктов», подпитывали надежды активных деятелей иммигрантов в течение 1918 г., когда произошла эскалация вмешательства в войну США. Все иммигрантские группы полагали, что президент имел в виду именно их национальное самоопределение. В. Вильсон решил разрушить Австро-Венгерскую и Турецкую империи, поэтому особое внимание уделял чешским иммигрантским деятелям и сионистам. Поляки, возглавляемые Яном Падеревским, также успешно обсудили с президентом поддержку польской независимости еще перед тем, как США вступили в войну. В результате, парадоксальным образом случилось так, что, когда война закончилась, «ирландские американцы» так и не предъявили свои требования, несмотря на то, что были организованы, оставались довольно активными и имели доступ к конгрессу США и Белому дому. Тем не менее, в связи с выборами в Конгресс,

ожидавшимися в ноябре, и обнародованном плане Вильсона о послевоенном устройстве, надежды ирландцев были высоки.

С января 1918 г. до подписания мирного соглашения в июне 1919 г. ирландцы в США прямо и косвенно требовали от администрации Вильсона, чтобы вопрос об ирландской независимости был включен в послевоенное урегулирование. Вслед за просьбой Ханна Шихи Скеффингтон Вильсону в январе 1918 г., «Друзья ирландской свободы», «Древнее устройство Ирландии» и «Ирландская прогрессивная лига» объединили политических, лейбористских и религиозных лидеров и относящиеся к конгрессу и государственной законодательной власти с просьбой к Вильсону направить внимание на самостоятельность Ирландии [3]. 19 октября 1918 г. даже его заклятый враг Джон Девой воспользовался колонками газеты «Гелик Американ», чтобы подбодрить всех американцев ирландского происхождения поддержать Вильсона, потому что он отстаивал принцип, гласящий, что «все люди имеют право на самоуправление и самостоятельность» [4].

Тем временем консул Эдвард Адамс послал обзор речи Имона де Валера, лидера ирландской партии Шин Фейн, опубликованной в прессе, который заявил: «Мы хотим, чтобы Ирландия была признана независимым государством. Мы заявляем, что если те, кто будет говорить торжественно о самостоятельности, и не дадут объяснений, являются лицемерами, и мы обращаемся к президенту Вильсону в отношении заявления, которое он сделал, что если он не примет эту точку зрения, он еще больший лицемер, чем Ллойд Джордж» [5].

Таким образом, ирландский вопрос был неизбежно обречен на то, чтобы удостоиться внимания В. Вильсона, которому необходимо было выработать свою линию в отношении связанных с ним проблем: отстаивание принципа права наций на самоопределение и сохранение взаимопонимания с британскими лидерами. В ходе работы Парижской мирной конференции президент США вынужден был сделать выбор в пользу последнего, так как зависел от поддержки британскими лидерами своих мирных инициатив, особенно касающихся создания Лиги Наций.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. The Messages and Papers of Woodrow Wilson: 2 vols. N.Y., 1924. Vol. 1. P. 467, 471.
2. The Immigrants' Influence on Wilson's Peace Policy / Ed. by J. O'Grady. Lexington, 1967. P. 4-5, 18.
3. See: *Carroll F.M.* American opinion and the Irish question, 1910-1923. N.Y., 1978. P. 114.
4. Gaelic American, 19 October 1918.
5. Freeman's Journal, 19 January 1918 // National Archives and Records Administrations, Maryland, Records of the Department of State relating to internal affairs of Great Britain, 1910-1929, Record Group 59, M580/6, 841.00/63, Adams to Secretary of State, 21 January 1918.

БОРЬБА МАКЕДОНСКОГО НАРОДА ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ СВОБОДУ И ЕДИНСТВО ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

К. Филов,

Университет им. Гоце Делчева (г. Штип, Республика Македония)

Корни македонского национального освободительного движения уходят в середину XIX века. Самые яркие примеры – это времена турецкой оккупации Македонии, когда в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков вспыхнуло несколько национально-освободительных восстаний. В 1912 году начались Балканские войны, в которых македонский народ принял массовое участие вместе с Балканскими союзниками, с целью и надеждой получить долгожданную национальную свободу. Вопреки всему, македонская земля и люди были разделены между балканскими союзниками, конечно, с помощью великих держав в мире.

В таком состоянии Македония встретила Первую мировую войну, в которой крупные военные мероприятия, как со стороны сил Антанты, так и со стороны Центральных сил, привели на ее территорию известный английский фронт. Война закончилась, а Македония все еще оставалась разделенной. Великие державы остались равнодушными к призывам македонцев об окончательном решении данного вопроса.

Начало Второй мировой войны македонцы встретили разделенными, как географически, так и этнически. Вардарская Македония была уже в составе Королевства Югославии, Пиринская Македония была в рамках Болгарской империи, Эгейская Македония – в составе греческого государства.

Вторая мировая война началась не очень успешно для македонского народа. Королевство Югославия было разгромлено всего за несколько дней. После его капитуляции в состав Вардарской Македонии вошли административные органы Королевства Болгарии, которая была союзником германского Рейха. Сербское правительство было заменено новым болгарским правительством.

Болгарская оккупационная администрация сразу же приступила к ассимиляции македонского населения. Были заменены названия улиц, школ, больниц, приглашены учителя из Болгарии и т.д. Но период хозяйничанья болгар в Македонии был недолгим.

Единственной силой, которая могла бы повести за собой массы оккупированной Югославии в борьбе против Германии и ее союзников - была Коммунистическая партия Югославии (КПЮ). В Македонии, региональным комитетом КПЮ было проведено совещание в феврале 1940 года, на котором сообщалось, что политический комитет (ПК) был выбран в качестве нового руководства КПЮ в Македонию. Его секретарем стал Методия Шаторов-Шарло, а членами стали Перо Ивановски-Тиквар, Орце Николов, Коце Павлов-Металец, Добривоє Видич. Новый ПК за короткое время успел консолидировать все партийные организации и обеспечить единство в партии. Ее руководство видело свою задачу в организации борьбы за национальную и социальную свободу. Началось издание газет, листовок и объявлений, которые распространялись среди населения. В июне 1940 г. КПЮ в Македонии сформулировала основные элементы своей национальной программы. 8 сентября 1940 г. в районе Водно в г. Скопье состоялась региональная встреча Коммунистической Партии в Македонии, Партийное руководство уделило особое внимание на встрече македонскому национальному вопросу. Там же была принята Резолюция, в которой нашли свое отражение цели Народно-освободительного движения (НОД) македонского народа. Таким образом, еще до оккупации Югославии Методией Шаторовым-Шарло был поставлен вопрос о национальной и социальной свободе македонского народа. На Пятой официальной встрече КПЮ, проходившей с 19 по 23 октября 1940 г. в Дубраве недалеко от Загреба, Шарло выдвинул программу национального освобождения и объединения македонского народа. Он разделял идею о выселении сербских поселенцев, которые были «агентами» сербского влияния в Македонии. Из-за этого его подвергли критике, обвинив в отходе от позиции КПЮ по национальному вопросу и проблеме сербских колонистов. В январе 1941 г. на расширенном пленуме Политического комитета КПЮ было принято решение, что конечной целью борьбы македонского народа является полное освобождение и равенство. На самом деле, на этой встрече был заложен фундамент национальной программы НОД и сформулированы цели Народно-освободительной и антифашистской борьбы македонского народа.

Методия Шаторов-Шарло, в качестве секретаря Политического комитета КПЮ в Македонии, рассчитывал превратить Вардарскую часть Македонии в плацдарм для объединения и создания независимого македонского государства. С учетом того, что почти все коммунистические партии соседних стран отстаивали свои территориальные интересы в македонском вопросе, Шаторов возлагал свои надежды Коминтерн и его секретаря Георгия Димитрова. В соответствии с директивами Коминтерна, Шаторов в начале мая 1941 года, отправился в Софию и связался с Болгарской рабочей партией

коммунистов (БРПК), которая также строго соблюдала директивы Коминтерна. Кроме того, Политический комитет КПЮ изменил свое название на Политический комитет партии рабочих в Македонии. На самом деле, Шаторов поставил Региональный комитет КПЮ на службу БРПК. Он сделал это по директиве Коминтерна, известившей о заключении пакта Молотова-Риббентропа и дезориентировавшей тем самым международное коммунистическое движение. К тому времени Центральный комитет КПЮ уже поставил на повестку дня организацию вооруженного восстания против фашистских сил.

Несмотря на то, что Шаторов являлся противником вооруженного восстания в тот момент, в мае 1941 г. партийные организации распорядились о начале военной подготовке своих членов, главным образом, с целью ознакомления и обучения обращения с оружием. Были также совершены первые диверсии (нападение на немецкий самолет, поджог немецкого грузовика и т.д.).

После нападения Германии на СССР Политический комитет КПЮ в Македонии создал военный комитет. 22 августа 1941 года под руководством Шарло и военной комиссии был создан партизанский отряд в г. Скопье. Его главной акцией стало нападение на Пиротехнический завод в Ханриево (Горче Петров), где хранилось оружие армии Королевства Югославии, захваченное немецкими оккупантами. Под руководством Шарло были созданы военные базы, где должны были создаваться партизанские отряды, которые действовали бы на территории Македонии. Но 24 июля 1941 г по инициативе Политического комитета КПЮ в Македонии Центральный комитет КПЮ провел совещание, на котором Методия Шаторов-Шарло был обвинен в антипартийной и контрреволюционной деятельности и исключен из партии. После этого, Шаторов поступил в распоряжение Болгарской рабочей партии коммунистов. С уходом Шаторова, македонский народ потерял национального активиста, который еще до оккупации говорил об освобождении и объединении македонского народа. Резолюция, принятая 8 сентября, по сути, была первой национальной государствообразующей программой, в которой говорилось об освобождении и объединении Македонии.

Следующая попытка поднять вопрос о будущем Македонии была сделана в конце 1943 г. В разгар боев за освобождение Македонии стали нарастать разногласия среди политического и военного руководства Македонского Народно-освободительного движения (МНОД), касавшиеся будущего статуса Македонии. В итоге возникли две концепции. Первая полагала конечной целью НОБа освобождение вардарской части Македонии и обретение национальной автономии в составе югославской федерации, а вторая ставила вопрос о полной национальной независимости. Большинство македонских партий и военное руководство стояли за проюгославскую государственную программу. В первую группу входили сотрудники Центрального комитета Коммунистической Партии Македонии, которые были членами Главной штаб-квартиры, Инициативного совета по созванию АСНОМа (Антифашистское собрание по народному освобождению Македонии), позже Президиума АСНОМа и первого правительства Македонии: Лазар Колишевски, Цветко Узуновски-Абаз, Люпчо Арсов, Страхил Гигов, Вера Ацева и др. Ко второй группе принадлежали следующие активисты: Методи Андонов-Ченто, Михайло Апостолски, Емануел Чучуков, Киро Глигоров, Венко Марковски, Лазар Соколов, Петре Пирузе-Майски, Благой Хаджи Панзов и другие.

Позиция последнего политического течения отражала национальные чаяния македонского народа и ориентировала его на создание независимого национального государства. Несмотря на отсутствие идейного единства, сторонники национальной независимости ратовали за демократическое устройство будущего македонского государства и создание сильной македонской армии, на которую возлагалась задача освобождения всей национальной территории, включая те ее части, которые находились в составе соседних стран. Вместе с тем не исключалась полностью возможность вхождения

Македонии в качестве независимого государства в состав будущей югославской или балканской федераций.

В октябре 1943 года Манифест Главной штаб-квартиры Народно-освободительной армии и Партизанских отрядов Македонии обнародовал основные принципы и задачи Народно-освободительной борьбы македонского народа. В конце ноября того же года в Главную штаб-квартиру поступил Протест, составленный членами Акционного народно-освободительного комитета (АНОК) Киро Глигоровым и Благой Хаджи Панзовым. По их мнению, Главная штаб-квартира не могла претендовать на монополию в разработке плана военных действий и вмешиваться в решение собственно политических вопросов. Оба автора высказались за то, чтобы считать Манифест временным документом, срок действия которого был бы ограничен моментом созыва Народной ассамблеи (Народного собрания), призванной выработать политическую программу народно-освободительной борьбы. Авторы Протеста стремились разграничить компетенцию Главной штаб-квартиры и Народной ассамблеи (Народного собрания) за счет более эффективной работы военно-политического аппарата. Относительно принципов Народно-освободительной войны, провозглашенных в Манифесте, авторы Протеста напомнили, что свобода одной трети Македонии (той трети, которая находилась в составе Королевства Югославии), не была тождественна освобождению всей Македонии, и что частично свободные люди – ни в коем случае не свободны. Они считали, что вопрос о Македонии и решение ее национального вопроса находится за пределами Королевства Югославии. Авторы Протеста уделяли особое внимание вопросу об объединении Македонии. В тексте Протеста говорилось: *«Нет решения македонского вопроса в одной, искусственной для македонцев Югославии, которая не считается политическим постоянством, а является символом его кошмарного рабства»*. Это мнение членов АНОКа было квалифицировано как националистическое и сепаратистское.

Члены АНОКа позже присоединились к Инициативному совету по созыву АСНОМ. Борьба за национальное освобождение и объединение продолжалась, но на этот раз, с Народной ассамблеи (Народного собрания) в уже свободной Македонии (имеется в виду – в Вардарской Македонии).

Эти македонские активисты продолжали выступать за объединение Македонии и после окончания войны. После формирования временного правительства и провозглашения Демократической Федеративной Югославии, политическое руководство Македонии во главе с Лазарем Колишевски начало борьбу с политической оппозицией. Члены АНОКа, которые после войны заняли высокие посты, подверглись гонениям со стороны Центрального комитета Коммунистической Партии Македонии. Численность этой «антипартийной группы» постоянно росла, но входившие в нее активисты были бессильны противостоять политическому руководству Македонии, которое пользовалось поддержкой центрального руководства Югославии.

Час для расправы над членами «антипартийной группой» пробил после принятия Резолюции Коминформа. Многие из них, в том числе и Методия Андонов-Ченто, Панко Брашнаров, Петре Пирузе-Майски и другие македонские национальные деятели были приговорены к исправительным работам в политической тюрьме Голи Оток. Другие лишились своих должностей и перестали играть видную роль общественно-политической жизни Югославии и Македонии. Благодаря репрессиям, обрушившимся на македонских национальных деятелей в послевоенный период, не удалось осуществить очередную попытку объединения Македонии. Через много лет по-прежнему запрещалось разговаривать с этими людьми, которые отдали свою жизнь за свободную, независимую Македонию. После развала Югославии в 1991 г., македонские историки обнаружили в секретных досье имена людей, которые самоотверженно работали ради достижения национального идеала – объединенной и независимой Македонии. Некоторые из этих общественных деятелей были у всех на слуху, но многие до сих пор неизвестны широкой

македонской общественности. Наконец, Македония обрела свободу и независимость, но осталось невыполненным стремление македонского народа видеть свою страну единой.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Историја на македонскиот народ. Скопје, 2008.
2. *Филов К.* Политичките и економските промени во Штип и штипско низ архивската документација, 1944-1946 година. Штип, 2011.
3. *Николова С.* Штипската партиска организација и активноста на Киро Кукушев, секретар на МК на КПЈ за Штип, необјавен магистерски труд. Штип, 2012.
4. *Ристовски Б.* Историја на македонската нација. Скопје, 1999.
5. *Литовски А.* Македонската националноослободителна платформа во Втората светска војна 1940-1944 година. Скопје, 2008.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ВЕНГРИИ В 1945-1946 гг.: ПОИСКИ СУВЕРЕННОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

М.М.Прудников,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Вторая мировая война окончилась для Венгрии истощением ресурсов и кризисом национального самосознания. До 40% всего национального достояния страны было уничтожено. Национальный доход в 1945-1946 гг. не составлял и половины уровня 1938-1939 гг. Кроме того, Венгрия должна была выплатить огромные репарации Чехословакии, Югославии и СССР. Людские потери составили 1,5 млн. человек, около 1 млн. человек бежали на Запад [1]. После освобождения страна приступила к выстраиванию новой системы общественных взаимоотношений и поиску своего места в формирующейся системе международных отношений. Сформированное в декабре 1944 г. Временное национальное правительство выступило с программой антифашистских демократических преобразований. Основу правящей коалиции первых послевоенных лет составили главные партии антифашистской ориентации: Партия мелких сельских хозяев (ПМСХ), Социал-демократическая партия Венгрии (СДПВ), Коммунистическая (ВКП) и Национальная крестьянская партия (НКП).

Учитывая спектр представленных политических сил, перед Венгрией открывалась возможность построения новой демократической системы политического устройства, института многопартийности и свободных выборов.

Деятельность МИДа Венгрии в указанное время была в основном сосредоточена в Комиссии по подготовке мирного договора. МИД также поддерживал связь с находившейся в Будапеште Союзной контрольной комиссией. Большая часть сотрудников МИДа, являвшаяся сторонниками либерально-демократической ПМСХ, симпатизировала США.

Венгерские политики понимали опасность советского фактора. СССР после разгрома Германии в Европе стал безусловным политическим гегемоном. Соответственно, существовало понимание того, что суверенитету Венгрии как независимому государству и актору международных отношений грозит серьезная опасность со стороны сильного соседа как в военно-политическом, так и в экономическом плане. США представлялись многим либерально настроенным кругам как государство, которое, прежде всего, находится далеко за океаном – а значит, не сможет кардинально влиять на политические и экономические процессы в стране. Более того, США представлялись открытой демократической и свободной страной, где основные права и суверенитет незыблемы.

Лидеры ПМСХ возлагали большие надежды на помощь со стороны Запада. 20 августа 1945 г. Министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин выступил с речью в палате общин, заявив, что правительства Болгарии, Румынии и Венгрии не являются

представительными для большинства людей, и что на его взгляд, один тоталитарный режим будет заменен другим. Его выступление вызвало отклик среди либеральной части венгерского общества. Газеты «Мадяр немзет», «Киш уйшаг», «Вилаг» под кричащими заголовками поместили сообщение о речи Бевина, подчеркивая его заявление, что Венгрия якобы является недемократической страной.

Прежде всего, Соединенные Штаты пытались добиться большего влияния в Союзной контрольной комиссии в Венгрии, чем в Румынии и Болгарии. Сразу же последовала практическая реализация проявленного интереса: США и Великобритания уменьшили выплату компенсации Венгрии с 400 миллионов до 300 миллионов долл. [2].

21 февраля 1945 г. во главе американской миссии в Дебрецен прибыл Лесли Скварс. В его функции входило наблюдение за ситуацией в Венгрии до того, как прибудет американская миссия во главе с Х.Ф.Артур Шёнфельдом. Л. Скварс энергично приступает к своей работе, проводит ряд встреч с венгерскими политиками, пытаясь прозондировать сложившуюся ситуацию и разобраться в сложной политической обстановке.

Из встречи Л. Скварса с премьер-министром Временного венгерского правительства Б. Миклошем следовало, что 60 % населения поддерживают программу ПМСХ и связывают политическое будущее страны именно с этой партией. Среди наиболее популярных и перспективных политиков ПМСХ Б. Миклош отметил З. Тилди, Б. Варгу и Ф. Надя [3].

Если компартия теснее всего сотрудничала с Национально-крестьянской партией, которая по основным вопросам внутренней и внешней политики поддерживала коммунистов, то Партия мелких сельских хозяев являлась главной политической силой буржуазии, причем не только бывших помещиков и крупных буржуа, реакционных хортистов и кулацкой верхушки, как это изображалось в советской историографии, но и значительной части сельского населения Венгрии, а также мелких городских собственников.

США и СССР вступили в негласную борьбу, которая развернулась на двух фронтах – политическом и экономическом. Вашингтон считал приоритетом политическую сферу, рассчитывая, что приход к власти ПМСХ изменит общую ситуацию и повернёт страну на Запад. В то же время СССР начал проводить политику «экономической экспансии», ссылаясь на обязательство Венгрии выплачивать репарации [4].

11 мая 1945 г. в Венгрию прибывает официальный представитель США А. Шёнфельд – глава политической миссии, соответственно повышается и уровень американо-венгерских отношений. Правда, дальше смутных обещаний поддержки ПМСХ со стороны США дело не зашло.

Вашингтон выбрал верную тактику с целью поддержания должного уровня американо-советских отношений. США не вмешиваются во внутренние дела Венгрии, а всего лишь поддерживают курс на демократию и свободные выборы, что для американцев означает победу ПМСХ.

11 сентября 1945 г. на конференции Совета министров иностранных дел в Лондоне Соединенные Штаты потребовали проведения свободных выборов в Венгрии. Вопрос о проведении свободных выборов побуждает Госдепартамент идти на установление официальных отношений с Венгрией. 21 сентября 1945 г. представитель США в Венгрии Артур Шёнфельд передает в МИД Венгрии ноту, в которой выражалось намерение правительства США установить дипломатические отношения с Венгрией. Однако США требовали от венгерского правительства гарантий того, что «выборы будут свободными и беспрепятственными», что «венгерский народ в ходе их получит свободу политического выражения»[5].

Эта нота стала итогом активного взаимодействия Шёнфельда и ряда венгерских политиков из ПМСХ. Одновременно данный шаг стал своего рода пиар-ходом ПМСХ, так как установление дипломатических отношений с США в канун выборов давало

возможность и надежду населению, которое не поддерживало коммунистов и собиралось голосовать за ПМСХ. Ко всему этому необходимо добавить: в том, что страна находилась в бедственном положении, многие венгры обвиняли советские войска и СССР. И наоборот, США ассоциировались с «сытым и обеспеченным Западом», готовым придти на помощь [6].

США пытались сформировать в отношениях с Венгрией образ равноправного партнера, а не старшего брата, что привлекало к себе многих правительственных чиновников.

7 октября были проведены выборы в Большом Будапеште, и ВКП и СДП, выступив с единым списком, получили меньше половины голосов (42,8%), тогда как ПМСХ – половину. В результате почувствовали силу правые и в остальных партиях коалиции еще шире развернули свою предвыборную кампанию.

Госдепартамент стал увереннее действовать в контактах с Венгрией. Изначальная осторожная политика США в отношении ПМСХ объясняется тем, что сами США не допускали возможности проведения демократических выборов в Венгрии. Вашингтон занимал выжидательную позицию, не предпринимая конкретных результативных шагов для поддержки ПМСХ.

4 ноября 1945 г. были проведены всеобщие свободные выборы в Национальное собрание, предусмотренные Ялтинскими соглашениями. На выборах, в которых приняло участие практически все взрослое население старше 20 лет, 245 из 409 мест в парламенте получила Партия мелких сельских хозяев (57 %), 70 мест – коммунисты, 69 – социал-демократы, 23 – представители Национальной крестьянской партии и 2 – Гражданской демократической партии [7].

Посты в новом коалиционном правительстве были распределены следующим образом: из 18 членов правительства 9 (50%) были от ПМСХ, по 4 от ВКП и СДП и 1 от НКП. Премьером стал Золтан Тилди (ПМСХ).

Итоги осенних выборов 1945 года, на которых венгерские коммунисты получили 17% голосов, явились предупреждением против переоценки успехов коммунистической партии. Ее уважали одни, с ней считались другие, ее боялись недруги, но голосовать подавляющее большинство венгерских избирателей предпочитало все же за представителей других партий.

Выборы 1945 года стали неожиданными для всех: США не предполагали подобного результата в Венгрии. СССР надеялся, что коммунисты настолько сильны, что смогут получить большинство в честных выборах, поэтому заранее не были предприняты контрмеры.

Еще 8 октября после муниципальных выборов А. Шёнфельд в телеграмме в Госдеп писал: «ПМСХ ликует победе при таком отрыве (что очень удивительно), который превысил их самую оптимистическую оценку. Несомненно, многие социалисты голосовали за ПМСХ в знак протеста против планов их партии объединиться с коммунистами»[8].

На наш взгляд, нельзя схематично подходить к борьбе левых и правых в Венгрии: у правых была большая поддержка населения, влияние в стране. Вместе с тем нельзя отрицать роль СССР в построении новой венгерской государственности: присутствие в Венгрии советских войск и советской администрации во многом обеспечивало левым силам возможность успешного продвижения к власти.

В условиях борьбы левых и правых за выбор пути развития страны многое зависело от того, какой внешнеполитический курс будет проводить правительство. Расстановка сил в парламенте после выборов вызвала глубокое удовлетворение администрации США. Теперь можно было утверждать, что Венгрия стала самой демократической страной в Восточной Европе. Победу на выборах ПМСХ США восприняли как сигнал для активизации своих усилий по сохранению либерально-демократического правительства и прозападного курса Венгрии. Поставленная

администрацией США задача на первом этапе послевоенного развития отношений и сотрудничества с Венгрией была успешно выполнена.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С.502.
2. *Borhi L.* The United States and East Central Europe, 1945-1990. Part I. 1945–1954. A chronology // Cold War History Research Center, Budapest, 2005 // <http://www.coldwar.hu/html/en/chronologies/borhi1.html>
3. Foreign relations of United States (далее FRUS). Vol. 4. 1945. Mr. Alexander C. Kirk, Political Adviser to the Supreme Allied Commander, Mediterranean Theater, to the Secretary of State, February 27, 1945.P.805.
4. *Borhi L.* Hungary in the Cold War – Between the Soviet Union and the United States, 1945-1956. Budapest – N.Y., 2004.
5. Информация по ВЧ председателя СКК в Венгрии К.Е.Ворошилова И.В.Сталину о письме политического представителя США в Венгрии Х.Ф.Артура Шонфельда об условиях установления дипломатических отношений между США и Венгрией. 21 сентября. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944-1953. Т.1.1944-1948. М. – Новосибирск, 1997. С.263-264.
6. *Borhi L.* The United States, Hungary, and the origins of the Cold War // Hungarian studies .Vol.7, no.1-2, 1991/1992 // <http://epa.oszk.hu/01400/01462/00012/pdf/043-070.pdf>.
7. Политическая история стран Восточной Европы после 1945 г. в зарубежных исследованиях. М., 1991. С.38.
8. FRUS. Vol. 4. 1945. The Representative in Hungary (Schoenfeld) to the Secretary of State, October 8, 1945. P. 883.

ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ ГИБРАЛТАРА

А.А. Качанова,

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

Окончание Второй мировой войны ознаменовало собой коренной перелом в системе международных отношений. Стремительно начал набирать обороты процесс распада складывающейся веками колониальной системы, который неизменно отразился на отношениях Великобритании с зависимыми территориями. Бывшие колонии все громче и настойчивее стали заявлять о своей независимости. Понятие суверенитета утверждалось с удивительной скоростью. В 1949 г. Индия была провозглашена республикой. Очевидно, что именно с этого момента начался необратимый процесс распада бывшей империи на независимые государства. Великобритания пыталась бороться с набирающими обороты националистическими движениями в различных регионах. В 1957 году потребовалось вторжение британских войск в Малайскую конфедерацию и Гану. Период с 1958 года по 1963 года ознаменовал собой череду антибританских выступлений в большинстве колониальных владений от Занзибара до Сингапура [1, с.15-17]

Желание государств вести борьбу за национальный и политический суверенитет представляется сегодня вполне объективным. На фоне этого исторически закономерного процесса особый интерес вызывают территории, которые не решились или не попытались заявить о своем праве на самоопределение. Так, ситуация в одной из бывших Средиземноморских колоний Британской империи развивалась совершенно по иному сценарию. Активные движения борцов за независимость стороной обошли Гибралтар – небольшую территорию с населением приблизительно в 30 000 человек [2]. Этот берег, связанный с Пиренейским полуостровом узким, низменным перешейком, и называемый британцами не иначе как Скала, по сей день продолжает носить статус заморского владения Великобритании [11], подчеркивая тем самым связь с бывшей метрополией.

Гибралтар довольно спокойно пережил период деколонизации, его спокойствие не тревожили массовые движения, агрессивный протестные акции и лозунги борьбы за независимость. Возможно, эта бывшая колония так и вошла бы в новую эру международных отношений, не меняя своего официального статуса. Однако в отношении

между Гибралтаром и Великобританией вмешалась Испания. Начиная с 1713 года, когда по условиям Утрехтского мира Скала стала неотъемлемой частью Британской империи [7], испанцы никогда не прекращали попытки предъявить свои права на Гибралтар. В 1960-е годы, опираясь на Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, Испания поставила перед Организацией Объединенных Наций вопрос о суверенитете Гибралтара [7]. В 1967 году решение о его дальнейшей судьбе предстояло принять на референдуме. Результаты потрясли всю мировую общественность. При явке в 98,5 % за сохранение территориальной принадлежности Великобритании проголосовало 92,2% населения [5, с.218].

Очевидно, что на представления гибралтарцев о том, что такое право на самоопределение и каким образом должен быть установлен народный суверенитет, повлиял особый путь его исторического развития как части Британской империи. Материалы дебатов британского Парламента дают нам возможность проследить, какую роль приобрел этот казался бы незначительный участок суши в составе могущественной империи.

С начала XVIII Гибралтар воспринимался исключительно как угольная станция или как порт-стоянка для кораблей, курсирующих через Атлантику. Это, пожалуй, являлось его преимущественным назначением. Незначительная же территория побережья традиционно использовалась для устройства тюрьмы, куда регулярно отправлялись уголовные преступники.

Во второй половине XIX века, с открытием Суэцкого канала, Гибралтар заявил о себе по-новому. Неоспоримым стало его определение как «важной военной и морской базы», «необходимого стратегического пункта», «опорный военного пункта», «великой силы Средиземноморья», «великой военно-морской базы», «значимого порта».

Все внимание политиков и военных устремилось на Гибралтар как военную и морскую базу. В этом качестве территория была совершенно не укреплена. Поэтому, особое внимание было направлено на разработку более эффективных и более надежных фортификационных сооружений. Усовершенствованная база Гибралтара должна была стать примером защитных систем, которые далее смогли бы применяться для других островных территорий. Большие финансовые вливания производились на закупку вооружения, пополнения склада боеприпасов. Туда отправлялись новые мощные бронированные корабли, велась подготовка к защите от торпедных атак. Не оставалась в стороне проблема подготовки кадров, которая также удостоилась внимание наряду с вопросами гражданского снабжения.

Открытие канала удешевило транспортные передвижения между частями империи. Существенно увеличился товарооборот в зоне Средиземноморья, пропускная способность портов которого значительно усилилась. Это изменение незамедлительно коснулось положения Гибралтара, открывающего ворота в Средиземное море. Уже в конце 60-х годов XIX в. внимание политической элиты Англии к нему значительно возросло. Увеличение товарооборота, проходящего непосредственно через порт, выявило массу недостатков в законодательстве, регулирующем торговлю этой колонии. Возникла острая необходимость в исправлении положения. На протяжении десятилетий велась активная деятельность, направленная на укрепление Скалы в качестве торгового порта [9].

Постоянное обсуждение и решение указанных проблем к 80-м годам XIX века укрепило за Гибралтаром статус военной и морской базы, а так же торгового порта. Эти изменения стали основополагающими для колонии, поскольку коренным образом изменили организацию ее жизни. Гибралтар ранее не знал подобного к себе внимания. Именно в этот период времени он заявил о себе как о значимой для интересов империи единице в военных и торговых предприятиях, обозначив для себя пути дальнейшего развития.

Существенные трансформации в военно-морской сфере неизменно повлекли за собой изменение инфраструктуры в целом. С 80-х годов XIX века империя начала

заниматься укреплением и развитием города для гражданского населения. Строились дороги и дома, открывались школы, больницы, магазины. Так на полуостров привносился новый уклад жизни [3].

Активная деятельность британцев на территории Гибралтара во второй половине XIX века безусловно оказала влияние на самоопределение и менталитет местного населения. Гибралтарцы приобрели особую идентичность. Они не могли назваться британцами, но и в полной мере стали противопоставлять себя испанцам. Современное поколение гибралтарцев научилось воспринимать себя как особую группу людей, при этом, не отрицая значимости исторических связей с Великобританией [4, с.218].

Понимание этих исторических аспектов развития Гибралтара объясняет исход референдума 1967 года. Перед Скалой открывалась перспектива и возможность пойти по нескольким сценариям развития: вести борьбу за независимое суверенное существование, стать единым целым с Испанией или остаться в составе Великобритании. Возможно, первый вариант оказался недостижимым вследствие наличия особых исторических связей. Второй же сценарий, по все видимости, остался невыполнимым из-за разрушенной идентичности между представителями соседствующих территорий.

Очередная возможность сделать свой выбор была предоставлена гибралтарцам в 2002 году. Министр иностранных дел Великобритании, Джек Стро, объявил, что британское и испанское правительства достигли соглашения по основным принципам суверенитета Гибралтара [9, с.207]. Договор предложил в очередной раз пройти процедуру самоопределения [5], и вновь подавляющее большинство гибралтарцев, а именно 87,2%, высказались в пользу сохранения единства с Великобританией [7]. Референдум сопровождался массовыми выступлениями под лозунгами «Сохраним Гибралтар британским!» и «Нет принятию решений против нашего желания!» [9, с.208], последний из которых очевидно наиболее ярко отражает сформированное у гибралтарцев представление о праве на самоопределение. Народный суверенитет выражается в возможности в любой момент всеобщим голосованием принять то решение, которое поддержит большая часть населения. Именно это право зафиксировано в Конституции 2006 года. Гибралтар остается заморской территорией Великобритании, пока иное не будет решено всеобщим голосованием [11]. Гибралтарцы имеют право самостоятельно решать свою судьбу, поскольку «Гибралтар – это не свадебный подарок» [10].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Тарабрин Е.А.* Стратегия и тактика неокOLONИализма. М., 1969.
2. Abstract of Statistics 2009.
<http://www.gibraltar.gov.gi/images/stories/PDF/statistics/2009/Abstract%20of%20Statistics%20Report%202009%20Website.pdf>
3. *Cornwall M. H.* Our Empire. Past and Present. L., 1901.
4. *Edmonds M.* Where Two Monologues Do Not Make a Dialogue // Review of International Studies. Vol. 7. No. 4. P.217 – 225. 1981. <http://www.jstor.org/stable/20096924>
5. Foreign Affairs Committee Publications. Session 2001 – 02.
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200102/cmselect/cmfa973/97302.htm>
6. Gibraltar Government Information Service. <http://www.gibraltar.gov.gi/history>
7. Gibraltar Referendum Observer Report. L., 2002.
https://docs.google.com/viewer?a=v&q=cache:O5XdjgicsDQJ:www.gibnet.com/library/ref02or.pdf+&hl=en&gl=ru&pid=bl&srcid=ADGEESg1faPJbPKIPNlvG-PW8yqfOIPFISEDcoykIzRgjV2dtltYGQOp8DffivSMYXktq3Pbvle-hb1AfaqKbJi6-4Qyr_TqoyrMUTqjKdsDvGJ14ccfEjW-GKbN-qVKqUhYr8oieN6Y&sig=AHIEtbSbV6JuM_IMHlBzMuVh9gkds1E7Cg
8. The Hansard's Parliamentary Debates. 3 Series. Vol. 190 – 248.
9. *Lambert D.* As solid as the Rock? Place, belonging and the local appropriation of imperial discourse in Gibraltar // Transactions of the Institute of British Geographers, New Series. Vol. 30. No. 2. P. 206 – 220. 2005.
<http://www.jstor.org/stable/3804519>
10. *Marshall C.* Gibraltar rallies around the flag // BBC News World Edition. 10 September 2002.
<http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2249668.stm>
11. The Gibraltar Constitution Order, 2006.
<http://www.gibraltar.gov.gi/images/stories/PDF/constitution/NewGibraltarConstitution.pdf>

БЫЛА ЛИ ГДР СУВЕРЕННЫМ ГОСУДАРСТВОМ?

Б.В. Петелин,

Череповецкий государственный университет

Прошедшие годы после исчезновения ГДР не сняли одного из главных вопросов в ее истории: была ли Республика суверенным государством? Имеющиеся на сегодня оценки объединения ФРГ и ГДР далеки до полного совпадения. Например, известный российский историк-германист А.А.Ахтамзян считает, что на самом деле ГДР исчезла в результате «аншлюса», подобно тому, как в 1938 г. была присоединена Австрия к гитлеровской Германии. С ГДР все же австрийская история не повторилась. Не только потому, что в 1990 г. не было плебисцита, но и потому, что «суверенитет» ГДР признавался не всеми. Чтобы разобраться в этом вопросе следует исходить с правовых позиций, но, главным образом, трезво оценивать ситуацию в Европе, сложившуюся после окончания Второй мировой войны.

Дискуссии о расколе Германии в 1949 г. после ее объединения через четыре десятилетия, утратили свою остроту и актуальность. «Кто расколол Германию?» – ставит вопрос А.Патрушев и отвечает: он стал «неизбежным из-за противоположности намерений западных держав и СССР» [1]. К расколу немецкий народ привели не злокозненные намерения Запада и СССР, а Гитлер и его режим. Судьба Германии оказалась в руках победителей, которые, взяв на себя ответственность за ее целостность, а значит и будущий суверенитет, не выполнили эту задачу, но не отказались от нее полностью. И западные державы, прежде всего, США, и СССР, каждая в своей части Германии проводили политику становления государственного суверенитета, как для ФРГ, так и для ГДР. Со временем двухгосударственность стала восприниматься в качестве окончательного решения германского вопроса, с чем молча соглашались многие западногерманские и европейские политики.

Чтобы разобраться с вопросом, поставленным в названии статьи, следует определиться с терминами. О каком суверенитете можно говорить, когда существовали два германских государства? Если речь идет о государственном суверенитете, то ФРГ и ГДР должны были обладать полной политико-правовой самостоятельностью, то есть независимостью и являться полноправными субъектами международного права и международных отношений. Суверенными они должны были быть и в проведении внутренней политики. Есть еще «национальный суверенитет», в приобретении которого у ФРГ и ГДР проблем оказалось не меньше, чем в первом случае.

Немецкий политолог Михаэль Мертес, входивший в группу спичрайтеров при канцлере Гельмуте Коле, в своей книге писал: «...поскольку ни ФРГ, ни ГДР не были национальными государствами, то им пришлось заново искать свою идентичность» [2]. Федеральный Конституционный суд признал за ФРГ правопреемственность в наследовании государственности с образования в 1871 г. Германской империи. Тем самым ФРГ брала на себя ответственность и за преступления гитлеровской диктатуры. ГДР, как известно, отмежевалась от Третьего рейха, заявив о наследовании «прогрессивных прусских традиций», правда в последний период своего существования позиционировала в качестве «социалистической альтернативы капиталистической ФРГ» [3].

То, что ФРГ и ГДР по-разному связали себя с немецкой историей, особых преимуществ в приобретении полного суверенитета они не получили. Их возможности в проведении внешней, да и внутренней политики были ограничены. Когда инициативы по созданию единой Германии иссякли, включая и «сталинскую ноту» от 10 марта 1952 г., процесс «суверенизации» ФРГ и ГДР ускорился. Так уже 26 марта 1952 г. правительства трех западных держав подписали Боннский договор с ФРГ. «Оккупационный статут» отменялся, легализовывалось создание армии [4]. Тем самым Западная Германия

определилась со своим путем – стать частью западного сообщества и через его структуры добиться международного признания. ГДР по существу выбрала аналогичный вариант, встраиваясь в «мировой социалистический лагерь». В июле 1952 г. на 2-ой партийной конференции СЕПГ был взят курс на форсированное строительство социализма [5].

Надежды на скорое объединение исчезли. В 1974 г., существовавший в Западной Германии с 1952 г. «Исследовательский совет по вопросам объединения» был распущен. Преобладающей «развивалась точка зрения, что раскол Германии будет продолжаться еще очень долго или вообще никогда не будет преодолен» [6]. Поэтому, для ГДР и ФРГ приобретение полного суверенитета становилось первоочередной задачей.

Следует признать, что в ФРГ, во многом благодаря ХДС/ХСС, было создано больше правовых основ для преодоления раскола и становления в будущем единой суверенной Германии [7]. В Основном законе ФРГ, принятого в 23 мая 1949 г., в статьях 23 и 146 была провозглашена идея национального и государственного единства немцев и обосновывалось их право на свободное самоопределение. Но западногерманское общество стремительно уходило от идеи национального государства. Дискуссии 1967/68 гг., как пишет об этом Винклер, показали, что идеи «нации», «национального государства», «национального самосознания» не привлекают большинство [8]. Население предпочло свободу, материальный достаток, западную культуру. «Экономическое чудо», стабильная марка, интеграционные успехи были более зримыми и ощутимыми и закрепляли особую «западную», «европейскую» идентичность. ГДР, другая Германия, отдалялась в сознании граждан ФРГ, чему способствовали средства массовой информации, например, передачи баварского радио «So sieht es der Westen» и «So lebt man im Osten» [9].

Строительство Берлинской стены следует считать дальнейшим продвижением ГДР к оформлению своей государственности. Стена – это граница, ничем другим она и не была. Не случайно ее падение 9 ноября 1989 г. предопределило скорый крах ГДР. Но даже и после 13 августа 1961 г. граница между Восточной и Западной частью Берлина, по сути, оставалась «открытой». Власти ГДР сохранили свободное (через КПП Фридрихштрассе) передвижение иностранцев из одной части в другую, тоже самое могли делать военнослужащие трех западных держав, и даже граждане ФРГ по предъявлению паспорта могли посещать столицу ГДР [10]. Подобное считалось «пережитками оккупационного периода».

Участие ГДР в общеевропейском процессе, принятие в ООН в качестве полноправного члена (1973 г.), укрепление позиций в международных отношениях (в конце 1970-х гг. ГДР поддерживала торговые связи с более чем со ста странами мира [11]) свидетельствовали о ее государственном суверенитете. Но помимо государственного суверенитета существует еще «национальный суверенитет», когда нация осознает свои жизненные интересы, объективно вытекающие из условий ее существования и развития. То, что немецкий народ оказался разделенным после войны – факт, но фактом было и то, что никакой другой нации, ни в Западной Германии, ни в Восточной за сорок лет не появилось и не могло появиться. Известный в ГДР философ Альфред Козинг так писал об этом: «Поскольку общий комплекс этнических признаков и черт и при образовании социалистической нации в ГДР остался по существу неизменным и сохранился в качестве этнического компонента социалистической нации, *социалистическая нация в ГДР по своей национальности является немецкой*» (курсив А.К.) [12].

О «национальном» в ФРГ и ГДР предпочитали не говорить, поэтому проблема немецкой идентичности предстает весьма сложной в своих трактовках, подходах и оценках, что признается немецкими исследователями [13].

Граждане ФРГ, как отмечалось выше, идентифицировали себя больше с социальным (материальное положение, стабильность, марка ФРГ и т. д.), чем с национальным. Но замещение национальной сути идентичности социально-экономическим содержанием дает ложное представление о самой идентичности.

Актуальным остается высказывание Эрнста Ренана: «Нация – это душа, духовный принцип. На самом деле эта душа, этот духовный принцип, состоит из двух частей. Одна – это прошлое, другая – это настоящее. Одна – это общая собственность богатого наследия воспоминаний; другая – современное согласие, желание жить вместе, желание сохранить полученное наследство...Нация, как и отдельная личность, является кульминацией прошлых усилий, жертв и преданности». Этническая идея нации на первое место выдвигает исторически наследуемую культурную идентичность, что характерно в отношении Германии.

Отдельным западногерманским политикам и журналистам ГДР виделась более «немецкой страной, чем Федеративная Республика» [14]. Эти национальные чувства будут «разбужены» германской политикой канцлера Гельмута Коля, которая стала действенным фактором в преодолении раскола страны. Так принимая у себя в сентябре 1987 г. Эриха Хонеккера, совершавшего официальный визит в ФРГ, канцлер сказал: «Понимание единства нации живет, и воля к этому не сломлена, она сохранилась. Это единство находит свое выражение, в едином культурном наследии, долгой, непрерывной общей истории» [15]. Коль, что характерно, уже тогда говорил от имени всех немцев, как западных, так и восточных. Для этого у канцлера были весомые основания. Все 80-е гг. его правительство гласно и негласно, по сути «субсидировало» экономику ГДР. Финансовые и технологические вливания позволяли сохранять здесь достаточно высокий уровень потребления, но когда начался кризис и последовал массовый исход граждан ГДР на Запад, спасти экономику ГДР было уже невозможно.

ГДР была суверенным государством, но этого суверенитета оказалось недостаточно, чтобы сохранить свою государственность. В отличие от других социалистических государств Восточной Европы, которые после краха социализма не исчезли с политической карты и существуют поныне, то ГДР, как «первое государство рабочих и крестьян на немецкой земле» ушло в историю. Но в национальной памяти немецкого народа оно осталось, и вряд ли будет когда-либо забыто.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Патрушев А.И.* Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007. С. 572-574.
2. *Мертес М.* Немецкие вопросы - европейские ответы. М., 2001. С. 95.
3. Там же.
4. *Родович Ю.В.* О «ноте Сталина» от 10 марта 1952 г. по германскому вопросу // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 53-61.
5. *Петелин Б.В.* Восточногерманский ХДС и социалистический выбор ГДР 1945-1952 годов // Власть и общество в условиях диктатуры: Исторический опыт СССР и ГДР. 1945-1965: материалы науч.-практ. конф. (Архангельск, 12-16 сентября 2007 г.). Архангельск, 2009. С. 44-54.
6. *Хайдеман Г.* Экономические, социальные и психологические аспекты объединения Германии спустя 20 лет: успехи и ошибки развития//Разрушение и возрождение в истории Германии и России: Сборник статей международной научной конференции (г. Томск, 23-25 сентября 2009 г.) (Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 7.) – Томск, 2010. С. 276.
7. *Петелин Б.В.* Политико-правовые основы объединения Германии в трактовках ХДС/ХСС//Запад и Восток: традиции, взаимодействие, новации: материалы III Международной научной конференции (23-25 ноября 2000 г.). Владимир, 2000. С. 125-128.
8. *Winkler H.A.* Der lange Weg nach Westen. Bd. 2. Deutsche Geschichte vom „Dritten Reich“ bis zur Wiedervereinigung. München, 2002. S. 244-245.
9. См.: Deutschland Archiv. 2007. N. 3. S. 444-456.
10. *Долгилевич Р.В.* Советская дипломатия и Западный Берлин (1963-1964). СПб. 2012. С. 32-33.
11. См.: Германская Демократическая Республика: Справочник. М., 1979. С. 71.
12. *Козинг А.* Нация в истории и современности. М., 1978. С. 175.
13. См., напр.: *Данн О.* Нации и национализм в Германии 1770–1990. СПб., 2003.
14. Интервью Гюнтера Гауса см.: Die Zeit, N. 6, 30. Januar 1981.
15. Materialien zu Deutschlandfragen. Politiker und Wissenschaftler nehmen Stellung 1986/87. Bonn, 1988. S. 150-151.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ МАКЕДОНИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. Рунтев,

*Международный славянский университет «Гаврило Романович Державин»
(г. Свети-Николе, Республика Македония)*

Македония, как географическая и геополитическая реальность, находится на Балканском полуострове, который в свою очередь входит в более широкий регион Юго-Восточной Европы. Такое положение, позволяющее Македонии соприкоснуться, по сути, с тремя континентами – Европой, Азией и Африкой, является важнейшим обстоятельством, которое определяет исключительный динамизм и противоречивость ее международного окружения во всех аспектах – цивилизационном, историческом, геополитическом, военно-стратегическом, экономическом и т.д.

Такое особое положение и региона в целом, и территории Македонии, в частности, создали прекрасные условия для того, чтобы Балканский полуостров стал одним из важнейших цивилизационных очагов в мировой истории и культуре. Сегодня, точно можно говорить о том, что именно здесь уже около 8 тысяч лет до нашей эры развивалась одна из самых древних культур в мире. Вполне логично, что и античная цивилизация располагалась на пространстве от Западного берега Малой Азии и Эгейских островов до Балканского полуострова и Юго-Восточной Италии. Тем не менее, срединной территорией являлись Балканы, где располагается и Македония. Более того, именно Македония находится в центре этого региона. Она не только территориально объединяла эти земли, но и вбирала в себя культурные матрицы и традиции, которые приходили из трёх континентов. Именно это и создавало в некотором роде ощущение «избранности» македонского народа.

Данный регион, согласно всем мировым энциклопедиям, оценивается как колыбель философии, науки, искусства, традиций демократии, политики, военного дела и т.д. Он стал родиной многих выдающихся исторических личностей, его территория не раз становилась ареной событий мирового значения. Поэтому совершенно неслучайно, что и в наши дни Македония продолжает оставаться подчас в самом центре международных противоречий. При этом отдельные акторы современной мировой политики не отказываются от идеи поглощения Македонии, ее исчезновения с геополитической карты мира.

Возможно ли это? Можно ли разрушить Македонию и ее народ, предать забвению ее язык, ее культуру, ее вековые традиции? История показывает, что нельзя. По какому-то неписаному правилу, Македония всегда давала для мировой арены мощные фигуры или инициировала события, которые сохраняли ее в фокусе глобального развития [1].

Первой в истории глобальной империей и, по сути, самой сильной из держав античного мира было государство, созданное *Александром Македонским*. Границы этой империи охватывали территорию от Балканского полуострова до Африки, от Малой Азии до Индии. В этот период вся эпоха была связанная с одной личностью – правителем, родиной которого была Македония. В период его царствования топоним «Македония» обозначал Южные Балканы, Фракию, Халкидики, Эпир. Это была отдельная территория, которую современники традиционно идентифицировали как самостоятельную геополитическую единицу. Демосфен, например, в своих известных «филиппиках» противопоставляет «варварскую Македонию» государствам эллинского мира.

Довольно символическое значение имеет и *процесс христианизации* Македонии. Распространение христианства среди жителей этой отдельной провинции Римской империи, как известно, связано с миссией Апостола Павла. В результате македонский город Филиппы становится первым европейским городом, в котором создается

христианская община. В дальнейшем именно христианизация позволила сохранить непрерывность в развитии этнической группы, которая жила на территории Македония.

В период *Византийской империи* Македония хотя и была разделена первоначально на две провинции, но, тем не менее, сохранила свою очевидную геополитическую идентичность. Правда, в дальнейшем по ряду обстоятельств ее территория подвергалась многочисленным завоеваниям, что привело в итоге к серьезным последствиям для македонского народа.

Во время господства на Балканах *Оттоманской империи*, географический топоним Македонии охватывал пространство, которое в целом соответствовало историческим границам. Однако во время турецкого владения эта территория не сохранила своей целостности и была разделена на санджаки (округа). Существовала тогда и особая самоуправляющаяся церковная организация, у которой с турецкими властями сохранялись довольно толерантные отношения. На отдельных этапах истории этого периода нелегально существовало и организованное революционное движение, которое во время Восточного кризиса, имело свой Устав с элементами локальной власти, непосредственно связанной с македонским населением. На этом этапе османские правители Македонию нередко называли Восточной Румелией.

После освобождения Балкан от турецкой зависимости, под влиянием русско-турецкой войны, а позднее и балканских войн, «феномен» Македонии вновь появляется на геополитической сцене. В начале XX в. эта территория оказалась своеобразным «яблоком раздора» между балканскими державам и их союзникам. Именно тогда в международных отношениях появляется и особый «македонский вопрос», в дискуссиях по которому отражалось стремление македонцев к обретению независимости и созданию собственной государственности [2].

Вторая мировая война дала возможность македонцам еще раз задуматься о перспективах создания своей государственности. Тем более, что уже в 1920-1930-е гг. почти все балканские народы решили этот вопрос. Приняв активное участие в борьбе с фашизмом, Македония заканчивала войну с воинским контингентом в 100 тыс. человек, что, бесспорно, создавало дополнительную легитимность желанию добиваться самостоятельности. По сути, это случилось после окончания войны, поскольку Македония на правах одной из республик вошла в состав Федеративной Югославии. Правда, это была только одна часть македонской территории, известная как Вардарская Македония (примерно 34% ее исторических земель). Согласно Бухарестскому договору, ряд ее районов оставались в границах Болгарии (Пиринский край) и Греции (Эгейская Македония). При этом Болгария согласилась на представление македонцам, проживающим на ее территории, культурной автономии. Тем не менее, именно в составе Югославии Македония, как федеральная единица обрела практически все атрибуты государственности: четко обозначенные границы, самостоятельную организацию власти, осознание собственной идентичности, сохранение культуры и языка.

Провозгласив свою *независимость* в 1991 г., Македония оказалась перед лицом серьезных геополитических проблем. Наиболее острая из них – спор с Грецией по вопросу названия страны. Весь комплекс этих проблем получил даже особое название – «новый македонский вопрос» [3]. Можно ли, опираясь на многовековую историю македонцев, сомневаться в целесообразности сохранения имени их государства? Имеет ли кто-либо кроме самого народа какие-то права на это название? Станет ли мир богаче, в том случае, если македонцев станут вытеснять с их родной земли? Ответ один: разумеется, нет.

Таким образом, как показывает исторический опыт развития македонского народа, ни активные его переселения, ни оккупации, ни геноцид, ни ассимиляция не сумели уничтожить главного – его национальной идентичности, которая остается в наши дни главным фактором сохранения Македонии как самостоятельно государства в современной системе международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Габер В.* Името Македонија. Историја, Право, Политика. Скопје, 2009.
2. *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX – начале XX века: яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010.
3. *The New Macedonian Question / Ed. by J. Pettifer. N.Y., 2001.*

ПРОБЛЕМА СУВЕРИТЕТА РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ.

Д. С. Фоменкова,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина.

Результаты недавних выборов в Грузии в очередной раз поставили в повестку дня вопрос о Южной Осетии. Оппозиционная коалиция «Грузинская мечта» заявила о том, что она готова начать переговоры с Южной Осетией и Абхазией, но без участия России, а также пообещала смягчить законодательство об «оккупированных территориях», об этом писали все СМИ, за процессом выборов следило все мировое сообщество.

Несмотря на столь громкое заявление, вопрос о начале переговоров пока остается туманным, хотя бы в силу провокационной формулировки условий. Безусловно, подобные переговоры вряд ли возможны без участия России. Кроме того, необходимо коренное изменение позиции Тбилиси. В случае если там и дальше будут воспринимать Абхазию и Южную Осетию как «оккупированные территории» или просто как некие территории, отколовшиеся от Грузии, то переговоры де-факто сведутся к попыткам оказания на них давления.

Эта новость заставляет снова вернуться к проблеме политического статуса Южной Осетии и рассмотреть его в новом измерении. С одной стороны, Южная Осетия провозгласила независимость и получила ее признание со стороны России, Никарагуа, Венесуэлы, Науру, Вануату и Тувалу. С другой стороны, большинство государств независимость не признают: Южная Осетия не принята в ООН и де-факто исключена из международных отношений.

Казалось, что после известных событий 2008 г. произойдет широкое признание независимости Южной Осетии, но надежды не оправдались. И дело даже не только и не столько в антироссийской позиции ряда стран или в нежелании признавать независимость новых государств. В конце концов, независимость Косово признали 75 государств, включая США, Францию, Великобританию, Италию, Германию, Канаду, Австралию, Турцию, а 22 июля 2010 г. Международный суд ООН признал провозглашение независимости Косово соответствующей международному праву.

Причин, которые объясняют нежелание мирового сообщества признать Южную Осетию независимым государством, следуя примеру Косово, несколько. Первая причина состоит в том, что изначально в России и в самой Южной Осетии была сформирована неправильная позиция по вопросу суверенитета. Многие считали, что Южная Осетия вскоре войдет в состав России.

Парадокс состоит в том, что сторонники подобного вхождения Южной Осетии в состав России не замечали очевидных изъянов этой позиции.

Во-первых, такое вхождение нарушает принцип нерушимости границ и принцип территориальной целостности государств, закрепленный в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.

Первый принцип утверждает границы как юридически установленные и провозглашает отказ от любых притязаний на них, а второй - устанавливает отказ от любых действий, направленных против территориальной целостности и независимости других государств, в частности, применение силы или угрозу силой.

Принятие Южной Осетии в состав России будет означать, что Россия нарушила эти принципы, отторгнув у Грузии в ходе вооруженного конфликта часть территории. Тогда Грузия получит полное право считать Южную Осетию «оккупированной территорией». Это чревато тем, что сама Россия может подвергнуться аналогичным территориальным претензиям, список которых может быть весьма велик. Это - Курильские острова и Южный Сахалин, Калининградская область, часть Псковской области (оспаривается Эстонией), акватории Азовского, Баренцева морей, шельфы, экономические зоны. Но пока цел и неприкосновенен принцип нерушимости границ и территориальной целостности, выдвижение подобных претензий невозможно.

В южноосетинской проблематике есть сильнейшая недооценка этого фактора. Международные принципы отвергаются и игнорируются. Между тем, они могут реально вовлечь Россию в длинную череду территориальных споров и пограничных конфликтов и создать Грузии все условия для военного вторжения в Южную Осетию и насильственного ее присоединения, вопреки мнению и воле осетинского народа.

Во-вторых, сама такая позиция подорвала процесс признания Южной Осетии, поскольку она поставила лидеров государств в заведомо неудобное положение. В случае признания и последующего вхождения ее в состав России все признавшие независимость сыграли бы России на руку и выступили участниками очень опасного процесса передела территорий и аннексий. Разумеется, этого не случилось, поскольку такое решение очень негативно отразилось бы на многих странах и могло бы запустить процесс дробления государств.

Вторая причина состоит в неверной позиции западных стран, которые считают осетинский вопрос исключительно российско-грузинским конфликтом, к тому же инспирированным Россией. Это явно не так. Размежевание грузин и осетин началось в начале 1990-х гг., как ответ на известный лозунг «Грузия для грузин», и продолжается уже в течение почти 20 лет. Выросло целое поколение осетин, которое однозначно воспринимало грузин как врагов, и с этим настроением нельзя не считаться. Столкновение в 2008 г. вовсе не было чем-то неожиданным и инспирированным извне. Все предпосылки к этому уже сложились на месте, и Грузия внесла в их формирование свой огромный вклад. К тому же Грузия объективно не может гарантировать ни национального развития осетин, ни хозяйственного подъема Южной Осетии из-за своего, прежде всего, сложного экономического положения и отсутствия механизмов территориального развития.

Размежевание Грузии и Осетии - объективно сложившийся факт, который должен получить признание. Это единственный способ снять напряженность и угрозу новых конфликтов в регионе. Признание независимости Южной Осетии есть важнейший шаг в этом направлении. Помимо всего прочего, признание - одна из важнейших вех в истории осетинского народа. Однако сама идея государственности стала подвергаться сомнению не только извне.

Грузинская агрессия 2008 года и последовавшее за ней политическое оформление декларируемых Южной Осетией целей мало что изменили в процессе оформления государственности Южной Осетии.

Теперь же, когда появилась возможность решать задачи развития, когда безопасность Южной Осетии в значительной степени гарантируется договорами с Российской Федерацией, внутри самой республики зарождается вопрос о ее десоверенизации.

Если объективно рассмотреть нынешнее состояние Южной Осетии и оценить долгосрочные перспективы ее развития, то двойственное отношение к независимости в самой республике выглядит, по меньшей мере, нелогичным. Процесс ликвидации последствий грузинской агрессии за 4 года так и не завершился. Экономика находится в крайне сложном положении. Единственный существенный ресурс, который сегодня имеется у Южной Осетии, – это ее статус. Любые проекты, связанные с десоверенизацией государства, полностью уничтожают его. Помимо прочего, они еще и указывают на

неуверенность элит республики в своих силах, на неспособность развивать свое государство. В глазах внешних наблюдателей такой поворот событий ставит под сомнение способность южных осетин к политической субъектности в принципе и наносит огромный ущерб репутации республики. Мысль о десоверенизации Южной Осетии безусловно противоречит интересам всего осетинского народа. Демонтаж государства априори не может нести в себе какого-то конструктивного начала. Сегодня можно не видеть перспективы развития, которые дает статус суверенного государства. Но это не означает того, что этих перспектив нет, или их не смогут по достоинству оценить и реализовать будущие поколения. Это вопрос, в котором необходимо достичь внутреннего согласия, в котором не может быть двойного толкования независимо от политических предпочтений.

Со времени принятия Акта о государственной независимости Республики Южная Осетия прошло 20 лет. Это достаточный срок для того, чтобы осмыслить свое государство и приступить к его развитию.

Вместе с тем, имеются широкие возможности интеграции Южной Осетии и России в рамках международного права. У России есть многочисленные интеграционные инструменты: Союзное государство России и Беларуси, Единое экономическое пространство, Таможенный союз (ТС), ОДКБ и другие организации. Независимая Южная Осетия может вступить во все эти интеграционные структуры без особых проблем.

С точки зрения международного права и позиции других государств, этот выбор не может быть оспорен. Независимое государство вправе самостоятельно выбирать, с кем развивать отношения и интегрироваться. Это решение разовьет и надстроит интеграционные соглашения, уже заключенные между Россией и Южной Осетией. Это - Договор о дружбе и сотрудничестве, который был подписан 17 сентября 2008 г. Это и межправительственные соглашения в области экономики, финансов, гуманитарных проблем, безопасности и обороны. Подобная интеграция будет корректной с точки зрения международного права. По существу дела, не будет никакой существенной разницы между широкой и всесторонней интеграцией Южной Осетии с Россией, другими партнерами в Евразии и гипотетическим вхождением в состав России. Это даст широкие возможности для развития осетинского народа как в Южной, так и в Северной Осетии.

Интеграция снимет острые политические вопросы и предоставит ряд возможностей для всего региона, которые сейчас отсутствуют. В частности, Южная Осетия, как возможный участник ЕЭП и ТС, даст Грузии и другим странам Южного Кавказа прямой выход на обширный и емкий рынок стран ТС с удобными транспортными коммуникациями. Это повлечет за собой превращение Южной Осетии в территорию активной международной торговли в регионе, своего рода аванпост Таможенного союза на Южном Кавказе. Экономическая польза от этого очевидна.

Выгодно это и России, поскольку сотрудничество с Южной Осетией будет поставлено на прочную политическую и законодательную основу. Дальнейшее существование нынешних шатких позиций России в Южной Осетии становится с очевидностью нецелесообразным, и уже сейчас необходимо принимать меры, направленные на всестороннее содействие признанию независимости РЮО и вовлечению ее в интеграционные организации.

Необходимо считаться с политическими условиями, в которых находится и Южная Осетия, и Россия, со всей системой международных связей и соглашений. Южной Осетии очень сильно повредил местечковый подход, совершенно игнорирующий весь клубок международных отношений, которые затрагиваются самим фактом провозглашения осетинской независимости и ее признания.

Таким образом, суверенитет Южной Осетии на сегодняшний день остается нерешенным, точкой проблемного взаимодействия сразу нескольких акторов международных отношений напрямую и всего международного сообщества в целом. Признание независимости республики, по нашему мнению, процесс крайне сложный, неизбежный и требующий постоянного внимания и координации со стороны

международных структур. Данная проблема имеет решение только при условии наличия объективной воли и действий всех сторон процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Амелина Я.* Уроки президентской кампании в Южной Осетии и перспективы развития осетинской государственности // <http://bs-kavkaz.org/2011/12/uroki-prezidentskoj-kampanii-v-uo-perspektivy-razvitija-osetinskoj-gosudarstvennosti/> - дата публикации: 07.12.2011.

2. *Арзуманян Р.* Система региональной безопасности Южного Кавказа и проблемы суверенитета // <http://theanalyticon.com/?p=668&lang=ru> – дата публикации: 23.08.2011

3. *Верхотуров Д.* Осетия должна интегрироваться, а не вступать // <http://www.ru.journal-neo.com/node/119248> - дата публикации: 15.10.2012.

4. *Михеева Н.М., Плотников В.А.* Современная внешняя политика России в глобальном и европейском измерении. Южная Осетия и Абхазия в контексте ассоциированных отношений // <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/yujnaya-osetiya-abhaziya-kontekste.html> - дата публикации: 13.05.2011.

5. Осмыслить государство // <http://blogosetia.ru/485-south-ossetia.html> - дата публикации: 26.09.2012.

6. Признание независимости открывает новые перспективы для развития нашей государственности // <http://ugo-osetia.ru/index.php/2011-06-30-23-44-4/georfian-osseticonflict/item/157-priznanie-nezavisimosti-otkryivaet-novyie-perspektivy-dlya-razvitiya-nashey-gosudarstvennosti> - дата публикации: 25.08.2012.

7. Проблемы суверенитета: Грузино-абхазский процесс мирного урегулирования / Под ред. Дж. Коэна // www.c-r.org/sites/c-r.org/files/accord7_RussianFull_0.pdf

8. *Скаков А.* Южная Осетия накануне президентских выборов // <http://bs-kavkaz.org/2011/09/uzhnaja-osetia-nakanune-prezidentskih-vyborov/> - дата публикации: 11.12.2011.

ЭТНИЧЕСКИЙ ЛОББИЗМ ПРИ ПРИНЯТИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В США (ИЗ ОПЫТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ В США КОНЦА XX в.)

Т. Г. Мкртчян,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Факт присутствия этнического лоббизма в проведении внешней политики США не вызывает сомнений [1]. При этом причины успешного продвижения интересов этнической группы усматривают в политической системе США, в некоторых ее особенностях.

Во-первых, политическая система США рассчитана на конкурирующие интересы, что дает этническим группам возможность включиться и нередко эффективно влиять на процесс принятия решений. Хорошо мобилизованной диаспоре не нужно здесь «изобретать велосипед», она только вступает в уже существующий мир лобби и групп интересов, продвигаясь в рамках действующей модели. По словам профессора Йельского университета Р. Даля, лоббистские группы становятся ценным звеном в государственной политике и обеспечивают здоровое состояние американской демократии. Такой подход, в частности, снимает обвинения армянской диаспоры в игнорировании интересов американской нации при продвижении собственных интересов во внешней политике США [2].

Главный «коридор» лоббирования интересов национальной группы проходит через Конгресс США. Капитолийский холм принимает активное участие в формировании внешней политики и традиционно считается более открытым для давления со стороны различных групп интересов, в том числе этнических, нежели исполнительная власть. Так, после распада СССР в январе 1992 г. 102-й Конгресс столкнулся с совершенно иным миром, с 12-ю новыми независимыми государствами. В этой связи возникла проблема правильного формата сотрудничества с постсоветскими республиками. В итоге Конгресс начал обсуждение «Закона о поддержке свободы» для оказания помощи постсоветским государствам, который и должен был стать платформой сотрудничества США с государствами-наследниками СССР.

Летом 1992 г. Белый дом внес проект закона на рассмотрение в Палату представителей. Это сразу же привело к активизации деятельности армянской диаспоры, приступившей к лоббированию интересов Республики Армения. На слушаниях в Комитете по иностранным делам Палаты, благодаря деятельности проармянских лоббистов, в текст законопроекта удалось включить особую 907-ю Поправку «Запрет на помощь Азербайджану» до принятия последним мер по прекращению всякой блокады против Армении и Нагорного Карабаха [3]. Во время обсуждения «Закона» в Комитете по иностранным делам Сената, поступило предложение включить данный раздел и в текст сенатского законопроекта, против чего выступили лишь 4 сенатора. В итоге, после подписания «Закона в поддержку свободы» в октябре 1992 г. Дж. Бушем мл., Азербайджан стал единственной республикой на посткоммунистическом пространстве, лишенной законодательным путем правительственной помощи США. Так армянской диаспоре удалось через Конгресс заблокировать помощь Азербайджану по линии экономической поддержки США бывших советских республик и тем самым защитить интересы страны исхода в государстве-реципиенте.

В 1995 году в Конгрессе США демократом от Нью-Джерси Фрэнком Паллоном и республиканцем от штата Мичиган Джо Ноленбергом была создана двухпартийная группа конгрессменов по армянским вопросам – Армянский кокус (Armenian Caucus) с целью содействия подготовке и принятию решений, связанных с Арменией и Нагорным Карабахом. Группа работает в Палате представителей, инициируя рассмотрение армянских вопросов. В 1999 г. благодаря деятельности 69-и конгрессменов входящих в состав Кокуса [4], Армения вошла в десятку стран-получателей внешней помощи США (в размере 74,3 млн. долл.). Это сумма оказалась больше, чем финансовые вливания, оказываемые США 43-м другим государствам [5].

Этнические лобби используют также отсутствие у Конгресса глубоких знаний по многим национальным вопросам. В таких случаях Капитолийский холм вынужден опереться на внешние источники информации, в частности, на информацию, полученную от диаспоральных институтов, чей опыт в национальных вопросах не имеет себе равных. Информация передается в Конгресс, но уже с анализом в пользу этнических интересов группы и через призму своего видения дела. В итоге вопрос в Конгрессе рассматривается под нужным углом зрения. В том числе и для этих целей действуют Армянский совет демократического руководства (Armenian-American Democratic Leadership Council) и Армяно-американский республиканский совет (Armenian-American Republican Council), которые и обеспечивают Конгресс и другие ВП ведомства США информацией.

Политические партии США, которым не хватает дисциплины и организационных сил, выступают еще одним «коридором» лоббирования этнических интересов. Во-первых, все кандидаты выдвигаются через систему праймериз, результаты которой определяются по решению местных избирателей. Претенденты обязаны своим избранием не партии, а электорату, и не могут игнорировать требования последних, в том числе и требования локальных этнических групп. Во-вторых, отсутствуют и дисциплинарные меры, обеспечивающие коллективное голосование. В итоге конгрессмены с большим вниманием реагируют на требования своего электората, чем на общепартийные установки, отдельные члены Конгресса являются самостоятельными в своих внешнеполитических решениях, и американская политическая система выглядит уже не двухпартийной, а напоминает «535 партийную систему» [6, Р. 14].

В США американцы армянского происхождения имеют значительную численность (в том числе в Калифорнии, Нью-Йорке, Нью-Джерси, Массачусетсе, Мичигане, Техасе), а учитывая, что все члены Палаты представителей и треть членов Сената переизбираются каждые два года, возникает непрерывная озабоченность по поводу требований армянских избирателей [7].

Кроме того, в США только кандидаты в президенты обеспечиваются средствами для избирательной кампании. Другие лишены этой возможности. Каждому кандидату

необходимо заниматься подготовкой своих выборов самостоятельно и на свои средства, что делает американские выборы на всех уровнях гонкой за средствами, где богатые диаспоры получают дополнительные «нити» лоббирования. Щедрые взносы представителей армянского лобби являются заметным финансовым ресурсом для осуществления профессионального продвижения политических деятелей. К примеру, американцы армянского происхождения через республиканскую партию пожертвовали с 1995 по 1999 гг. 200 тыс. долл. в фонд Митча Макконнела, возглавлявшего подкомитет по ассигнованиям на внешнеполитическую деятельность США [8].

Низкая явка электората сказывается на эффективности усилий армянской диаспоры. Чем ниже была избирательная явка в США в 1991-1999 г., тем ощутимее становились голоса американцев армянского происхождения, которые дружно голосовали за нужного кандидата, и в некоторых штатах определяли исход голосования. Армянский Национальный Комитет Америки имеет 45 локальных организаций в 25 штатах США, каждая из которых работает для того, чтобы обеспечить доступ коллективного голоса диаспоры на государственном и локальном уровнях [9].

В целом, мажоритарный характер избирательной системы, широкое применение системы праймериза в отборе кандидатов, решающее значение финансового вклада в победу на выборах, а также низкий уровень явки избирателей дают политически мобилизованным диаспорам возможность влиять на внешнеполитический процесс.

Тем не мене, общество и политические структуры США лишь тогда становятся податливыми для продвижения этнических интересов, когда этническая группа обладает слаженной организацией, политически мобилизована, способна вовремя реагировать на события, использовать различные методы убеждения и сдерживания на политической арене, может влиять на законодательные процессы. Этническое лобби должно создать благоприятный имидж в глазах общества, властных структур, конгрессменов, СМИ и др. Только при этих условиях успех в продвижении национальных интересов во внешней политике США становится возможным.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. See: *Ruggie J. G.* The Past as Prologue? Interests, Identity, and American Foreign Policy // *International Security*. 1997. N 21(4). PP. 89-125; *Shain Y.* Ethnic Diasporas and U.S. Foreign Policy // [electronic resource]. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/4913.shtml; free. Checked: 03. 10. 2012; *Smith T.* Foreign Attachments: The Power of Ethnic Groups in the Making of American Foreign Policy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000 etc.

2. *Dahl R.* Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven: Yale University Press, 1961. P. 231.

3. Freedom Support Act. Section 907 (102nd Congress, 2nd Session, Public Law 102-511).

4. Комиссия Конгресса США по армянскому вопросу в Конгрессе США // *Армянский Вестник*. – № 1-2. – 2000 г.

5. *King D., Pomper M.* The U.S. Congress and the Contingent Influence of Diaspora Lobbies: Lessons from U.S. Policy toward Armenia and Azerbaijan. PP. 8-9. // [electronic resource]. URL: <http://www.hks.harvard.edu/fs/dking/Section907v1.pdf>; free. Checked: 03. 10. 2012.

6. See: *Erdogan C.* Ethnic Interest Groups and American Foreign Policy: Sources of Influence // [electronic resource]. URL: <https://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12611525/index.pdf>; free. Checked: 03. 10. 2012.

7. *Heather S. Gregg.* Divided They Conquer: The Success of Armenian Ethnic Lobbies in the United States. Inter-University Committee on International Migration, 2002. PP. 18-35.

8. Heather S. Gregg. Ibid.

9. ANCA - URL: <http://www.anca.org/>

РАЗВИТИЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ КИТАЯ И ЕГО РЕШИМОСТИ К ЗАЩИТЕ СУВЕРЕНИТЕТА

Фань Сюэсун

Китай – это древняя цивилизация, имеющая пятитысячелетнюю историю. В течение чередования периодов войны и мира в Китае оформилась богатая военная культура, которая является важной частью китайской традиции. Кроме того, китайцы сильно повлияли на развитие военного дела в мире: здесь можно вспомнить изобретение пороха и классический трактат «Искусство войны» Сунь Цзы. Великая китайская стена как древнее оборонительное сооружение тоже является символом характера китайского народа, стремления к отражению агрессии и миролюбивости. С 1840 г. по 1949 г., в течение ста лет, китайский народ испытывал агрессию со стороны западных держав. Китай был полуколонией империалистических стран, над которой постоянно довлела опасность окончания государственного и национального существования. Китайцы пострадали от огромных потерь и национального унижения. Поэтому каждый китаец запоминает такую мысль: если страна хочет жить в благополучии и мире, прежде всего надо иметь сильные и передовые вооружённые силы для защиты от захватчиков.

С момента образования Китайской Народной Республики до сих пор в развитии Народно-освободительной армии Китая постоянно соблюдается этот принцип. В особенности в последние годы можно отметить устойчивую тенденцию развития китайских вооружённых сил.

1. Причины развития оборонной мощи Китая в последние годы.

1) Стремительное развитие китайской экономики.

Модернизация обороны – исследование и разработка новейшей техники и высоких технологий в военной сфере, производство закупка и обслуживание боевой техники – всё это требует привлечения значительных средств. Китайская экономика в период «политики реформ и открытости», проводимой с 1979 г. бурно развивается, особенно в последние двадцать лет. С 1979 г. по 2010 г. средний годовой рост ВВП Китая составлял 9.91% [1]. Можно привести такие цифры. ВВП Китая превзошёл ВВП Италии в 2000 г., Франции – в 2005 г., ВВП Великобритании – в 2006 г. и Германии – в 2007 г., прежде чем превзошёл ВВП Японии в 2010 г., сделав Китай второй экономикой мира после США [2]. Мощная экономика в полной мере гарантирует военную модернизацию Китая.

На фоне глобализации Китай долго называли «мировой фабрикой». Источник сырья и рынок сбыта для его продукции уже давно имеются во всех уголках мира. Китай занимает первое место в мире по экспорту и второе – по импорту [3]. Одновременно Китай поддерживает традиционные дружественные отношения со странами третьего мира, развивает торговлю, инвестиции и экономическую поддержку этих стран. Но общеизвестно, что для многих из этих регионов характерна военно-политическая нестабильность; в них часто бывают региональные конфликты и террористические акты. Эти проблемы сильно влияют на безопасность зарубежных экономических интересов Китая. Например, в феврале 2011 г. из-за тревожного положения в Ливии правительство КНР эвакуировало всех китайцев в количестве 36,000 человек, большинство из которых были рабочими и сотрудниками китайских компаний в этой стране. Это была самая крупномасштабная эвакуация зарубежных граждан Китая после холодной войны [4]. Поэтому для обеспечения безопасности жизни и собственности граждан и экономических интересов Китая за рубежом нужно обладать значительным военным потенциалом.

2) Внешние и внутренние проблемы безопасности Китая.

а) Внешние проблемы: территориальные споры.

У Китая – самое большое число соседних стран в мире: у него четырнадцать соседей на земле и шесть – на море. Из-за сложных исторических причин имеются территориальные споры между Китаем и некоторыми соседями. С момента образования Китайской Народной Республики Пекин всегда придерживается «пяти принципов мирного сосуществования», следует политике дружбы и партнёрства с соседними

странами. Он настаивает на разрешении вопроса о границе в духе взаимопонимания и взаимных уступок, через мирные дипломатические каналы путём переговоров, на разрешении справедливом и разумном. Отметим, что на данном направлении уже достигнуты отличные результаты: например, Китай уладил вопрос о границе с постсоветскими странами, особенно с Российской Федерацией. Теперь между Китаем, Россией и Монголией не существуют нерешённых политических и исторических проблем [5].

Но тем временем Китай еще не может достичь общего понимания с некоторыми соседями. Главные территориальные споры ведутся относительно акваторий Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, а также территорий в Южном Тибете. В XXI веке споры в Южно-Китайском море и вокруг островов Дяюйдао в Восточно-Китайском море уже превратились в горячие проблемы в Восточной Азии.

б) Внутренние проблемы: «Три силы зла».

После распада СССР Центральная Азия и Кавказ стали рассадником терроризма, сепаратизма и экстремизма. Россия и центральноазиатские страны серьёзно страдают от этих трёх сил. Одновременно, существует проблема сепаратистов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Уйгурские экстремисты создали так называемое «Движение за независимость Восточного Туркестана», осуществили серию террористических актов в Синьцзяне, нанесли тяжёлые потери мирным гражданам и их собственности. Кроме этого, уйгурские экстремисты активно развивают сотрудничество с другими террористическими организациями в Центральной Азии и на Кавказе, особенно с «Аль-Каидой». Они проходят боевую подготовку в лагерях террористических организаций в Центральной Азии и Афганистане, участвовали в боевых действиях в Чечне [6]. Недавно в Сирии тоже появились уйгурские боевики, которые воюют вместе с экстремистами из других стран [7].

Терроризм, сепаратизм и экстремизм серьёзно влияют на безопасность и стабильность Китая, России и стран Центральной Азии. Китайское правительство называет их «три силы зла». Их уничтожение является общей целью Китая, России и стран Центральной Азии. Это было одной из главных целей при создании Шанхайской организации сотрудничества. Главными задачами организации были провозглашены укрепление стабильности и безопасности на широком пространстве, объединяющем государства-участники, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия [8].

2. События, стимулирующие китайскую военную модернизацию.

После создания Китайской Народной Республики, правительство постоянно следует курсу модернизации обороны. Но после провозглашения «политики реформ и открытости» с её акцентом на «экономическое строительство как на центральное звено» развития страны, а также в результате улучшения отношений с соседними странами, вопросы обороны отошли на второй план. По словам Дэн Сяопина, «строительство обороны должно уступить дорогу экономическому строительству» [9]. Кроме разоружения (например, только в одном 1985 г. численность НОАК сократилась на 1 млн. человек [10]), произошло также и большое сокращение военных расходов.

Но Война в Персидском заливе 1991 г. напомнила китайцам, что современная война из традиционной уже трансформировалась в высокотехнологичную. НОАК было необходимо ускорить курс на модернизацию. Кризис в Тайваньском проливе 1996 г. также убедил Пекин в наличии у Тайбэя серьёзной военной силы, в то время как сила авиации и флота НОАК ещё не является достаточной. Поэтому необходимо было создавать мощные и высокотехнологичные авиацию и флот.

Китай также увидел в действии военную концепцию НАТО во время операции «Союзная сила» против Югославии в 1999 г.. Из-за бомбардировки посольства КНР в Белграде 8 мая 1999 г. и столкновения американского самолёта-разведчика с китайским

истребителем над Южно-Китайским морем 1 апреля 2001 г. отношения между КНР и США достигли очень низкого уровня. Одновременно эти два события также укрепили решимость китайских руководителей к наращиванию военной мощи страны.

Меньше чем через полгода, 11 сентября 2001 г. в Соединённых Штатах произошли террористические атаки на Всемирный торговый центр и Пентагон. После них начался новый период в международных отношениях. По своей инициативе Китай улучшил отношения с США, и выступил за международное антитеррористическое сотрудничество. В повестку для обороны Китая, кроме традиционных проблем, с того времени добавились вопросы нетрадиционной безопасности.

3. Развитие обороноспособности Китая – военная модернизация

Модернизация обороны является основной целью, которую преследуют государственные руководители после создания нового Китая. При Мао Цзэдуне была провозглашена политика «опоры на собственные силы», в рамках которой Китай самостоятельно разрабатывал технологии, производил ядерное оружие, искусственные спутники и стратегические ракеты в 60-х годах XX века. Это стало показателем нового статуса Китая в мире. Тогда военная стратегия КНР была стратегией «народной войны». Она предполагала простую оборону территории страны, что вполне соответствовало китайской военной традиции, и в итоге привела к однобокому развитию сухопутных войск. Развитие ВВС и ВМФ задерживалось: им ставились только задачи прибрежной обороны и защиты собственного воздушного пространства. Однако в последние годы в рамках модернизации вооружённых сил Китай всё больше уделяет внимание к развитию ВВС и ВМФ.

1) Важный шаг на пути к военной модернизации – военное сотрудничество между Китаем и Россией.

От периода улучшения отношений между КНР и СССР в конце 80-х годов XX в. Китай и Россия унаследовали тесное стратегическое сотрудничество, в том числе и в военно-технической сфере. С начала 1990-х гг. Китай закупил множество передовой российской военной техники, например, истребители Су-27, Су-30, военно-транспортный самолёт Ил-76, подводная лодка проекта 636 «Варшавянка», эскадренный миноносец проекта 956 «Современный». Эти образцы вооружений, очевидно, сыграли важную роль в повышении боеспособности НОАК. Кстати, китайские заказы гарантировали нормальную работу российских военных предприятий, помогли им избежать разорения в трудные для отрасли 1990-е годы.

2) Самостоятельные инновации в области развития китайской военной техники.

Китайцы знают, что военную модернизацию невозможно купить, и потому радикальное решение проблемы – независимые и самостоятельные инновации. В начале XXI в. новейшие образцы китайской военной техники были постепенно раскритикованы, а многие из них – приняты на вооружение. К числу последних относятся, например, танк Тип 99, истребитель J-10, десантные корабли типа «Куньлуньшань», подводные лодки проекта 093 «Шань», 094 «Цзинь», 043 «Цин», 041 «Юань».

Особенно важные события произошли в прошлом и текущем году. 11 января 2011 г. впервые поднялся в воздух истребитель пятого поколения J-20, затем 31 октября 2012 г. в паре с двухместным J-11BS второй китайский тип истребитель пятого поколения J-31 совершил первый полёт. Это символизирует, что Китай стал второй страной после США, которая может одновременно исследовать и производить два типа истребителя пятого поколения.

25 сентября 2012 г. в порту Далянь состоялась церемония принятия на вооружение ВМС Китая первого авианосца «Ляонин». Раньше это был недостроенный советский тяжёлый авианесущий крейсер «Варяг». В 1992 г. на Черноморском судостроительном заводе в Николаеве при 67% технической готовности строительство было приостановлено, корабль был законсервирован и в апреле 1998 г. продан китайской

компании за 20 млн. долларов. После шестилетнего самостоятельного реконструирования он стал первым китайским авианосцем. Его судьба от советского недостроенного тяжёлого авианесущего крейсера до первого китайского авианосца символизирует изменение в соотношении сил двух великих держав. http://ru.wikipedia.org/wiki/Shenyang_J-31 - cite_note-military-1161-6#cite_note-military-1161-6

4. Проявления развивающейся китайской военной мощи в кризисных событиях недавнего времени.

1) Военно-морской флот НОАК из прибрежного флота превращается в океанский.

ВМС Китая являются вторым крупнейшим флотом в мире после ВМС США. В последние годы они уже присутствуют на просторах Мирового океана. Постепенно они становятся новым океанским флотом [11]. 26 декабря 2008 г. первое конвойное соединение ВМФ НОАК вышло в Аденский залив, нанеся удар по сомалийским пиратам. Это было первым военным действием ВМС Китая за рубежом. Символом нового качества стал крупномасштабный морской парад в Циндао 23 апреля 2009 г. в честь шестидесятилетия юбилея ВМФ НОАК

Как уже упоминалось выше, в феврале 2011 г., из-за тревожного положения в Ливии, правительство КНР вывезло все 36,000 китайцев из Ливии. Фрегат «Сюйчжоу» из конвойного соединения ВМФ НОАК в Аденском заливе находился в водах недалеко от Ливии, охранял пароходы с беженцами [12].

Кроме того, историческим моментом ВМФ НОАК и китайского народа стало уже упомянутое принятие на вооружение первого китайского авианосца «Ляонин».

2) Военное сотрудничество в рамках ШОС.

Совместные антитеррористические военные учения в рамках Шанхайской организации сотрудничества становятся постоянным механизмом. В 2002 г. Китай и Кыргызстан впервые провели такие совместные учения. В 2003 г. Китай и страны-члены ШОС впервые организовали их на многосторонней основе. В 2006 г. подобные учения многосторонней провёл Китай с Таджикистаном. В 2005, 2007, 2009, 2010 и 2012 гг. Китай вместе с Россией и другими странами-членами ШОС осуществили серию совместных антитеррористических военных учений под общим названием «Мирная миссия» [13], которые были направлены против «трёх сил зла» в регионе.

Непрерывно углубляется взаимное китайско-российское военно-стратегическое доверие и прагматичное сотрудничество. Подписанное Соглашение о взаимном оповещении о запуске баллистических ракет и космических ракет-носителей способствовало развертыванию обменов и сотрудничества в сфере подготовки кадров, пограничного надзора, ПВО и по линии военных училищ [14].

3) Территориальные споры на море в 2012 г.

Главные территориальные споры между Китаем и соседними странами в 2012 г. – события вокруг острова Хуаньяндао (Скарборо) с Филиппинами и вокруг островов Дяоюйдао (Сенкаку) с Японией. В ходе этих двух событий случилось противостояние между служебными кораблями двух сторон – соответственно, между кораблями управления рыболовства Министерства сельского хозяйства Китая и ВМФ Филиппин и между кораблями главного морского контрольного отряда Китая и береговой охраной Японии. Управление рыболовства и главный морской контрольный отряд являются простыми гражданскими управлениями Китая, но играют важную роль в защите морского суверенитета, поэтому их оснащённость в последние годы тоже усиливается. Во время противостояния с флотом Филиппин, у китайских служебных кораблей были очевидные преимущества, и после двухмесячного противостояния филиппинский флот отступил в одностороннем порядке. До сих пор китайские служебные корабли ещё крейсируют около острова Хуаньяндао и островов Дяоюйдао. Эти события также продемонстрировали развитие обороноспособности Китая и его решимости к защите суверенитета.

5. Цели развития обороноспособности Китая

Как было сказано выше, из-за прошлых невзгод и унижения китайцы всегда помнят о необходимости создания сильных и передовых вооружённых сил. Китай уже достиг многого в области обороны. Китайский народ идёт по пути «великого возрождения». Но Китайская Народная Республика, хотя и опирается на свою мощную силу, не стремится к экспансии и агрессии в отношении других стран. Военная доктрина Китая носит оборонительный характер.

Цели и задачи оборонной политики Китая в новый период заключаются в следующем:

- защищать интересы государственного суверенитета, безопасности и развития;
- обеспечивать общественную гармонию и стабильность;
- содействовать модернизации национальной обороны и армии;
- защищать мир и стабильность на планете [15].

Пути развития Китая, его центральные задачи, внешняя политика, а также исторические и культурные традиции определяют оборонную политику страны, направленную на самозащиту. Китай непреклонно отстаивает путь мирного развития, внутри страны старательно строит социалистическое гармоничное общество, а за рубежом – выступает за построение «гармоничного мира», характеризующегося постоянным миром и совместным процветанием. Китай содействует дальнейшему продвижению «политики реформ и открытости» и социалистической модернизации, развивает себя, используя мирную международную обстановку, а также поддерживает мир во всем мире посредством собственного развития. Пекин неуклонно проводит независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику, на основе «пяти принципов мирного сосуществования» развивает дружественное сотрудничество со всеми странами. Народная Республика неизменно придерживается концепции мира, характеризующейся единством и традициями выдающейся культуры народов Китая, где мир занимает центральное место; выступает за разрешение споров невоенными методами, осмотрительно подходит к войне и стратегии превентивного удара [16]. Сейчас или в будущем, невзирая на уровень развития, Китай никогда не будет гегемоном и никогда не прибегнет к военной экспансии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Динамика развития ВВП Китая по данным НБС // China Statistical Yearbook 2010. Режим доступа: <http://eng.stat.gov.tw/public/Data/11027192371.pdf>; 2009-2010 figures from China NSB Statistical Data // Режим доступа: http://unstats.un.org/unsd/distributive_trade/EGM-DTS-webpage/Country%20Notes%20CHINA.pdf
http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F%D0%92%D0%92%D0%9F%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B9%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8-cite_note-1#cite_note-1

2. World Bank: GDP Data // Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?page=5>

3. ЦРУ, Справочник по странам мира, экспорт и импорт по странам // Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2078.html#69>,
<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2087.html#105>

4. Чжон го ли би я цэ чяо ши лэн чжань хоу чжуй да гуй мо (Эвакуация китайцев из Ливии -- самая крупномасштабная эвакуация китайцев после холодной войны) // Режим доступа: http://news.ifeng.com/world/special/zhongdongbianju/content-2/detail_2011_02/24/4824433_0.shtml

5. Чжон э мэн сань го цо шан цян дяо чжунь чжон чжу чуань хэ лин ту вань чжэн (Китай, России и Монголия подчёркивают уважение территориальной целостности и суверенитета) МИД КНР // Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/chn/gxh/tyb/wjbxw/t983588.htm>

6. Собянин А. Уйгурский сепаратизм // Эксперт. 2000. № 31 (242). // Режим доступа: <http://abirus.ru/content/564/623/627/634/11274.html>

7. К сирийским повстанцам примкнули китайские уйгуры // Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2012/10/29/uigurs/>

8. Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/33359.htm>
9. Цзи нян Дэн Сяо Пин: Дэн Сяо Пин син ши чи цзун дуй цзян шэ сы сян дэ цзя зы цюй сян (В память Дэн Сяопина: концепция о достоинствах строительства армии в новом времени Дэн Сяопина) // Режим доступа: http://www.chinamil.com.cn/site1/ztpd/2004-10/21/content_41592.htm
10. 1985: Чжон го жэнь минь цзэ фан цзюнь бай вань да цай цзюнь (1985 – миллионное разоружение НОАК) // Режим доступа: <http://news.qq.com/a/20090721/001273.htm>
11. Chinese navy urged to go from coastal waters to oceans // Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/english/2009-03/07/content_10963412.htm
12. Сюй чжоу хао дао дан ху вэй цзань 27 жи тун го су и ши юйнь хэ жу ди чжон хай (27 февраля ракетный фрегат «Сюйчжоу» через Суэцкий канал вошёл в Средиземное море) // Режим доступа: http://news.ifeng.com/world/special/zhongdongbianju/content-2/detail_2011_02/27/4873758_0.shtml
13. Национальная оборона Китая в 2010 году // Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2011-10/20/content_23676601_20.htm
14. Национальная оборона Китая в 2010 году // Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2011-10/20/content_23676601_36.htm
15. Национальная оборона Китая в 2010 году // Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2011-10/20/content_23676601_5.htm
16. Национальная оборона Китая в 2010 году // Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2011-10/20/content_23676601_4.htm

ПРОБЛЕМА «ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

DEFEAT THE TWEET? SOCIAL MEDIA, GRASSROOTS DISSENT, AND AUTHORITARIAN COOPTATION

*M. Crosston,
Bellevue University (USA)*

Governments, regardless of regime type, have famously always tried to co-opt and ultimately adopt advancements and evolutions in technology, especially in terms of media. Newspapers, radio, and television have long been appropriated in order to influence, massage, and outright manipulate messages and events important to the national interest. Often the question is not so much whether said regime engages in such activity but rather how explicit and open will it engage (from a softer, less visible approach in democratic states to a harder, more obvious method employed by authoritarian states). This paper will argue why social media like Facebook and Twitter are in fact resistant to authoritarian co-optation and are uniquely structured to be only an effective grassroots tool for social disruption and civil disobedience. They are poor tools for hindering mobilization because of the structural nature of both social media and authoritarian government.

Social media can be a mind-numbingly broad and all-encompassing term. For this article social media is defined as web-based and mobile-based tools that not only mediate human communication but turn that communication into an interactive and dynamic dialogue. This definition is fully in line with the formal conceptualizations of respected figures like Andreas Kaplan and Michael Haenlein. More importantly, this work focuses mostly on the most ubiquitous and powerful social media symbols, facebook and twitter. While these instruments of new information and communication technology indeed seem capable of inspiring and impacting recent international and transnational affairs (i.e. the Arab Spring), it will be shown how these technologies have certain limitations, not only in terms of governmental use but also in terms of protest. Indeed, it will be argued that social media tools are best when considered only as facilitators of dissent and mobilization but not as guarantors of political results or systemic change. As such, it must be concluded that the opponents and proponents alike of social media's political power are often overstating their respective cases.

The Critics of Social Media

While there is still much hope and promise from the protest movements and revolutions known as the Arab Spring, enough time has passed to allow a fascinating and quite vigorous debate to emerge as to the true causes of these movements. On the one hand, we have a group of respected and thoughtful opponents of social media's power, like Evgenii Morozov, Richard Haas, Clay Shirky, and Blake Hounshell. Some of the arguments focus on the political inequities and economic disparities intrinsic to the states involved. Factors like rising food prices, decrepit infrastructure, failing schools, and widespread oppression and corruption are considered much

more powerful explanatory variables as to why the citizens of the Middle East and North Africa rose up and sought to overthrow their native regimes [1].

Other arguments focus more on limiting what they consider to be the hyper-exuberance over social media's power. In this case the logic emphasizes the inability to evaluate social media's long-term contribution to the cause of democracy because such evaluation has to be measured out over the course of years and decades and not weeks and months. The same arguments also point to the non-preordained nature of social media tools: they declare social media to be simply an instrument available for the use of any and all sides, good and bad [2]. Therefore, attempts to glorify social media as an inevitable instrument of democracy creation is considered rash and inaccurate.

Perhaps the most vocal and critical voice protesting the relevance and impact of social media and its ability to create democracy belongs to Morozov. When discussing the so-called Iranian Twitter revolution he said: "Whether technology was actually driving the protests remains a big unknown. It is certainly a theory that many in the West find endearing: who would've expected that after decades of blasting propaganda from dedicated radio and television channels, Americans would be able to support democracy in Iran via blogs and social networks? Nice theory, but it has very little basis in reality" [3]

He goes on to say: "Plenty of skeptics think it was just a myth, dreamed up and advanced by cyber – utopian Western commentators, who finally got a chance to prove that the billions of hours that humanity wastes on Twitter and Facebook are not spent in vain. Critics counter that the failure of the Twitter revolution doesn't mean that new media didn't play an important role in it. By bashing Twitter, we are blinding ourselves to the looming age of cheap and effective Internet protests that will soon extirpate all forms of authoritarianism" [4].

Taken in total these arguments offer important intellectual brakes to what was indeed an almost hyper excitement over the role social media could and would play in new revolutions. This article agrees with the general supposition that pre-existing structural conditions involving economics, politics, and social disenfranchisement were crucially important factors that set the stage for general popular rage. However, this article finds fault with the more strident arguments that seem to aim at removing the relevance of social media altogether.

It is not true, as evidence suggests strongly to the contrary, that Facebook/Twitter revolutions are possible only where regimes remain utterly ignorant of the Internet and have no virtual capacity of their own [5]. Ironically, these same arguments will often highlight how many authoritarian governments are becoming adept at utilizing the various forms of social media to further their own systems of oppression. They apparently ignore how they are simultaneously emasculating and invigorating the political relevance of social media within the same case studies.

This article emphasizes the need to carve out a more modest but still important path for social media when it comes to revolution, dissent, and potential democratic transition: it is true that social media does not answer everything as to why modern revolutions take place. However, it is also true that social media is the best facilitator for such uprisings because of the structural nature of not only social media but also because of the structural nature of authoritarian governments themselves and how that structure inevitably seems to constrain the manner in which they use social media like Facebook and Twitter. These contradicting structures will be elaborated in full later on in the article with a new contribution to the discussion called the antithesis matrix.

Social media is at its most powerful and most compelling when it is seen purely as a facilitator of popular mobilization. When that power is expanded to try and make social media a guarantor of results and the consolidator of new democracy, then the arguments have gone too far and make promises that reality is not able to keep. The present work, therefore, does not just show the antithetical structural nature of authoritarian government and its use of social media, it also criticizes the somewhat unconscious positioning of social media as an end goal-producing outcome, rather than as an open-ended process. Process does not and cannot independently

guarantee outcome. Therefore, both the critics and supporters of social media's power have been judging and lauding for their respective camps unrealistically: the facilitator of protest mobilization should not be condemned or praised for how large, how fair, how complete, or how quick democratic end results emerge from said mobilization.

In other words, asking if social media can be responsible for leading to consolidated democracy is asking the wrong question. And this entreaty for more modest expectations/evaluations should not be considered ammunition to be used exclusively against social media critics: it is also appropriate to chastise its more rabid supporters. Social media certainly has the capability to be channels through which protestors can identify goals, build solidarity, and organize demonstrations. The problem is with those who wish to turn these channels of high-efficiency mobilization into a firm democratic foundation from which new consolidated democracies spring. The social media alone cannot accomplish this task.

This is an important distinction not often made in the debate at present: if the young, emerging democracies in Tunisia, Libya, or Egypt do not in fact blossom into legitimate additions to the cradle of democracy, then this is most likely caused by the failure to build the institutions necessary to truly solidify the revolution into an actual democratic regime. It will not be because social media somehow failed its mandate and did not live up to its billing. Once again, process does not guarantee outcome. Social media in and of itself cannot build these institutions. It only facilitates the communication and mobilization of those who would.

In fact, what this work finds so fascinating is to see how social media tends to be over-hyped *both* as a process (by authoritarian regimes) and as an outcome (by grassroots organizations): the former stubbornly thinks it can meld the process to its own dictates and objectives while the latter wants to believe outcomes can be nigh guaranteed if said tools are simply deployed into the situation. The present analysis only just begins to highlight this discrepancy and makes more explicit these structural tendencies. Hopefully it can ultimately be a first bridge for future analyses to continue the findings empirically, thereby adding more data and more evidence to its theoretical relevance and overall reach.

The Sledgehammer: How Authoritarian Governments Relate to Social Media

While this article puts down an argument that renders the power of social media more modest, it is clear that the perception of its possible power to incite and inspire makes most authoritarian governments relatively uneasy and uncomfortable with this new virtual age. Indeed, social media in its most positive form is meant to inspire connections, facilitate discussions, and create interactions across groups and boundaries regardless of class, sex, and location. Its ability to be a builder of bridges amongst people who have no personal lines of connectivity has been seen by authoritarian regimes as a great danger to the established social order. Clearly, authoritarian regimes have no interest in allowing unfettered access to all forms of social media. But this article takes issue with a common perception in the literature (both journalism and academia) that is so pervasive it is nearly a platitude: authoritarian rulers are growing ever more effective in controlling the Internet. This is of course the goal of authoritarian governments. That premise is not challenged. What is contested is the idea that they are in fact growing more sophisticated in their efforts to control the virtual commons. On the contrary, most of the empirical evidence indicates that the most common strategy for combating social media remains one resembling a political sledgehammer:

- Burma cut off all access to the global Internet for several days in 2007 after the violent crackdown on peaceful protests in the Saffron Revolution.
- At least 25 countries conduct something called technical filtering. Technical filtering prevents access to specific content posted online or to broad swaths of information at the level of the Internet service provider [6].
- Russia and other states are known to use human sensors to monitor and manually remove blog posts. They also shut down discussion forums that address forbidden subjects, such as human rights violations or governmental corruption.

- Many authoritarian regimes use laws against all forms of media in order to protect themselves against insult, blasphemy, and revealing state secrets in order to be able to openly punish online dissidents. The states that once made up the Soviet Union and many of the Arab states in the Gulf region are well-known to employ such legal maneuvering.

- Outright physical intimidation of bloggers and online journalists has reached disconcerting proportions in many countries. This intimidation can include 24-hour surveillance, harassment, arbitrary arrest, and even torture. This has been documented in parts of Latin America, the Middle East, and Central Asia just to name a few impactful regions [7].

- Iran has accused Facebook and Twitter of being hidden enemies of the country and tools of Western intelligence agencies to recruit new members inside Iran. It also believes social media tools are involved in a Western-led psy-ops war specifically launched against Iran [8].

This anecdotal list affirms that the structural nature of authoritarian regimes makes them disinclined to use social media legitimately: authoritarian bureaucracy attempts to control all within its circle of influence and force people to adjust, adapt, and mold themselves to the rules of said bureaucracy. The above list makes it clear that the preference of such governments remains the bludgeoning and curtailing of social media, to attempt to bend it to the will of the repressive regime. Not surprisingly, these sledgehammer moments more often than not leave governments looking clumsy, awkward, and at times even laughable. When it comes to social media and authoritarian governance, it is simply a clash of two antithetical structures: the latter gives you rigidity, hierarchy, and formality, while the former gives you spontaneity, adaptability, and informality. This article believes this fact to be immutable.

Most importantly, there is ample evidence indicating that despite government censorship and surveillance, citizens around the globe still manage to find creative and inventive ways to circumvent the restrictions and spread new information. This might include sharing files through P2P networks or overseas file transfer protocol sites, for example. In a bit of brilliant creative anarchy, people have avoided government filters by deliberately misspelling keywords that trigger censors. They have also gone back to the use of allegory to criticize government oppression and avoid virtual protocols put in place to identify dissidents [9].

In one important way this could be analogous to the more fundamental debate in cyber deterrence: the axiom that offensive aggression will always trump defensive protection. In the realm of cyber deterrence this carries great importance because it indicates the futility of those trying to not only keep up with but also overcome cyber hackers and cyber-attacks. In this analogy, authoritarian censorship and efforts to constrict and restrain social media is very much like those striving to deter cyber-attacks: the desire for openness, for freedom of information, for access to connect and interact with others, is the offensive aggression, while authoritarian regimes seek to play defensive protection by enacting supposedly perfect measures of restrictions and repression that will control the virtual commons and those who wish to use it. In some ways, the latter quest is even more quixotic than those attempting to build a better cyber deterrence mouse trap: since authoritarian governments still seem stuck on heavy-handed bully tactics and social media's true power lies in the mobilization of dissent, then they are more often than not igniting the very spark they seek to extinguish.

Democracy and Social Media: Do the Good Guys Do it Any Better?

In the post-9/11 world some believe the effort to constrain freedom of speech and to violate citizen rights to privacy are not limited to authoritarian governments. This article, however, is not a debate about the positives or negatives of the Patriot Act, nor is it a discussion about whether or not George Bush tried to undermine American virtual freedom with the global war on terror or whether Barack Obama has succeeded in remanding those initiatives or has in fact only continued them. Instead this article takes as a given that democratic regimes, even their intelligence agencies, on the whole do not seek to flagrantly violate the intrinsic freedoms and constitutional rights of their citizens. Nevertheless, democratic regimes are just as concerned

with national security as authoritarian ones and their intelligence agencies are as interested in utilizing every possible tool available to protect those national interests.

However, democratic regimes tend to utilize social media in relatively passive and inert ways, namely for research and what can be loosely considered popular culture purposes. The CIA recognized the value of social media sites like Facebook as far back as 2006 when it began recruiting candidates for the agency there. It also created in 2009 an intelligence-sharing resource called Intellipedia. The service is basically a classified version of Wikipedia and has grown to over one million pages of data. The Intelligence Community in the United States and Google both back technology that allows them to monitor the web in real time so as to possibly predict future conflict events. Called Recorded Future, it looks over tens of thousands of websites, blogs, and twitter accounts in an effort to find relationships and trends between people, organizations, actions, and incidents. The company lauds its temporal analytics engine as something that goes beyond the general search of a normal user and finds the hidden, almost subconscious, links between people, documents, and declarations.

All of these efforts are not attempts to violate your personal space and freedom (conspiracy theorists notwithstanding), but rather a reaction to what is a potential treasure trove of open source intelligence. After all, social media is basically the willful publishing of personal private information into the public sphere. Beyond that there is the cascade of newspaper articles, journals, blogs, videos, and radio reports that now fill the virtual realm, opening up to intelligence agencies innumerable data-mining opportunities. Therefore, in democratic countries, governmental utilization of social media in its most serious form tends to be more passive and inert, ultimately resulting in the production of research data.

While it is understandable that some citizens can be unnerved by these efforts, they are still a far cry from the blatant attempts of authoritarian governments to invade, censor, and curtail access and virtual freedom. Regardless of this difference, there does seem to be a commonality with authoritarian governments in that the true power of social media is not effectively and compellingly used. This is further affirmation of the idea that the structural nature of social media cannot be maximized by any government at all. Less effectively by authoritarian governments than democratic ones certainly, but democratic regimes are weak users also. The tools of social media apparently bloom best only in the grassroots.

The other area mentioned for democratic usage of social media was in regards to raising popularity profiles. The term ‘popular culture’ is used loosely here, in the sense that the top governmental projects tend to be built and structured around relatively benign and somewhat inane purposes: popularity contests, photo albums, joke cabinets, and the like. For example, the following were taken from an official list at Informationweek and were lauded as the *best* governmental social media initiatives:

- The New York City mayor's office has one of the city's most active Twitter feeds.
- The White House holds an annual competition called the SAVE award which lets federal employees submit ideas on how the government can save money and also allows them to then vote on those ideas
- The US Marine Corps has the most popular government Facebook page by far. With more than 1.85 million “likes,” the page is been liked almost 700,000 more times than its closest competitor, the Army. It is currently engaged in a campaign to reach 2 million followers.
- NASA is the most popular federal agency on Twitter, regularly followed, it is believed, for its amazing photographs of outer space and the earth from space.
- The Library of Congress has a Flickr stream that is considered one of the best in the government. It includes thousands of images, including high-quality photographs of Pres. Abraham Lincoln, pictures of jazz musicians, news from the early 20th century, color photographs of the Great Depression, and more.

These examples are not given to make light of the United States government and are not a parody of democratic regimes and their use of social media. Rather they are highlighted to show

that there is a commonality across governments, regardless of regime type, that indicates a strong discomfort, awkwardness, and unfamiliarity with social media. This is at least in comparison with the manner in which it is utilized by the public at large for grassroots uprisings. This lack of comfort with social media does not improve when considering the military. In a recent article, the conflict between Hezbollah and Israel in the summer of 2006 was analyzed from the perspective of social media utilization. Most fascinating to note was how the article missed the important structural explanation available from the empirical evidence: “In the summer of 2006, Hezbollah effectively integrated information operations, including social media, into their tactical operations to fight the Israelis. Hezbollah embedded photographs and videos into blocks and YouTube to promote a positive self-image and to highlight negative perceptions of Israeli operations. Hezbollah used information effectively to limit Israel's strategic options. After 33 days of fighting, a cease-fire was declared and Hezbollah claimed victory. The organization was able to create a perception of failure for Israel.” [10]

What is most important to notice is how the government is not as fluent in the proper use of social media's power as Hezbollah. Hezbollah is much closer to a rebel insurgent group than a formal governmental entity. In essence, in the conflict above, it was Hezbollah creating the civil unrest through social media and Israel looking to constrain it. This article has been arguing throughout that there are structural advantages in such conflicts that will always make the grassroots groups more able to maximize the power of social media over governmental ones. This point is only more vividly made when considering the prescriptive advice of the military on how to properly organize a strategy for social media:

- Social media should have the support and interest of the commander and key members of his staff and should be formalized into a program with responsibilities assigned to members of the command staff.
- The commander should state his intent for information affects, explicitly noting the role social media should play. That allows his staff to generate options much the same way as is done for other combat multipliers. A pro-active engagement with social media incorporated into the commander's operational planning would provide the best results.
- Create a social media monitoring team to act as the eyes and ears of the strategy team. It may be viewed as social media scouts, collecting information on the state of the online community [11].

Social media does not excel in the hands of authoritarian government because of how systematic, formalized, rigid, and fearful of free-flowing exchange it is. Yet the above bullet points show that even democratic governments have trouble coping with the speed, nakedness, and spontaneity of social media information flow. As a result, they try to force social media into their own familiar structure, just as authoritarian regimes do. The end result of these similar efforts is the same – neither effectively utilizes social media as well as groups who organize for dissent.

Recall, of course, the formal definition and parameters established at the beginning of this piece: the following table is not attempting to encapsulate or encompass any and all forms of possible social media. Rather, it is an evaluation of how facebook and twitter seem to operate, both in general and in the specific context of being used for political unrest/civil disruption and for counter-measures undertaken by opponent regimes. The table tries to break down in simple but relevant categorizations how much the structure of social media can influence its proper execution. It seems clear from the broad anecdotal evidence above that contemporary governments, whether democratic or non-democratic, have not ceded the effectiveness and appropriateness of social media exclusively to the grassroots. Some analysts may feel this should be considered an axiom but it does not seem that states have conceded defeat just yet on the issue. Perhaps the ‘antithesis matrix’ below will be a first step in making explicit how potentially axiomatic the argument could be.

Tempo

Tempo refers to the pace in which operations take place and decisions are made within social media and authoritarian government. Social media prides itself on being an incredibly fast-paced environment. Authoritarian government, on the other hand, is almost glacial in its decision-making simply because change is not usually looked upon as a positive sign of progress. Change is the nature of social media's existence.

Reaction to Stimuli

In the same light as tempo, social media reacts to outside or external stimuli in a highly adaptable and malleable way. Because both the structure and contents of social media are so ever-changing there is no sense of displacement or perceived threat when exposed to foreign or unfamiliar entities. This is the exact opposite of how authoritarian governments deal with external and foreign stimuli. Intractable rigidity is the inevitable reaction from authoritarian governments because external agents not of the power structures have to be considered a threat by their very nature. Authoritarian governments seek to crush and eliminate that which they do not know or understand. Social media willingly and passionately embraces it.

Organizational Ethos

Urban legends abound when it comes to the organizational ethos of social media. Whether it is rollerblading down the corridors of Google or riding a Segway across the Microsoft campus, social media organizations have always been infatuated by creative disorganization. This lack of order is not only meant to inspire, but is considered the only viable method to produce innovation. Innovation is the temple at which all of social media worships. Contrast this with the organizational ethic of authoritarian governments, which on the best of days can only be considered bureaucratically hyper-organized. This is largely because innovation in a repressive environment, just like foreign stimuli, must be considered a threat. Authoritarian governments worship only at the temple of their own bureaucracy.

Chief Target Audience

This category is likely the easiest to assess. Social media has been, is, and likely forever will be the domain of the young. This is not to say that only people who are biologically young can be adept with all of its potential applications. Rather, it is the *mentality* of social media's target audience that primarily skews young. In the same manner, that is, not just biologically considering age but mentally considering a person's attitude and approach, authoritarian regimes have a chief target audience that is undoubtedly old, if not often decrepit.

Attitude to New Information

Attitude to new information is an important category in the structure of both social media and authoritarian government: new information represents the ability to learn, to evolve, and to grow beyond original parameters. Social media is impressionable in this category in the sense that new information literally makes a lasting impression upon it. Some would say that social media is forever changing because of this openness to embracing new information. Authoritarian government and repressive regimes will usually accept new information only when it is clear there is no alternative.

Cautiousness

Social media loves risk. There is relatively little in the expansion of social media into people's lives that does not involve risk in some form. It is in this way that social media is considered a "riskophile:" it not only does not shy away from risk it openly embraces it. Risk in the world of social media is what inevitably leads to reward. Authoritarian governments are clearly "riskophobes:" risk equates to danger. Danger is nothing more than a threat to the order of things. As such risk must be avoided at all times. There have been numerous works documenting how often paranoia and fear dominate the atmosphere of a repressive regime. Such paranoia and fear lead to institutional paralysis. It leads to a working environment populated exclusively by those who would rather do nothing than innovate.

Operational Capability

Social media is agile. There is really no other way for social media to be, when you take into consideration its tempo, reaction to stimuli, and cautiousness factor. There is no fear within

the system of social media that could cause paralysis or uncertainty because mistakes are not considered, well, mistakes: they are new ventures exposing new paths. This could be one of the main reasons authoritarian governments are so clumsy in their operational capabilities: mistakes are dreadful things with horribly detrimental consequences to those who commit them.

General Structure

The general structure of social media is anarchical. This is not meant as an insult or a compliment, though those who praise social media the most clearly revel in what they consider to be inspired anarchy. The anarchical nature of social media is simply a structure that does not lend itself to any permanent overarching governing bodies. There may be moments and time periods where there is general organization and consensus but all in all social media runs best when it is run by no one at all. Clearly, authoritarian governments find such anarchy anathema. Hierarchy rules in repressive regimes: how well you rise or how far you fall within them often depends on how well you are able to function within that hierarchy.

Style

Given all of the previous categories elaborated up to now, it is obvious that social media and authoritarian government are polar opposites in terms of style: the former is defiantly informal while the latter is maniacally formal. Social media prides itself on creating an environment where one does not have to worry about rules, about offending, or about maintaining proper etiquette. Many in democratic societies actually somewhat lament this fact of social media life and wish a little bit more decorum could be imposed. But this will never happen for it is against the nature of what social media is. Authoritarian governments are just as committed to the formality of their style and can do just as little about altering it.

Ideal purpose

The final conclusion is perhaps where the Antithesis matrix causes its biggest controversy. For the first time an attempt has been made to definitively categorize and conceptualize the structure of social media with the distinct purpose of comparing it to the structure of authoritarian government. Having gone through nine explicit categories that encompass their structural natures, it becomes clear that the ideal purpose suited for social media is to foment dissent while the ideal purpose suited for authoritarian government is to preserve the status quo.

The nature of social media is in antithesis to the nature of authoritarian government. Civil disobedience, dissent, protest, social mobilization, all aiming to enact change and fight the system, are perfectly facilitated within the structures of social media. Efforts to counteract such movements require an opposing structure. As such, using social media to undermine or constrain dissent facilitated by social media is simply the wrong tool for the wrong job. At their very mildest, authoritarian regimes are simply bureaucracies run amok. They are bureaucracies that live to ensure the survival of their own bureaucracies. They are status quo machines. As such, authoritarian regimes would be able to effectively maximize the power of social media only if they altered their very structure and nature. This article simply makes explicit what should be common sense: such change will not occur. What's left to discuss is the future relevance and possible applicability of the Antithesis matrix using China as a critical case example.

Conclusion: China and Prospects for a Social Media Revolution - Not as Bleak as Predicted

Earlier in this work the camp in opposition to social media as a democratic transformation machine was highlighted and undermined. This camp overemphasized one particular point for effect, namely that social media not only could not launch new democratic revolutions but could also not lead said societies into new democratic consolidated regimes. It is very true that social media was not the initial cause fueling popular anger when it came to the Arab Spring: pervasive government corruption and repression, chronic unemployment, and rising food prices clearly fueled the initial popular dissatisfaction [12]. It is also true that social media did not in the aftermath of these revolutions build new democratic polities: the countries that blossomed in the international limelight of the Arab Spring have not yet succeeded in establishing new united

governments with effective leadership and there are many signs to cause worry that old elements of the past can still emerge to block their democratic transitions.

Those who would scoff at the power of social media point to these empirical facts as proof that new technology is in fact relatively impotent. What this article has tried to establish is a new frame of reference in which to analyze and understand the impact of social media: that being as a true mobilization facilitator, but one that carries with it no guarantee of democratic consolidation. In addition, that facilitation is markedly favored towards civilian grassroots purposes and is not deftly utilized by repressive regimes. Therefore, comments about China having bleak prospects for social revolution and framing China as the ultimate challenge for cyber-utopians are misplaced and overstated, especially when analyzing the native social media structures presently in China today through the framework presented in this article.

There has been much written about the restrictions placed by the Chinese government on foreign websites and social media. However, as is often the case, innovation and creativity emerges where there is a lack of freedom. Social media in fact flourishes in China. But it flourishes through a homegrown, state-approved ecosystem in which Chinese-owned properties thrive. By some measures, Chinese social media use is some of the most intense in the world:

- A Boston Consulting Group study found that Chinese Internet users are online for an average of 2.7 hours per day, considerably more than other developing countries and more on par with usage patterns in Japan and the United States.

- A 2008 MTV survey found that young people across Asia have made a similar number of friends online and offline. Only in China, however, did young people actually have more friends online than offline.

- Chinese citizens use online video platforms quite differently from how Americans use YouTube: rather than short videos of cute animals or silly domestic mishaps that may be popular, the Chinese versions of YouTube are filled with longer form content, up to 70% of which is professionally produced [13].

Indeed, as can be seen below, China has domestically produced an equivalent version of nearly every form of social media that exists in the West today. While it is true that attempts by the state to control most of these domestic versions is constant and aggressive, there are many signs of promise that even the mighty Chinese bureaucracy is not stronger than the structural nature of social media in today's world.

For example, a protest by 20,000 people against the construction of a chemical factory in Xiamen in 2007 was organized through mobile phone text messages. The following year, citizens spread news and expressed intense dissatisfaction on Internet bulletin board systems concerning a tainted baby formula scandal and also about unsafe school construction that was believed to be responsible for many preventable deaths in the Sichuan earthquake. Finally, the pro-democracy manifesto 'Charter 08' was posted and circulated online, where it garnered more than 7000 signatures, even though officially it had been censored by the state [14].

The temptation is to dismiss these acts of civil disobedience because they are not purely political manifestations, but rather geared more toward the environmental and health protection of the populace, two areas that the authoritarian regime in China would likely have an interest in properly maintaining. The problem with this temptation is that it is once again confusing results with process. Social media is a process, a social mobilization facilitator. As such, most important in determining an area's suitability to create civil unrest and disobedience is not to question what people actually protest in the present day, but rather ascertaining whether the necessary structures are in place to facilitate any protests at all. It is clear from the evidence documented above that China not only has the structures in place but the structures are in fact homegrown to the potential protesters who would use them. This is important because while most of the social media structures in China today are predominantly used for business and economic properties, the only thing required to make those same structures useful instead for civil disobedience is a slight negative shift in popular satisfaction and the people's general sense of well-being.

Most analyses focus either on the absence of Western technology or the total control of the Chinese state over technology. These arguments are overplayed. The antithesis matrix exposes that the mere presence of social media technology allows such structures to potentially become facilitators of dissent, though they are not the initial spark to ignite anger or a guarantee for the emergence of a Chinese democracy. Certain aspects of this potentiality are seen in the work of Larry Diamond, where he considered so-called liberation technology in China: “Such quasi-Orwellian control of cyberspace is only part of the story, however. There is simply too much communication and networking online for the state to monitor and censor it all. Moreover, ‘Chinese netizens’ - particularly the young who are growing up immersed in this technology - are inventive, determined, and cynical about official orthodoxy. Many constantly search for better techniques to circumvent cyber-censorship, and they quickly share what they learn. If most of China's younger Internet users are apolitical and cautious, they are also alienated from political authority and eagerly embrace modest forms of defiance, often turning on wordplay.” [15]

The views expressed above fuse perfectly with the antithesis matrix and combine further with part of the original argument used by the opposition camp to detract from social media's relevance in fomenting revolutions across the Middle East and North Africa. The emphasis there was placed on economic impoverishment and rising food prices. This is relevant because there is an entire field of experts today focusing on the hidden economic stress within China once you move away from the prosperous coastal regions. The numbers themselves are stark and telling: even if China was successful in creating a prosperous middle-class the size of the entire United States, this would still leave more than one billion people struggling and likely resentful of their coastal brethren. Under such conditions it is not utopianism at all to envision the possibility that all of those social media structures presently used in China purely for economic purposes could suddenly be used for altogether more political and non-state-approved objectives. Such a vision, in fact, would not be utopianism but perfectly rational realism.

In conclusion, this article will once again lean on the brilliant work of Prof. Diamond concerning liberation technology and authoritarian governments: “Even in the freest environments, the new digital means of information and communication have important limits and costs. There are fine lines between pluralism and cacophony, between advocacy and intolerance, and between the expansion of the public sphere and its hopeless fragmentation. As the sheer number of media portals has multiplied, more voices have become empowered, but they are hardly all rational and civil. The proliferation of online media has not uniformly improved the quality of public deliberation, but rather has given rise to an echo chamber of the ideologically like-minded egging each other on. And open access facilitates much worse: hate-mongering, pornography, terrorism, digital crime, online espionage, and cyber warfare. These are real challenges, and they require careful analysis – prior to regulation and legislation – to determine how democracies can balance the great possibilities for expanding human freedom, knowledge, and capacity with the dangers that these technologies may pose for individual and collective security alike.” [16]

The antithesis matrix is not a predictor of where revolutions will happen. It is a reminder that societies embedded with multiple forms of social media have the potential to facilitate protest and civil disobedience if other factors on the ground warrant such behavior. It is also a reminder that those regimes where it is likely to have those motivating factors in place should not feel too overconfident in their ability to constrain or co-opt social media-inspired mobilization: the matrix shows that the general population in authoritarian states tends to be much more adaptable, energetic, creative, agile, and not unnerved by social chaos and temporary anarchy. In other words, managing the process is much more difficult than it might seem because of the structure of such regimes. What's more, while social media cannot be a guarantor of democratic consolidation, and its supporters sometimes over-hype its causal impact, its presence does guarantee the opportunity for citizens in authoritarian regimes to mobilize more effectively and steadfastly for democracy. And this, more often than not, is a most crucial first step. The outcome of long-term democratic success or failure depends upon them, not upon the process.

To paraphrase Steve Jobs: it should not be about faith in technology, but about faith in the people using the technology. And that, more than anything else, is why it is so hard to defeat the tweet.

REFERENCES:

1. Shirky, C. The Political Power of Social Media // Foreign Affairs. 2011. Vol. 90. Issue 90. P. 28-31.
2. Hounshell, B. The Revolution will be Tweeted // Foreign Policy. 2011. Issue 187. P. 20.
3. Morozov, E. Iran: Downside to the Twitter Revolution // Dissent. 2009. Fall. P.10.
4. Ibid. P. 11.
5. Ibid. P. 12.
6. Calingaert, D. Authoritarianism vs. The Internet // Policy Review. 2010, April/May. P. 68.
7. Ibid. P. 65
8. Iran Calls Facebook and Twitter 'Hidden' Enemies // BBC Monitoring Media. 2010. September, 30.
9. Calingaert, D. Op.cit. P. 67.
10. Mayfield, T. A Commander's Strategy for Social Media // Joint Force Quarterly. 2011. Issue 60, 1st quarter. P. 80.
11. Ibid. P. 83.
12. Shields, M. Social Media and Political Revolutions: Fact from Fiction // Hurriyet Daily News. 2011. March, 13.
13. Crampton, T. Social Media in China: The Same, But Different // Chinabusinessreview.com. 2011. January-March. P. 29.
14. Calingaert, D. Op.cit. P. 67.
15. Diamond, L. Liberation Technology // Journal of Democracy. 2010. Vol. 21. No 3. P. 74.
16. Ibid. P. 80.

ПУТЬ К НЕЗАВИСИМОСТИ И УСТАВНОМУ ИМЕНИ РЕСПУБЛИКА МАКЕДОНИЯ

Я. Митревска,

*Международный славянский университет «Гаврило Романович Державин»
(г. Свети-Николе, Республика Македония)*

Несколько веков Македония стремилась к свободе и независимости: революционная борьба македонского народа против турецкого рабства (XV-XX вв.), Илинденское восстание и образование Крушевской Республики в 1903 году и после формирования АСНОМомской Македонии в 1944 году. Последующий ряд войн в течение XX века, происходящих на Балканском полуострове, в том числе и в Македонии, вызывал беспокойство мирового сообщества. А с падением Берлинской стены и распадом Восточного блока, последовал и распад Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), после которого Македония оказалась на пути формирования самостоятельного и независимого государства.

Отделение Македонии от СФРЮ

После распада Югославии (СФРЮ) 25 января 1991 г. была принята Декларация о суверенитете Социалистической Республики Македонии [СРМ]. Первым государственно-юридическим документом о мирном отделении Македонии от СФРЮ стала Декларация о независимости и суверенитете Республики Македонии [РМ]. Декларация была поддержана на заседании Собрания СРМ единогласно – со 120 голосами «за» и с общим консенсусом всех политических партий в государстве. Декларация была политическим выражением воли македонского народа использовать свое бесспорное, неотъемлемое право на самоопределение, как и право на отделение. 23 мая 1991 г. была принята новая Конституция.

6 августа было принято решение о проведении референдума, который состоялся 8 сентября 1991 г. Претставители коалиции албанских партий - Партия демократического процветания и Народная демократическая партия были против проведения референдума. В тот период албанские партии в Македонии выступали за создание автономии в рамках

Македонии, которая называлась бы "Илирида". С наделением албанских партий исполнительной властью эта идея была забыта.

Первое правительство независимой Македонии

При формировании первого Правительства РМ в 1991 году возникли серьезные разногласия. После долгих переговоров было вынесено решение Киро Глигоровым о формировании экспертного правительства. 7 марта 1991 г. Киро Глигоров наделил полномочиями для формирования правительства академика Николу Ключева. 20 марта Собрание провело голосование по составу первого Правительства Македонии, вошедшее в политическую историю как техническое. Во главе его были академик Никола Ключев (председатель), академик Блаже Ристовски, Йован Андоновым и Бекир Жута (заместители председателя). Первое македонское правительство известно как экспертное правительство из-за политической неопределенности ее членов. Анализируя двадцать один год плюрализма Македонии, можно сделать вывод, что первое Правительство Республики Македонии было самым успешным. Оно заложила основу нового македонского государства с решением главных проблем, связанных с установлением суверенитета и независимости македонского государства, например: самостоятельность и независимость государства без югославской армии, покинувшей македонскую территорию, мирное отделение всех совместных сегментов с прежним государством СФРЮ, международное признание, защита территориальной целостности, безопасность, экономический и социальный мир. Важным шагом к монетарной и экономической самостоятельности было введение 26 апреля 1992 г. македонской валюты – денара.

Объявление Референдума и принятие Конституции Республики Македонии

Референдум был следующим этапом формирования нового македонского государства. В июне 1991 г. было решено определение «социалистическая» от названия государства отсоединить. С того момента республика стала носить имя Республика Македония. 5 августа вынесено решение объявить о референдуме. Перед его проведением было много негативных реакций и интриг. Некоторые политические партии смотрели на референдум с недоверием и старались спасти Югославию. В процессе принятия решения о проведении референдума, составлялись и вопросы для него. После долгих и тяжёлых переговоров на македонском собрании, депутаты поставили основной вопрос: За самостоятельную ли Вы Македонию с правом вступить в будущий союз суверенных государств Югославии? Вопрос был с двойным смыслом и на тот момент это было мудрым решением руководства. Тогдашнее правительство и президент Киро Глигоров опасались результатов референдума, так как большинство македонцев все еще испытывало ностальгию по Югославии и к тому же политическая элита СКМ-ПДП склонялась к конфедеративной форме государственного устройства Югославии. Но все последнее слово было за гражданами: «за» вычеркнули 1 079 308 избирателей (95,26 %). Вечером 8 сентября 1991 г. на площади «Йосип Броз Тито», известной ныне как площадь «Македония», председатель комиссии по проведению референдума сообщил первые результаты, согласно которым Македония стала независимым и суверенным государством. 8 сентября был провозглашен государственным праздником – Днем независимости Республики Македония. Следующим важным шагом в закреплении государственного суверенитета Республики Македонии было принятие новой Конституции. 29 октября 1991 года комиссия по конституционным вопросам утвердила текст Конституции и процедуру принятия высшего государственного юридического документа, и предложила голосование Собранию РМ. 17 ноября с 96 голосами «за» принята Конституция РМ, в которой Македония провозглашалась суверенным, самостоятельным, демократическим и социальным государством.

Путь Республики Македонии к международному признанию

После принятия Конституции 17 ноября 1991 г. и Декларации РМ 19 декабря 1991 г. началась тяжелая и трудная борьба за международное подтверждение македонской независимости. Македонские политики начали дипломатическую борьбу за приобретение

союзников – государств, признавших независимость РМ. В сообщении Арбитражной комиссии ЕС (глава – Роберт Бадентер) от 15 января 1992 г. было указано, что РМ выполняет все условия для ее международного признания. Несмотря на позитивную оценку Европейской комиссии, Македония не получила официального признания независимости из-за протеста со стороны Греции, поскольку между Македонией и Грецией стоял и стоит поныне спор вокруг имени македонского государства. Первое государство, которое подтвердило международно-правовой статус РМ, 15 января 1992 г. была Болгария, за ней 6 февраля 1992 г. независимость Македонии признала и Турция. Из-за греческого давления РМ вошла в международный валютный фонд и Мировой банк в 1992 г. с названием БЮРМ (Бывшая Югославская Республика Македония). Лиссабонская декларация Европейского союза от 27 июня 1992 г. также отрицала название «Македония» из-за того, что учла требования греческой стороны. Македонский парламент отверг декларацию. Рекомендация БЮРМ, как компромисс в вопросе имени, была принята в январе 1993 г. Великобританией, Испанией и Францией. Компромиссное предложение прозвучало 22 января 1993 г. со стороны Генерального секретаря ООН Бутроса Гали. Оно было сразу отвергнуто и Македонией, и Грецией. Для первой это означало бы вновь потерю идентичности со стиранием границы между Македонией и Югославией, а для второй это означало возможность в перспективе территориальных претензий со стороны Македонии. Обе стороны находились под сильным международным дипломатическим давлением заставить Македонию и Грецию принять рекомендацию как компромиссное решение. После жесткого давления 7 апреля 1993 г. компромисс был достигнут. Совет безопасности ООН разрешил Македонии войти в состав ООН, но не по резолюции 817, а с условием, что в официальных документах она будет называться «Бывшая Югославская Республика Македония». В резолюции сообщалось, что «Бывшая Югославская Республика Македония» – это временная рекомендация и название, нося рекомендательный характер, будет использоваться до завершения спора между Грецией и Македонией.

Республика Македония сегодня

По состоянию на 2012 г. РМ установила дипломатические отношения со 161 государством мира. Македония является кандидатом в члены в ЕС, сталкиваясь с определенными барьерами. Например, все еще не решен спор с соседней Грецией об уставном имени Республики Македонии. Остается неурегулированным вопрос о сотрудничестве Македонии с ООН (посредником между двумя странами является Метью Нимиц). Так же компромиссное решение необходимо найти для принятия РМ в НАТО. Этот спор между двумя странами становится международной проблемой, нарушающее стабильность на Балканах и в Республике Македонии.

Заключение

Сон нынешнего поколения македонцев, имеющих привелегию жить в свободной и независимой стране, культурно и духовно объединить части территории Македонии, которые она была вынуждена уступить Греции, Болгарии и Албании по Бухарестскому мирному договору в 1913 году. Принятие Македонии в Европейский Союз и НАТО приведет к стабильности геополитического и геостратегического положения как на Балканах и в Европе, так и в самой Македонии, которая является многонациональным государством, где этническим сообществам предоставлены максимальные права. Но не смотря на все выполненные условия и проведенные реформы, которые были условием для входа РМ в Европейский Союз, страна так и остается кандидатом из-за вето, наложенного Грецией. Спор об имени ведется и между политическими элитами Македонии. Часть политической элиты соглашается принять названия «Северная Македония», «Верхняя Македония», «Вардарская Македония» как компромиссное решение вопроса с именем для входа РМ в ЕС и ООН. Другая часть категорически отвергает это предложение со стороны Греции. Вопрос с именем все еще остается открытым и препятствует вступлению независимой Македонии в международные институты. Согласно международному праву

каждая нация имеет право на самоопределение со свободой самостоятельно определять свой политический статус, свое экономическое и культурное развитие и уставное име.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Георгиевски Л.* Остварување на вековниот сон. Скопје: НИП «Нова Литература», 2001.
2. *Кљусев Н.* Предизвици. Скопје: Матица Македонска, 2000.
3. *Данаилов Фрчковски Л.* Карактерот на спорот за името меѓу Македонија и Грција. Скопје: НУБ «Климент Охридски», 2009.
4. <http://www.sobranie.mk/WBStorage/Files/suverenost.pdf>

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ РИСКИ ДЛЯ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В XXI ВЕКЕ

А.Л. Рябцев,

Астраханский государственный университет

Распад СССР и «конец коммунизма» в Восточной Европе материализовал мечту Запада о «конце истории», более того Россия и новые независимые государства на бывшем постсоветском пространстве безропотно приняли навязанные им правила игры. Но отношение к России не изменилось. В своем геополитическом эссе «Великая шахматная доска» З. Бжезинский очень четко определил отношение Запада к уже постсоветской России. Приведем для более четкого понимания основную идею автора: «Распад в конце 1991 года самого крупного по территории государства в мире способствовало образованию «черной дыры» в самом центре Евразии. Это было похоже на то, как если бы центральную и важную в геополитическом смысле часть суши стерли с карты земли» [1]. Россия все более становится не великим государством, не даже «просто страной», а лишь «территорией», своего рода «географическим феноменом», по заявлению того же З. Бжезинского, которое прозвучало в Вашингтоне на международной конференции в 2001 году.

Единственный выход для России, по мнению автора, это интеграция в Европу, но под контролем со стороны США. Тем более что серьезную угрозу геополитической безопасности России представляет одна из болевых точек планеты названная З. Бжезинским «Евразийскими Балканами» [2]. Однако эта интеграция, начавшаяся при Б.Н. Ельцине, привела Россию к частичной потере своего государственного суверенитета. Государство постепенно утрачивало контроль над своими природными богатствами, все больше и больше попадая в финансовую зависимость от стран Запада.

По мнению некоторых западных и отечественных аналитиков наиболее острой для России проблемой («территории риска») являются дисбалансы, сформировавшиеся как в советское время, в том числе в результате перестройки, так и в период либерально-демократических реформ. Первый дисбаланс вытекает из особенностей самого российского социума, а именно слабую психологическую социальную готовность к инновациям и нововведениям. Второй глобальный дисбаланс, по мнению зарубежных аналитиков, связан с тем, что население нашей страны не сможет самостоятельно освоить колоссальные национальные активы, которыми располагает, ни в количественном, ни в качественном отношении. Этот дисбаланс обостряется рядом негативных процессов и явлений. Россия превращается в криминогенную страну с высоким уровнем коррумпированности чиновничьего аппарата.

И это притом, что на территории Российской Федерации сосредоточено 35% запасов мировых ресурсов (топливно-энергетических, минеральных, экологических и проч.) и более 50% стратегического сырья (алюминия, платины, урана, палладия и т.д.). Почти 90% экспорта России составляют топливно-энергетические активы, что делает нашу страну «ориентированно-сырьевой» державой, в сравнении, например, с высокотехнологичной Японией, у которой вообще нет сырьевых ресурсов. В России, чья

территория сузилась ныне до 12% суши, сосредоточено 15% практически не затронутых деятельностью человека пахотных земель и 46% нетропических лесов планеты. На каждого жителя нашей страны приходится 11,7 условных единиц природно-энергетических ресурсов, в то время как на жителя США – 2 единицы, а жителя Западной Европы – 0,67. Запас экологической устойчивости в России в 3,3 раза больше, чем в США и в 18,6 раза выше, чем в Японии.

По расчетам ЮНЕСКО, стоимость гектара пашни превысит к 2020 г. стоимость любых находящихся в его пределах ископаемых. Большая часть пахотных земель будет сосредоточена в России и именно на ее территории активная сельскохозяйственная деятельность позволит решить продовольственную проблему для многих промышленно развитых стран мира.

Действительно, Россия вступила в XXI век предельно ослабленной. В стране наблюдались резкое падение уровня жизни, обострение демографической ситуации, выражающееся в депопуляции, потере здоровья экономически активного населения, старении рабочей силы и сокращении средней продолжительности жизни, а также в разрушении образовательной системы; оскудение интеллектуального потенциала; критическое падение цены и престижа труда, увеличение социального расслоения, что было следствием неэффективности всей российской экономики. Россия делала одну уступку за другой: открыла рынок западным корпорациям, следовала рекомендациям МВФ, заключила Хасавюртовские соглашения с сепаратистами в Чечне, приняла закон о разделе продукции и т.д. Нужно было сделать еще один шаг – принять предложение МВФ о введении внешнего управляющего, что окончательно превратило бы Россию в полуколониию.

Рывок, который совершила Россия в течение нескольких лет и его результаты оказались неожиданностью для стран Запада. Экономико-правовые методы борьбы далеко не исчерпаны, но уже теряют свою эффективность. Практика геополитической изоляции России наталкивается на неуступчивость Белоруссии и Ирана, неоднозначная ситуация на Украине, основном плацдарме давления, а возможно и военного шантажа со стороны НАТО. Неудачей закончилась транспортная изоляция Калининградской области, газовый и нефтяной шантаж со стороны Украины и Прибалтийских государств потерял свою остроту. Не удалось взорвать Кавказ и развязать «цивилизационный конфликт» на Северном Кавказе.

Итак, реальна ли военная угроза стран Запада в отношении России. В середине марта 2007 г. была опубликована обновленная редакция «Концепции национальной безопасности США», характерной чертой которой стала дальнейшая идеологизация внешней политики США, в частности, заявка на активную «демократизирующую» роль Вашингтона в соседних с Россией странах и на Большом Ближнем Востоке с целью создания неблагоприятного для Москвы «предполя». Согласно новой концепции, с Россией можно сотрудничать лишь там, где это жизненно необходимо. В военном разделе концепции фактически подтверждена и усилена традиционная ставка американской элиты на превентивные удары – «наступательные и оборонительные» - для «сдерживания, как государств - врагов Америки, так и негосударственных формирований ее противников». В продолжение темы в апрельском номере *Foreign Affairs* опубликована провокационная статья двух американских экспертов с выводом о возникающей у США возможности безбоязненно нанести первыми разоружающий ядерный удар по России.

Однако чтобы ответить на главный вопрос о месте России в посткризисном мире, необходимо разобраться в причинах мирового кризиса и что же происходит с российской экономикой. Начавшийся еще в 1998 г. кризис «мировой фабрики» в 2008 г. подошел к своему пику. Мировая экономика фактически удовлетворила планетарные потребности в бытовой технике, средствах связи, компьютерной технике, автомобилях и т.д. Причем безусловное доминирование западных стран в этой системе экономики уходит в прошлое. Появились новые центры производства – Китай, Бразилия, Индия и, несомненно, Россия.

Не выдержала проверку временем и монетаристская политика управления экономикой основанная на американском долларе. Мировая экономика стоит на пороге нового - 6 социально-экономического «периода» или вернее вступает в этот новый период. Страны Запада, пытаясь удержать свое доминирование в будущем, подбрасывают то свиной грипп, то энергосберегающие технологии, то биотопливо, то сланцевый газ, то новые стандарты жизни и т.д.

В России мировой кризис проявил себя несколько иначе, чем в Европе, США Японии и даже в Китае и Индии.

Во-первых, Россия еще не достигла технологического уровня пришедшего мировую экономику к кризису, отставая почти на целый период. Это отставание сказывается, прежде всего, отсутствием внедрения высоких технологий в социальной сфере. Именно поэтому делаются попытки вытащить социальную сферу с помощью «национальных проектов». Однако главное – это покупательная способность социальной сферы новых технологий, пока мало достижимо.

Во-вторых, отсталая система управления, мало изменившаяся за 20 лет Современной России и во многом сохранившая традиции советского периода «брежневской» поры. Можно назвать только несколько издержек этой системы управления – коррупция, рост числа бюрократии и интенсификация человеческого участия в процессе управления и производства.

В-третьих, отсутствие самого главного для экономической безопасности страны – Всероссийского рынка. Нет его институтов, отсутствует национальный регулятор, определяющую роль играет компрадорская буржуазия, национальная испытывает жесточайшую конкуренция на своем же рынке. Если более технологичные рынки устанавливают серьезные профессиональные критерии для занятия рабочих мест мигрантами, то в России это никак и ни кем, ни регулируется. Экономика России направлена на удовлетворение мирового рынка, продавая свои ресурсы или открывая свои границы для иностранных товаров.

Все перечисленное, дает основание утверждать, что кризис в России, охватил только те отрасли экономики, которые в большей мере зависели от мирового, точнее от западного рынка. А значит, формирование структуры и институтов национального рынка - одно из приоритетных направлений национальной стратегии России. К сожалению, в стратегии 2020 этот важнейший элемент отсутствует [3].

Второй немаловажный вывод – Россия должна сменить политику модернизации (то есть перехода на западные или восточные технологии) на политику опережающего технологического развития, для чего необходимо создание собственных высоких технологий особенно в строительстве, легкой промышленности, сельском хозяйстве, медицине, образовании, в средствах коммуникации и т.д.

Российский собственный опыт не раз доказывал, что главными, приоритетными, являются внутренние проблемы, нерешенность которых способна развалить страну. Но в условиях XXI века внешний фактор по-прежнему серьезно влияет на внутреннее состояние России. Кроме этого, мир не становится безопаснее, меняется характер угроз, что по-прежнему оставляет в центре внимания теорию «Общества риска» У.Бека [4]. «Общества риска» У. Бека, преодолевают границы государств и получают глобальное значение [5].

Таким образом, западное общество готовится к новой экспансии на территорию или систему, откуда исходит риск. Но для этого по мнению У.Бека нужно «учредить и испытать ... транснациональные форумы и формы регулируемого, то есть признанного ненасильственного разрешения конфликтов между взаимоисключающими и часто взаимно враждебными национальным и космополитическим движениями», новым политическим субъектом должны стать «движения и партии граждан мира» [6].

Иными словами предлагается, что транснациональные политические движения, сформированные на базе западных обществ, должны договориться, как они будут

регулировать правила игры. Но главное, как нам видится, то, что это новое сообщество риска, или сообщество страха, индустриальных стран Запада уже не в состоянии воздержаться от «демократических крестовых походов», но основным является выбор направления, поиск «территории риска».

Задача России не стать этой территорией риска, и прежде всего для самой себя, а не по рецептам западных аналитиков.

Во многом национальная безопасность нашей страны зависит от того будет ли Россия использовать западные теории и опыт международных институтов или же начнется преодоление гуманитарного доминирования Запада и создание собственной, российской парадигмы развития.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М: Международные отношения, 2002. С. 108.
2. Там же. С. 149.
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года// <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.
4. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 2-3.
5. Там же. С.165-168.
6. *Beck U.* The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity// The British Journal of Sociology. Special issue: Sociology Facing the Next Millennium / Ed. by John Urry. 2000. Vol. 51. N 1. С. 102.

США И РОССИЯ: «ИРАКСКИЙ РАСКОЛ» И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

С. Ю. Шенин,

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Как известно, в марте 2003 г. Россия вместе с Францией и Германией не поддержали нападение США на Ирак. В результате, иракская кампания администрации Дж. Буша-мл. не получила одобрение СБ ООН и, соответственно, не была легитимизирована с точки зрения международного права, что очень болезненно воспринималось в Америке. Российское руководство не изменило своего мнения по поводу нападения США на Ирак и после начала кампании. Об этом, в частности, говорило очень жесткое заявление президента РФ В. Путина, который назвал нападение «большой политической ошибкой», подчеркнув, что военные действия против Ирака осуществляются «вопреки мировому общественному мнению, вопреки принципам и нормам международного права и устава ООН» [1].

Однако «раскольническая» позиция России не вызвала в этой связи отрицательных или мстительных оценок в США, чего можно было ожидать. Даже самые негативные оценки экспертов, которых было крайне мало, носили скорее снисходительный характер. Так, Э. Коэн из университета Дж. Хопкинса, С. Уолландер из Центра стратегических и международных исследований, Н. Злобин из Центра оборонной информации в Вашингтоне полагали, что Россия должна ощутить последствия сделанных ошибок – полностью ее прощать нельзя, нужно, как минимум, стать «менее восприимчивыми к чувствам русских» [2]. А по мнению такого авторитетного специалиста в сфере энергетики, как Д. Ергин, иракцы не должны давать доступ к нефти русским, поскольку они являлись защитниками режима С. Хусейна [3].

Однако подавляющее большинство экспертов и политиков единодушно требовали забыть об иракском расколе и двинуться навстречу России. Мнение большинства заключалось в том, что у Москвы были основания обижаться на Вашингтон, поскольку Путин во многих вопросах пошел навстречу Дж. Бушу-мл., особенно в войне с террором (разрешил базы в Центральной Азии, обмен разведывательной информацией и т. д.), а также «любезно согласился» с отказом США от ПРО и расширением НАТО; однако

никаких дивидендов он из этого не извлек, разве что признание легитимности антитеррористических операций в Чечне. За все это консерваторы в России сравнивали Путина с Горбачевым, «который всегда уступал американцам без получения чего-либо взамен» [4].

При этом, по мнению такого авторитетного специалиста по России, как А. Аслунд, еще во время обсуждения возможности свержения режима С. Хусейна Москва не собиралась сильно возражать против акции – ей хотелось лишь сохранить нефтяные концессии и торговые контракты, а также надеяться на выплату долгов Багдадом на сумму в 10 млрд. долл. Однако ее требования были Белым домом фактически проигнорированы. А поскольку антиамериканизм общественного мнения в России нарастал, а российские консерваторы на этом фоне становились все влиятельнее (особенно, в Министерстве обороны и МИДе), то Путин, понимая, что дальнейшие уступки могут серьезно ослабить его внутренние позиции, был вынужден перейти в лагерь Германии и Франции. А что ему было делать, вопрошали эксперты, если объемы торговли с Германией многократно превышают объемы с США и если в России «на носу» президентские и парламентские выборы? [5]

С другой стороны, Вашингтон утратил многие рычаги влияния на Москву: пока шли многолетние дискуссии об американо-российском сотрудничестве в сфере энергетики, российский нефтяной сектор сам крепко встал на ноги. Идея вступления России в ВТО перестала быть важным пунктом в повестке дня в России, ибо встречала здесь огромное сопротивление. После четырех лет экономического роста (в среднем по 6% в год) российская экономика больше не нуждалась и в финансовой помощи.

Более того, отмечали американские эксперты, Россия сама получила некоторые рычаги влияния на США. Например, являясь одним из главных кредиторов Багдада и членом Парижского клуба, она могла влиять на реструктуризацию долга Ирака в 380 млрд. долл. (а Вашингтон планировал списать, как минимум, $\frac{3}{4}$ этой суммы), без чего никакое послевоенное восстановление страны было невозможно. Учитывая, что Москве никто не простил ни цента, она может серьезно осложнить решение этой проблемы. То же самое относилось и к решению вопроса о ядерных программах Ирана и Северной Кореи – без Кремля решить эти вопросы было бы практически невозможно.

Наконец, с точки зрения экономики, РФ тоже имела кое-какие рычаги. В первую очередь, это было связано с тем, что американские корпорации принимали участие в ожесточенной борьбе за российские крупные нефтяные компании, в большинстве своем сильно недооцененные. Кроме того, увеличение импорта российской нефти также было очень выгодно с точки зрения интересов американской внешней политики.

Таким образом, к середине 2003 г. баланс взаимного влияния изменился. Если на протяжении последнего десятилетия США диктовали условия своих отношений с Россией, то война с Ираком показала, что Москва может сопротивляться требованиям Вашингтона и даже найти широкую международную поддержку такому сопротивлению.

Поэтому, подчеркивали многие политики и эксперты, пора отказываться от пока еще существующих настроений, унаследованных от времен холодной войны, от взаимных угрожающих акций, не имеющих смысла с точки зрения национальных интересов (например, полет эскадрильи российских бомбардировщиков, целью которого были объявлены американская авианосная группа и военная база на о. Диэго Гарсиа или демонстративная встреча заместителя госсекретаря М. Гроссмана с министрами иностранных дел стран антироссийской ГУУАМ и обещанием финансовой помощи этой организации). С. Сестанович, А. Аслунд, П. Сандерс (руководитель Никсоновского центра), М. Макфол, бывший сенатор С. Нанн и другие подчеркивали, что у РФ и США есть общие интересы в решении проблем терроризма, стабильности Ближнего Востока, развития Ирака, нераспространения ОМУ, мировой энергетики. Все это – вопросы глобальной повестки дня, которые без помощи России Америка не решит. Такие известные аналитические центры, как Комиссия по национальным интересам Америки и

России (возглавлявшаяся Д. Саймсом и Г. Эллисоном), Центр стратегических и международных исследований (CSIS) и даже корпорация РЭНД считали, что администрация должна проявить инициативу и первой протянуть руку дружбы России, иначе Америка больше потеряет, чем приобретет [6].

Администрацию, впрочем, долго уговаривать не пришлось: Буш-мл. и его команда открыто демонстрировали готовность пойти на сближение с Россией, несмотря на ее оппозицию войне в Ираке. К. Райс даже придумала изящную формулу, коротко описывавшую разное отношение администрации к членам оппозиционной европейской «тройки»: «Простить Россию, наказать Францию, проигнорировать Германию». Объясняя, почему Вашингтон отнесся мягче к Москве, чем к своим европейским союзникам, один из чиновников администрации полусмущенно заявил: «По мнению президента, Путин был сбит с пути истинного плохой компанией. Надо реалистично понимать насколько несформировавшимися остаются русские, и мы хотим дать им еще один шанс для исправления» [7]. Для развития «программы исправления» в отношениях двух стран уже были запланированы два российско-американских саммита – на начало июня в Санкт-Петербурге и на конец сентября в Кэмп-Дэвиде.

Результаты российско-американского саммита в Санкт-Петербурге (а также саммитов ЕС-Россия и «большой восьмерки» в Эвиане) были охарактеризованы западными экспертами как «три самых головокружительных дня в зигзагообразном посткоммунистическом путешествии России», которые сделали Путина «счастливым человеком». Вместе с торжествами в рамках саммитов ЕС-Россия и «большой восьмерки», подписанные Бушем и Путиным в Санкт-Петербурге ратификационные протоколы по СНП и декларация о новых стратегических отношениях, содержавшие согласие Путина не содействовать иранским и северокорейским ядерным программам, означали такое продвижение вперед, которое западные наблюдатели расценили как окончательное включение России в «семью западных народов» в качестве полноправного члена. «Семья» также сделала небольшой презент Путину, заявив, что референдум и амнистия в Чечне «являются важными шагами вперед» [8].

С особым удовлетворением в западной прессе подчеркивалось, что Путин продолжил политику уступок, благодаря чему в Санкт-Петербурге исчезли последние признаки оппозиции Кремля американской программе ПРО (Путин даже говорил о желании присоединиться к ней), а также расширению НАТО на прибалтийский регион. Фактически, по словам высокопоставленного американского дипломата, «иракская трещина между РФ и США была замазана» быстрее, чем с Германией и Францией, по причине хороших личных отношений между двумя президентами [9].

В конце сентября в Кэмп-Дэвиде тенденция на дальнейшее сглаживание иракского разрыва была закреплена. Хотя Путин сильно разочаровал Белый дом, отказавшись посылать русских солдат в качестве миротворцев в Ирак, тем не менее, там была согласована американская резолюция СБ ООН по широкой коалиции, которую Москва обещала поддержать в октябре. В ответ Дж. Буш заявил, что под руководством В. Путина в России «успешно развиваются демократия и свобода», а также подтвердил тезис о антитеррористическом характере войны в Чечне [10].

На фоне «потрясающих» личных отношений двух президентов эти положительные сдвиги сделали возможным восстановление экономического сотрудничества двух стран. Администрация стала активно стимулировать поток американских инвестиций в российскую экономику, правда, это касалось в основном нефтегазовой отрасли. Во время «энергетического саммита» (там же, в Санкт-Петербурге) со стороны влиятельных политиков раздавались громкие призывы помогать русским развивать инфраструктуру [11].

В июле замгоссекретаря А. Ларсен приехал в Москву и заявил о готовности поддерживать частные проекты нефтяного экспорта из России через займы правительства США и выделить кредит в 130 млн. долл. для строительства нефтяного терминала в

Санкт-Петербурге для «Лукойла», который приобрел в США сеть заправочных станций корпорации «ГеттиПетролиум» и намеревался обеспечивать их своим бензином. Этот проект настолько нравился администрации, что кроме кредита, по слухам, в Кэмп-Дэвиде обсуждалась возможность вернуть В. Аликперову, который был очень близок к В. Путину, для разработки месторождения Западная Курна, куда тот уже вложил большие деньги во времена С.Хусейна [12].

Активная поддержка администрации, личная дружба лидеров и смелые планы Путина, гласившие о том, что к 2010 г. Россия будет поставлять на американский рынок до 10% американского нефтяного импорта, привела к инвестиционному буму во второй половине 2003 г. Агентство Мудис подняла инвестиционный рейтинг России, индекс РТС стремительно рос (особенно перспективно выглядели «Лукойл», ЮКОС, «Норникель», «Сургутнефтегаз»), западные корпорации бросились покупать акции российских компаний. «Шелл», BP, «Эксон Мобил», «ШевронТексако» планировали инвестировать миллиарды в российский энергетический сектор. Россия, со своей стороны, проголосовала в СБ ООН за американскую резолюцию по Ираку и простила долг Багдаду.

Таким образом, «иракский фактор» недолго отравлял отношения двух стран – взаимные прагматические интересы позволили США и РФ очень быстро преодолеть раскол.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/03/40898.shtml>
2. *Schrader E.* After the War // Los Angeles Times. May 1, 2003. P.1; Bourge C. Deeper Rift Drive U.S.-Russia Iraq Split // United Press International. May 9, 2003.
3. *Yergin D.* Oil Shortage Conventional Wisdom // The Boston Globe. May 25, 2003. P.10.
4. *Anders A.* A Russia Resurgent // The New York Times. May 28, 2003. P.A23.
5. *Ibid*; *White G.* Putin Faces Pressure to Avoid Cozying Up to U.S. // Wall Street Journal. May 28, 2003. P. A11; *Fillipov D.* As Leaders Meet, Some Cold War Habits Endure // The Boston Globe. June 1, 2003. P. A.1.
6. *Ibid*; *Saunders P.* The U.S. and Russia after Iraq // Policy Review. June 1, 2003. P.27.
7. *Robbins C.* Beyond Baghdad // Wall Street Journal. May 30, 2003. P. A1.
8. *Steele J.* After Summit in St Petersburg and Evian // Guardian. June 5, 2003. P.23.
9. *Walsh N.* Putin and Bush heal rift on Iraq in midst of Festivities // The Guardian. June 2, 2003.
10. *Ibid.*
11. *Banerjee N.* Russia Sends U.S. a Signal about Iraqi Oil Contracts // International Herald Tribune. September 29, 2003.
12. *Ibid.*

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ США И ООН В ПЕРИОД ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО СРОКА ДЖ. У. БУША

В. С. Куш,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

После переизбрания Дж. Буша на второй президентский срок в 2004 году, основные декларируемые цели внешней политики США остались неизменными – победа над международным терроризмом и демократизация Ирака и Ближнего Востока. Однако, придя к власти Дж. Буш и его администрация подвергались критике за то, что «чрезмерная агрессивность и высокомерие, излишняя поспешность с началом иракской кампании поставили США в невыгодное положение, когда они не могут уйти из Ирака и не могут уговорить союзников существенно поддержать действия США. Американцам хотелось бы, чтобы в трудной борьбе с недемократическими режимами и террористами Соединенные Штаты были бы окружены другими странами, на которых перешла бы часть

ответственности за силовое регулирование и вместе с этим – часть критики и недоброжелательства» [1].

Д. Чоллит, эксперт Центра Стратегических и международных исследований и спичрайтер миссии США при ООН в период президентства У. Клинтона указывал: «в Вашингтоне появилась более трезвая оценка ограниченности американской мощи и влияния при односторонних действиях и большее понимание необходимости сильных и эффективных международных институтов. Существовала серьезная озабоченность по поводу резкого падения авторитета США – даже те иракские «ястребы», которые демонстрировали самую большую уверенность в правоте американских целей и глубокое пренебрежение к международному консенсусу, сейчас признают важность легитимности»[2].

Соединенные Штаты, сохраняя приверженность унилатерализму на словах, отказались от него на практике. И хотя риторика Буша осталась прежней, постулаты, из которых его администрация исходила в своих действиях, к 2004 году сошли на нет, а вместо них пришлось принять на вооружение прямо им противоположные. Именно пришлось, поскольку радикальная смена курса обусловлена учетом реалий, а не пересмотром идеологии. Соединенным Штатам придется наращивать свой сухопутный контингент в Ираке. Отсюда их пылкие призывы к союзникам отправить туда своих солдат. Таким образом, односторонний подход уступил место многостороннему.

После перевыборов Дж. Буша республиканцы пересмотрели свои прежние «унилатералистские» подходы к внешней политике. И попытались вновь вернуться в международно–правовое поле, поставив ООН на службу своим национальным интересам. Американцы начали переход от игнорирования к конструированию международного права. В Совете Безопасности США в этот период сработались с Францией для изоляции Сирии, позволили Международному уголовному суду начать расследование по делу геноцида в Судане, прекратили кампанию по смещению с должности главы МАГАТЭ М. Эль–Барадеи. В деле разрешения проблемы ядерных программ Ирана и Северной Кореи США стали поддерживать многосторонние переговоры, при этом настаивая на санкциях Совета Безопасности ООН. Когда представителей администрации США спрашивали о причинах изменений, они давали разные ответы. Некоторые отвечали, что продвижение Соединенных Штатов от ведения двух войн к послевоенному восстановлению является естественным движением вперед. Немногие признавали, что за время первого срока администрации Дж. Буша США негативно настроили против себя многих союзников, что требовалось исправить.

Ввиду необходимости осуществления национального строительства в Ираке для его демократического преобразования после окончания военных действий, президент Дж. Буш и новый Государственный секретарь К. Райс провозгласили «дипломатию преобразований» (*transformational diplomacy*). «Дипломатия преобразований» была нацелена на укрепление гражданского общества, развитие правового государства и культуры свободных выборов, побуждение к экономической открытости путем сокращения коррупции, ликвидации барьеров для бизнеса, повышения человеческого капитала через образование. Особое внимание уделялось ответственному и качественному управлению, экономическим реформам, развитию сильных региональных и местных организаций, как правительственных, так и неправительственных. «Дипломатия преобразований» в

отличие от традиционной межгосударственной дипломатии требовала действия на всех уровнях, вплоть до самых локальных.

Частью новой дипломатии являлась необходимость более широкого и творческого осмысления многосторонних институтов, осмысления того, что нужно сделать, чтобы они успешно справлялись с новыми вызовами и угрозами. В ООН Соединенные Штаты увидели очень важного партнера, способного развивать «дипломатию преобразований».

В период второго срока администрации Дж. Буша США начали активную подготовку к Юбилейному саммиту, посвященному 60-летию ООН, где должны были решаться основные вопросы реформы Организации. Вскоре после вторжения коалиции в Ирак, в ноябре 2003 года Генеральный секретарь ООН К. Аннан создал Группу высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам («Группа мудрецов»), в состав которой вошли 16 видных политических деятелей мира, чтобы они выработали рекомендации о необходимых переменных в Организации Объединенных Наций. Многие увидели в создании этой группы попытку К. Аннана ограничить возможности стран-членов ООН действовать единолично без согласования с Советом Безопасности и другими международными организациями.

Когда в марте 2004 года К. Аннан огласил свой план реформ, он выразил желание, чтобы его предложения одобрили на встрече на высшем уровне, приуроченной к шестидесятилетию ООН. При этом он дал понять, что одна из главных целей его реформ – ограничить возможности своеобразных, несогласованных с ООН действий стран подобных тем, какие привели к свержению С. Хуссейна.

2 декабря 2004 года был обнародован доклад Группы высокого уровня «Более безопасный мир: наша общая ответственность», который содержал 101 рекомендацию по борьбе с глобальными угрозами международному сообществу, включая терроризм, оружие массового уничтожения, межгосударственные и внутригосударственные конфликты, геноцид, организованную преступность, нищету, инфекционные заболевания и деградацию окружающей среды. 23 марта 2005 года вышел доклад Генерального секретаря ООН К. Аннана «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех», представляющий программу реформирования ООН и системы международных отношений на основе идей Группы высокого уровня.

Соединенные Штаты не оставили данные инициативы без ответа. В декабре 2004 года США сформировали свою собственную консультативную группу относительно реформ в ООН, которую возглавили бывший спикер Палаты представителей Н. Гингрич и бывший лидер сенатского большинства Дж. Митчелл. Почти одновременно с докладом К. Аннана вышел доклад Группы Гингрича–Митчелла «Американские интересы и реформа ООН». Начало проводится активное обсуждение данной проблемы в академических кругах, предприниматься ряд законодательных инициатив в данной области Конгрессом.

Кроме того, Конгресс инициировал расследование коррупции в стенах ООН, связанной с осуществлением программы «Нефть в обмен на продовольствие». Сам К. Аннан был едва не отправлен в отставку в результате того, что американский сенатор Н. Коулман обвинил его в крупных махинациях в рамках осуществления программы «Нефть в обмен на продовольствие», которая была создана после первой войны в Персидском заливе и должна была контролировать нефтяной экспорт Ирака при С. Хусейне. Целью программы было облегчение тягот, которые

испытывало население Ирака в результате введенных ООН санкций. В её рамках страна получала возможность продавать нефть и использовать выручку для импорта продовольствия, медикаментов и других предметов гуманитарного характера.

В результате расследования, независимая Комиссия во главе с бывшим председателем правления Федеральной резервной системы США П. Уолкером пришла к выводу, что значительная часть доходов от продажи нефти оказалась в руках С. Хусейна, чиновников ООН и политиков из разных стран мира, в частности России, Китая и Франции. Выводы независимой Комиссии Уолкера сняли обвинения с К. Аннана, но в документе содержалась резкая критика его подчиненных: главы канцелярии генсека И. Ризы, бывшего заместителя генсека по вопросам администрации и управления Дж. Э. Коннора и директора управления служб внутреннего надзора Д. Наира. Их обвинили в уничтожении документов, относящихся к деятельности гуманитарной программы, взяточничестве и финансовых махинациях.

Согласно выводам следствия, подчиненные действовали без ведома К. Аннана и вопреки его инструкциям. Доклад комиссии констатировал, что К. Аннан утратил контроль над программой «Нефть в обмен на продовольствие», и призывал к коренному реформированию ООН. Приоритетом для США, согласно докладу, должна была стать административная реформа ООН.

С. В. Кортуннов так расценил ситуацию: «В этом контексте далеко не случайно многие предложения К. Аннана идут навстречу интересам США. Например, идея создания Совета по правам человека, членство в котором будет ограничено для таких стран как Сирия, Ливия или Судан, хорошо ложится в основу будущей проамериканской Антитеррористической конвенции. Это позволит избежать американцам ситуации, которая сложилась в 2003 году, когда представителям США в ООН пришлось довольно долго уговаривать временных членов Совбеза – Гвинею, Камерун и Анголу – поддержать новую резолюцию СБ по Ираку, так как по Уставу Организации Объединенных Наций без их слова этот вопрос не мог быть решен. То же самое можно сказать и о более жестких определениях террористической деятельности, подлежащей немедленной реакции со стороны международных сил. Очевидно и то, что США продолжают оказывать давление на Генсека, чтобы вынудить его согласиться на ту модель трансформации институтов ООН, которая устраивает США сегодня. Она сводится к одному: ООН должна стать более эффективно управляемой и финансируемой»[3].

В апреле 2005 года Государственный секретарь США К. Райс заявила, что Организация Объединенных Наций не сможет остаться важной и действенной силой в международных отношениях, если не проведет внутреннюю реформу. Госсекретарь также выступила в поддержку кандидатуры Д. Болтона, номинированного президентом Бушем на должность постоянного представителя США при ООН. Острые критические высказывания Д. Болтона в адрес ООН вызвали у многих сомнения в его кандидатуре. Как-то, например, он заявил, что можно было бы снести верхние десять этажей штаб-квартиры ООН (эти этажи занимает руководство Организации). Высказывания Д. Болтона, по словам Государственного секретаря К. Райс, необходимы для преодоления трудностей в работе международной организации. «Конечно, очень приятно было бы слышать, что в ООН все прекрасно. Однако нельзя не признать, что в ее работе есть существенные недостатки. Все это знают, и их необходимо ликвидировать. Д.

Болтон обязуется передо мной и перед президентом Бушем делать то, в чем всегда нуждалась ООН: обеспечивать американское лидерство в деле обновления, реформирования и укрепления этой великой организации», - заметила она[4].

В сентябре 2005 года Госдепартамент США в позиционном документе по реформе ООН сформулировал приоритеты США в данной области [5]:

- Административная (управленческая) реформа ООН.
- Создание Совета по правам человека.
- Создание Фонда демократии.
- Создание Комиссии по миростроительству.
- Заключение Всеобъемлющей Конвенции против международного терроризма.
- Оказание помощи в целях развития.

Американская администрация полагала, что реформа ООН должна привести к повышению эффективности Организации и максимально приблизить ее к замыслу отцов-основателей, то есть продвижению мира, экономического развития и прав человека. Соединенные Штаты исходили из того, что успешно модернизировать ООН можно только коллективными усилиями, и что реформирование Организации – это сложный и затратный по времени процесс. Они полагали, что реформой ООН необходимо заниматься во всей её целостности, и проблема расширения Совета Безопасности не должна быть исключительным приоритетом для членов Организации и ее Секретариата.

В сентябре 2005 года прошел «Саммит-2005», на который съехались большинство глав государств и правительств государств-участников ООН. Мировая общественность и лидеры государств возлагали большие надежды на Юбилейный саммит, проводимый в честь 60-летия ООН, как на решающий в деле реформирования ООН. Переговоры по Итоговому документу саммита проходили с трудом. Представители США заявили, что переговорный процесс застопорился из-за четырех стран: Египта, Китая, России и Пакистана. Другие государства считали, что причиной разногласий стала жесткая линия, которую занял представитель США при ООН Д. Болтон. Он пытался включить в Итоговую декларацию более 700 поправок. Проявив волю, государства-члены в конечном итоге все же вышли на сбалансированный документ, который по всеобщему признанию стал хорошей программой действий ООН на предстоящий период.

В вышедшей в марте 2006 года Стратегии национальной безопасности уделялось внимание реформе ООН, что означало намерение США заниматься данным вопросом и после завершения «Саммита-2005». В документе говорилось о том, что «США поддерживают реформу ООН с целью повышения эффективности проводимых ею миротворческих операций, а также усиления подотчетности, внутреннего надзора и большей ориентации менеджмента на результат». В Стратегии излагалась следующая позиция Белого дома по многосторонней дипломатии: отношения США с основными центрами силы мировой политики должны «поддерживаться соответствующими институтами, региональными и глобальными, нацеленными на более долговременное, эффективное и всеобъемлющее сотрудничество. Там, где существующие институты можно реформировать, сделать их способными к решению новых проблем, мы совместно с нашими партнерами должны их реформировать. Там же, где необходимые институты отсутствуют, мы совместно с нашими партнерами должны их создать»[6].

В начале декабря 2006 года постоянный представитель США при ООН Д. Болтон, непопулярный как в самой ООН, так и в значительной части политических кругов США за свою язвительную и непримиримую критику Организации, ушел со своего поста, на который был назначен З. Халилзад. В 2006 году, когда большинство в Конгрессе получили демократы, президент Дж. Буш продолжал настаивать на том, чтобы эту должность занимал Д. Болтон, однако под давлением, он был вынужден с неохотой принять его отставку. Новый постпред З. Халилзад стал проводить в ООН более мягкую линию, нацеленную на установление партнерских отношений с другими членами Организации для проведения эффективной реформы ООН.

В конце декабря 2006 года К. Аннан, занимавший должность Генерального секретаря с января 1997 года, также покинул свой пост по истечении срока полномочий. В своей прощальной речи, произнесенной в Президентской библиотеке им. Г. Трумэна в США, он осудил политику администрации Дж. Буша, указав что «ни одна нация не может обеспечить свою безопасность, стремясь к верховенству над другими» и что «ни одно государство не может сделать свои собственные действия легитимными в глазах других». Он также напомнил слова президента США Г. Трумэна, который сказал: «Нам всем необходимо признать, что вне зависимости от того насколько велика наша мощь, мы должны отказать себе в праве всегда делать то, что мы хотим»[7].

Сходной критике администрацию Дж. Буша подверг З. Бжезинский: «В наш век безопасность одной отдельно взятой страны является химерой. Стремление к безопасности должно включать усилия, направленные на мобилизацию глобальной поддержки этих усилий. В противном случае международное недовольство и зависть по поводу верховенства Америки могут стать угрозой её безопасности»[8].

Преемником К. Аннана был избран Пан Ги Мун, занимавший до этого пост министра иностранных дел Республики Корея (Южной Кореи). С приходом нового Генерального секретаря ООН, кандидатуру которого активно поддерживали США, многие заговорили о потеплении их отношений с ООН. Член Совета национальной безопасности США при Буше--старшем Б. Скоукрофт заметил: «Впервые за всю историю ООН пост генсека займет союзник одного из постоянных членов Совета Безопасности», имея в виду, что Южная Корея является союзником США[9].

Став Генеральным секретарем, Пан Ги Мун пообещал продолжить усилия К. Аннана по реформированию ООН и возрождению к ней доверия. После вступления в должность новый генсек отправился в Вашингтон. По возвращении в Нью-Йорк он выразил полное удовлетворение встречами с президентом Дж. Бушем и лидерами Конгресса, отметив, что в разговорах с ними делал акцент на положительных аспектах отношений со страной, обеспечивающей примерно четвертую часть бюджета ООН.

Бывший директор Бюро Организации Объединенных Наций в Северной Америке Ж. Фомренд отмечал, что с одной стороны, Вашингтон совершал нападки на Генерального секретаря К. Аннана из-за ситуации вокруг программы «Нефть в обмен на продовольствие» и его критики военного вторжения в Ирак, а с другой стороны, критики США жаловались, что он был слишком уступчив перед американцами. Назначение Пан Ги Муна было многими воспринято как признак недовольства Вашингтона К. Аннаном, а также демонстрацию превосходства американской мощи над ООН. Ж. Фомренд также указывал, что Пан Ги Мун не пользовался поддержкой развивающихся стран, с точки зрения которых, его

первые меры по реорганизации Секретариата ООН и другие реформенные предложения были направлены, прежде всего, на удовлетворение требований США, ограничивая при этом влияние развивающихся стран в Организации[10].

Стоит отметить, что администрация Дж. Буша в своем подходе оставляла за Организацией Объединенных Наций решение проблем в основном гуманитарного, социального и экономического характера, таких как борьба с голодом, нищетой, безграмотностью, инфекционными заболеваниями, устранение последствий природных катастроф, решение вопросов развития, демократии, прав человека. Особое значение Соединенные Штаты придавали роли ООН в поддержке и развитии демократических движений и институтов во всех странах и построении демократических государств с качественной системой управления. По их мнению, деятельность ООН является просто незаменимой в таких государствах как Бирма, Судан, Иран и Северная Корея.

Первоочередное право решать вопросы военно-политического характера США закрепляли собой, утверждая, что успех многостороннего подхода измеряется не следованием процессу, а достижением результатов, и что важным является рассмотрение ООН и других многосторонних институтов как одного варианта из множества. Данный подход к ООН и другим многосторонним институтам находится в рамках американской внешнеполитической традиции. Кроме того, в соответствии с законодательством США, внутреннее право имеет приоритет над международными соглашениями.

Уже в первый срок администрации Дж. Буша, часто ассоциируемого с неоконсерватизмом, Соединенные Штаты представили четкую позицию по проблеме реформирования ООН. В частности, были сформулированы цели, принципы реформы и подходы к усовершенствованию органов системы ООН. Дополненная выделением конкретных приоритетов в реформе, данная позиция активно продвигалась Соединенными Штатами в период второго срока президентства Дж. Буша. Эклектичность внешней политики Буша, где сочетались такие компоненты как упор на военную силу, смена режимов, насильственная демократизация и внимание к реформе ООН была связана, по всей вероятности, с борьбой противоборствующих групп в администрации президента. На Дж. Буша оказывали влияние как сторонники односторонних и силовых методов внешней политики – «ястребы» в лице Д. Чейни, П. Вулфовитца, Р. Перла, чья позиция была особенно усилена после терактов 11 сентября 2001 года, так и «голуби» в лице Государственного секретаря К. Пауэлла и ряда влиятельных членов администрации, Конгресса и академического сообщества, которые выступали за многосторонность во внешней политике США.

Ярким тому подтверждением, на наш взгляд, явилась ситуация вокруг Ирака. Прежде чем начинать войну, США все же обратились в ООН и активно добивались подкрепления своей позиции принятием резолюции, санкционирующей применение силы Советом Безопасности. Не добившись нужных результатов, США обратились в НАТО, где также не получили желаемой поддержки.

Позиция администрации Дж. Буша по реформе Организации Объединенных Наций характеризуется конкретностью и целенаправленностью. Администрация Буша выделила приоритетные направления реформы и сформулировала четкие цели и задачи. Целью реформы ООН стало максимальное её приближение к замыслу отцов-основателей, то есть продвижению мира, экономического развития, демократии и прав человека. Главной особенностью позиции администрации Дж.

Буша являлось неприятие такого положения дел в ООН, когда равное право голоса имеют страны с демократическим и недемократическим строем. К особенностям позиции США относилось и то, что в то время как многие страны уделяли значительное внимание вопросу расширения Совета Безопасности ООН, Вашингтон был сосредоточен на административной реформе Организации с тем, чтобы добиться высокой степени её управляемости, прозрачности и подотчетности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Шаклеина Т.А.* Второй срок Администрации Буша: Старые проблемы и новые подходы. М., 2006. С. 4.
2. *Chollet D.* UN, Rediscovered // *The National Interest*. 2007. № 88. Mar. /Apr. P. 57-58.
3. *Кортунов С.В.* Реформа ООН и национальные интересы России // *Безопасность Евразии*. 2005. №3. С. 170-171.
4. Кондолиза Райс: необходима реформа ООН // <http://www.voanews.com/russian/archive/2005-04/2005-04-16-voa6.cfra> (дата обращения 18.06.2007).
5. U.S. Priorities for a Stronger, More Effective United Nations. Bureau of Public Affairs, Washington, DC, September 8, 2005. // <http://www.state.gov/r/pa/scp/2005/52982.htm>. (дата обращения 11.11. 2006).
6. The National Security Strategy of the United States of America. The White House, Washington, March 2006. // <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss/2006/nss2006.pdf>. (дата обращения 16. 01. 2008).
7. Secretary-General Kofi A. Annan, Truman Library (US), 11 December 2006. // http://www.un.org/News/ossg/sg/stories/statments_full.asp?statro (дата обращения 13.09.2008).
8. *Бжезинский З.* Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2007. С. 269.
9. Пан Ги Мун, новый Генеральный секретарь ООН. 10 ноября 2006. // <http://www.vbanews.com/russian/news/a-33-2006-11-10-voa3.html> (дата обращения 22.01.2009).
10. *Fomerand J.* UN-U.S. Relations from the Standpoint of the Organization: What Can the UN Do with an «Indispensable Nation» and «Reluctant Sheriff»? // *American Foreign Policy Interests*. 2007. Vol. 29. Issue 4. P. 267.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ДЖ. БУША-МЛ. НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ: ОТ ИЗОЛЯЦИОНИЗМА К «ДОКТРИНЕ БУША»

*О. К. Рыбалко,
Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского*

В 2001 году республиканец Джордж Уокер Буш стал хозяином Белого дома. На пост президента бывший губернатор Техаса взошел, весьма приблизительно ориентируясь в вопросах внешней политики. Его международная программа не представляла большого интереса и не была определяющей для американских граждан во время выборов. Но именно от позиции американского президента и его внешнеполитической концепции, после выборов изменившейся до неузнаваемости, вскоре стала зависеть судьба многих государств и народов мира.

До победы на президентских выборах Джордж Буш-мл. практически не имел опыта ведения внешнеполитических дел. Долгое время его знания, например, о Советском Союзе ограничивались данными, почерпнутыми из курса лекций, прослушанного в юности в Йельском университете [1]. Свое мнение о китайской Культурной революции он составил, катаясь на велосипеде по улицам Пекина – в 1975 году он приезжал туда навестить отца, занимавшего должность посла в Китае [2]. Уже будучи претендентом на президентское кресло, Буш-мл., давая интервью, путал термины и понятия, ошибался в названиях стран и национальностей.

Очевидно, что свою концепцию внешней политики республиканский кандидат готовил под чутким руководством целого корпуса советников и соратников, во главе которого была Кондолиза Райс. Проректор Стэнфордского университета, бывший эксперт-советолог в Совете национальной безопасности при Дж. Буше-старшем, она стала

наставником будущего 43-го президента США в вопросах международных отношений и была выдвинута на пост советника по национальной безопасности.

Внешнеполитическая программа Дж. Буша-мл. была соткана из компромиссов между двумя борющимися группировками внутри Республиканской партии – интернационалистами, поддерживавшими развитие отношений с такими державами, как Китай, и изоляционистами, с глубоким подозрением относившимися к Организации Объединенных Наций, Международному валютному фонду и Всемирной торговой организации [3].

Основным принципом этой программы был отказ от активного вмешательства во внутренние дела других стран. В случае необходимости это вмешательство должно было быть предельно избирательным и продиктованным соображениями защиты собственных национальных интересов Соединенных Штатов [4]. Подобного мнения придерживались Кондолиза Райс и Колин Пауэлл, в августе 2000-го года номинированный республиканским конвентом на должность госсекретаря. Генерал Вооруженных сил США был твердо убежден, что военную силу можно использовать только в самых крайних случаях. На этих же позициях в период предвыборной борьбы стоял и Дик Чейни, претендент, одобренный республиканским конвентом на пост вице-президента [5]. Администрация Клинтона критиковалась Бушем и его сторонниками за вмешательство в косовский кризис (Косово и Босния, по мнению Буша, не затрагивали сферу американских национальных интересов), которое привело к основательному ухудшению отношений с Китаем и Россией.

В отличие от своего главного противника Альберта Гора, выступавшего за энергичное вмешательство США за границей, Джордж Буш настаивал на «скромной» внешней политике. Скромность – вот то качество, которое, по мнению республиканского кандидата, должны демонстрировать Соединенные Штаты в процессе международных отношений: «...Я думаю, для нас лучше прекратить выглядеть страшными американцами, навязывающими всему миру свою модель поведения. Я считаю, Соединенные Штаты должны быть скромными; должны быть гордыми и уверенными в собственных ценностях, но скромными во взаимоотношениях с нациями, избирающими свой путь» [6].

Подобные заявления давали политическим противникам Буша основания для обвинения его в изоляционизме, а рядовым американским гражданам – повод надеяться на умеренную, сдержанную внешнюю политику и сосредоточенность на собственных национальных интересах.

Трагические события 11 сентября 2001 года заставили президента – республиканца в корне пересмотреть свое отношение к месту и миссии США в международных отношениях. Перед лицом нового, незримого и невиданного ранее врага – глобального терроризма – скромность была неуместна. Соединенные Штаты столкнулись со злом, борьба с которым стала определяющим направлением американской внешней политики и священной обязанностью Буша-мл.

Став «президентом с миссией», Дж. Буш истолковал ее в соответствии со своим пониманием американского исторического предназначения и конкретной задачи в век борьбы с терроризмом. В обращении к нации на следующий день после террористических актов Дж. Буш заявил, что США не будут делать различий между теми, кто спланировал атаки на США, и теми, кто укрывает на своей территории террористов. США брали на себя широкие обязательства по преследованию террористов и тех, кто их укрывает и спонсирует. Буш сформулировал эту позицию, впоследствии получившую название «доктрины Буша», самостоятельно, без консультаций с Р. Чейни, К. Пауэллом или Д. Рамсфелдом. Он использовал такой подход вместо прежнего, предусматривавшего целевые удары возмездия [7].

Президент решил, что борьба с терроризмом будет главным приоритетом деятельности администрации, независимо от того, как долго она продолжится. Он заявил:

«Наша ответственность перед историей нам ясна: ответить на эти атаки и избавить мир от зла». Президент обрисовал свою миссию и миссию Америки как «план Господа» [8].

Вторым ключевым моментом доктрины Буша был тезис о необходимости предотвращения угрозы до ее возникновения – использование так называемого упреждающего удара, средства, которое до тех пор всегда считалось крайней мерой [9]. Доктрина обосновывала право США на нанесение подобного удара, при этом было заявлено, что Америка готова применять такую меру в отношении всякого, кто будет сочтен хотя бы потенциально опасным.

Доктрина исходила из того, что наступающая сторона имеет несомненное превосходство. Перехват инициативы позволяет атакующему навязать свои волю и способ действий потенциальному агрессору. Как сказано в Стратегии национальной безопасности, принятой в сентябре 2002 года и отразившей главные постулаты новой внешнеполитической концепции Буша, «наилучшей формой обороны является хорошее наступление», а «чем страшнее угроза, тем выше стоимость риска ввиду бездействия» [10].

Вооружившись новыми принципами ведения внешней политики, Джордж Буш-мл. начал войну в Афганистане, а после ее окончания с помощью своей доктрины обосновал необходимость войны в Ираке. Возражения стран-членов СБ ООН против начала иракской кампании разбились о твердую убежденность Буша-мл. в смертельной опасности, которую Саддам Хусейн представляет для Соединенных Штатов; тем более, в доктрине Буша закрепилось положение о готовности США в случае необходимости для американских национальных интересов действовать в одиночку, не дожидаясь одобрения международного сообщества [11].

Кроме объявления войны террору и принятия тактики упреждающего удара, важнейшим пунктом доктрины Буша был тезис о необходимости «пропагандировать свободу и надежду как альтернативу вражеской идеологии угнетения и страха» [12]. Этот тезис составил основу так называемого «Плана свободы», предполагавшего помощь в свержении тиранических режимов и установлении демократического правления в странах, которые в этом нуждаются. Высокие устремления «Плана свободы» сильно отличались от той осторожной позиции, которую занимал Буш-мл. в вопросе так называемого «национального строительства», будучи кандидатом на президентское кресло: «Когда я участвовал в предвыборной гонке, я даже не предполагал, что мне придется выполнять такую миссию. Осенью 2000 года Эл Гор и я обсуждали наиболее актуальные вопросы, стоящие перед Америкой. Не раз в разговоре всплывали слова *Афганистан, бен Ладен* или *Аль-Каида*. Мы обсуждали государственное строительство. “У нас с вице-президентом имеются разногласия в использовании войск, - заявил я в первых дебатах. – Я постараюсь максимально продуманно подходить к участию наших войск в национальном строительстве”. В то время меня беспокоило превышение полномочий нашими военными в миротворческих миссиях, проводимых в Боснии и Сомали. Но после 11 сентября я изменил свое мнение» [13].

Беспокойство президента Буша-мл. по поводу нарушения суверенитета других государств и позиция невмешательства в их внутренние дела сменились его неколебимой уверенностью в предназначении Америки нести «божественный свет свободы» всем, кто в нем нуждается – осознанно или неосознанно [14]. Вступая в должность президента Соединенных Штатов во второй раз в январе 2005 года, Джордж Уокер Буш в своей инаугурационной речи заявил: «Все произошедшее и здравый смысл научили нас одному: сохранить свободу на нашей земле можно, только сражаясь за свободу в других странах. Лучшая гарантия мира на планете – распространение свободы... Политика Соединенных Штатов заключается в поиске и поддержке демократических движений и организаций в каждой нации и культуре, а наша конечная цель – полное уничтожение тирании» [15].

Смена политических режимов в Палестине, Ливане, Грузии, Украине во многом была следствием реализации «Плана свободы». Президент Буш больше не опасался

навязывать другим нациям американские ценности, взяв курс на их активное распространение.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Буш Дж. Ключевые решения. М., 2011. С. 29.
2. Там же. С. 38-39.
3. Sanger D.E. The 2000 Campaign: World Views . A special report; Rivals Differ On U.S. Role In the World // The New York Times. 2000. October, 30.
4. Newsmaker: George W. Bush. 2000. February 16. Transcript // PBS Newshour // http://www.pbs.org/newshour/bb/politics/jan-june00/bush_02-16.html?pr/
5. Шенин С. Ю. «Ястребы» и «голуби» в команде Дж. Буша-мл.: на исходных позициях (2000-2001 гг.) (не опубликована).
6. Presidential Debate at Wake Forest University. Oct., 2000. // http://www.ontheissues.org/Wake_Forest_debate.htm
7. Woodward B. Bush at War. N.Y., 2002. P. 26.
8. Ibid. P. 58.
9. Уткин А. И. Доктрина Буша: концепция, разделившая Америку // Россия в глобальной политике. № 4. Июль - Август 2005 // http://www.globalaffairs.ru/number/n_5457
10. Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки. Сентябрь 2002 года. С. 7, 16.
11. Там же. С. 17.
12. Буш Дж. Указ. соч. С. 452.
13. Там же. С. 243-244.
14. Woodward B. Plan of Attack. N.Y., 2004. P. 58.
15. Буш Дж. Указ. соч. С. 451-452.

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ И АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА (НА ПРИМЕРЕ ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ США В АФРИКЕ)

Е.И. Ряскова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Одной из центральных установок современной внешнеполитической стратегии США, наряду с обеспечением безопасности и процветания страны, является продвижение демократии. Миссия США как крупнейшей либерально-демократической державы усматривается в стимулировании и направлении глобального процесса демократизации. Хотя тяга к демократическому преобразованию мира по американскому подобию издавна является одной из черт внешней политики США, возведение этой задачи в ранг официальной политики представляет собой нововведение последних лет [1].

В широком смысле слова гуманитарный курс внешней политики США рассматривается как комплексная программа действий, имеющая много составляющих, включая военно-политическую и экономическую. Расширение НАТО, например, трактуется как важнейшая реформа в направлении продвижения и поддержания процедур демократического транзита. Еще теснее связывается с демократизацией поддержка рыночных реформ в экономике и экономической интеграции как важнейших предпосылок консолидации молодых демократий [2].

В узком смысле под гуманитарным аспектом внешней политике США понимается конкретная деятельность ряда министерств и ведомств по внедрению норм и институтов американской демократии в законодательство и практику других государств, поддержание там собственного влияния и создания институтов или групп лоббирования американских интересов на заданной территории. Основным инструментом здесь является Агентство международного развития, оказывающее техническое и финансовое содействие на таких направлениях, как обеспечение прав человека, проведение открытых и честных выборов,

укрепление гражданского общества и режима подотчетности государственных органов [3].

Обновленное толкование внешнеполитического курса США после окончания холодной войны во многом проявилось в нарастании его гуманитарного аспекта. Наряду с процессами экономического и военного вмешательства в разные регионы мира, администрация США добавила еще один действенный рычаг. Суть его выражается в следующем тезисе: США как единственная держава современного мира, обладающая достаточной волей (политической, социальной, экономической, военной) и сведениями о построении «настоящей» демократии берет на вооружение гуманитарные принципы проведения внешнеполитической линии в отношении с интересующими их странами. Эти принципы призваны защитить молодые государства от всевозможных угроз, которыми могут стать как насаждение недемократических способов построения подобных государств, так и разного рода вмешательства (экономические, военные и т.д.) в них, противоречащие интересам США.

Эти факторы и потенциальные угрозы активно используются американскими политиками в качестве предлогов для обоснования важности африканского направления внешней политики в общей системе приоритетов гуманитарно-политического военного курса Вашингтона.

Действенным инструментом распространения американского влияния являются программы военной помощи, реализуемые Пентагоном в первую очередь в тех африканских государствах, где США имеют устойчивые политические, военные или экономические интересы. В основном такие программы ориентированы на развитие миротворческого потенциала и антитеррористических компонентов африканских ВС, что, во-первых, является востребованным с учетом новых угроз и вызовов, а во-вторых, позволяет американцам продемонстрировать международному сообществу гуманитарную направленность своих внешнеполитических устремлений [4].

Значимость вопросов, связанных с африканским миротворчеством и обеспечением региональной безопасности, возросла в конце 1990-х гг. на фоне потрясших мир актов геноцида в Руанде и Бурунди. В качестве ответной реакции администрация Б. Клинтона сформулировала и официально озвучила в 1996 г. концепцию создания Африканских сил кризисного реагирования (АСКР). Однако эта амбициозная, но не до конца продуманная программа не была принята африканцами и не получила поддержки европейских союзников, что вынудило США в конце концов отказаться от ее практической реализации. Концепция АСКР была доработана, после чего ее название трансформировалось в «Инициативу кризисного реагирования в Африке» (ИКРА).

Новая американская инициатива была представлена в качестве одной из важных составляющих африканской политики президента Б. Клинтона. Целью ИКРА декларировалось повышение возможностей стран континента эффективно участвовать в операциях, проводимых на базе правовых норм главы VI Устава ООН, то есть преимущественно в операциях по поддержанию мира (ОПМ) [5]. За время действия программы ИКРА (1997-2002) в ее рамках прошли подготовку около 9 тысяч африканских миротворцев, которые в последующем приняли участие в нескольких ОПМ в различных государствах Африки.

В мае 2002 года администрация Дж. Буша-мл. официально сформулировала проект новой программы, получившей название «Содействие странам Африки в подготовке к действиям в чрезвычайных обстоятельствах» (АКОТА). Новым моментом явилась переориентация учебного процесса с методики проведения операций по поддержанию мира в рамках главы VI Устава ООН на боевые операции в соответствии с главой VII (принуждение к миру) [6]. Такое акцентирование подготовки африканских миротворцев на силовых вариантах урегулирования конфликтов во многом объясняется настойчивым стремлением Соединенных Штатов узаконить в практике международного

миротворчества новый тип вооруженных интервенций, лишь формально проводимых под флагом ООН.

Представляется целесообразным дать краткую характеристику еще одной американской программе, известной под названием «Подготовка и обучение иностранного военного персонала» (ПОИВП). За период своего существования ПОИВП превратилась в один из эффективных и реально действующих механизмов распространения американского идеологического влияния, внося существенный вклад в формирование американского лобби в рядах военной и политической элиты многих, в первую очередь развивающихся, стран мира [7].

Краткий анализ содержания основных американских программ военной помощи странам Африки позволяет говорить об их едином замысле. Конечной целью этой деятельности является обеспечение контроля ключевых вопросов национального военного строительства, что с учетом особой роли и статуса армий государств Черного континента во внутривнутриполитических процессах позволит Соединенным Штатам обеспечить их развитие в нужном для себя направлении.

Заметим также, что целью гуманитарной политики США в Африке является развитие сети хорошо управляемых государств, способных на основе суверенитета защищать себя и оказывать содействие региональной безопасности. Соединенные Штаты полагают, что подобные ожидания совпадают с растущим интересом африканского региона к ценностям свободы, верховенства права и коллективной безопасности в рамках НЕПАД. Новое партнерство в интересах развития Африки (НЕПАД) приобретает роль механизма коллегиального обзора, что качественно умножает усилия африканских лидеров по развитию демократии и надлежащего управления [8]. Проведение данной политики, кроме того, оказывает благотворное влияние на процессы в сфере международной безопасности.

Отметим, что американцы преследуют общую цель прекращения конфликтов в Африке, являются посредниками в конфликтах и в процессах по укреплению потенциала африканских стран, по смягчению конфликтов и проведению операций по поддержанию мира. Для этого ими выполняется работа непосредственно в качестве посредников на двусторонней основе с правительствами африканских стран, и на многосторонней основе с Африканским Союзом, Организацией Объединенных Наций и африканскими субрегиональными организациями. Проще говоря, США всячески стремятся оказать поддержку африканским властным институтам в решении локальных проблем.

Особое внимание следует уделить такой стороне деятельности Соединенных Штатов, как внешняя помощь регионам Африки. Правительство США оказывает помощь 47 африканским странам, и американское Агентство по международному развитию действует в 23 двусторонних миссиях на континенте. За время его работы были созданы три региональных представительства для поддержки деятельности в странах с ограниченным присутствием АМР США и управления программами укрепления институционального потенциала, которые вносят свой вклад в стабильное и безопасное развитие Африки [9]. В целом миссия АМР США в Африке – это просвещение и обновление тактики работы государственных организаций региона по таким параметрам, как эффективное управление и инновационные подходы к охране здоровья, образования, экономического роста, сельского хозяйства и окружающей среды.

Внешнеполитические приоритеты США в Африке имеют очень широкую направленность. Так среди них мы можем отметить:

- расширение стратегического партнерства;
- консолидацию демократических преобразований, укрепление региональных и субрегиональных организаций;
- укрепление регионального потенциала безопасности, укрепление африканского сотрудничества в борьбе с терроризмом;
- стимулирование экономики Африки в области развития и роста, гуманитарная помощь и развитие программы помощи.

Контуры нового подхода к Африке определяются отсутствием на континенте острых угроз безопасности США.

Перейдем к политическим аспектам проведения гуманитарного внешнеполитического курса США в Африке. Важным пунктом здесь выступает концепция справедливого и демократичного управления.

Для повышения стабильности и развития направлений функционирования демократических процедур Соединенные Штаты оказывают поддержку по укреплению демократических институтов в Африке, а также содействуют реализации основных реформ. Продвигая демократические системы и практики, США поддерживают работоспособность механизма демократического транзита в регионе. Кроме того, Соединенные Штаты Америки ведут диалог с Африкой в таких важных сферах, как управление, прозрачность и подотчетность, что поможет созданию плюралистического сообщества, где открытый политический диалог откроет путь для реформ и прогресса. Становление демократических, хорошо управляемых государств, руководствующихся принципом верховенства права и прислушивающихся к воле своего народа, способствует стабилизации международной системы.

Соединенные Штаты Америки проводят активную внешнюю политику по отношению к Черному континенту. Ее гуманитарный аспект приобретает все большую значимость для американской администрации. Справедлив, на наш взгляд, тот факт, что США проводит навязывание своих политических установок и демократических ценностей в африканском регионе, прикрывая данный транзитарный процесс заявлениями о благе населения и нарушении их права на достойное существование. Однако многочисленные социально-экономические инициативы, проводимые администрацией США, позволяют «обрамить» недемократический стиль навязывания либеральной идеологии в достаточно адекватные рамки. Подчеркнем, что США действительно ведет борьбу за выживание Африки, способствует привлечению многочисленных доноров и инвесторов к решению проблем континента. На наш взгляд, проводимый курс «гуманитарного вмешательства» является «вмешательством» в меньшей мере, чем попыткой помощи африканскому обществу. Несмотря на активный внешнеполитический стиль Штатов в данном регионе, именно они на сегодняшний день являются государством, у которого хватает сил стремиться удерживать Африку под своим контролем, применяя как военно-политические, так и социально-экономические рычаги.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Шаклеина Т.А.* Идеологическое обеспечение внешней политики администрации Буша. М., 2003. С. 203.
2. *Богатуров А.Д.* Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. С. 87.
3. *Рогов С. М.* Доктрина Буша // Свободная мысль — XXI. 2002. № 4. С. 10.
4. *Уткин А.И.* Американская стратегия для XXI века. М., 2000. С. 97.
5. Hearings on national defense authorization act for fiscal year 2002 – and oversight of previously authorized programs before the committee on armed services house of representatives one hundred seventh congress first session military readiness subcommittee hearings on title iii—operation and maintenance, march 23, 2001 // http://commdocs.house.gov/committees/security/has082030.000/has082030_of.htm
6. *Кременюк В.А.* Взгляд вперед: задачи внешней политики администрации Буша // США-Канада: экономика, политика, культура. 2001. № 12. С. 64.
7. *Громыко А. А.* Метаморфозы. М., 2002. С. 324.
8. Письмо Постоянного Представителя Южной Африки при Организации Объединенных Наций на имя председателя Генеральной Ассамблеи // www.un.org/russian//documen/declarat/new_africa.pdf; Доклад Генерального секретаря Совету Безопасности // <http://daccess-ods.un.org/TMP/6507344.24591064.html>; Côte d'Ivoire: Is War the Only Option? // http://www.crisisgroup.org/en/regions/africa/west-africa/cote-divoire/171-cote-divoire-is-war-the-only_option.aspx; Конфликты США за всю историю существования // <http://www.economics.kiev.ua/index.php?id=980&view=article>.
9. Sub-Saharan Africa Overview of U.S. Foreign Assistance to Africa // http://www.usaid.gov/locations/sub-saharan_africa/

ПОЛИТИКА «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ» НАТО НА ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ – МЕЖДУ ЖЕЛАНИЕМ И ВОЗМОЖНОСТЯМИ

*Н. Бежарова,
Военная академия «Г.С. Раковского» (г. София, Болгария)*

Стратегическая концепция Альянса, принятая в конце на 2010 г. в очередной раз подтверждает стремление НАТО к расширению. В документе категорично говорится, что «дверь к членству в НАТО остается широко открытой для всех европейских демократий, которые готовы и способны взять на себя ответственность и обязательства, проистекающие из членства, и присоединение которых внесет свой вклад в общую безопасность и стабильность» [1].

В настоящее время это очень актуальная политическая задача для стран Западных Балкан, которые по-прежнему сталкиваются с серьезными трудностями в процессе перехода к демократии и рыночной экономике. Именно эти колебания и периодические кризисы в развитии региона являются причиной появления аналитических докладов, в которых говорится, что «Балканы все еще могут быть потеряны». Основаниями для таких утверждений являются многочисленные события, которые показывают, что даже перспектива членства в НАТО пока не в состоянии предотвратить углубление разделения между этническими группами, элитами и широкой общественностью в странах Западных Балкан [2].

Как известно, стремление к членству в НАТО является одним из самых значимых национальных приоритетов и основной задачей внешней политики стран на Западных Балканах. В этом отношении, по понятным причинам, единственным исключением является Сербия. Это стремление основано на осознанном интересе в сохранении, развитии и процветании отдельных народов, который может быть реализован только в условиях гарантированной безопасности государств в частности и региона в целом. Общества в большинстве балканских стран экономически и эмоционально истощены, видна эмоциональная усталость как следствие многолетних приграничных конфликтов и тяжести перехода от одной общественной системы к другой. Все возлагают надежды на процветание и видят лучшее будущее в условиях безопасности и стабильности только в качестве полноправных членов НАТО и Европейского Союза. Их стремления - в один прекрасный день иметь такую же материальную обеспеченность и процветание, как остальные страны, члены этих организаций, стали движущей силой процесса присоединения. Вместе с тем, известно, что членство в НАТО базируется на общих для евроатлантического сообщества ценностях - права человека, свободы, демократии, добрососедства и верховенства закона, в которых нуждаются балканские народы. В этом смысле, стремление к членству в НАТО является как политическим, так и цивилизационным выбором отдельных стран.

НАТО также имеет свои собственные интересы и стратегические планы в связи с присоединением стран Западных Балкан. Именно при острых конфликтах и кризисах в регионе, сопровождавших процесс распада Югославии, Альянс получил новый импульс и смысл своего существования. В то время роспуск Организации Варшавского договора (июль 1991) и распад Советского союза (декабрь 1991) радикально изменили политический климат в Европе и на Балканах. Вместо того чтобы прекратить свое существование, НАТО смогла найти новые механизмы для активного участия в политических событиях в странах Западных Балкан и Европы в целом. Началось быстрое усовершенствование механизмов разрешения локальных конфликтов, усилилась роль НАТО и в условиях ускорения европейской оборонной интеграции, развились и сформировались идеи расширения НАТО и политического и военного партнерства во имя мира и ценностей демократии.

Постепенно формируется политика сотрудничества и партнерства со странами Центральной и Восточной Европы, что нашло отражение в новой стратегической концепции НАТО, принятой в 1991 году. Важным инструментом этой политики стал специально созданный в 1991 году *Совет североатлантического сотрудничества (ССАС)* и предпринятая в 1994 году инициатива «*Партнерство ради мира*», которые дали новый импульс устремлений стран к членству и глубоким реформам в секторе безопасности и обороны. Особое место в политике расширения занимают *Процесс планирования и анализа*, начавшийся с 1999 года, и *План действий по членству*, от выполнения которых зависит процесс расширения. Эта политика развивается в условиях постоянных изменений и расширяет свой охват, превращаясь в основу сотрудничества и диалога с Россией и Украиной, со странами СНГ, с европейскими странами, не являющимися членами НАТО, также как и со странами региона Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока. Новейшая Стратегическая концепция НАТО, принятая на саммите в Лиссабоне в 2010 году, идет еще дальше, очерчивая контуры стратегического партнерства с Южной Кореей, Японией, Австралией и Новой Зеландией [3].

Болгария и Румыния стали первыми посткоммунистическими балканскими странами, которым удалось достичь соответствия критериям членства, тем самым опередив остальных кандидатов. Традиционно обе державы идут рука об руку в усилиях продвижения к евроатлантической и европейской интеграции. В период «великого расширения» в 2004 году семь новых стран, в том числе две балканские страны, стали полноправными членами НАТО. Пять лет спустя, в 2009 году, Албания и Хорватия также присоединились к организации. В настоящее время общественная поддержка НАТО в этих странах очень высока. Так например, 64,6% хорватов заявляют, что они чувствуют себя безопаснее после вступления их страны в Альянс [4].

Из государств, которые в настоящее время ожидают членства в НАТО, *Республика Македония* имеет наибольший прогресс на пути вступления в Альянс. С осени 1995 года страна стала членом программы «*Партнерство ради мира*» и в течение многих лет осуществляет реформы и успешно выполняет стандарты членства. В 2003 году она присоединилась к «*Адриатической хартии*» для поддержки интеграции стран Юго-восточной Европы к Североатлантическому договору. В соответствии с предварительной подготовкой, в 2008 году, Македония, вместе с Хорватией и Албанией надеялась получить приглашение к вступлению в НАТО, но спор с Грецией воспрепятствовал принятию ее в Альянс.

На саммите в Бухаресте в 2008 году лидеры стран НАТО договорились, что если Афины и Скопие придут к компромиссу, то решение о вручении Македонии приглашения в НАТО может быть оформлено на уровне послов, не дожидаясь очередного саммита НАТО. На своей встрече с македонскими лидерами – с премьером Н. Груевским и с президентом Б. Црвенковским, посол США в НАТО В. Нуланд призвала разрешить спор с названием государства "в течение нескольких дней или недель, а не месяцев". Был отправлен совет, чтобы Скопие «воспользовалось моментом» и чтобы была сделана попытка найти компромисс, не привлекая внимания НАТО к проблеме. Македонский премьер-министр Н. Груевский заявил, что Македония не отступит от своей позиции касательно имени, что она пережила и времена намного тяжелее сегодняшнего и будет идти вперед и без НАТО, ожидая нового шанса получить приглашение к вступлению в НАТО.

В свою очередь, президент Греции К. Папуляс категорически заявил, что двери НАТО и ЕС будут закрыты для Республики Македония, пока македонские государственные институты не изменят своей бескомпромиссной позиции по вопросу об имени страны. Вместо того чтобы искать возможности для ускорения переговорного процесса и достижения соглашения, македонский министр иностранных дел А. Милошоски окarakterизовал эту позицию как проявление «старомодного национализма» [5].

Членство в НАТО определяется решающим фактором стабильности в Македонии. Хотя этнический конфликт 2001 года, как полагают, разрешился путем Охридского соглашения, демократизация в стране до сих пор оставляет желать лучшего, а события весны 2012 года ясно доказывают это. Институты остаются хрупкими, а неопределенность в отношении перспективы членства в НАТО не стимулирует развитие македонской экономики. К 2010 году дефицит торгового баланса страны составил 113 млн. евро в условиях растущей инфляции, а безработица достигла 35%. По данным рейтинга известного лондонского издания «Economist» Македония занимает первое место среди 92 стран по безработице и инфляции [6]. Граница между Македонией и Косово не была определена окончательно и группы, выступающие за новое сепарационное разделение страны, возлагают надежды на развитие способствующих тому событий в регионе.

По словам Э. Джоузефа, одного из самых известных специалистов по Юго-восточной Европе, если Македонии не будет принята в НАТО, то само существование страны в течение близкого десятилетия будет разколебано и поставлено под сомнение. По его словам, «македонская идентичность находится под серьезной угрозой, ввиду предполагаемой со стороны соседей «мрачной повестки дня» для Македонии» [7].

Македония активно борется за приглашение в НАТО и ее надежды были до недавнего времени связаны с новым саммитом Альянса в мае 2012 года в Чикаго. Между тем, в конце 2011 года, Международный суд в Гааге постановил, что заблокировав принятие Македонии в НАТО, Греция нарушила ст. 11 Временного соглашения между двумя странами с 1995 года [8]. Такое решение стало для Македонии моральным удовлетворением, потому что решения в НАТО все еще принимаются на основе консенсуса.

Еще до саммита НАТО в Чикаго стало известно, что Македония не будет приглашена к членству. Обсуждение вопросов расширения не было запланировано в повестке дня саммита. Одновременно с тем, опросы общественного мнения показывают широкую поддержку 82% граждан Македонии, одобряющих путь к членству в НАТО. Около 40% опрошенных заявили, что название Македонии должно быть сохранено, даже ценой членства. Политики указывают и на другие возможности для выхода из тяжелой ситуации, опираясь на стратегическое партнерство с США и на дружественные отношения с Турцией и Израилем. Неоднократно отмечалось, что если надо выбирать между НАТО и названием государства, то предпочтения отдаются в пользу ... имени [9].

Между тем, Греция заняла еще более категорическую позицию в отношении Македонии и обвинила ее, что многие памятники исторических личностей из древнегреческой истории, которые были сооружены в последние годы в столице Скопие и во многих городах страны, фактически явились опытом ограбления истории греческого народа.

Несмотря на предварительную информацию, люди в Македонии крайне разочарованы отсутствием приглашения к членству в НАТО. В настоящее время большинство македонцев настаивают на выходе из процесса переговоров об имени, которые ведутся с Грецией при посредничестве ООН. Для людей в Македонии вопрос о названии государства есть часть их национальной идентичности и они не могут отказаться от нее. Более того, эксперты по данному вопросу считают, что спор об имени - это индиректный путь для Греции выразить свою позицию относительно существования македонского народа и Македонии как государства [10].

Вопреки существующим разногласиям, государства-члены Альянса договорились на саммите в Чикаго, что «взаимоприемлемое решение спора об имени, достигнутое в рамках ООН» - это новое условие для членства Македонии [11].

Такое решение означает, что ни желание и потребности НАТО в союзниках в рамках Альянса, ни готовность государств по военным стандартам НАТО, а в некоторых случаях и соответствие критериям членства станут причиной приглашения и решение

будет преимущественно политическим. Такой подход предопределил судьбу других стран и народов и в течение долгого времени может остановить или замедлить их прогресс в качестве полноправных членов НАТО и ЕС.

С ускоренными темпами движется к НАТО и *Черногория*. Подгорица включилась в программу «Партнерство ради мира» вскоре после своего отделения от Сербии в 2006 году. Параллельно с созданием вооруженных сил страна стремится соответствовать критериям и стандартам НАТО. Через год была сформулирована коммуникационная стратегия, направленная на информирование общественности о цене и выгодах членства. В 2009 году подписан План действий по членству, что явилось дополнительным стимулом на пути к получению приглашения. По словам верховного главнокомандующего силами НАТО адмирала Д. Ставридиса 14 марта 2012, Черногория «очень скоро» сможет вступить в НАТО [12]. По мнению многих экспертов, Черногория является лидером в области евроатлантической интеграции в регионе и в будущем будет первой страной, которая вступит в Альянс, если не будет решен спор с названием Македонии. В целом, однако, мнение общественности в стране глубоко разделено. Это связано с тем, что во время воздушных ударов НАТО в 1999 г., Черногория и Сербия являлись частями одного государства, а также с тем фактом, что около 32% населения страны составляют этнические сербы. Исследования последних двух лет показали, что 32,6% процента черногорцев поддерживают членство в Альянсе, около 39,7% - против, а остальные 27,6% не могут определить свою позицию [13].

Есть несколько важных реформ, которые определяют атлантическое направление развития *Боснии и Герцеговины*. Наиболее важными являются реформы в секторе безопасности. Это является ключевым элементом любого перехода к демократии и особенно в пост-конфликтном периоде. Осенью 2005 года, законодатели в отдельных частях Боснии и Герцеговины утвердили *Соглашение*, подготовленное Комиссией по реформированию в области обороны. Оно положило конец обязательному военному призыву, было создано единое Министерство обороны на уровне государства и профессиональные вооруженные силы, отвечающие потребностям государства и требованиям интеграции Боснии и Герцеговины в евро-атлантические структуры. Сформировано единое гражданское руководство, а также структура контроля Министерства обороны, что дало гарантии осуществления демократического парламентского контроля и надзора, прозрачности планов и оборонного бюджета и единых стандартов доктрины, подготовки и оснащения сил армии. Эффективность реформ наиболее ярко иллюстрируется результатом действий вооруженных сил Боснии и Герцеговины в военных операциях на территории Ирака и Афганистана. Наряду с реформами в Министерстве обороны в 2005 году начались радикальные перемены в полицейских силах.

Благодаря успехам реформ в силовых министерствах, на саммите НАТО в Риге 29 ноября 2006 г. Босния и Герцеговина, Черногория и Сербия были приглашены присоединиться к программе «*Партнерство ради мира*», что считается первым шагом на пути к членству в Альянсе.

Встреча министров иностранных дел - членов НАТО в Таллине 22 апреля 2010 года была особенно успешна для Боснии и Герцеговины, так как там официально был подписан План действий для продвижения к членству в НАТО, благодаря которому страна стала кандидатом в члены Альянса. Опрос общественного мнения в конце февраля 2010 года от Агентства «Prime Communications» показал, что 76% жителей Федерации Босния и Герцеговина поддержали идею членства в НАТО, 8,5% были против, а остальные 12,5% затруднились ответить.

Картина в Республике Сербской – была совсем различной. Там за членство в НАТО высказались 22,9%, в то время как против - 47%, а остальные или не хотят отвечать на вопросы или чувствуют, что они могут определить свои предпочтения.

Несмотря на очевидный прогресс в процессе присоединения Боснии и Герцеговины к евроатлантическим структурам и широкую общественную поддержку членства в НАТО, реформы в стране по-прежнему все еще недостаточны. Одной из самых сложных и нерешенных проблем остается существующая вражда между этническими общинами, отсутствие доверия и согласия по ключевым вопросам государственного строительства. Все еще нет решения о том, как в условиях тихого фактического пересмотра Дейтонских соглашений договориться о новой конституции, основанной на идее централизации государственного строительства. И хотя в конце 2004 года силы НАТО были заменены силами Европейского Союза, все еще нет решения об их окончательном выводе. Это приведет к задержке процесса членства страны в Организации Североатлантического договора [14].

Принятие Боснии и Герцеговины в НАТО скорее всего будет замедлено в связи с фактом постоянной внутренней политической нестабильности в государстве. Спустя всего несколько месяцев после более чем годового отсутствия правительства на центральном государственном уровне, правительство снова находится перед кризисом распада. Причиной кризиса является несогласие представителей этой партии с принятым бюджетом на 2012 год. Подобные кризисы являются плохим знаком для членства страны в НАТО и показывают, что, несмотря на желание стран НАТО, Босния и Герцеговина будет отставать в своей евроатлантической интеграции.

Косово тоже объявило о своем желании вступить в НАТО. Как и в Боснии, проблем молодого государства все еще слишком много. Это две страны стали символом вмешательства НАТО на Балканах. В настоящее время международное присутствие в них по-прежнему является основной гарантией для эффективного функционирования государственных институтов. В отличие от Боснии, в Косово внутривнутриполитические процессы являются менее сложными, потому что албанское население и албанские политические партии сильно доминируют в политической жизни. Но существуют и другие неразрешимые проблемы, и в первую очередь самыми сложными являются вопросы признания независимости государства, роспуска параллельных сербских структур на севере Косово, уточнение границ, интеграции сербского населения и многие другие [15]. В стране продолжает находиться миссия НАТО – КЕЙФОР. Численность контингента была сокращена до 5000, но силы НАТО очень важны для мира и этнические события летом и осенью 2011 года подтвердили это.

Членство *Сербии* в НАТО не является актуальной политической задачей из-за воздушных ударов по стране в 1999 году во время Косовского кризиса, а также из-за поддержки, которую Альянс оказал Косово и его независимости. Страна была приглашена в программу «Партнерство ради мира» во время саммита в Риге в конце 2006 года, но энтузиазм к членству в НАТО отсутствует.

Один из последних опросов общественного мнения по этому вопросу, проведенный летом 2011 года показал, что около 75% опрошенных не поддерживают вступление Сербии в НАТО. Это объясняется операцией Альянса против Ливии, которая напоминает им о близком прошлом. Для почти 17,2% опрошенных членство в Атлантическом пакте означает «предательство в отношении памяти дедов, отцов и отечественной истории». Около 65% сербов считают, что страна никогда не должна признать независимость Косово [16].

Тем не менее, НАТО по-прежнему относится благосклонно к Сербии. По словам генерального секретаря НАТО Андерса фог Расмуссена, после ареста генерала Р. Младича путь к ЕС и НАТО будет гораздо проще. Во время своего визита в Болгарию в мае 2011 г. он заявил, что благодаря интервенции НАТО сегодня народы в регионе Западных Балкан могут жить в мире, безопасности и стабильности. Из Софии, генеральный секретарь НАТО направил послание сербскому народу: «Мы смогли сбросить одну авторитарную систему и способствовать развитию свободы и демократии. Теперь мы приглашаем вас попытаться достичь максимального потенциала предоставляемых вам возможностей. Вы

можете сделать это путем сближения с ЕС и НАТО». Он убежден, что для достижения лучшего будущего Белграду нужно «плодотворное и взаимовыгодное сотрудничество между Сербией с одной стороны и ЕС и НАТО, с другой стороны, которое смогло бы в конечном итоге привести к полноправному членству в обеих организациях» [17].

Можно ожидать изменения позиции Сербии. Это, вероятно, произойдет после того, как проблема Косово найдет свое решение и Белград признает независимость молодого государства. В настоящее время такое развитие событий кажется нереалистичным.

Пройденный вместе путь меняет западные и балканские державы, также как и Организацию Североатлантического договора. Политика расширения НАТО в Юго-восточной Европе показывает, что НАТО решительно изменила политическую карту региона. Совершаются глубокие преобразования как во внешней политике отдельных стран, так и в плане политики безопасности и обороны. Балканы становятся все более надежной и предсказуемой частью Европы.

В свою очередь события на Балканах стали причиной реформирования НАТО, актуализируется смысл его существования, расширяется повестка дня и деятельность организации. Именно здесь рождается новый масштаб деятельности организации и появляется идея НАТО как оборонной структуры, активно противопоставляющейся любой угрозе для населения и территорий стран-членов, из какой бы точки мира она не исходила сегодня и в будущем. События на Балканах позволяют НАТО стать реальным фактором урегулирования кризисов и силой, противодействующей конфликтам. В ходе различных операций организация приобретает новые умения и силы, чье созидание продолжается. На Балканах НАТО начала адаптироваться к взаимодействию с гуманитарными неправительственными организациями и другими международными структурами. Осознанным знанием является то, что в современной среде безопасности военная сила сама по себе не является гарантией устойчивого успеха операций. Необходимы новые методы, политические и гражданские инструменты на основе принятого в последние годы всеобъемлющего подхода, который может трансформировать НАТО из оборонного союза в альянс, поддерживающий глобальную безопасность.

Путь балканских стран к НАТО, путь трансформаций и политика «открытых дверей» НАТО дают всем государствам на Балканах отличный шанс осуществления желаний, возможностей и стремлений к утверждению Юго-восточной Европы как зоны стабильности и мира.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Active Engagement, Modern Defence Strategic. Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by Heads of State and Government in Lisbon. http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm.
2. *Jessen-Petersen S., Serwer D.* The Balkans can still be lost // The New York Times. 2010. November, 10
3. Strategic concept-NATO // <http://www.nato.int/.../strategic-concept-2010-eng>.
4. *Masthos, J.* NATO and the Western Balkans // NATO and the Western Balkans. Hellenic Center for European Studies (ЕКЕМ)
5. Кога ще бъде решен спорът между Гърция и Република Македония за името на македонската държава// <http://www.obshtestvo.net/content/view/1935/6>.
6. Македония – паметници и сиромашия// Утрински весник. 2012. June, 13.
7. Там же.
8. 1:0 за Македония срещу Гърция в Хага // <http://www.vesti.bg/index.phtml?tid=40&oid=4363331>.
9. Македония удвоява усилията да стане член на НАТО на фона на съмнения // <http://www.setimes.com/cocoon/setimes/xhtml/bg/features/setimes/features/2012/02/15/feature-04>.
10. Macedonia's 'warrior' monument infuriates Greece. <http://www.euractiv.com/enlargement/macedonias-warrior-monument-infu-news-505704>.
11. *Талески, М.* За македонците това е въпрос за идентичност // <http://www.setimes.com/cocoon/setimes/xhtml/bg/features/setimes/features/2012/05/24/feature-01>.
12. Черна гора скоро ще влезе в НАТО // <http://www.vesti.bg/index.phtml?tid=40&oid=4647151>.

13. NATO and the Western Balkans: New Strategy, Old Challenges // http://www.ekemprogram.org/awg/index.php?option=com_content&view=article&id=103:qnat-and-the-western-balkans-new-strategy-old-challengesq-&catid=1:latest-policy-reports&Itemid=71

14. Бекярова, Н. Босна и Херцеговина – евроатлантическа и европейска интеграция или контролираната евтаназия // Проблеми на сигурността. Сб. Статей. София, 2011. С. 58-71.

15. Бекярова, Н. Признаването на Косово, залог за европейското бъдеще на Р Сърбия // <http://rdsc.md.government.bg/BG/Activities/VoenenJournal/index.php>.

16. Сърбите не искат НАТО и ЕС // http://dariknews.bg/view_article.php?article_id=730690.

17. Сърбия пое по пътя за НАТО / http://frognews.bg/news_35993/Sarbiia_poe_po_patia_za_NATO.

ПРОБЛЕМЫ СУВЕРЕНИТЕТА АФРИКАНСКИХ СТРАН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*О.С. Кулькова,
Институт Африки РАН*

Проблема суверенитета для Африки была особенно актуальной в прошлом, когда африканские страны, еще будучи колониями западных государств, боролись за обретение независимости (суверенитета). Однако она продолжает оставаться важной и в современном мире.

В этой проблеме можно выделить несколько аспектов.

1. В ретроспективе, следует отметить, что на протяжении нескольких веков, начиная с 16 столетия, в международных отношениях суверенитетом обладали лишь европейские (позже – западные державы), а обществам Азии и Африки в праве на суверенитет было отказано, так как считалось, что их устройство не соответствует канонам европейской цивилизации. Все это имело тяжелые последствия, сказывающиеся вплоть до нашего времени. «... Африканские общества, которым было отказано в суверенном статусе, не могли принимать участия в формировании международного права, но, тем не менее, были связаны его положениями, так как международное право было нацелено на привнесение света разума и цивилизации в Африку. Африка стала, таким образом, объектом, а не субъектом международного права» [1]. Данное положение обусловило огромный комплекс трудностей, которые унаследовали и обретшие независимость африканские государства, а также устойчивую академическую тенденцию, отчасти сохраняющуюся до сих пор, в исследованиях также отводить Африке роль объекта, а не субъекта международного права и международных отношений.

2. Проблема суверенитета африканских государств и право внешних сил на вмешательство в их внутренние дела в ряде случаев (геноцид, неспособность защитить своих граждан, другие причины, в духе новой концепции «обязанность защищать», по-английски – “responsibility to protect”, R2P). Идея благая, но с ее воплощением возникали и возникают трудности.

Во-первых, государства-участники Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой ООН в 1948 г., обязаны оказать помощь стране, где он надвигается. Но это не всегда соблюдается. Так, в 1994 г. в Руанде произошел ужасающий по масштабам и жестокости геноцид народности тутси и сочувствующих им умеренных хуту со стороны народности хуту, и, хотя международное сообщество должно было вмешаться и эффективно остановить геноцид, оно этого по ряду причин не сделало.

Руандийская трагедия показывала, насколько велика на практике порой пропасть между гуманистической риторикой западных политических деятелей и их реальными действиями в критических ситуациях. Так, например, Великобритания, обязанная реагировать на случаи геноцида как страна, подписавшая вышеупомянутую Конвенцию 1948 г., в случае с Руандой не предприняла ничего, чтобы предотвратить или остановить массовые убийства.

При этом факты позволяют утверждать, что правительство Мейджора владело достаточной информацией о ситуации в Руанде, знало, что это именно геноцид, представляло, что даже небольшое усиление контингента ООН могло бы спасти жизни множества людей. «Это позволяет допускать мысль о том, что ещё перед геноцидом британское правительство решило, что не собирается вмешиваться в руандийские проблемы, потому что это потенциально могло создать серьёзное напряжение в отношениях с французами» [2].

Есть и другие примеры тенденции Запада закрывать глаза на ситуации в Африке, в которых реально требуется помощь.

Во-вторых, настораживает то, что именно Черный континент был избран в качестве площадки для тестирования этой возникающей нормы R2P. Три четверти кризисов, для урегулирования которых применялось данное положение или апеллировали к нему, были в Африке. Сама эта идея была вдохновлена, по словам представителя ООН, африканским опытом. Вместе с тем, легитимность данной идеи весьма сомнительна. Нет согласия о ее статусе, о том, когда и кем она должна применяться, какие действия допустимы. Первичное ее определение, данное Международной комиссией по вопросам интервенции и государственного суверенитета, гласит, что поводом для применения предлагаемой нормы может стать ситуация серьезного ущерба гражданскому населению, в результате внутреннего конфликта, мятежа, репрессий, распада государства, и когда власти данного государства не хотят или не могут прекратить нанесение подобного вреда гражданам. Но это определение, безусловно, нуждается в расшифровке и дополнениях, в установлении четких параметров, кто должен принимать решение о необходимости защищать, на каких основаниях. Пользуясь такой расплывчатостью новой идеи, западные страны время от времени агрессивно вмешиваются во внутренние дела государств, объявленных несостоятельными в плане защиты собственных граждан, а также оказывают военную поддержку третьим сторонам. В случае же, если им это им невыгодно, они просто оставляют задачу защиты на самом государстве, и в обоих случаях это происходит в отсутствие объективных стандартов и какой-либо ответственности и подотчетности [3]. Вмешательство зачастую осуществляется в те ситуации, где можно было этого не делать или, по крайней мере, делать по-другому (пример вмешательства НАТО во внутреннюю ситуацию в Ливии в 2011 г. под эгидой ООН, осуществленное со значительными нарушениями и перегибами – бомбардировки гражданской инфраструктуры, свержение и убийство М. Каддафи, содействие мятежникам в приходе к власти, вооружение гражданских лиц). Справедливости ради следует отметить, что есть случаи, когда подобное вмешательство под эгидой ООН приносит существенную пользу – например, действия британского контингента в Сьерра-Леоне в 2000 г [4].

Известный американский ученый М. Мамдани отмечал, что одним из последствий применения R2P стала институционализация разделенной международной системы, в которой легитимность и суверенитет африканских государств оцениваются «мировым сообществом», западными странами, в то время как суверенитет самих западных стран не обсуждаем, и они судят африканские государства и вмешиваются в их внутренние дела [5].

Три основных аспекта концепции обязанности защищать были предусмотрены в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года и окончательно сформулированы в докладе Генерального секретаря по реализации ответственности по защите 2009 года [6]. Таким образом, идея была одобрена членами ООН, хотя не все они понимают ее одинаково.

3. Проблема экономического (в том числе продовольственного суверенитета) стран Африки заключается в том, что многие страны Африки до сих пор не смогли стать полностью экономически независимыми от западной помощи, не достигли уровня самообеспечения своего населения продовольствием. Это связано с рядом причин, и не все из них – вина африканцев. Это и до сих пор неравноправное положение африканских

производителей в мировой торговле, и климатические изменения на континенте, и неблагоприятные для многих африканских стран последствия либеральных структурных реформ 1990-х гг., проведенных под давлением МВФ и западных стран. Вместе с тем, западные державы стремятся делать помощь обусловленной, связанной с выполнением африканскими правительствами ряда политических требований доноров (принятие новых законов, демократизация, прекращение каких-либо действий). Иначе налагаются санкции (порой многосторонние, напоминающие финансово-экономическую блокаду), помощь сокращается или урезается.

4. Изменение характера африканского суверенитета, как его видят западные исследователи: переход от «суверенитета безнаказанности» к «суверенитету подотчетности» [7]. Вопрос создания все большего числа наднациональных органов и интеграционных группировок на Африканском континенте и их влияния на суверенитет отдельных государств.

5. Проблема границ в Африке и пограничных конфликтов. Как отмечалось многими исследователями, границы африканских государств были, по сути, проложены западными державами перед их уходом с континента.

Британский эксперт Р. Дауден отмечал, что корни африканских проблем относятся к концу 19 века, когда европейские державы произвольно создали около 40 государств на карте континента, в то время как в их рамках были заключены около 10 000 обществ и политических образований. «За рядом исключений, у африканских государств нет общего понимания или опыта нации. Их флаги, национальные гимны, их идентичности были созданы чужеземцами» [8]. Так что можно отметить, что африканские страны в междоусобных конфликтах часто нарушают суверенитет своих соседей, и зачастую это носит затяжной характер (узел кризиса в районе Великих озер, например). Однако и в огонь внутриафриканских конфликтов масло зачастую подливают западные страны.

В 2009 г. вышла книга ученого П. Энгльберта по африканскому суверенитету, где он предлагает Западу перестать признавать африканские государства в существующем виде и заново переопределить все границы на континенте, создав «правильные» государства [9]. Эта идея импонирует Западу, в частности, Франции.

Итак, проблему африканского суверенитета необходимо рассматривать в комплексе, с учетом роли международной обстановки и действий внешних акторов на каждом историческом этапе, иначе невозможно оценить ее правильно.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Anghie A.* Africa, Sovereignty and International Law // <http://thinkafricapress.com/international-law-africa/sovereignty> (дата публикации - 2. 11. 2012)

2. *Melvern L., Williams P.* Britannia waived the rules: the Major government and the 1994 Rwandan genocide// *African Affairs*. 2004. Vol. 103. № 410. P.18.

3. *Branch A.* The Responsibility to Protect. What is the basis for the emerging norm of R2P? // <http://thinkafricapress.com/international-law-africa/r2p> (дата публикации - 6. 11. 2012)

4. *Dorman A.M.* Blair's successful war: British military intervention in Sierra Leone. Farnham, 2009.

5. *Mamdani M.* Saviors and Survivors: Darfur, Politics, and the War on Terror, New York, Pantheon, 2009.

6. Ответственность по защите. Материал Канцелярии Специального советника Генерального секретаря ООН по предупреждению геноцида // <http://www.un.org/ru/preventgenocide/adviser/responsibility.shtml>

7. *Geldenhuis D.* Brothers as Keepers: Africa's New Sovereignty Regime // *Strategic Review for Southern Africa*. 2006. Vol. 28. No. 1.

8. *Dowden R.* What's Right and Wrong with Africa?// *The Independent*. 2005. June, 1.

9. *Englebert P.* Africa: Unity, Sovereignty, and Sorrow. Lynne Rienner, 2009.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА ИСПАНИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ

Е.Ф. Маслова

Попытки идентификации новых моделей поведения ЕС на своей периферии привели к возникновению серии инициатив и механизмов, которые ставят своей целью стабилизацию государств, находящихся в непосредственной близости от границ ЕС. Эти основные механизмы – Барселонский процесс ЕС, а также Пакт стабильности и Процесс стабилизации и ассоциации для стран юго-восточной Европы, а так же Средиземноморский союз. Механизмы призваны содействовать борьбе с новыми вызовами безопасности, такими как внутригосударственные конфликты, нелегальная миграция, терроризм, проблемы экологии, которые носят трансрегиональный характер. Ситуация более сложна в регионе Южного Средиземноморья. Здесь страны сильнее различаются между собой, и еще более они отличаются от европейских стран. Это значительно ограничивает и возможности регионального сотрудничества, и возможности сотрудничества с ЕС.

Испания всегда уделяла первостепенное внимание средиземноморскому направлению своей внешней политики. Итогом ее больших дипломатических усилий стало проведение под ее председательством конференции ЕС-Средиземноморье в Барселоне 27-28 ноября 1995 г. Эта конференция привела к подписанию конкретных соглашений между 15 странами ЕС и 12 средиземноморскими странами, касающихся обеспечения региональной безопасности, нераспространения оружия массового поражения, регулирования легальной и борьбы с нелегальной эмиграцией, создания к 2010 г. зоны свободной торговли, постепенной отмены таможенных барьеров, борьбы с терроризмом, распространением наркотиков, защиты окружающей среды, сотрудничества в гуманитарных областях.

МИД Испании неоднократно подчеркивал необходимость усилий, направленных на укрепление безопасности в Европе с тем, чтобы Европейский континент был в состоянии выполнять стоящие перед ним серьезные задачи, а также выступать как единое целое на международной арене. Результатом этих усилий стало постепенное возникновение нового военного компонента ЕС, который в перспективе должен усилить военную роль Европы в мире. Испания поддержала этот процесс и активно участвовала в его развитии [1]. Вопрос о формировании европейской оборонной идентичности приобрел важное значение еще в середине 90-х годов. После событий в Боснии и Герцеговине, а также в Косово, когда стало очевидно, что страны ЕС не способны управлять кризисными ситуациями, Испания наряду с другими европейскими государствами начала придавать большое значение идее создания сил быстрого реагирования Союза.

Идея совместной Европейской политики безопасности и обороны документально была оформлена на Кельнском саммите в июне 1999 г., а решения о ее военной составляющей были приняты на Хельсинкском саммите в декабре 1999 г. Там Европейский совет принял основополагающую цель по развитию военных возможностей для проведения операций ЕС по управлению кризисами [2].

Испания с энтузиазмом отнеслась к созданию ЕПБО, которая призвана создать автономные европейские вооруженные формирования, способные действовать в условиях кризиса. По мнению правящих кругов, эта политика демонстрирует подлинную солидарность между странами-членами, способную дать ответ на вызовы современности. При этом, речь ни в коей мере не идет о замене НАТО, а лишь о совместимым с ним дополнении. Более того, Испания, как и большинство стран ЕС, полагает, что ЕПБО призвана укрепить трансатлантические связи, избегая какого-либо соперничества или дублирования функций. В то же время европейцы должны быть готовыми взять на себя большую ответственность за международную безопасность. Испания полностью поддерживает усилия, направленные на укрепление способности Евросоюза действовать в условиях кризиса как в сотрудничестве с НАТО, так и автономно. При этом она полагает,

что успехи ЕПБО достаточно впечатляющи как с институциональной, так и с оперативной точки зрения.

Участники Хельсинкского саммита (10-11 декабря 1999 г.) решили создать к 2003 г. Силы быстрого развертывания (СБР) численностью 50-60 тыс. чел. с необходимыми командными, штабными, разведывательными структурами, транспортными системами, авиационными и морскими элементами [3]. Испания предоставила СБР контингент численностью 6 тыс. солдат и офицеров, 40 боевых самолетов и две штаб-квартиры на Пиренейском полуострове [4].

Испания основной акцент делает на операции по поддержанию мира, санкционированные ООН. В начале 2000-х годов в операциях по поддержанию мира было задействовано 3700 испанских военнослужащих. Из них на Балканах -1900 чел., в Центральной Азии - 1800 (в том числе в Ираке – 1400, в Афганистане – 130), контингент ВМС в Индийском океане насчитывал 270 чел. Следует отметить, участие в военных операциях НАТО не пользуется поддержкой внутри Испании. Это особенно ярко проявилось во время войны в Ираке, участие в которой стало одной из основных причин поражения консервативного правительства на выборах.

Что касается событий, связанных с кризисом в Ливии в 2011 г., то испанское руководство поддержало резолюцию Совета Безопасности от 17 марта 2011 г. ООН № 1973 «О положении в Ливии».

Тот факт, что Мадрид выступил на стороне Парижа и Лондона, обозначил поворот во внешней политике премьер-министра Х.Л. Родригеса Сапатеро, которого в мировом сообществе привыкли считать миролюбивым политиком.

В своем специальном выступлении в конгрессе депутатов, посвященном вопросу участия испанских военнослужащих в международной коалиции, Сапатеро отметил гуманитарные цели начавшейся операции. По его словам, «международное сообщество не может оставаться безучастным перед лицом трагедии, когда диктаторский режим уничтожает собственный народ». При этом он сделал акцент на принципиальных различиях между операцией «Одиссея. Рассвет» и другими военными конфликтами, в урегулировании которых принимала участие Испания, прежде всего в Афганистане и Ираке. В частности, подчеркивалась международная легитимность военных действий против режима М. Каддафи, одобренных не только ООН, но и рядом арабских стран [5].

Такую особую точку зрения по ливийскому вопросу председателя правительства ИСРП Х. Л. Родригеса Сапатеро, контрастирующую со сдержанной позицией канцлера Германии А. Меркель, можно объяснить стремлением испанского руководства продемонстрировать лидерство Мадрида в международных делах и улучшить неблагоприятную внутривнутриполитическую ситуацию, связанную с антикризисными мерами правительства.

По мнению руководства Испании, серьезный договор по проблематике безопасности на Евро-Атлантическом пространстве давно назрел, так как ее архитектура является во многом продуктом прошлого. Несовершенство существующих структур безопасности четко проявилось, по мнению испанцев, в событиях вокруг Косова, Абхазии и Южной Осетии. Для успешного продвижения Договора о европейской безопасности необходимо, как считают в Мадриде, стремиться к созданию вокруг инициативы благоприятного политического климата, что предполагает, в частности, восстановление диалога во всех форматах между Россией и НАТО [6].

Крайняя заинтересованность в ЕПБО связана для Испании с ее особым вниманием к борьбе с терроризмом.

Национальная специфика Испании в контексте формирования пространства внутренней безопасности ЕС заключается в том, что страна вынуждена вести борьбу с терроризмом как бы на два фронта: с международным исламским терроризмом, который совершил на территории страны один из самых чудовищных в истории терактов, и с внутренним терроризмом-сепаратизмом, который дестабилизирует внутривнутриполитическую

обстановку на протяжении полувека. В силу географического положения и «особых» отношений со странами Латинской Америки и Северной Африки Испания оказалась очень уязвима для проникновения потоков иммигрантов, в том числе нелегальных. Для борьбы с этими угрозами стране необходима помощь Евросоюза. Сотрудничество с входящими в ЕС странами на двусторонней основе (прежде всего, с Францией) также будет постоянно расширяться и углубляться.

Сотрудничество Испании с Евросоюзом и отдельными странами ЕС в области свободы, безопасности и правосудия направлено на борьбу с терроризмом, нелегальной иммиграцией и преступностью. Это сотрудничество, основанное как на национальном, так и на наднациональном законодательстве, имеет тенденцию к всестороннему углублению, что связано с многообразием и взаимосвязанностью рисков, а также национальной спецификой Испании.

Испания все более активно подключается к работе в сфере внутренней безопасности, которую осуществляет ЕС. Понимание общих угроз подталкивает стороны к практическому сотрудничеству.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Давыдова В.М.* Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века / Под ред. В.М. Давыдова. М., 2006. С.15-19.
2. *Рахманинов Ю.* О модели общей и всеобъемлющей безопасности для Средиземноморья XXI века // Обозреватель—Observer. 1999. № 2. С.12.
3. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Международные отношения в XXI веке. International Relations in the XXI Century. М., Восток-Запад. М., 2011. С.76.
4. An historical institutionalist analysis. Baden-Baden: Nomos, 2010. С.38. http://www.cee.sciences-po.fr/erpa/docs/wp_2010_1.pdf Дата посещения 10.03.2012.
5. *Aliboni R.* Il Primo Anniversario dell' Unione per il Mediterraneo // www.medarabnews.com/2009/07/15 . Дата посещения 15.02.2012.
6. *Ковальский Н.А.* Средиземноморская политика Европейского союза: эволюция и перспективы // <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/kovalsky.html> Дата посещения 15.02.2012.

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ГРАНИЦ КАК ФАКТОР УГРОЗЫ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В.В. Бажан

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Одной из знаковых характеристик международных отношений в XX веке явились интеграционные процессы, затронувшие сферы экономики, политики, информации, образования, науки и культуры. Они предполагали объединение материальных, организационных, финансовых, трудовых и интеллектуальных ресурсов отдельных стран для совместного решения глобальных проблем.

В настоящее время продолжает формироваться новое мироустройство с движением к глобализации, которая оказывает существенное влияние на международную, региональную и национальную безопасность. Глобализация не ограничивается процессами всемирной политической и экономической взаимосвязанности стран и регионов, формированием единого финансового рынка и усилением взаимной зависимости экономик государств, массовым трансграничным передвижением людей, устранением барьеров для свободного распространения информации. В результате этого явления происходит расширение вызовов и угроз, которые приобретают трансграничный характер. Глобализация актуализирует проблему обеспечения безопасности государства в пограничном пространстве.

Граница и по сей день остается главным признаком территориального суверенитета государства, а уровень ее охраны и защищенности от всего спектра возможных и

реальных внешних и внутренних угроз является точным индикатором стабильности государства [1]. Сегодня это не просто линии, отмеченные на картах, отображающие политическое пространство государства. Они представляют собой институты, учрежденные посредством политических решений и подчиняющиеся действующему законодательству. Границы, будучи частью любого развернутого определения «суверенного» государства, играют важную роль в современных международных политических процессах. Без четкого определения границы не может строиться правовая, экономическая, социальная или политическая жизнь в стране.

Границы являются не только важнейшими элементами суверенитета национальных государств, но и одним из главных факторов формирования специфических пространственных отношений между ними.

В условиях активизации интеграционных процессов происходит определенное ограничение государственного суверенитета. Ориентация глобализации на развитие общего экономического, финансового и правового пространства, культурную, политическую и правовую универсализацию сокращают возможность государств контролировать внутривнутриполитическую ситуацию и управлять ею, снижают их функции по управлению финансами, экономикой, неподконтрольными становятся информационные потоки. Если раньше акцентировалось внимание на барьерной функции границы, то сегодня ее жесткая линейность не может рассматриваться как универсальная концепция. Границы становятся все более прозрачными, через них с разной степенью свободы перемещаются деньги, рабочая сила, информация.

Сначала, во второй половине XX века, прозрачность границ проявилась в экономической сфере. Разрушались таможенные и валютные границы, которые прежде давали возможность национальным правительствам осуществлять контроль над богатствами своих стран. Затем процесс устранения барьеров продолжился в социальной, культурной, политической и иных областях. Таким образом, глобализация к концу столетия вышла за пределы экономики, став сегодня во многом политической доминантой мирового развития. Она в разной степени затронула те или иные регионы мира, поместив одни в центре, другие вытеснив на периферию, и тем самым, дав начало новым, порой весьма жестким противоречиям. Вообще сам процесс глобализации оказался крайне неоднозначным, нелинейным, неравномерным, породил дисгармонию и новые вызовы цивилизации.

Как следствие прозрачности межгосударственных границ, нуждались в переосмыслении прежние представления о безопасности, о конфликтах и их урегулировании, о соотношении внешней и внутренней политики, о дипломатии и о других базовых проблемах политического развития стран, регионов и мира в целом.

Сегодня прозрачность границ во многом объясняет растущую взаимозависимость современного мира и эрозию традиционного понимания суверенитета, неотъемлемым компонентом которого является территориальное верховенство. Государства сохраняют суверенитет в формальном смысле этого слова, однако, если они не способны поставить под контроль проходящие через их границы потоки, то суверенитет утрачивает многое из своего реального (в отличие от символического) значения [2].

Концепция суверенитета сохраняет свою действенность в качестве основы функционирования международного сообщества государств, однако она уже не отражает реального положения вещей в области контроля над территориальным наполнением государства. Таким образом, складывается скрытая угроза государственной власти и суверенитету. Она не чревата уничтожением военной мощи государства, однако бросает вызов его прерогативам, представляющим собой неотъемлемую часть государственности.

«Открыв» межгосударственные границы, глобализация проложила путь негосударственным акторам на мировой арене – ТНК, внутригосударственным регионам, различного рода неправительственным организациям. В этих условиях неспособность правительств обеспечить контроль за перемещением через их границы большей части

людей, товаров и информации может привести к катастрофическим последствиям. Нельзя также не заметить, что «размывая» суверенитет государств и провозглашая все большую «прозрачность» границ, глобализация провоцирует проявления международной преступности.

Многочисленные преступные группировки осуществляют свою деятельность на транснациональном уровне и рассматривают государственные границы не как барьеры, а как коммерческие возможности. Довольно часто международные границы преднамеренно используются криминальными сообществами, которые планируют преступления в одном государстве, осуществляют различные преступные операции в другом и увозят доходы в третье [3].

Прозрачность границ, усилившиеся тенденции интернационализации преступности, связанные с вовлечением в противозаконную деятельность граждан различных стран, развертыванием деятельности организованных криминальных группировок, а также серьезнейшее финансовое пособничество преступным формированиям – это факторы, определяющие необходимость продуктивного и конструктивного сотрудничества в осуществлении противодействия транснациональной преступности [4].

В настоящее время все большее распространение получают совершение преступных деяний на территории двух или более государств, попытки преступников скрыться от правосудия за рубежом, сбыт похищенного или отмывание преступных доходов. Все это, безусловно, определяет заинтересованность членов мирового сообщества в совместном поиске наиболее действенных путей и средств решения глобальной проблемы.

Глобальные угрозы оказывают воздействие на пограничное пространство, нанося непоправимый ущерб национальной безопасности, подрывая авторитет государства на международной арене. Как правило, они обусловлены деятельностью трансграничных преступных сообществ в сфере незаконного перемещения через границу людей, товаров, грузов, материальных ценностей и природных ресурсов. Ввиду транспарентности многих границ на их необустроенных участках можно прогнозировать дальнейшее усиление криминогенной ситуации. Несмотря на применение новых технических средств пограничного контроля, борьба с трансграничной преступностью идет с переменным успехом. Это объясняется не только возрастающим профессионализмом нарушителей закона, но и интенсивностью проходящих через границы потоков. Чтобы не создавать длинных очередей на пропускных пунктах для проверки используется меньше времени, чем это требуется для полноценного контроля. Вероятность задержания наркотиков и других видов контрабанды на границах с интенсивным трансграничным потоком сводится к нулю [5]. Поэтому контрабандисты предпочитают ввозить нелегальные товары, особенно крупные партии, не в обход пунктов пропуска (что увеличивает время и расходы), а через них, используя изохронные средства сокрытия груза.

Возможно, в перспективе этот вопрос удастся разрешить за счет использования силами правопорядка более совершенных технических средств. С помощью нововведений и профессиональных кадров правоохранительных органов можно добиться сохранения высокой пропускной способности границы с должным уровнем задержания нарушителей.

Таким образом, на сегодняшний день обеспечение действенного пограничного контроля является одной из важнейших проблем национальной безопасности многих государств мира, испытывающих потребность в эффективном реагировании на внешние вызовы и регулировании все более увеличивающейся в условиях глобализации проявлений транснациональной организованной преступности. Используя транспарентность границ в своих целях, преступники способны поставлять в различные направления наркотики, фальшивые деньги, оружие, «живой товар», поддельные документы. Получаемые от криминальной деятельности доходы соперничают даже с ВВП некоторых стран, создавая угрозу для государственной власти, экономического развития и верховенства права [6].

В современных условиях нельзя допускать фрагментарность пограничного контроля. Не исключено, что потенциальные нарушители сумеют приспособиться к новым условиям ужесточения пограничных мер, что откроет очередной этап противостояния. Теоретически эту проблему можно решить в результате снижения экономических и социальных стимулов к нелегальному пересечению границы. Ведь любое проявление долгосрочной нестабильности в приграничном пространстве (за исключением природных, техногенных катастроф), интенсивная деятельность транснациональных преступных группировок есть следствие переплетения внутригосударственных и межгосударственных проблем. Поэтому угрозы должны предупреждаться и ликвидироваться объединенными усилиями сопредельных государств.

На пути к универсализации правового регулирования борьбы с транснациональными преступлениями основными задачами являются закрепление международных стандартов в национальных практиках уголовного процесса, совершенствование сотрудничества и оказание взаимной правовой помощи, координация работы национальных правоохранительных органов [7].

Можно сделать вывод о том, что в настоящее время границы в контексте «суверенного» государства продолжают оставаться важнейшим элементом его структуры. Базируясь на международном праве и внутреннем законодательстве, государство обязано создавать благоприятные условия для эффективной реализации двух главных функций границы: барьерной и контактной.

В этой связи в эпоху активного расширения и углубления процессов глобализации особое значение приобретает рациональное соотношение чрезмерной закрытости и открытости государственных границ. В условиях глобальной открытости имеются необходимые возможности (информационно-пропагандистские, организационные и иные) для распространения международной преступности, угрожающей суверенитету государств.

Расширение спектра угроз вследствие транспарентности границ, требует, прежде всего, соблюдения таможенных правил, совершенствования правового обеспечения пограничной безопасности, качественной переработки правовых основ, которые должны быть адекватны складывающейся ситуации в определенном регионе. Обеспечению пограничной безопасности должно уделяться особое внимание при планировании внутренней политики государств. Взаимодействие государств должно осуществляться при точном и неуклонном соблюдении международно-правовых норм.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Голунов С.* Безопасность пограничных пространств // Международные процессы. 2007. Т.5. № 2 (14). С.33.
2. *Лукашук И.И.* Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000. С. 132.
3. *Меркушин В.В.* Борьба с транснациональной организованной преступностью. Минск, 2003. С. 89.
4. *Петровский В.* Безопасность личности и трансрегиональная безопасность в Евразии // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 5. С. 52.
5. *Шишков Ю.* Наркобизнес – специфическая глобальная проблема // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 2. С.5.
6. *Федотов Ю.* ООН в борьбе с наркотиками и оргпреступностью // Международная жизнь. 2011. № 1. С. 93.
7. *Черниченко С.В.* Международное право: современные проблемы. М., 2009. С. 225.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бажан Валерия Вячеславовна – магистрант кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: valeriyabazhan05@gmail.com

Бежарова Наталия – доктор, доцент кафедры Национальной и международной безопасности Военной академии «Г.С. Раковского» (г. София, Болгария).

E-mail: nataliab@abv.bg

Берендеев Вадим Анатольевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории политики Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского.

E-mail: weiss-tiger@yandex.ru

Бессуднов Даниил Александрович – студент исторического факультета Липецкого государственного педагогического университета.

E-mail: krokobes@mail.ru

Болдырев Роман Владимирович – студент исторического факультета Липецкого государственного педагогического университета.

E-mail: skull-ucoz@yandex.ru

Волков Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории политики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: fmo-volkov@rambler.ru

Гамидова Мария Андреевна – аспирант кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: bess-new81@mail.ru

Гасымов Орхан Афган оглы – аспирант факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: orhangasymov@mail.ru

Долгих Аркадий Наумович – доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Липецкого государственного педагогического университета.

E-mail: adonli@mail.ru

Джонсон Джон М. – почетный профессор Школы права и социальных исследований Аризонского университета (США)

E-mail: jjustice@asu.edu

Жалменова Ольга Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: zhalmenova@rambler.ru

Жуков Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: inaternatum@mail.ru

Жуковская Наталия Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: zjukovskaya@yandex.ru

Зудов Николай Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: zudovne@rambler.ru

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета.

E-mail: ivonins@rambler.ru

Канищев Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: kan-vladimir-tamb@yandex.ru

Качанова Анна Андреевна – аспирант кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: a.a.kachanova@gmail.com

Кончакова Елизавета Михайловна – студентка исторического факультета Липецкого государственного педагогического университета.

E-mail: kowkaforever@yandex.ru

Котенев Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Тамбовского областного института повышения квалификации работников образования.

E-mail: vakotenev@mail.ru

Кросстон Мэтью – Ph.D., профессор кафедры международной безопасности Университета Белвью (США)

E-mail: Matt.Crosston@bellevue.edu

Кудухов Кирилл Сергеевич – аспирант кафедры всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета

E-mail: kriezzz@yandex.ru

Кузнецова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: bon-box@mail.ru

Кулькова Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН (г. Москва).

E-mail: kulkova-olga@yandex.ru

Куш Владимир Сергеевич – аспирант кафедры всеобщей истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: kusch@mail.ru

Макаренко Павел Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежской государственной лесотехнической академии

E-mail: vglta@vglta.vrn.ru

Маслова Екатерина Федоровна – магистрант кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: maslova604890@mail.ru

Мельников Андрей Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Восточноукраинского национального университета имени В. Даля (г. Луганск, Украина)

E-mail: melnikov@yandex.ua

Миронов Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент заведующий кафедрой всеобщей истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: mironov.vladimir@hotmail.com

Митревска Ягода – преподаватель Международного славянского университета «Гаврило Романович Державин» (Македония).

E-mail: jagoda_mitrevska@yahoo.com

Мктрчян Тагуи Гегамовна – аспирант кафедры всеобщей истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: m.taguhi@gmail.com

Мячикова Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Международного гуманитарно-экономического института (г. Минск, Беларусь).

E-mail: myachikova@tut.by

Назарчук Людмила Павловна – магистрант кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: ljidochka@mail.ru

Петелин Борис Валентинович – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-экономических дисциплин Череповецкого государственного университета.

E-mail: PetelinBW@vologda.ru

Печенкин Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Воронежского государственного педагогического университета.

E-mail: sepechenkin@yandex.ru

Пожилов Игорь Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: pozhilov1@yandex.ru

Пономарев Максим Николаевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

E-mail: mpon@mail.ru

Романов Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: vvromanov@mail.ru

Рутнев Микки – магистр, преподаватель Международного славянского университета «Гаврило Романович Державин» (Македония).

E-mail: prepon2002@yahoo.com

Рудницкий Артем Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Историко-документального департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации.

E-mail: idd@mid.ru

Рыбалко Ольга Константиновна – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: rybalkook@gmail.com

Рябцев Александр Львович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Реклама и связи с общественностью» Астраханского государственного университета.

E-mail: ryabtsevae@yandex.ru

Ряскова Елена Игоревна – магистрант кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: elena.ryaskova@gmail.com

Самоловов Иван Сергеевич – студент факультета Международных отношений Новосибирского государственного университета экономики и управления

E-mail: ivan.samolovov@gmail.com

Томас Людмила Яковлевна – почетный профессор истории Берлинского университета имени Гумбольдта (ФРГ).

E-mail: luthom@web.de

Трифонов Юрий Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Второго Тамбовского филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ.

E-mail: tambovpags_gmu@mail.ru

Фан Линьлинь – выпускница Хэйлунцзянского университета (КНР), магистрант кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: fanglinlin2011@163.com

Фань Сюесун – выпускник Хэйлунцзянского университета (КНР), магистрант кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: chairmanfan1988@163.com

Филов Кире – магистр, преподаватель кафедры истории Университета имени Гоце Делчева (г. Штип, Республика Македония)

E-mail: kire.filov@gmail.com

Фоменков Артём Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории политики Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

E-mail: artjom2310@inbox.ru

Фоменкова Дарья Сергеевна – магистрант кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: infiniti.d.f@mail.ru

Хомутилкин Сергей Вячеславович – кандидат исторических наук доцент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

E-mail: shomutinkin@mail.ru

Чандра Сатиш А.В. – Ph.D., профессор, руководитель Центра государственного управления и политики Института социальных наук Тата (Хайдарабад, Индия)

E-mail: avsatishchandra@gmail.com

Шенин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: shenins@yahoo.com